АРТЕМ ПОЛЯРИН

В ЗОНЕ ЛИСТОПАДА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

После информационной войны, в Городе и окрестностях разразилась психиатрическая эпидемия. Люди утратили способность контролировать себя. Неврозы, психозы, падение рождаемости, рост преступности. Надломился стержень. Международное сообщество, в лице гуманитарных организаций, спешит на помощь. Импланты позволяют регулировать уровень гормонов и нейромедиаторов. Заменяют препараты. Современные системы психосканирования производят подробную диагностику за считанные часы. Все автоматизировано, «протез» души установлен. Город, под контролем Мнемонета, превратился в огромный психдиспансер и влачит свое грустное существование. Но, не все гладко – происходят события, заставляющие усомниться в надежности и стабильности новой системы.

•

Артем Полярин
В зоне листопада
«Вспоминая собственное небытие,
я очень боюсь, что это повторится.
Хоть быть мне и не менее больно.
Но я должен!»
Лаура Исоз
Часть первая. Цепи и сети
Глава 1.

Яркие жемчужины светодиодной панели угасли, на секунды уступив место тьме. В коридоре за дверью послышалось напряженное женское скуление с нотками злости. Мужской грубоватый голос отрывисто рыкнул в ответ:

– Тише вой! И так жить тошно.

– Вы на меня не кричите! Мне же страшно!

Скуление превратилось в сердитые слова. Истинность сказанного подтвердили напряженный кошачий взвизг и протяжное шипение.

– Замолчите, или я вас сейчас передушу, – нагнетало рычание.

– Не успеете! – торжественно проскулила жертва.

– Шеи посворачивать успею.

Пробасило в ответ размеренно. В тоне уже читались мотивы примирения и возвращающегося спокойствия. Даже угадывалось сквозь дверь, как агрессор снова разваливается на стуле,

отворачивается от раздражителя. Обладательница же скулящего голоса, с одной лишь ей понятной целью, вычурно и презрительно плеснула масла в опасный огонь:

– Это тоже не успеете!! Тупой болван!

– Ах ты ж дрянь! Да, что ж за б…!?

Кот опять взвыл и зашипел. Возгласы прокатились по коридору ревущим эхом. Оборвались глухим звуком падения мешка с песком на линолеум. Несбывшаяся жертва, надрываясь и нервно посмеиваясь, провыла в тембр коту:

– Я же говорила – не успеете! Никто никогда не успевает!

На несколько мгновений за дверью повисла мертвенная тишина. Планшет, лежащий на столе перед Никоном, нарушил ее тихим, тревожным сигналом. Прервавшийся было поток света, снова вернулся в здание. Кирилл, нехотя отвлекаясь от двери, протянул:

– Истребитель. Рухнул в воду прямо на взлете с авианосца! Похоже?

– Хороший образ, – выдохнул Никон, – похоже. Может быть, у тебя есть еще ассоциации?

– Так… Не знаю, – задумался Кирилл, – какие здесь могут быть еще ассоциации? Человек хотел успокоить женщину, а его самого успокоил коин.

– Как ты думаешь, что им двигало? – решил воспользоваться ситуацией Никон.

– Наверное, желание побыть не только в темноте, но и в тишине. Это же так приятно. Голова отдыхает. Вот дома можно быть часами. В тишине и в темноте. Но редко кто так поступает. Дома постоянно что-то притягивает к себе внимание. Здесь намного проще.

– Что тебя обычно отвлекает? – шагнул на открывшуюся тропинку оператор.

– Если честно, игра одна – «Город-2». Слышали?

– Это там, где игровой мир очень похож на наш?

– Ага. Я проверял. Очень похож. Даже самые глухие места.

– Ясно. А где получается отдохнуть, не отвлекаясь?

Кирилл задумался. Почесал макушку. Улыбнулся.

– В метро получается. Если нет в вагоне никого интересного. Станции мелькают за окном между длинными темными перегонами как дни и ночи. Это успокаивает, – мотнув головой в сторону двери, выпалил: – А можно посмотреть на его показатели?

– Только никому не рассказывай.

Никон подвинул планшет. Кирилл, схватив пластину, с интересом принялся гладить ее указательным пальцем.

Ужаснулся:

– Какая рожа!

Действительно, схематическое лицо, отражающее сейчас состояние истребителя, оказалось страшным. В красных провалах глаз бегали точки зрачков. Рот разинут в кривой гримасе. Широкие черные брови нахмурены. Скулы напряжены. Карикатура на разгневанного деспота. Кирилл переключился с общего, доступного для эмоциональной оценки представления, на графики.

– Ого, вот это адреналин! У меня, наверное, никогда такого не было. А пульс и давление стремятся к норме. Так, что тут у нас? Ага, спирта почти один промилле. Мелатонин растет. Аминобутират растет. Дофамин на нуле.

Никон не слушал. Он должен бы сам глянуть показатели и при необходимости подправить. Сначала он так и делал. Относился к работе добросовестно. Внимательно вчитывался во все события. Бывало, по полчаса уделял анализу ситуации. Привлекал к этому супервайзера. Потом тот намекнул – не стоит дергать по пустякам занятого человека. Никон остыл. До такой степени, что даже теперь, когда один его подопечный валялся за дверью на линолеуме, а второй торжественно зачитывал его баланс, Никон пустым взглядом шлифовал оранжевые головы уличных фонарей.

– А можно я себе немного серотонина добавлю? Можно?! – помахал перед носом блестящей пластинкой Кирилл. – Скажите пароль. Я совсем немножко.

Никон устало протянул руку. Кирилл сунул в нее планшет.

– Нельзя. Тебе нельзя.

– Ну, немножко. Один разочек. Ну, пожалуйста. Вам что, жалко хорошего настроения?

– Будешь клянчить, я тебе мелатонин подниму, – хмыкнул Никон.

– Да поднимите хоть что-нибудь, махнул рукой Кирилл, – школу завтра просплю.

– В следующий раз не опаздывай, и я подумаю над твоей просьбой. На сегодня закончим.

Кирилл разочарованно кивнул. Выпрыгнув из кресла, поспешно влез в курточку. Выскочил за дверь. Снова послышалась возня. В кабинет, стуча каблучками, впорхнула дама. Вертя шляпкой на длинной изящной шее, размашисто плюхнулась в кресло. Покрепче, словно закрываясь от опасности, прижала к себе крупного пепельного кота, который впился в Никона ледышками глаз еще у самого входа. Восторженно пропела:

– Меня чуть не убили! Только что! Этот ужасный чурбан! Где

вы были?!

– Мы были в наушниках. Психосонар, – солгал Никон, дабы не выслушивать обвинения в бездействии.

– Что же вы врете! – досадливо возмутилась женщина, – электричество отключали!

– Система имеет автономное питание, – ровно протянул Никон, спросил: – Вы Екатерина?

– У Вас все в графике написано. Поэтому, впредь, я попрошу Вас избавить меня от глупых вопросов.

– Я Вас не узнал. Вы выглядите намного моложе, чем на фотографии в расписании.

– Действительно? – женщина поправила прическу и едко бросила: – Если не способны узнать по фотографии – сканируйте паспорт!

Никон потянул со стола планшет, погладил пальцем, выполняя требования посетительницы. Констатировал:

– Да, Вы Екатерина. Как меня зовут, надеюсь, вы уже знаете. То, что я буду заменять Мартина Смита, вы тоже знаете. Расскажите, пожалуйста, о нем.

– А что рассказывать? Мартин был специалистом с большой буквы. Я ему очень благодарна за поддержку. Он меня спасал. Даже страшно подумать, что теперь со мной будет, если у вас под дверью творится черт знает что, а Вы даже не интересуетесь.

– Я постараюсь Вам помочь.

– Да что вы говорите? Постараюсь помочь! – передразнила, – вы загоните меня в могилу!

Нервно погладила пушистого друга. Кот, по сложившейся традиции, томно прикрыл фиалковые ледышки и блаженно заурчал.

– Уж этого точно не случится. Моя работа – Вам помогать, – повторил Никон, – расскажите немного о себе.

– Да Вы уже не знаете, чем занять эти двадцать минут! Анамнез мой не читали, небось!? Сколько вы работаете? Какой у Вас опыт? Эх, Мартин, Мартин! – подперла голову ладонью, – на кого ты меня оставил.

Никон расслабился. Вообще забил на посетительницу, задумался. Если человек пытается тебя провоцировать и унижать с первых минут знакомства – разговаривать с ним не только бесполезно, но и опасно, решил он. Отсутствие желаемых реакций – вот самое сильное средство, которое можно применить в такой ситуации. Уставился в планшет, чтобы не смотреть на очередного озлобленного абонента. Провел по экрану пальцем.

– Вы что это делаете!? – взвизгнула дамочка (так про себя почему-то окрестил ее Никон), – Если вы полезете в мой баланс, я

буду жаловаться вашему супервайзеру!

Никон отреагировал на ее реплику, размашистым жестом по глянцу экрана.

– Я все чувствую! Что вы там меняете?! Адреналин? Глутамин? Учтите – это вам даром не пройдет. Вы нарушаете мои права! Я вас по судам затаскаю!

Не дождавшись ответа, дамочка подскочила и, протянув длинную руку в розовой перчатке, выхватила пластину. Уставилась в экран. Порывистым, раздраженным жестом пролистала свой анамнез.

– Действительно, как-то не очень молодо я тут выгляжу. Вы можете поменять фотографию!?

– Пожалуйста, – пожал плечами Никон.

– Возьмите из сети. Там у меня есть хорошенькая.

– Ок.

– Ладно. Вы меня утомили. Если так будет продолжаться, через пару сессий я буду требовать другого специалиста.

– Ваше право.

– И вас даже не беспокоит, как это скажется на вашем индексе?

– Беспокоит.

– Так почему же вы не пытаетесь исправить положение?

– Как?

– Да хотя бы ведите себя пристойно. Беспокойтесь о ваших абонентах.

– Хорошо, я постараюсь.

– Постарайтесь, – бросила дамочка, – И…, – сделала многозначительную паузу, – Мартин прописал в моем суточном сценарии цикл уровня дофамина и анандамида. Не вздумайте туда лезть. Такого вмешательства в личную жизнь я точно не потерплю.

– Договорились, – покорно кивнул Никон.

– До свидания!

Хлопнула дверью. В проем робко заглянул истребитель, пытавшийся давече уничтожить обладательницу ажурной шеи и ее теплого пушистого друга.

– Никон, я себя что-то не очень хорошо чувствую. Поставьте мне визит и отпустите домой. Хорошо?

– Хорошо, идите Виктор Сергеевич. Только выполните до следующей встречи одно задание. Опишите на бумаге то, что произошло сегодня в коридоре. Как? Почему? Что Вы чувствовали? Хорошо?

– Хорошо.

Дверь захлопнулась. Никон тяжело выдохнул, рухнул на стол.

Вечер пятницы, когда кратковременная память забита событиями и диалогами целого дня, а происходившее на неделе, еще не успело разложиться по полочкам долговременной, всегда тяжел. Но эта пятница оказалась одной из самых тяжелых за последнее время.

Не отрывая голову от стола, набрал Паулу и тихо попросил откорректировать его баланс для отдыха после тяжелой недели. Та поначалу сопротивлялась, рассуждала об осторожности и здоровье. Никон умолял, и начальница, сдавшись, оборвала связь. Через минуту теплая волна прошла по телу от затылка к копчику. Глаза увлажнились. Дыхание стало глубже и легче.

Никон полежал еще некоторое время на занемевших уже руках. Потом нехотя поднялся, стал собираться домой. Перед тем, как покинуть кабинет, на секунду задумался. Зашел в анамнез Кирилла. Ввел пароль коррекции. Нашел в схеме серотонин и немного приподнял его уровень на пару часов. Осень – время плодов и депрессий. Первому надо радоваться, а со вторым бороться.

Глава 2.

Привычка в пятницу, после тяжелой трудовой недели, растворять напряжение в горьковатой, пузырящейся янтарной жидкости, сегодня приносила горькие же плоды. Сергею Петровичу не только работать – бодрствовать не хотелось. Жить еще хотелось, выпить холодного и кислого хотелось, а вот ходить, смотреть, слушать и говорить – невмоготу совсем. Многие из сидящих в конференц-зале это заметили. Большинство из заметивших поняли и посочувствовали. Некоторые пребывали в похожем состоянии.

Сергей помахал над головой ручкой, словно маленьким флажком на митинге. Переливчатый шум, обычно сопровождающий обмен информацией в толпе, постепенно стих. Выдал банальную фразу:

– Попрошу несколько минут внимания!

– Ради нескольких минут внимания утром в субботу мы тащились через весь город!? – возмутилась дама, прической и одеждами занимавшая не только свой стул, но и частично соседние. – Вы что, звезда эстрады?! Или депутат!?

– Эвелина Никитична, если вам нравится, можете остаться здесь и подольше, – бросил кто-то. – Автограф возьмете.

По залу прокатился смешок. Сергей Петрович, дождавшись тишины, продолжил:

– Мы собрали вас здесь, чтобы поговорить о трагедии, произошедшей с Мартином Смитом.

Тишина в зале углубилась и напряглась. Так, наверное,

замирают джунгли от звука близкого выстрела. Даже недовольная ранним визитом дама, стала осторожнее ерзать на своих трех стульях.

– Как вам уже известно, он был убит, – перешел прямо к делу следователь. – Всех вас объединяет то, что к вам перевелись его абоненты.

– И вы хотите узнать, кто из нас будет убит следующим!? – не сдержалась обширная дама.

– Если вы будете помогать следствию, этого не случится, – поспешил парировать Сергей.

– Мы должны их теперь допрашивать? – все более распалялась дама.

Сергей, будучи бесконечно благодарным неугомонной искательнице истины за помощь, спокойно пояснил:

– То, что убийца Мартина Смита числится в списке абонентов Мартина Смита, имеет некоторую вероятность. Это одна из версий. Но бояться не стоит. Я хочу попросить вас быть к ним внимательнее. Наблюдать, фиксировать подробности, делать выводы.

– Мы тоже хотим знать подробности, – уцепилась за фразу массивная дама.

– Вам с фотографиями и отчетами судмедэксперта?

– Да просто расскажите своими словами, – поддержали требование с переднего ряда.

– Это похоже на ограбление, – сдался Сергей. – Вечером в четверг по дороге с работы домой пропал. Найден за городом в лесопарке. Личных вещей нет. Корректор индивидуальный, он же коин, изъят.

– Ужас-то какой! – выдохнула женщина в сиреневом свитере. – Хоть бери да увольняйся.

– Вырезали его что ли? – не поверил статный мужчина с бородкой.

– Да. Именно так. Прибор удален.

– А энграммы пробовали восстанавливать?

– Энграммы частично восстановлены, – согласился Сергей. – В памяти потерпевшего полезная для следствия информация пока не обнаружена.

Никон брел домой медленно и нехотя. Суббота выдалась не дождливая. Сквозь клочковатые, перфорированные края облаков иногда даже пробивалось солнышко. Уже не такое горячее и бодрое как совсем недавно, но еще и не такое анемичное как зимой. Хотя, зима уже близко. Город, как и пешеход, вопреки традиции, установившейся за предыдущие сотни лет, солнцу не радовался. Возможно, словно пожилая, но в душе оставшаяся

молодой, красавица и модница он чувствовал, как свет обличает все подробности неумолимого старения. Фасады домов от резких, жестоких перепадов влажности и температуры заметно потрескались и осыпались. Разросшиеся хаотично кусты, казалось, словно вуаль, могли бы спасти модницу от прямого взгляда, прикрыть следы разрушений. Но вуаль эта, и сама выглядевшая странно и неряшливо, быстро таяла в преддверии надвигающихся холодов. Асфальт дорог, много уж лет не видавший косметики, был рассекаем глубокими морщинами и неровностями. Шевелился, словно от старческого кашля, под ногами, мешая идти. Заборчики и оградки, прежде радовавшие глаз цветными завитками, теперь бурели вдоль дороги рельефной ржавчиной. Редкие троллейбусы и автобусы, словно эритроциты крови, застывающей в жилах дряхлой красавицы, двигались по широкому проспекту, осторожно объезжая большие и мелкие лужи неизвестной глубины. Жалкие остатки былого величия.

Город не радовался солнцу потому, что жители его разучились это делать. Брели по улице с серыми безучастными лицами, не обращая особого внимания ни на солнце, ни на былую красоту, в его лучах оживающую. Не обращая никакого внимания друг на друга, словно совсем чужие. Как почувствовалось в сотый раз Никону: словно человек человеку уже почти и не человек. Словно связи, которые собирают людей в нечто большее чем толпа, полопались от чрезмерного напряжения. Остались лишь тонкие, упругие и, от того, живучие, но совершенно никудышние, резинки базовых потребностей. Осталось некое подобие социального организма, утратившее разум.

Глава 3.

Ртутная капля взгляда прокатилась по бежевой стене. Запуталась ненадолго в густой шевелюре комнатного плюща. Потом высвободилась, резко метнулась в пышную прическу мамы и скатилась по ее лицу и шее в зону декольте. Она не заметила. Сама запуталась взглядом в кучерях сына. Не могла освободиться. Что-то удерживало ее внимание на светлой большой головке с высоким лбом. На миловидном личике, совершенно невыразительном, как пластиковая маска. Так зависают над страницей исписанной непонятными символами, над загадками. Мышление, не в силах понять перешло в холостой режим, но внимание и восприятие еще тщатся.

Для приличия Никон на некоторое время заглянул в планшет. Потом непроизвольно опять заскользил по выразительной фигуре, достойной внимания скульпторов и художников. В очередной раз прочитал напряжение и отчаяние. Уловил тоску и надежду.

Егор, оживленно тарабанивший миниатюрными потными

пальчиками по большому квадрату сенсорного экрана и изредка вздрагивавший в конвульсиях, тяжело выдохнул и обмяк на стуле. Вероника подалась к нему, освободила от наушников, прикоснулась прохладной ладонью к разгоряченному лбу, обняла и поцеловала. Егор никак, видимо, не отреагировал. Не ответил на нежность матери. Закрыл глаза, моргнул, снова потянулся к экрану. Глянец не ответил на прикосновение, остался черным. Маленький человек принялся водить по нему указательным пальцем, рисуя замысловатые фигуры.

Оставив далекого сына колдовать над черным квадратом женщина, словно впитав его холод, обратилась к Никону:

– Что скажете?

Вопрос, заданный таким тоном, поставил в тупик. Что сказать? Сказать: негативное подкрепление в виде коротких ощутимых, но безопасных разрядов в ногу дало свои жестокие и ненужные результаты? Сказать: полчаса били током маленького ребенка для того, чтобы подтвердить и так уже известное? Сказать: теперь он показал еще более заоблачный результаты для невербального интеллекта, при этом опять провалив тесты на социальный? Сказать: из мира колючих математических абстракций его нельзя выбить не менее колючими электрическими разрядами? Что сказать этой замерзающей от ледяной безнадежности женщине?

– Очень высокие результаты, – пожал плечами Никон, силясь сделать свое лицо таким же пластиковым, как у Егора. – У вас растет гений…гений в определенной области.

– У меня растет компьютер, – дрогнувшим голосом процедила Вероника.

Почувствовав, как глаза покрываются тяжелой, влажной и от того постыдной пленкой, она отвернулась к окну. Завозилась. На ощупь достала из сумочки вышитый остролистыми цветами платок, прикрыла им изящную переносицу.

Про себя Никон вздохнул с облегчением. Сейчас ему проще помочь плачущей матери, чем кандидату химических наук, сын которого сбежал в мир объектов и совершенно не желает взаимодействовать с субъектами.

Сделав пару глубоких вдохов, Вероника справилась с собой. Так, что у Никона чаще забилось сердце, провела расслабленной рукой по утомленным глазам. Продолжила:

– В спецшколе требуют обновлений анамнеза. Мартин не давал обновления, пока не завершится цикл исследований с применением негативного подкрепления. Что мне им передать?

– Я открою доступ ко всем обновлениям после того, как закончу анализ, – ответил Никон. – Передайте, что я хотел бы

поговорить с их специалистом. Есть некоторые предположения, которые я хотел бы с ним обсудить.

– Вы только и можете, что обсуждать? – с отчаянием махнула Вероника. – Мартин тоже все обсуждал, обсуждал и ничего не менялось.

– Расскажите, пожалуйста, о Мартине, – стараясь дать своим оживлением импульс, попросил Никон.

– Что рассказать?

– Насколько он был внимателен к вашей проблеме?

– Сначала был внимателен. Даже что-то обсуждал, – язвительно заметила Вероника. – Потом все вошло в какой-то замкнутый цикл, и он пустил проблему на самотек. Плановая диагностика, сухие отчеты, дежурные слова поддержки.

– У всех ресурсы ограничены, – задумчиво заметил Никон.

– Не надо оправдываться. Я не сужу. Я ему благодарна. Он очень внимательно корректировал мой баланс. Я забыла, что такое приступы острой депрессии. Он делал, что мог. У нас у всех ресурсы ограничены.

Женщина взглянула на сына. Быстро вздохнула, стараясь сдержать слезы. Опять промокнула ресницы цветастым платочком.

– Я тоже постараюсь быть внимательным к вашему балансу, – стараясь загладить собственное бессилие, пообещал Никон.

– Буду Вам очень признательна, – ответила Вероника, поднимаясь с кресла.

Подошла к сыну, все чертившему на черном глянце образы из своего далекого мира. Погладила по головке. Потянула за локоть со стула. Начала одевать. Егор, подчиняясь движениям, бездумно смотрел перед собой. Он пребывал не здесь. Он сюда даже не приходил. Никону показалось – заговорив на языке, понятном сыну, Вероника тоже выпала из нашей действительности. Вынужденно на время утратила связь с ней, для того чтобы передать сыну простые просьбы.

Когда все вещи натянулись, Егор вдруг подошел к столу, схватил фиолетовый масляный карандаш из дежурной пачки. Как раз для таких, как он. На ближайшей светлой поверхности – стене принялся рисовать. Вероника, отвлекшаяся на свой плащ и шарф, хотела было остановить сына. Никон запретил. Руками подал знаки молчать и замереть. На стене появились небольшого размера кружки, квадраты, треугольники и звезды. Когда Егор соединил их линиями, фигуры стали узлами большого созвездия. Чем-то оно походило на старого доброго Чебурашку или, возможно, Микимауса. В центре пятиугольная мордочка на тонкой шейке. Из нее торчат вверх большие шестиугольные уши,

одно из которых с сережкой. Завершив работу, мальчик выронил карандаш, побрел к маме.

– Господи! Что это? – удивилась Вероника.

– Возможно, реакция на невербальный тест. Вам это созвездие ничего не напоминает?

Женщина задумчиво провела пальцами по фигурам и линиям. Почти не касаясь, словно поглаживая воздух над ними. Такими же движениями она только что ласкала сына. Медленно очертила фрагмент созвездия, похожий на знак бесконечности или положенную на бок восьмерку. Соединенные вместе шестигранник и пятигранник. Обвела третье кольцо. Стекленея взглядом на рисунке, медленно выдавила:

– Если представить, что треугольник – это атом азота, квадратики – атомы углерода, а кружочки – водород… То, вот эта часть – похожа на молекулу индола. И еще одно колечко.

Аккуратно погладила следы карандаша вокруг восьмерки с лишним кольцом. По кругу, последовательно щупая весь периметр.

– А эти атомы делают из циклической структуры какое-то органическое соединение. Я не помню. Надо поискать в справочнике.

Вероника зациклилась, словно тройной знак бесконечности поглотил ее разум. Никон почувствовал, как ее субъективное время увязло в круговороте Чебурашкиных контуров. Попытался вывести из звездного плена, разрядить обстановку:

– Вот видите, весь в маму. Уже и молекулы рисует.

Глаза Вероники увлажнились. Мама встала на колени рядом с сыном, крепко прижалась. Зарыдала, повторяя одну и ту же фразу:

– Молекула ты моя! Индольчик ты мой!

Выплакавшись, ушла. Не попрощалась, словно и она сегодня сюда не приходила.

Никон засмотрелся на разветвленный граф молекулы. Подмигнув, улыбнулся Чебурашке. Сделал несколько глубоких вдохов, размышляя над загадкой. Вдохи показались очень долгими. Вдруг почувствовал, как и его вязко и цепко затягивает в абстрактную бездну тройной бесконечности. Ощутил, как уставший мозг, не в силах бороться, подчиняется жадной форме из фигурок и линий. Испугался, перевел дыхание, очнулся.

Схватил планшет, сохранил графики матери и сына за последние пять минут отдельным пунктом анамнеза. Туда же добавил и фотографию фиолетовой настенной живописи. Думать будет завтра. Утром. На свежую голову, а не после визита женщины, которой до страшных истерик кажется, что соседка по

подъезду пытается соблазнить и увести ее сына. Не после попыток объяснить, внушить, вдолбить простую мысль о том, что не стоит искать врагов среди сотрудников, одному мужчине. Утром. Когда каша, из различных субъективных интерпретаций одной и той же глобальной проблемы, переварится и усвоится. Уже без всяких наваждений.

Глава 4.

Каким вырастет ребенок, если его родители будут постоянно менять свое представление о жизни? Если сегодня хорошо одно и ребенка учат стремиться к этому, а завтра смысл жизни разворачивается на сто восемьдесят градусов, ребенок видит другие цели и должен вырабатывать другое представление о мире? Что будет, если родители будут безрезультатно метаться от одной крайности к другой? Будут иррационально перебирать ценности, ставя на место важного и значимого второстепенное или даже вредное? Будут внушать ребенку ложные цели? Что, если с детства вместо стабильности и целесообразности ребенок будет видеть череду ошибок?

Каким вырастет ребенок в семье, где неудачи, вызванные бессмысленными ошибками, будут возбуждать у всех закономерные раздражение и озлобленность? Каким будет ребенок, воспитанный безумными родителями? Ответ напрашивается сам собой – ребенок, с большой долей вероятности, вырастет похожим на родителей.

Далеко ходить не надо. Достаточно изучить статистику.

Да, во многих случаях дети родителей с расстройствами психики вырабатывают компенсаторные механизмы, можно сказать – иммунитет и стремятся к норме. Затрачивая огромные усилия, чтобы из предложенных им моделей поведения, взаимодействия с миром, исключить «неправильные» и пагубные, они «очищают» свое сознание от «ядов», которые поневоле употребляли.

Но ведь не все имеют такой ресурс. Механизмы, сформированные в раннем детстве откорректировать очень сложно. Они находятся в фундаменте личности, включены во многие процессы. Попытка изменить их может привести к разрушению всего здания. Инстинкт самосохранения запрещает это и очень ограничивает такие изменения. Какой бы ни была личность, каким бы ни было представление о самом себе и мире, это представление стремится к целостности и завершенности. Непротиворечивости. Осознавать несовершенство своего ума, своего Я – вероятно, самое большое страдание. Менять свой ум усилием своего же ума намного сложнее, чем сделать себе операцию. Да и как можно при помощи поломанных

инструментов исправить поломанные инструменты? Это замкнутый круг.

В державе и в Городе такое «воспитание» продолжалось десятилетиями. Бушевала жесточайшая информационная война. В умы, опутанные коммуникационными сетями, в различных обертках пропихивались совершенно антагонистичные идеи. Лозунги коммунизма, национализма и либерализма, закодированные в тысячи ярких разноцветных образов, лились через медиапространство в бессознательное граждан мутной бурлящей рекой. Хаотичный и паранойяльный поиск внешних врагов, виноватых в бедствиях и страданиях, натягивал истонченные нервы до предела. Ложные, недостижимые миражи, красочно расписанные корыстными хитрецами и заманчиво блистающие за пропастью разрухи, влекли к опасному краю.

Правительства сменяли друг друга с поразительной частотой. Пару лет у руля государства кардинально снижали рейтинг любой из политических сил. Национальные герои, словно по мановению волшебной палочки, становились предателями и изгоями. Преступники и подонки, так же стремительно, взлетали на самый верх. Через непродолжительный испытательный период их ждала участь поверженных героев.

Поведение вечно дробящегося и расщепляющегося на противоборствующие фракции парламента, более походило на бред и метания шизофреника. В тщетных попытках увеличить предел терпимости к государству-безумцу, в войне за умы избирателей, применялись самые современные и, поэтому, самые изощренные и страшные методы. Великая цель всегда оправдывала любые средства. На службе у политических сил состояли талантливые рекламщики, психологи, социологи. И о том, какое психотронное оружие применялось, какие вирусы создавались злыми гениями, никто из них не расскажет.

В конце концов, это принесло свои страшные плоды. Народ, который доверился лжецам и проходимцам, просто обязан, согласно извечному сюжету, лишиться самого ценного – будущего. В театре информационных военных действий росло поколение, в памяти которого не сохранилась эпоха стабильных целей и ценностей. Поколение, напичканное совершенно противоречивыми медиавирусами и внушениями. Поколение, которое вначале года уверяли, что нечто – черное зло, а в конце года, что это – белое добро. Выросло поколение, неосознанно ненавидящее свое прошлое и свою культуру, а значит, и самое себя. Поколение, которое, привыкнув к изменчивому, амбивалентному внушению извне, растерялось, заблудилось, утратило способность к саморегуляции.

Все проявилось быстро и неожиданно. Словно обломилась ветка, на которой сидели «хитрые» дураки с пилой. Словно чья-то рука щелкнула тумблером с надписью «порядок-хаос» или «норма-патология». Население державы и Города заболело тем, чего боятся больше рака и спида. Разразилась психиатрическая эпидемия. Количество убийств и самоубийств за год выросло в несколько раз и продолжало стремительно взлетать. Успеваемость в школе сползла. Рождаемость рухнула в яму. Социальные институты и службы легли под напором бурной лавины. Мобилизованные государством, психиатры и психологи, не справляясь с волной проблем, сами начали сходить с ума. На карте Европы появилась еще одна опасная зона, которую тут же поспешили огородить непроницаемым кордоном.

Тема локального психиатрического кризиса будоражила самые светлые умы запада и востока. В державу ринулись тысячи ученых, охотников за открытиями и диссертациями. Философы, получив в свое распоряжение свежий объект для размышлений, устраивали целые баталии. Тендеры на мега-поставки новых нейролептиков, транквилизаторов и антидепрессантов опустошили государственный бюджет.

Как обычно водится, система после кризиса стабилизировалась. Пришла в состояние хоть и нежелательное, но устойчивое. При помощи международного сообщества и множества гуманитарных организаций началось создание аппарата, который мог бы с наименьшими затратами остановить развитие невиданной пандемии.

Современные технологии пришлись как раз кстати. Созданный к случаю международный институт психодиагностики явил миру программно-аппаратный комплекс, позволявший за несколько часов построить многомерную модель психики и выдать экспертное заключение о рисках. Уже набиравшая к тому времени обороты корпорация NeuroTec заявила о создании прибора для анализа и регуляции уровня нейромедиаторов и гормонов в реальном времени. Небольшое колечко – фабрика из молекулярных машин, нанороботов одетая на крупный сосуд и подключенная к общей сети, позволяла надежно, в автоматическом режиме, купировать большинство психологических и психиатрических проблем.

Детали сложились в общую конструкцию. После молниеносного падения в долговую кредитную пропасть, держава обзавелась единственной в мире уникальнейшей системой, к которой сходу подключили целую четверть населения. Каждый абонент обзавелся маленькой индивидуальной фабрикой по производству любых веществ и медпрепаратов прямо в организме.

Встав на страже здоровья нации, Мнемонет начал крепнуть и развиваться.

Глава 5.

Мадам нисколько не изменилась. Та же милая заигрывающая улыбка. Та же прическа в греческом стиле, подчеркивающая нервный изгиб бровей над гордым прямым носом. Тот же внимательный вязкий взгляд снизу, с высоты небольшого роста. На отвороте строгого серого пиджака красуется большой значок с логотипом Мнемонета – призван четко определить, кто есть кто.

То ли мир так тесен, то ли петля профессиональных кругов крепче затянулась на шее. Все сложилось именно так. Никон опять стоит и внимает английской речи с французским прононсом. Стоит и страдает от того, что очень простые мысли эта женщина способна многократно повторять разными словами и предложениями. Не жалеет времени на труд тщательно разжевать своей немного отвисшей челюстью банальную, по сути, идею и выплюнуть в эфир.

Никон уже знает, почему она говорит именно так. Раскусил это еще тогда, в прошлой жизни. Раскусил, но не сразу.

Сначала внимательно вслушивался в длинные монологи и пытался извлечь новое, еще не понятое. Потом, не обнаружив ничего достойного для размышлений, больше от скуки, чем из интереса, вчитывался в содержание ее личности. Потом, когда причины такого общения объяснил для себя ее характером, педантичным и вязким, старался сдерживать раздражение, порождаемое чувством бессилия что-либо изменить. Изыскивал способы не пришибить гроссбухом эту мадам Мурашкину.

Никон ошибся. Почему-то, привык начинать с поиска причин. Постепенное накопление фактов всегда вынуждало мыслить индуктивно – от частного к общему. Приветливая улыбка девочки-пенсионерки ввела в заблуждение.

Все встало на свои места, когда задумался о ее цели. Уже знал – длительное время она работала клиническим психологом. Уговаривала больных раком на химеотерапию. Способности развиваются из задатков. Как педантичная, чрезмерно аккуратная, уравновешенная женщина с каллиграфическим почерком может внушить человеку рискнуть немногими оставшимися месяцами жизни? Вот, именно так: бесконечно повторяя одни и те же мысли разными словами. Создавая иллюзию беседы и миллиметр за миллиметром размывая инстинкты и подтачивая волю.

Тогда слишком поздно осознал, что раздражение – защитная реакция. Вооруженный логикой и знаниями, еще не остывший после общения с преподавателями, по привычке пытался завязать

профессиональный спор. В хлам. Логика и факты бессильны против монотонно повторяемых мантр. Бессмысленно спорить с телевизором.

Значок на груди поблескивает золотом в едком свете диодов. Гипнотизирует своей парадоксальностью. Трехмерный кроссворд из шести букв на фоне бесформенного, заштрихованного паутинкой облака. К слову «NET» над буквой «N» приписана укрупненная перевернутая омега, долженствующая символизировать букву «M». Ножки ее внизу немного согнуты, как суставчатые коленца. От «E» спускается вниз и вдаль слог «mo». В нем буква «m» вписана в букву «o» так, что слог кажется торчащим внутрь. В итоге, слово «MNEmo» имеет со словом «NET» общий слог «NE» и читается по зигзагу сверху вниз. «M(NET)mo». Заглавная «N» с удлиненной вниз и загнутой вправо аж до самой «o» ножкой, очень похожа на кривую молнию или даже серп. «T» чем-то отдаленно напоминает лабрис или молот. Что должна символизировать перевернутая двояковыпуклая омега, для Никона до сих пор загадка. То ли полушария головного мозга, то ли другие, более важные части человеческого тела. Все зависит от того, с какой стороны смотреть. Кому как больше нравится.

– Вы слушаете меня!?

Русская речь с французским прононсом вырывет из липкого тумана воспоминаний и размышлений. Да, она еще и на русском что-то говорит, но понимает не всегда.

– Yes, – кивает Никон, стараясь скрыть раздражение.

– Ok. Я пытаюсь объяснить, почему Вас перевели именно под мое руководство, – заводит нудную песнь сначала. – Я была супервайзером Мартина. Поскольку я знакома с его работой – это может помочь следствию. Всех специалистов, к которым перевели абонентов Мартина, перевели под мое руководство. Вы понимаете?

Никон снова кивает молча, внутренне усмехаясь мысли, что мадам повторяет это больше для себя, чем для собеседника. Дабы лучше понять и уразуметь происходящее.

– Это конечно неожиданное стечение обстоятельств. Я даже и представить себе не могла, что когда-нибудь опять буду вашим супервайзером. Надеюсь, за эти годы Вы изменились в лучшую сторону и не будете спорить по пустякам. Вы уже не тот мечтательный выпускник. Уже понимаете – в любой работе надо придерживаться правил. Я смотрела ваш профиль. Вы закончили курсы повышения квалификации с высшими баллами. Вы молодец. Я верю – у вас все хорошо получается. Я буду наблюдать за вашей работой. Это моя обязанность. Я тоже отчитываюсь перед региональным координатором. Необходимо будет собрать

информацию об абонентах, которые перешли к Вам от Мартина. Вы должны быть к ним очень внимательны. Каждая мелочь может быть важна. Вы меня слушаете?

Погружение в память опять прерывается. Подробности, начавшие было проявляться из аморфной пучины образов, снова тонут в ней. На берег сознания удается вытащить лишь протухшую рыбину воспоминания о том, что в и былые времена мадам обвиняла в негибкости, сама при этом, будучи инертной и ригидной до невозможности. Анализируя ситуацию тогда, понял – это, говоря языком психоанализа – защитный механизм перенос. Существоет такой, очень неприятный для окружающих, способ бороться с дефектами собственного характера. Наделяешь своими неприятными чертами доступного человека, а потом доблестно с оными в нем борешься. Бывает, даже, помогает. В случае Мадам, не смотря на все жертвы, прогресс нулевой. Черта-то какая – инертность, ригидность, неспособность к изменениям. У нее-то иммунитет, с ней бороться – все равно, что макушку сквозь стальную каску чесать.

– Вы опять где-то витаете, Никон? Я чувствую, что Вы где-то не здесь. В этом Вы нисколько не изменились. Тогда я много думала о причинах. Пришла к выводу – это свойство вашей личности. Вы склонны к абстрактному мышлению. Я снова хочу, чтобы Вы поняли: главное в нашей работе – следовать конкретным правилам и предписаниям. Здесь мало места для творчества. Нам нельзя допускать ошибки. Надо собраться и работать. Ваш народ гибнет. Статистика усугубляется с каждым годом. И именно вы несете на себе долю ответственности.

Наигранно приветливый, участливый тон сквозь натянутую улыбку напрягает. Может, от подобных противоречий все и посходили с ума? Никон тяжело вздыхает. Борется с желанием молча развернуться и уйти. Ну, вот как так-то? Почему начальником опять стала женщина, умеющая лишь ограничивать себя и других согласно предписаниям? Женщина, которая не утруждая себя подвигом заглянуть поглубже, судит по каким-то примитивным, поверхностным критериям. И, ведь правила она усугубляет. Сама ищет возможности затянуть гайки посильнее без объективных причин. Никон опять, от наблюдательной скуки и немого протеста, начинает погружаться в анализ. Размышляет о детстве, родителях, воспитании своей новой начальницы. О причинах неудач в личной жизни и отсутствия детей. Неосознанно пытается оправдать. Строгое религиозное воспитание. Фанатичные родители, заставляющие по расписанию молиться и читать библию. А может быть учителя в школе, возведшие скрупулезность и педантичность девочки зубрилы и

отличницы в ранг высшей добродетели. Что-то же сформировало такой характер из унаследованных задатков? Где-то же он такой полезен в нашем разнообразном мире! Да, конечно, очень даже, полезен на множестве должностей. Даже на этой! Только не надо все доводить до крайности!

Никон не успевает ответить вовремя. Между собеседниками виснет тонкая тюль тишины, которую так не хочется рвать словами. Мадам, наклонив прическу в греческом стиле вниз и вправо, выжидающе смотрит из-под наигранно удивленно поднятых бровей. По привычке пытается улыбнуться, но напряжение деформирует улыбку в гримасу отвращения. Никон выдавливает из себя полагающиеся в такой ситуации стандартные фразы с ключевыми словами:

– Я Вас понял, мадам. К абонентам Мартина буду внимателен. Постараюсь следовать инструкциям и собрать конкретные факты. Отчеты буду писать вовремя. Разрешите идти?

Мадам качает головой. Никон кивает в ответ. Разворачивается и, ловя момент, пробирается к выходу.

– Да, еще хотела сказать, – подрезает в полуметре от двери, – что обнаружила небольшие злоупотребления вашего прежнего супервайзера. Она корректировала Ваш баланс вопреки анамнезу и рекомендациям экспертной системы. Я, конечно, так поступать не буду.

Никон держится за дверь, как за спасательный круг. Кивает еще раз в пол оборота. Дослушивает приговор до конца. Падает в спасительное пространство коридора. Мир снова обретает красочность и объем. Живет.

Как же давно это было!

Внедорожник с белым флагом стоит в очереди на первом блокпосту. Всего на пути их будет четыре. Едкий моросящий дождик впивается в раскрасневшиеся лица солдат, в их замызганные перчатки, бушлаты и штаны. Стекает по потертым берцам в грязные глинистые лужи. Все вокруг глинисто-серо: железобетонные блоки, уложенные поперек дороги так, чтобы создать лабиринт, сама дорога, неуклюжие норы-землянки, вырытые на обочине, обвисшие палатки, из которых валит дым, поле. Лишь полосы национального флага немного разгоняют серость. Но блеклые, покрытые все той же серой пылью цвета, не радуют. За время, пока машина стоит в очереди, бессмысленная суровая атмосфера блокпоста проникает в комфортный салон.

Паспорта приготовлены заранее. Пассажиры ждут своей очереди. Смотрят в окна. Водитель Саша не отрывает стекленеющих глаз от солдата, неспешно слоняющегося за знаком

«STOP». Ловит приглашающий жест, трогается. По пути опускает стекло. Заискивающе здоровается. Хмурый солдат кивает, задает уже привычный вопрос:

– Куда едете?

– В Ротамарк.

– Цель поездки?

Водитель отчеканивает стандартную фразу:

– Международная благотворительная организация. Едем оказывать переселенцам из зоны боевых действий медицинскую и психологическую помощь.

Солдат вяло кивает и бросает:

– Паспорта.

Саша протягивает стопку. Мокрая, засаленная вязаная перчатка хватает ее, открывает верхнюю книжицу. Листает. Всматривается то в фотографию, то в лицо владельца. Владелец, в свою очередь, наблюдает, как мелкие капли орошают желтые, затасканные страницы. Открывает второй. Третий. Четвертый.

– Бельгийка? – спрашивает, тыча в Катрин.

– Ага.

– Понятно, проезжайте.

– Oh, look! What is this!? – кричит, вдруг Катрин.

– Самолет? – делает предположение Настя.

– О, это, мадам, ракеты полетели, – авторитетно комментирует Андрей. – Две штуки. Одна, видите, уже отработала и пошла по баллистической траектории. А вторая взлетает.

Зрелище страшное и захватывающее одновременно. Сама ракета видна плохо, хоть и погода ясная. Огненный столб на фоне голубого неба восходит стремительно. Оставляет жирный белый след. Создается впечатление – рука невидимого художника малюет на стеклянном холсте небесной лазури огненной кисточкой.

– Откуда это они летят? Из Ценода?

– Это ваши из Ротамарка стреляют по мирным жителям, – назидательно замечает Андрей. – По деткам и их мамам. А мы потом ездим их лечить.

– Почему это «наши»?! – оскорбляется Настя. – Вы тоже гражданин!

– Это, наверное, «Точка», – замечает Никон. – Такая может и за Ценод улететь.

– Потому, что я не поддерживаю людей, которые запускает тактические ракеты по мирным городам, – выразительно, в пол оборота цедит Андрей.

– По схизматам! – настаивает Настя. – На дорогу смотри, политик недоделанный!

– Ну да, а гибнут почему-то бабушки и мамы с детьми. Сейчас послушаем!

Андрей заводится или пытается завести, вернее, довести. Настраивает приемник на волну «Казачьего радио». Вслушивается в новости о наступлении на Лабед. Сухая статистика потерь боевой техники и личного состава.

– Пропаганда. Выключите этот зомбоящик! – переживает Настя.

– А давай послушаем, куда ракеты твои полетели.

– Да почему мои-то?

– На буйной площади была? За резидента голосовала?

– Я за свободу голосовала!

– Вот теперь смотри, что из этого вышло.

– Срочные новости. С аэродрома города Ротамарк десять минут назад был осуществлен запуск двух тактических ракет «Точка». Ожидаем информацию о месте попадания.

Страшные новости сменяются музыкой. Из динамиков мощной волной накатывают напряженные слова:

«…дальше действовать будем мы!»

– Да выключите вы эту херню! – возмущается Настя.

Андрей не реагирует. Настя достает айфон, надевает наушники. Никон, сидящий совсем рядом, разбирает слова песни: «…воины света, воины добра…».

Долгожданная заправка показывается из-за поворота. Она привлекательна для пассажиров не столько возможностью заправить автомобиль или заправиться самим, сколько наличием обычно небольшого, обособленного строения с одной, а если и повезет – с двумя дверями. Первым к желанному укрытию спешит прыткий водитель. Вслед за ним бредут женщины. Когда подтягивается Никон, неподалеку от однодверной будки уже собирается небольшая компания. Вдруг, только что зашедшая мадам, выскакивает из-за двери с одновременно удивленными и восторженными воплями:

– Le trou est la! Le trou est la!

Язык Сартра и Лакана, естественно, никто не понимает. Андрей моментально реагирует пошлой шуткой, рассчитанной на русскоязычную аудиторию:

– Что, радость моя, паучок за жопку ухватил?

Все по привычке смеются. Озадаченная переводчица просит говорить на английском. Все так же удивленно, Катрин восклицает:

– There is hole there!

– Там дырка, – следует равнодушный перевод.

Андрей заглядывает за дверь, вероятно, ожидая увидеть дырку в стене. Пытается успокоить.

– Нет там в стенах никаких дырок. Никто не подглядывает. Мадам, ваша честь в безопасности! Хотите я посторожу?

Выслушав перевод, Катрин мотает головой, тычет пальцем в пол и удивленно восклицает все то же:

– There is hole there! The toilet is broken! It is dangerous!!

Тут уж даже те, кто сдерживался ради приличия, начинают нервно хохотать.

Глава 6.

День не заладился с самого утра. После разговора с Катрин, все дни стали тяжелее, но этот выдался особенно неблагоприятным. Сначала, женщина с диагнозом шизофрения, час рассказывала о том, как через коин с ней общаются пришельцы. Якобы, смещают баланс в ответ на ее действия. Сообщают, важную для всего человечества информацию. Пытаются подчинить ее жизнь своим целям. Требовала анализа записей в журнале коррекций баланса и, вообще, особого внимания к ее персоне. Чуть ли не освящения в прессе. Грозила, в случае неучастия, походом к начальству. Никон, конечно же, охотно направил ее к Мадам. Пусть развлекаются. Потом, один гражданин с вьетнамским или афганским синдромом, вязко и нудно упрашивал пойти с ним в полицию и объяснить там, почему он избил жену и тещу. И зачем выбросил телевизор в окно. Потом был школьник, страстно желающий изменить пол. Вымогал с истерикой и слезами гормональной коррекции. Угрожал суицидом. Потом… Все перемешалось как кисель с майонезом и текло сквозь кабинет мутным тошнотворным ручьем. И не было ему ни конца ни краю.

Пожилой мужчина, напоминающий профессора, пришел на прием к Никону впервые. Наследство, доставшееся от Мартина. Седая бородка, очки в роговой оправе, серая шляпа, пальто, саквояж. Все это говорило о его принадлежности к далекому прошлому веку.

– Здравствуйте, молодой человек. Имею честь представиться – Берестов Дмитрий Валентинович.

Гость поздоровался размеренно, но в то же время энергично. Разоблачился. Повесил артефакты былой эпохи на вешалку. Сел в кресло. Уставился на Никона внимательным цепким взглядом.

Никон не успел прочитать анамнез и подготовиться к визиту. Теперь делать это было неудобно. Начал с дежурной фразы:

– Как ваше самочувствие?

– Как обычно, – улыбнулся Дмитрий Валентинович, – как раз такое, как Вы можете прочитать в анамнезе.

– Я еще не успел посмотреть анамнез, – признался Никон. – Вы могли бы сами немного рассказать о Вашей проблеме?

– Молодой человек, у меня нет проблем, достойных Вашего внимания.

– Вероятно, была причина, по которой Вас подключили к Мнемонету.

– Вашей психодиагностической системе виднее, – пожал плечами Берестов. – Я был вынужден пройти процедуру, как преподаватель. Результаты показали сильный конфликт мотивов. Должен был согласиться на подключение ради работы.

– Делали анализ с Мартином Смитом? Получили представление, в чем заключается конфликт?

– Чтобы понять причину не достаточно быть аналитиком.

– Кем же надо быть?

– Человеком.

– Все мы люди.

– Спорный вопрос.

– Почему?

– Потому, что для ответа на этот вопрос надо сначала ответить на вопрос, что есть человек? Или кто? Вот Вы как думаете?

Вопрос может скатиться к политическому или религиозному, промелькнула мысль в сознании Никона. Согласно инструкции, разговоров на такие темы следовало избегать. Нейтралитет, непредвзятость, либерализм и плюрализм. Вот главные императивы. В то же время на поставленный вопрос надо дать четкий ответ. Иначе, контакт будет утерян. Работать станет тяжелее. Это может отразиться на индексе.

– На этот вопрос много ответов, – все же попытался съехать Никон.

– Мне интересен именно Ваш ответ на этот вопрос.

– И мне Ваш интересен.

– Я первый задал вопрос, – усмехнулся Берестов. – Вы же не думаете, я задал его, чтобы самому же и ответить?

– Не думаю.

– Вот и потрудитесь сформулировать.

– Чувствуется профессорская хватка, – постарался расшутить обстановку Никон. – Я думаю, что все мы рождаемся Homo sapiens, а людьми становимся, усваивая культуру, которая позволяет нам преобразовывать себя и мир. Преобразовывать саму культуру. Если вы хотите критериев для измерения человечности, то степень продуктивности преобразования себя и

мира к лучшему можно считать таковыми.

– Абстрактно весьма, – ухмыльнулся Берестов.

– В общем.

– Тогда открывается еще один вопрос, сформулированный не одним классиком. Вот, Маяковским, к примеру. Что такое хорошо и что такое плохо?

– Насколько я помню, под этой формулировкой Маяковский дает подробное объяснение, – опять съехал к шутке Никон. – Солнце, смелость, порядочность, любовь к труду и науке – это хорошо. Град, трусость, неряшливость, леность и тупость – это плохо.

– Теперь Вы съехали к конкретным частностям. Это же начальный уровень. Для детей. Вы перечислили качества, которые формируются в ребенке, успешно усваивающем культуру. Качества, необходимые для преобразований.

– На основании этих частностей дети потом формируют общее представление. На основании этого общего представления, они могут трактовать любую частность. У них развивается способность к дифференциации.

Берестов затих, задумался провалившись взглядом за оконное стекло мимо каких то древних пятен. Медленно покачал головой. Не возвращаясь из-за стекла, с паузами произнес:

– У меня есть внучка. Дочь моего сына, которого я в свое время различать хорошее и плохое научил. Как надо воспитывать детей сына я тоже научил. Внучку воспитывал он. Я помогал. Любовь к науке и порядочность мы взращивали в ней с детства. Была почти отличницей. Училась в музыкальной школе. Мать у нее бойкая, даже немного истеричная, но тоже человек образованный, культурный. Внучка выросла. Поступила в хороший институт. Отучилась два курса, – голос Берестова дрогнул. – Вопрос: почему, будучи наученной различать хорошее и плохое в частностях, она употребляет наркотики и ведет совершенно беспорядочную жизнь?

– Плохая среда? – предположил Никон первое, оставшееся в результате исключения наследственности и воспитания.

– Как же. В группе дети интеллигентные. Она выпала из этой среды. Ушла из института.

– Нашла такую среду в другом месте.

– Да, Вы правы. А почему она, будучи наученной хорошему, искала плохое?

– Вероятно, что-то ее влекло.

– Но ведь, у нее развилось, как Вы говорите, общее представление. Я с ней много беседовал. Все с ней говорили. И знаете, экзамен по различению хорошего и плохого она сдает на

отлично. Все понимает и осознанно стремится к плохому. Почему так? В чем причина?

– Что вам сказал об этом Мартин? Вы же задавали ему такой вопрос?

Берестов рассмеялся. Опять немного повитал за стеклом.

– Мартин – психоаналитик старой закалки. Он подробно изучил вопрос. Подробно разбирал результаты вашего чудесного психосканирования. Провел с ней долгие месяцы психоанализа. Все без толку. Вразумительного ответа не дал. И поведение ее никак не изменилось

– Возможно, все еще впереди? – попытался уйти Никон от ответа.

– А вот Вы. Вы же, наверное, тоже сформировали способность различать! – оживился Берестов, с облегчением уйдя от наболевшего вопроса. – Поделитесь, как вы различаете хорошее и плохое? По каким критериям?

– Думаю, в этом вопросе Маяковского поддержал бы Спиноза. Он писал, что многие люди в различении хорошего и плохого пользуются эмоциональным критерием: нравится – не нравится, приятно – неприятно. Это критерий детский. Часто приводит к ошибкам. Надо не печалиться или радоваться – но понимать. И эмоциональное отношение, и понимание дают возможность различать, что полезно, а что нет. Польза – вот оптимальный критерий. Полезное – хорошо, вредное – плохо.

– Теперь опять в общем и абстрактно, – констатировал Берестов. – Хорошо, задам конкретный вопрос. Мнемонет полезен? Это хорошо?

Никон, прищурившись, вгляделся в лицо деда-искусителя. Спокойное лицо. Азарта игрока или охотника, загоняющего добычу, не читается. Какую же цель он преследует? А ведь такой не будет болтать без цели. Что хочет показать? Как повлиять? От абстрактной философии потихоньку съезжает к политике. Остается только отшучиваться.

– То, что мы можем вот так беседовать о важном – это полезно и хорошо. То, что Мнемонет решает проблему пандемии неврозов – это тоже хорошо и полезно.

– Внучке моей не помог, – скривился Берестов.

Никон замолчал. Он хотел еще продолжить хвалебный ряд, но заявление заставило его замолчать. Дыхание сбилось. В груди заныло. Стало не по себе. Он постарался никак не показать своего замешательства гостю. Ведь тот, наверное, этого и добивался. Секунды тишины разлились в минуты. Дед-искуситель, иногда поглядывая на Никона, тоже о чем-то размышлял. Наконец осмелился порвать зыбкое полотно. Даже не порвать, а аккуратно

проколоть. Наклонившись вперед, и поймав зрачки Никона, он тихо процедил:

– А что в Мнемонете плохо и вредно?

Ответить Никон не успел. Берестов встал, быстро оделся, попрощался, слегка поклонившись, и удалился. Оставил хозяина кабинета в тягостном, подвешенном, незавершенном состоянии. Бесформенный дискомфорт, побуждающий к поиску способов его устранения, влился в форму вопроса еще звучавшего в пространстве между бежевыми стенами, увитыми плющем. Что плохо и вредно в Мнемонете? Агломерат из переживаний и логики за минуты разросся до пределов поля внимания. Заполонил Никона и окружающий его мир. Что плохого в Мнемонете? Вопрос пошатнул, подтолкнул в сторону из наезженной колеи. Никон не столько усилием воли, сколько благодаря якорю привычки устоял. Удержался в русле. Постарался изгнать вопрос за пределы поля внимания. Лишить его энергии своих переживаний. Получилось. Спустя некоторое время стало легче. Привычные краски и ритмы вернулись. Произошедшее накануне, затянуло туманом.

Глава 7.

Собираясь к следователю, Никон чувствовал себя ленивым безответственным студентом перед зачетом. Не со всеми пришедшими от Мартина достаточно пообщался. А у тех, кому уделил много времени, достойных внимания материалов собрал мало. Считай – вообще ничего не собрал. Да и не хотел. Противилась душа его такой задаче. Даже сухой анамнез с цифрами и графиками считал он информацией личной и конфиденциальной. Рискнул поспорить об этом с Катрин, зная – придется выдержать трехчасовое внушение и еще сильнее подпортить отношения. Мадам мысль о том, что выявление преступника может не стоить нарушения прав множества абонентов, отвергла. Это женщина, положившая свою жизнь на алтарь правил и инструкций? За то, чтобы перекопать жизни тысячи человек вопреки уставу Мнемонета? Двойные стандарты! Ничего, выдержал. Ушел с чистой совестью и горькими мыслями о двуличных педантах.

Переживания оказались напрасными. Следователь в деле поиска подозреваемых продвинулся не дальше Никона. Он еще не сталкивался с такой постановкой задачи. Не знал, по каким критериям отбирать кандидатов. Увяз и запутался в предположениях, подключенных к следствию аналитиков. Сомневался, что убийца вообще может оказаться среди абонентов. Первое, чем он поинтересовался у Никона, было скорее вопросом общим научно-техническим, чем частным. Он спросил, знаком ли

оператор с содержанием скрипта психозондирования?

Никон еще больше почувствовал себя студентом, но уже твердо владеющим материалом. Вопрос этот ему был нужен. Размышления о том, можно ли раскрывать сырые данные психозондирования входил в цикл общих размышлений о конфиденциальности и морально-этических нормах.

Вообще вся диагностика в Мнемонете по сути представляла из себя психозондирование. Метод древний. Около ста лет назад разработанный советским ученым. Заключается в регистрации и последующем анализе реакций на набор стимулов. Если стимул значим для респондента, последний реагирует на него отлично от реакций на другие, нейтральные стимулы. Так когда-то работал полиграф.

Специально созданные нейронные сети позволили делать подробные снимки когнитивной схемы испытуемого в нужных областях. Технология регистрации возбуждений нейронов с большим разрешением, в сумме с анализом других физиологических реакций, превратили древний полиграф в инструмент для чтения мыслей.

Вот к такому-то чтению мыслей Никон и относился очень настороженно. Одно дело – результаты обычных опросников или проективных методик. Они хоть и содержат секреты, но в таком виде, как их раскрыл испытуемый. Другое дело – чрезмерно подробная модель, которая содержит в себе тайны из самых глубоких уровней бессознательного. Рентген души.

Конечно, сотрудники Мнемонета не имели доступа ко всем этим подробностям. Данные в зашифрованном виде надежно хранились на сервере. Диагнозы ставила экспертная система, за считанные секунды делавшая многоуровневый анализ модели психики и выносившая вердикт. Сотрудники работали с общими результатами. Но ведь, кроме рядовых специалистов полевого уровня, были еще администраторы серверов, программисты, менеджеры. Все интересующиеся. Кто знает, сколько исследований провели на собранной за несколько лет величайшей в мире базе психологических данных?

По сути, применение психозондирования в следственных мероприятиях – тоже исследование, с полагающимся в таких случаях статистическим анализом и подбором критериев оценки. С содержанием скрипта Никон знаком. Скрипт ему не понравился – перевод англоязычной версии, изредка применяемой на западе в подобных случаях. Адаптацией никто не заморачивался. Спешили. То, что каждый из испытуемых потратит полчаса времени на неоптимальный скрипт, никого, похоже, не волновало. Результат получился соответствующим. Согласно

выведенным критериям, в список потенциальных похитителей и убийц попали в основном женщины и подростки. Все это уже целую неделю и расстраивало следователя.

– Составители скрипта промазали, – заявил следователю Никон. – Топорная работа. Не учли местные особенности. Не учли возможные отношения убийцы с Мартином. Не учли особенности личности Мартина, в конце концов.

– Так что, думаете, нет смысла использовать эти результаты в работе?

– Такие результаты лучше, чем ничего, – практично заметил Никон. – При необходимости Вы можете с их помощью если не искать, то хотя бы проверять или подтверждать.

– Да, действительно. Вот об этом я и хотел вас попросить. Вы могли бы откорректировать систему критериев для уже имеющихся данных?

– Почему Вы решили, что я могу это сделать? – насторожился Никон.

– Ваш эээ… супервайзер, рекомендовал вас как человека, разбирающегося в психодиагностике, статистическом анализе и математическом моделировании.

«Ну, спасибо за дополнительный головняк», – подумал про себя Никон, проклиная лукавую женщину.

Вслух, на всякий случай, задачу усложнил:

– Вы понимаете, что из таких данных сложно вытащить полезную Вам информацию?

– Вот, Вы мне объясните! – воскликнул следователь. – За что наши налогоплательщики отдают проценты со своих нищенских зарплат? Почему как и раньше происходят убийства? Да еще и в вашей конторе? А вы мне говорите, что не в состоянии использовать даже те средства, которые имеете.

– Да откуда я знаю!? – воскликнул Никон в сердцах. – Вы с этими вопросами обратитесь к руководству.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Сергей Петрович. – Вы, молодой человек, подталкиваете меня на опасный шаг.

– А вы задаете опасные вопросы.

– Ладно, – смягчился следователь. – Буду благодарен Вам за любой результат.

Вручив ключи доступа к необходимым базам данных, отпустил размышлять о загадочном многоличии людей, которое делает их совершенно непредсказуемыми и оттого опасными.

Глава 8.

Никон посчитал опасным и унизительным просить Катрин корректировать его баланс для отдыха. Вообще не хотел ее ни о чем просить. Для человека, который правила возносит выше

человечности, такая просьба прозвучит как оскорбление. Устав категорически запрещает положительную обратную связь. Абонент не может просить своего аналитика корректировать свой или чужой баланс. Также и полевой специалист не имеет право просить об этом супервайзера.

Обратная отрицательная связь – пожалуйста. Если ты в здравом уме и доброй памяти, можешь ограничить степень коррекции. Снизить допустимый предел изменения параметров до минимальных двух процентов. Имеешь право. Это право может быть оспорено в некоторых случаях. Необходимо постановление местного суда. Но таких случаев бывает мало.

Запреты введены для того, чтобы блокировать незаконное вмешательство в баланс и взяточничество. Очень соблазнительно заплатить за постоянно хорошее настроение, свое или сварливой жены. Или можно попросить сделать девушку в нужное время более доверчивой, податливой или даже озабоченной. Или мужчину. Или сделать так, что кто-то будет не в силах бороться со сном в полдень. Или не будет спать трое суток. Или простит даже самые страшные грехт. Возможностей для того, чтобы получить деньги за незаконную коррекцию сотни.

Контроль действий операторов является одной из функций супервайзеров. Все ручные коррекции заносятся в отдельный журнал. Сортируются по степени влияния. Сначала анализ делает экспертная система Мнемонета. Наиболее интересные или необычные, непонятные машине случаи, просматривает супервайзер.

Инструкции и контроль существуют для того, чтобы начальство не ведало о действиях подчиненных. Если у тебя хватает ума, чтобы обосновать свои решения, ты можешь смело брать деньги за коррекцию баланса. Главное, чтобы заказчик не подвел. Не настучал. Не подсунул меченые деньги, полученные у супервайзера. Бывало и такое.

Катрин вызвала Никона как раз для того, чтобы он обосновал некоторые коррекции. Первые слова подтвердили его опасения. Она так и сказала, вместо приветствия, мило улыбаясь:

– В журнале ваших действий я обнаружила сомнительные пункты. Отправляю вам список. Объясните их, пожалуйста!

Завозилась с планшетом. У Никона в сумке пиликнуло о новом письме. Сделав внимательный серьезный вид начал читать. Список оказался внушительным. Мадам постаралась.

– Здесь большой список ординарных операций. Что именно Вас интересует?

– Вот, хотя бы кратковременное смещение уровня серотонина школьнику из восьмого класса. Для терапевтического воздействия

мало. Что это было, Никон?

Никон мысленно дал Кириллу легкую оплеуху. Именно так он поступил бы, будь виновник в пределах досягаемости. Даже, если потом пришлось бы объяснять Катрин, зачем он это сделал. Ну да, негативное подкрепление. Вслух произнес:

– Серотонин на два часа был позитивным подкреплением.

– Что вы имеете в виду?

Мадам, которая умеет хорошо улыбаться и часами внушать простые мысли, не обязана хорошо разбираться в теории. Даже в той, методами которой она обычно пользуется. В этом-то и заключалась одна из самых больших проблем.

– Бихевиоризм. Со слов Кирилла, я понял, что ему не интересно в школе, не интересно ходить на консультации. Я использовал положительное подкрепление, чтобы сформировать интерес к нашим занятиям.

– Каким занятиям?

– К консультациям, – поправился Никон.

– Вы хотите сказать, что этот ребенок не хочет ходить к вам?

– Я хочу сказать, что ему сейчас вообще не интересно учиться. Он прогуливает школу. Если бы не контроль, он прогуливал бы и меня.

– Может быть дело в Вас?

Вот он ключевой вопрос. Так, на пустом месте, как и тогда на войне, обвинила в некомпетентности. Никону захотелось съязвить. Спросить, к примеру – что такое оперантное научение? Или, какова ведущая деятельность восьмиклассника. Выяснить – кто здесь шарит. Не поймет. Тон поймет, а смысл – нет. Интерпретирует как агрессию. Как посягательство на свой статус. И так уже начала копать, капуста брюссельская. Никон подумал о неизбежности. Откуда берутся такие ограниченные мелочные люди? Почему мешают работать тем, кто может это делать? Ненависть к лжеметодистам, подменяющим здравый смысл непонятыми инструкциями, начинала кипятить кровь. Если человек методист на работе, то он и в жизни методист. Все знает и ничего не умеет. Сапожник без сапожной иглы. Никон сделал вдох, чтобы сдержаться. Выдохнул. Еще вдох. Сердце колотится.

Взгляд случайно упал на глянец планшета на столе. Красный график пополз вверх. Адреналин? Чей? Неужели? Если да, то он был завышен еще полчаса назад. А повода тогда не еще не возникло. Никон отложил вопрос о коррекции и ее смысле. Не время. Мысленно, усилием воли заставил график поползти вниз. Если это его кривая, должно сработать.

– Почему вы молчите? Вам есть что сказать?

Никон старался не пялиться на планшет. Смотрел то на

карие, скрывающие усталость глаза пожилой девочки, то на прохожих за окном. Пожал плечами. Слова сейчас не только бесполезны, но могут быть и вредны.

– Тогда я скажу, – не дождавшись ответа, выдохнула мадам. – Вы не можете объяснить некоторые свои действия. Вы допускаете ошибки. Вы недостаточно точно придерживаетесь инструкций. Я, как супервайзер, должна помочь вам исправиться. Я должна понять причины. Либо это эмоциональное выгорание, либо у Вас есть какие-то личностные проблемы. Вы должны понять, что Мнемонет – это не место для научных экспериментов. Мы помогаем людям справиться с проблемами и жить полноценной жизнью. Мы не имеем права предпринимать шаги, выходящие за рамки дозволенного.

Никон сосредоточился на графике. Вербальное давление могло поломать с таким трудом налаженную положительную обратную связь. Кривая медленно, по пикселям, поползла вниз. Это, всетаки, был его график и он научился им управлять. Думать и дышать стало легче. Катрин в своем рассуждении, как это ни удивительно, сменив тон на более ласковый, перешла от частностей к общему:

– Не переживайте Никон, Вы не один такой. Я очень уважительно отношусь к вашему народу. Вы очень хорошие люди. Добрые. Щедрые. Веселые. Теперь конечно у вас большие проблемы. Статистика неумолимо ползет в пропасть. Но я помню, как было раньше. Я заметила, – вы эээ… не умеете следовать инструкциям. Вас сложно приучить к порядку. Вы не цените его. Вы все время его нарушаете, ищете чего-то нового, необычного. Всегда идете на поводу у странных, иррациональных идей. Возможно, эта глупость и привела к трагедии, с которой мы с вами боремся сейчас.

Проследив непроизвольно жадный взгляд порицаемого школьника, Мадам, не прерывая декламации, машинально схватила планшет, покрутила в руках и отложила в дальний угол. Зыбкая, с огромным трудом налаженная связь поломалась. Когда рассуждения о глупости горемычного народа, к которому строптивый Никон имел несчастье принадлежать, иссякли, сдержанно ответил:

– Я Вас понял. Постараюсь согласовывать свои действия с инструкциями. Мне уже пора идти. До свидания!

– Паула отзывалась о вас как о талантливом, компетентном специалисте, – кинула Катрин вслед. – Я верю, что у вас все получится!

Выходя на улицу, Никон выдохнул. После мрачного логова обжитого Мадам, обшарпанная неубранная улица орошаемая

мелкими колючими каплями казалась особенно светлой и праздничной. Нахлынули приятная усталость и легкая эйфория. Чувство забавное, плавное и красочное. Цветочное. Мысль о том, что Катрин имеет возможность и власть влезть в баланс и менять его на свое усмотрение, быстро перекрасила настроение в блеклые нуарные тона. Конечно! Такой безумный неуравновешенный народ и такой его безответственный представитель, просто нуждаются в постороннем жестчайшем управлении.

Глава 9.

Наследие Мартина преследовало изо дня в день. Неумолимо догоняло и впивалось в уши и нервы клыками и когтями своих новых, странных и зачастую, неожиданных проблем и несчастий.

Сначала была девушка, которая, не осознавая того, бродит по квартире ночью и делает близким всякие пакости. В очередной раз, в подробностях рассказала, как черная тень крупного мужчины явилась к ней, парализовала волю и насиловала на протяжении нескольких часов. И коин, разумеется, тут никак не помог. Отношение к происходящему так и осталось не ясным. С одной стороны она испытывала страдания, но, с другой стороны, как бы, и переживания противоположные.

Догсан, так представился этот посетитель, был вежлив и сдержан. Даже немного хмур. Высокий и худощавый, с лысым загорелым черепом, он распространял вокруг себя атмосферу стабильного сосредоточения. За внешним миром внимательно наблюдал глубоко спрятанными под высоким лбом глазами, но обстановкой, похоже, сильно не интересовался. Личностью нового оператора тоже.

Никон опять не удосужился ознакомиться с анамнезом. Как начинать разговор с таким специфическим субъектом – сомневался. Тот тоже не давал никаких подсказок. К беседе не расположен. Усевшись в кресле поудобнее, уставился куда-то мимо и замер. Установилось напряженное молчание, которое нарушать Никону не хотелось, но, согласно правилам, пришлось. Его работа заключается в том, чтобы пополнять анамнез новыми данными, которые автоматизированная диагностическая система собрать не способна. После пятиминутной паузы он тихо спросил:

– Что у Вас нового?

Догсан ничего не ответил. Никону показалось – сейчас он не здесь. Погрузился глубоко в ледяные пучины одному ему доступных измерений и не может вынырнуть. Прошла минута. Из глубин донесся ответ:

– Недавно я понял одну вещь.

Дабы не нарушать растянутый ритм, Никон спросил, выждав

полминуты:

– Интересно, какую?

Догсан вынырнул. Глаза его хоть и остались малоподвижными, но немного оживились. Зрачки сфокусировались на Никоне.

– Сложно объяснить словами. Это надо пережить в результате длительных медитаций.

– Пытаясь что-то объяснить другому человеку в словах, мы обычно дополняем и свое понимание.

– Как объяснить слепому от рождения, что такое желтый цвет? Это невозможно.

– Ну, почему же? Ведь есть обостренное осязание. Человек знаком со свойствами поверхностей различных предметов. Есть поверхности с разной шероховатостью, теплые и холодные. Можно объяснить, что зрение позволяет получать информацию о поверхности, не ощупывая ее. У каждого цвета есть температура…

Догсан, перебив Никона на полу-фразе, продекламировал пословицу:

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

– Согласен. Но если увидеть нельзя, но очень хочется, то можно и сто раз послушать.

Догсан оживился. Беседа коснулась интересной для него темы. Подобравшись, он выдал:

– Образ, который Вы нарисуете себе в таком случае, будет иллюзией.

– Думаю, что лучше такая иллюзия, чем ничего.

– Такие иллюзии мешают познать истину. Ложный образ мира состоит из таких иллюзий. Этот образ формируется нашими привязанностями, нашей субъективностью. Ложное представление о мире называется «майя». Непосредственное созерцание сути вещей помогает научиться различать истинное и ложное.

– Думаю, Вы правы. Но здесь есть одни момент: представление о том, что не доступно для ощущений и восприятия, занимает важное место в постижении истины. Именно абстрактное мышление дает нам возможность познавать то, что скрыто за многообразием видимых проявлений, совокупность которых Вы называете «майя».

– Соглашусь. Но здесь есть одно но. Наше мышление работает неправильно. Оно изначально формируется с ошибками. Оно не может во всей полноте охватить истину. Повторюсь, что только созерцание дает такую возможность. Это не совсем восприятие в вашем понимании. Похоже своей параллельностью и непоследовательностью, но нечто большее.

– Возможно, это похоже на инсайт, озарение?

– Уточните.

– Это когда в вашем перцептивном поле находится сложная задача. Вы смотрите – смотрите. Силитесь решить. Не получается. Потом раз. И решение приходит моментально, как озарение.

– Возможно и похоже. Стоит только добавить между Вами и задачей полупрозрачную мутную пелену, сотканную из шума ваших желаний. Вы уже привыкли видеть мир через нее. Она внедрилась, вросла в вас. Через нее Вы смутно различаете предметы. Путаетесь. Пытаетесь понять в чем дело. Силитесь как-то все исправить в лучшую сторону. Стараетесь – стараетесь. И в один прекрасный момент, получив правильную подсказку от тех, кто уже с этим справился, вдруг эту пелену замечаете. Еще больше усилий – и Вы начинаете ее срывать. Задача предстает перед Вами во всей своей четкости. Вы видите все подробно. И вот тут-то и приходит озарение.

– Вы очень живо все это описываете. У вас уже получалось переживать такое?

– Вы знакомы хоть чуть-чуть с компьютерными языками?

На вопрос Догсан ответил вопросом. Никон сразу не смог сообразить, как он включается в контекст беседы. Ответил неуверенно.

– Немного знаком. В школе изучали и друг объяснял.

– Тогда приведу хороший пример. Когда Вы пользуетесь программой или смотрите на веб-страницу, Вы видите результат интерпретации некоторого кода. За видимыми формами стоят сотни или тысячи строк текста. Скрыта определенная логика. Представьте: вы никогда не видели этого кода. Ваше представление об источнике строится на основании размышлений о внутренней структуре программы или страницы. Вы взаимодействуете, изучаете, обобщаете, строите теории. Задача у вас перед глазами. Потратив много усилий, Вы сможете реконструировать какую-то внутреннюю логику, конструкцию отображения. Все это будут жалкие потуги. Если же Вам показать исходный код, тогда вы узрите истину во всей ее полноте. Понимаете?

– Я вас понял, – согласился Никон. – Так, конечно, будет проще и полнее. Думаю – в качестве подобного примера можно вспомнить про генотип и фенотип. Генетический код определяет общий облик, который мы можем наблюдать.

– Важно узреть исходный или, как Вы сказали, генетический код бытия, – резюмировал Догсан. – Чего Вам и желаю.

Да уж. Если хочешь узнать правду – перестань обманывать себя. Обманывает ли себя Догсан? Гость, скупо попрощавшись,

ушел. Никон с интересом полез в анамнез. Стабильность показателей удивила. Графики человека в коме. Никаких эмоций. Никаких колебаний. Пульс стабильный. Дыхание ровное. Прямые линии.

Описание, данное Мартином, оказалось внимательным и подробным. Никон прочитал, что Александр Киселев, он же - Догсан, разговаривать на отвлеченные темы, как сам называет это – «флудить», не любит. В прошлом – талантливый программист, работавший в известной организации. В результате серьезного личностного кризиса, программирование бросил. Увлекся буддизмом. После беседы и такого описания, диагноз – шизоидное расстройство личности Никона хоть и не удивил, но все же, показался чрезмерно усугубленным.

Глава 10.

Сегодня редкое солнце пригревало ощутимо нежно, и Паулу это радовало. Удивительно, как на человека может повлиять один только луч. Испанка любила солнце. Солнце и апельсины. Здесь, на северо-востоке, этого было очень мало. Мало солнца – фрукты, как ненастоящие. Люди серьезные. Про себя так и называла местных – холодные северяне. Чтобы отдохнуть от холода и суровой атмосферы, часто мечтала о далеких родных краях, море, солнце, ароматных фруктовых деревьях и шаловливых внуках, шумно возящихся в их сени.

Даже попытка понять чего хочет Догсан, вероятно, доставила бы ей неимоверные страдания. Как можно самовольно отрекаться от всего этого теплого и красочного? Какой дурак захочет променять солнце и людей вокруг на некий странный призрачный код бытия?

Сейчас эти радужные мечты нагло и бесцеремонно прервал, нагруженный идеями Догсана, Никон Тенко. Ввалился в кабинет без стука. Протопал к огромному серому креслу и тяжко рухнул в него, словно большой прохудившийся мешок. Нет, не с апельсинами, к великому сожалению, с проросшей и подгнившей в сыром климате картошкой. Паула подождав, пока последние краски и детский смех будут вытеснены из ее воображения неблагополучной и мрачной реальностью, спросила:

– Что случилось? Ты на себя не похож.

– Новая начальница достала.

Никон сразу завел разговор о том, ради чего пришел.

– Так быстро? – удивилась Паула. – Мы с ней общались. Мне она показалась очень приятной и галантной особой.

– Так оно и есть, пока дело не касается ее страсти к порядку и страхом перед тем, чего она не понимает и не может контролировать.

– Ого. Вот это да. Секундочку. Попробую понять, что ты имел в виду.

Никон, открыл было рот ради объяснений, но Паула остановила его жестом. Скорчила гримасу задумчивости. Хитро улыбнулась. Резюмировала:

– Ты хочешь сказать, что у вас вышел конфликт? Ей не нравится, как ты работаешь?

– Верно. Поняла! – сделал Никон жест восхищения. – Идеальный сотрудник для нее – автомат, работающий по инструкциям. Сама она таковым и является.

– Кто бы мог подумать, что так получится, – задумчиво покачала головой Паула. – Мне даже показалось, что в вас есть что-то общее. Я думала, вы подружитесь.

– Уж это вряд ли.

– Удивительно! Как быстро!

– Да не так уж и быстро. Этот конфликт начался довольно давно.

– Интересно! Продолжай.

Паула повернулась в кресле на другой бок и приготовилась внимательно слушать. Хоть солнечные образы и вынесло сквозняком, когда открылась дверь, она обрадовалвсь приходу Никона. Живые люди всегда привлекали ее больше, чем образы из памяти.

– Мы работали с ней некоторое время в начале войны. В организации, помогавшей переселенцам. Она тоже была супервайзером. И еще тогда вынесла мне мозг. Таких людей нельзя делать начальниками.

– Как это произошло?

– Она думает, что работа психолога заключается в улыбках, держании за ручку и внушении, что все можно пережить.

– А разве не так? – иронично удивилась Паула.

– После создания Мнемонета это, может быть, и так. Всю аналитическую работу выполняет машина, – согласился Никон.

– И что случилось тогда?

– Она решила, что я очень много внимания уделяю анализу. Лезу в подробности. Ставлю диагнозы. Обвинила меня в психоанализе и психодиагностике.

– Какой ужас. Но теперь-то ты в безопасности, – постаралась успокоить Паула. – Мнемонет же стоит на психодиагностике и психоанализе.

– Теперь я злоупотребляю коррекцией баланса.

– Это серьезно, – задумалась Паула. – Можно и работу потерять и в тюрьму сесть.

– О чем вы с ней говорили?

– Она попросила кратко рассказать о тебе. Поверь, я дала самые лучшие рекомендации, – рассмеялась. – С моих слов – ты, просто, идеальный оператор. Золотая голова. Пробы негде ставить.

– Верю. Спасибо. Может быть, благодаря тебе она еще меня не уволила или не отправила на подтверждение квалификации.

– Даже так. Что ты намерен делать?

– А что я могу сделать? Буду плыть по течению как…

Никон хотел было сравнить себя с тем, что обычно плавает по течению в таких случаях, но осекся. Паула великодушно дала ему возможность не завершать фразу:

– Хочешь, я поговорю с региональным координатором? Это подготовит его к неожиданным решениям Катрин. Когда она придет к нему требовать твоей головы, у него уже будет альтернативная версия в твое оправдание.

Запутать все так, чтобы выглядело в выгодном свете, Паула мастер. У этой заботливой бабушки, привыкшей выгораживать озорных внуков перед родителями, все просто. Как специалист в области посттравматического стрессового расстройства или вьетнамского-афганского синдрома, она справедливо считала все проблемы результатом травмы. То, что ты ревнивец-параноик или шизик-фантазер, мало зависит от твоих врожденных особенностей, которые каждый в благоприятных условиях может скорректировать. Во всем виноваты обстоятельства. Виноваты люди, которые по неосторожности нанесли страждущей душе увечья. Виноваты события, выбившие из колеи. И, если уж сотрудник зашатался и начал делать что-то не так, то виновато в этом, разумеется, неосторожное начальство, заполучившее в свои грубые руки тонкие рычаги и верньеры нервной системы. Она даже психическую пандемию и волны считала чем-то похожим на ПТСР. Возможно, отчасти, была и права.

– Вот и не печалься. Ступай с миром и не мешай бабушке думать о внуках на солнечной поляне у ручья под сенью апельсинов. Иди – иди.

Потеряв интерес к происходящему, Паула замахала длинными кистями в сторону двери. Так бы всегда в отношениях с начальством! Никто никому не мешает работать. Все довольны и занимаются своими делами. Никон, улыбнувшись, тоже махнул рукой и пошел прочь. Ему показалось – он невольно одолжил у Паулы ее ярких красок. Пространство вокруг стало теплее и светлее. Уютнее без всякой коррекции баланса.

Глава 11.

Лица некоторых собравшихся отдавали пепельным или наоборот – кирпичным, как стены и крыши домов,

простирающихся на мили за окном. И все, такими же, одинаково уставшими. Волна началась вчера и сейчас, похоже, развился пик. Иногда, без какой либо периодичности, совершенно неожиданно, психическое состояние жителей города изменялось синхронно. Обострялось у всех одновременно и по-разному. Склонные к депрессиям, непроизвольно делали шаг в сторону подавленности и уныния. Склонные к маниям, наоборот, становились суетливыми и рассеянными. У кого-то пропадала критичность. Кто-то бросался реализовывать странные, безумные идеи. Кто-то активнее домогался любимых или прохожих на улице. У кого-то просыпались, замершие в засаде, до поры – до времени, страхи. Темноты, замкнутых или открытых пространств, многолюдных мест. Страсти обострялись. Люди сильно изменялись, иногда до неузнаваемости.

О том, что такие волны существуют на некоторой ограниченной территории, сообщили специалисты, изучавшие данные абонентов. Несколько лет назад. Синхронное изменение показателей коинов стало сенсацией мирового масштаба. Когда связь перепроверили на более общей выборке, и она подтвердилась, приступили к поиску причин. И вот уже несколько лет причины ускользали. Даже нобелевская премия по физиологии, негласно обещанная за нахождение загадочного фактора и раскрытие механизмов страшных волн, никак не способствовала росту продуктивности поиска.

Попытки объяснить волны магнитными бурями, солнечным и лунным циклом, движением планет, процессами, происходящими в земной коре и мантии, колебаниями погоды, химическим заражением, действием бактерий или вирусов, биологических, социальных и психологических механизмов, работой средств массовой информации потерпели неудачу. Знаменитое тризовское волшебное слово МАТХЭМ, являющееся акронимом списка полей, участвующих во взаимодействии двух материальных объектов, оказалось бессильным.

Связи, конечно же, обнаруживались и с магнитными бурями и с лунным циклом. Очевидное, не очень сильное влияние, не совпадающее по времени с волнами. Идея о том, что волна – результат действия некоторой суммы факторов – аккорд, звучащий по-новому и заставляющий дрожать умы и сердца, проверялась несколькими коллективами из физиков, биологов, математиков, программистов и самых разнообразных смежников. Для проверки результатов такой работы нужны другие коллективы. Процесс затянулся.

Чем глубже проникает человек в загадки мироздания, чем сложнее процессы учится контролировать, тем сложнее задачи возникают перед ним. Пессимистам кажется – это путь к задачам неразрешимым. По крайней мере, в ближайшей суровой перспективе. Оптимистам – просто интересно. Так случилось и теперь. Задачу предсказания волн так и не осилили, зато многим бездельникам нашлось, чем заняться.

Вслед за учеными, благодатную почву кинулись возделывать люди менее ответственные. Не подкрепляющие свои гипотезы объективными аргументами. Представители многочисленных сект указывали на причины и предлагали соответствующее спасение. Эксперты в области магии и астрологии спасали страждущих согласно собственным, «уникальным» теориям и методикам. У этих все оказалось проще и продуктивнее. Эффект плацебо никто не отменял и, благодаря этому, определенные категории людей оказались весьма довольными таким решением проблемы. Если человек ищет быть обманутым, значит ему так надо.

Волна началась вчера.

Как правило, полевые сотрудники Мнемонета менее чувствительны к действию загадочного фактора – одно из необходимых условий при приеме на работу. Нагрузка, ложившаяся на них во время волн, несоизмеримо больше той, что ощущали на себе рядовые горожане. Поэтому сегодня все видели напротив себя лица серые и уставшие, мрачные.

В поисках места в плотном кругу, пришедший поздно Никон, оказался между обширной дамой, терзавшей вербально

следователя на субботнем собрании и живой, странноватой девушкой, виденной в полиции мельком.

Катрин завела уже знакомую, и оттого еще более нудную, песнь об ужасных процессах эмоционального выгорания, происходящих в душах полевых специалистов, каждый день сталкивающихся со страданиями горожан. Все – как на рядовых дебрифингах, проводившихся в последнюю субботу и воскресенье каждого месяца. Заскучавшая от самодостаточной речи мадам девушка поинтересовалась:

– Вы были в ее команде или Вас тоже перевели?

– Тоже перевели.

Никон ответил охотно. Обрадовался возможности поговорить о чем-то более интересном, чем выгорание.

– Как Вам новый супервайзер?

– Я с ней давно знаком, – признался Никон. – Женщина очень ответственная и педантичная. Строго следует правилам.

– Да, заметно, – усмехнулась. – Что вы думаете о… – задумалась, подбирая слово покорректнее, – о событии с Мартином?

– Если честно, не было еще времени хорошо об этом подумать, – признался Никон. – Информации мало. В такой ситуации проще подождать новых фактов.

– Вам не страшно?

Шепот девушки заговорщицки дрогнул.

– Чего мне бояться?

– Абонентов Мартина. Ведь среди них может оказаться человек, причастный к убийству.

– Пока нет. Может быть, я об этом не задумывался. А вам?

– А мне страшно. Они мне все теперь кажутся необычными, странными, опасными. Мне, даже, иногда представляется, как они планируют отправить меня вслед за Мартином!

– О чем вы там болтаете!?

Мадам спросила натянуто и раздраженно. Громко постучав маркером по столу. Сегодня она явилась особенно напряженной. Мысль ее, развивавшаяся с большим трудом, казалась более походящей на длинную монотонную мантру, нежели на конструктивное сообщение.

– Я не уловила смысл и молодой человек мне объяснил! – поспешила сообщить девушка.

– Что вам не понятно?

– Уже все понятно. Он очень хорошо владеет материалом. Спасибо.

Катрин снова обратилась к доске, на которой идеальным почерком, с наклоном влево, по пунктам, выведены ровнейшие

строки текста.

– Вы имеете право отказаться от участия в этом, – поспешил напомнить Никон.

– Как-то неудобно. Да я уже с половиной и перезнакомилась.

– Тогда нужно изменить отношение. Думаю, если бы мы обсудили ваши подозрения и страхи, все могло бы проясниться и Вам стало бы спокойнее.

Девушка, поддержкой и новым знакомством, похоже, заинтересовалась.

– Вам опять что-то не понятно!? – возмутилась Мадам снова. – Никон, думаю, что Вам лучше явиться на дебрифинг с другой группой завтра. Сегодня Вы отвлекаете Элеонору.

– Мы, наоборот, активно участвуем в дебрифинге! – опять влезла девушка.

Никон спешно черкнул свои реквизиты в уголке, изукрашенной оригинальными зарисовками и граффити, тетрадки. Снова чувствуя себя нерадивым студентом-хулиганом, поспешил к выходу. Не хотел ничего комментировать. Просто самоустранился, как возможный повод для конфликта. Этого оказалось мало. Элеонора, пытаясь оправдать подставившегося под удар козла отпущения, нарушила идеальные планы мадам окончательно. Семинар перенесли назавтра.

Глава 12.

Слушать повествование интересно. Живые, подвижные, как закрученная золотая монетка, глаза рассказчика выразительно блестят, дополняя картинку новыми деталями. Аккуратный длинный нос шевелится, то ли следуя за глазами, то ли принюхиваясь к тонким воображаемым запахам. Заостренные уши тоже подрагивают, ловя отчетливо представляемые опасные шорохи. Рассказчик заново переживает напряженные минуты. Речь немного необычна. С плавающим, словно неустойчивая волна на древнем длинноволновом приемнике акцентом. Неуловимо плывет тембр. Плывет тон. Плывет громкость. Глаза тоже все время плавают по перспективе. Все в этом человеке как то зыбко и нестабильно плывет, словно тонко подстраиваясь под изменчивую действительность.

– Вы слышите, как бьется ваше сердечко. Чувствуете стук пульса в шейке и ручках. Вы растворяетесь в пространстве. Улавливаете потоки воздуха и дыхание людей на расстоянии в десятки метров. Глазки видят в еле заметном свете. Ножки плывут по земле бесшумно. Ручки чувствуют поверхность замочка. Вы говорите с ним. Он отвечает на ваши движения. Открывается. Что бы там не говорили о шестом чувстве, оно есть. Вы знаете, когда и куда надо идти. Знаете, где пройти, чтобы не

сработала сигнализация. Как ее отключить. Знаете, как двигаться, чтобы никого не разбудить. Чувствуете, где искать необходимое вам. Вы это берете, не оставив никаких следов, и незаметно удаляетесь.

– Целое искусство, – заметил Никон, дабы поддержать разговор. – Наверняка, очень сложно научиться.

Сразу почувствовал, что структура мотивов этого человека имеет двойное дно.

– Для этого нужен талантик. Нужно развивать его с детства. Вот Вы, к примеру, при всем желании не сможете. Хоть годами тренируйтесь, все равно ничего не получится. С этим рождаются. Ради этого живут. Это дарит самые яркие моментики в жизни. Это очень дорогой и сладкий наркотик.

– А моральная сторона вопроса?

– С моральной стороной все в порядке, – помахал пальцем Эдуард. – Если это произошло, значит, человечек заслужил. Если этого не должно произойти, я почувствую еще при планировании дела. Знаете, я много размышлял о научно-философской стороне вопросика. Как вы относитесь к теории эволюции?

– Считаю теорию близкой к истине, – усмехнулся Никон.

– Хорошо, – приободрился Эдуард. – Тогда вы согласитесь с тем, что в природе пищевые цепочки формируются в процессе эволюции. Каждое звено пищевой цепи важненько. Устранение или добавление новых звеньешек может сильно повлиять на экосистемку в целом. Вот, к примеру, проблемка кроликов в Австралии и Новой Зеландии.

В человеческом обществе тоже сформировались пищевые цепочки. Работяжки, трудясь с утра до вечера, преобразуют дикую природу в материальные блага. Добывают энергоносители, строят машины, преобразующие энергию. Инженерчики тоже участвуют в этом процессе. На этом производство заканчивается. Есть, конечно, еще врачи, учителя и другие полезные люди, без которых общество не может существовать. Но при распределении материальных благ им достается мало. Зато есть граждане, которые вообще ничего не производят, но потребляют много. Банкиры, чиновнички, офисный планктончик. Дорогие бляди и иже с ними.

Эдуард начал заводиться. Голос стал жестче, а уменьшительно-ласкательных больше. Глаза холоднее. Лицо немного побледнело. Проступили морщины. Упомянув дорогих женщин легкого поведения, он осекся. Уставился в пустоту. Никону показалось – его монолог не прекратился. Продолжился во внутренней речи. Выдержав, как ему показалось, должную в этой ситуации паузу, спросил:

– А какая ваша роль в этой пищевой цепи?

Эдуард ответил не сразу, отрывисто, как бы выдавливая слова из себя, попутно вдумываясь в них.

– Я регулировал некоторые сегментики цепи. Там, где закончик был бессилен, включался я.

– А вы не думали, что наше общество – не экосистема, а некий сложный организм, существующий в экосистеме?

Глаза Эдуарда опять замерли на некоторое время.

– Было бы очень хорошо, если так. Может быть, так и надо. В организме все по-другому. Нет конкуренции. Но, к сожалению, многие людишки ведут себя именно как участники экосистемы. Возможно, и я себя так вел. Такова моя миссия. Я для этого родился. И ради этого я умру.

– Вы откровенны, – заметил Никон, действительно удивленный открытостью вора.

– Мне уже нечего скрывать. Все это есть в моем анамнезе. Видите – и я оказался несовершенен. Не почувствовал, не предусмотрел. Произошла случайность, меня поймали. Подключили к сектору тяжких преступлений. Установили два дополнительных коина. Теперь, если я попытаюсь что-то украсть, то потеряю сознание. Сигнал об этом разбудит Вас ночью. Вы должны будете сообщить в полицию мои реквизиты.

В голосе Эдуарда появился скрежет грустных ноток. Санитар города показался Никону санитаром леса, загнанным в клетку.

Мадам пришла без предупреждения, но нехорошее чувство появилось у Никона с самого утра. Навязчивая мысль о том, что она влезла в его баланс и крутит своими маленькими цепкими пальчиками чувствительные верньеры гомеостаза по своему усмотрению, раздражала и угнетала одновременно. Не настолько сильно, чтобы решиться на открытый конфликт, но и не так незначительно, чтобы оставаться спокойным. Эта пограничная неопределенность и выматывала.

Чинно ступив на порог, мадам вежливо, с милой улыбкой поздоровалась с присутствующими. Заявила – желает некоторое время присутствовать. Попросила не обращать на нее внимания. Не вышло. Эдуард отреагировал мгновенно. Выскочив из кресла, он кинулся к Катрин, нежно схватил ее за руку и, сдобрив свою неожиданную бурную активность парой комплиментов, усадил на свое место. Мадам, не ожидавшая такого нападения, подчинилась, бормоча благодарности.

Эдуард, расположившийся на стульчике у окна напротив гостьи, принялся на довольно хорошем английском вводить ее в курс дела. Уменьшительно – ласкательные исчезли.

– Мы говорили об устройстве нашего общества. О том, что

схема распределения материальных благ чем-то похожа на пищевые цепи в природе. Вы имеете представление о пищевых цепях?

Катрин состроила недоумевающую гримасу. Разглагольствовать на заданную тему у нее получается только после длительной предварительной подготовки. Никон не без злорадства отметил ее неспособность сходу въехать в курс дела. Не дав Никону порадоваться затянувшейся паузе, Эдуард принялся объяснять.

– Жучки едят в поле травку. Мышки едят жучков. Кошки, совы или ястребы ловят мышек. Когда эти хищники умирают, их едят бактерии и насекомые. Потом на этом всем растет трава и так – по кругу. Понимаете?

Катрин кивнула.

– Вот и в обществе нашем происходит что-то похожее. Одни добывают и выращивают. Другие лечат и воспитывают. А есть те, которые бессовестно пожирают. Вот товарищ Никон утверждает – наше общество должно быть больше похоже на единый организм, чем на экосистему. И я с ним соглашаюсь, но все же утверждаю – есть слишком много людей, которые ведут себя как отдельные организмы в экосистеме. Вы понимаете?

Катрин кивнула снова.

– Теперь мне интересна ваша точка зрения, мадам. Должны ли в обществе быть люди, способные повлиять на неправильных его членов? Возможно, забрать у них то, чем они владеют не по праву?

Катрин сделала дежурный кивок. Потом, сообразив нечто, замотала головой. Пожала плечами. Выдавила улыбку, а за ней и встревоженные слова:

– Я…я… точно не уверена. О каких людях вы говорите? О полиции и судьях?

– О, есть граждане, на которых не могут повлиять даже полиция и судьи. С последними у них отношения как в целостном организме. Они им очень хорошо платят. Я уточню вопрос. Должны ли в обществе существовать хищники, способные забрать у зажравшихся свиней их жирный кусок? По законам эволюции и построения пищевых цепочек в экосистемах?

Гробовой тон фразы испугал Катрин. Она поежилась, опять замотала головой. Глянула на Никона, безучастно наблюдающего за веселой для него сценой. Собралась с духом и пошла в наступление.

– Я не понимаю, что здесь происходит. Объясните мне, в конце концов, Никон. Почему, когда я прихожу посмотреть на вашу работу, этот мистер усаживает меня в клиентское кресло,

рассказывает странные вещи и спрашивает: нужны ли в обществе преступники? Что у вас здесь происходит?

– Здесь происходит то, на что Вы пришли посмотреть, – мягко съязвил Никон.

Эдуард не дал Катрин ответить. Вскочив, навис над ней, протягивая руку. Выразительно произнес:

– Мадам, я должен идти. Очень приятно было беседовать с Вами.

Потряся детскую ладошку дольше, чем надо, кивнул Никону и выскочил за дверь. Оставил начальницу и подчиненного – анаконду и кролика, обсуждать происходящее.

Мадам, как и следовало ожидать, повторила внушения о правилах организации и должностных обязанностях. Попытки Никона объяснить, что естественность важнее соблюдения формальных требований, жестко пресекла. Пригрозила подтверждением квалификации. Заметив фиолетовые линии на девственной бежевости стены, возмущенно спросила:

– Что это у вас за рисунки?!

– Ребенок нарисовал.

– Когда?

– На прошлой неделе.

– Вы хотите сказать – уже целую неделю это отвлекает абонентов!? У вас нет бумаги!?

– Этот рисунок важен для автора. Я боюсь его травмировать.

– Бардак! Это переходит все границы, – вскрикнула мадам, вскакивая с кресла. – Я снова буду говорить о вас с Говардом.

Удалилась, не дожидаясь следующего посетителя.

Никон испугался. О готовности Катрин ради своего порядка рубить любую импровизацию на корню, Никон знал давно. Такой острой реакции все же не ожидал. Сегодня бедолага опять остался в тягостных раздумьях о том, является ли причиной тягостных раздумий сложившаяся ситуация или незаконная коррекция баланса, с целью повлиять на устойчивого к тошнотворным внушениям оператора.

Глава 13.

По статистике, пятая часть сотрудников открыто заявляют, что не любят участвовать в корпоративных вечеринках. Тех, кто относится к подобным мероприятиям нейтрально, наверняка еще две пятых. Зато, оставшиеся отрываются на полную катушку. Никон корпоративы любил. Нет, не за то, что можно послушать сплетни и сомнительные новости. Даже не за то, что можно хорошо выпить и поесть. Ему просто нравилось наблюдать. В атмосфере индуцированной веселости люди вели себя как-то по-иному. Включаясь в масштабное действо, целый ритуал,

проявлялись по-новому. Никон просто читал открывшиеся под новым углом сложные многогранники, и это было классно.

Корпоративы Мнемонета всегда отличались пышностью и блеском. Организаторы старались. В стране, где электричество – дефицит, а бензину на среднюю зарплату можно приобрести семьдесят литров, происходили роскошные иллюминированные торжества. В сумме с облегчением, последовавшим за схлынувшей волной, такая обстановка вершила чудо. Гости воодушевлены, жизнерадостны и внимательны к тому, что происходит на фоне герба.

Выступления регионального координатора всегда имеют тот же смыл. Существенно отличался только текст. Разные точки входа в уже выверенное и рафинированное древо размышлений приводили всегда к одному итогу – необходимому умозаключению. Сегодня, как и следовало ожидать, начал с проблем насущных.

– Дорогие коллеги! Полевые работники и супервайзеры. Все мы глубоко переживаем события, происходившие в последнее время. Смерть нашего коллеги Мартина повергла нас всех в шок и недоумение. Я хорошо знал его. Как человек, преданный своему делу, он самоотверженно жертвовал собой ради спасения страждущих! Иногда, он делился со мной о своими глубокими переживаниями в письмах. И сейчас, когда его уже нет с нами, я хотел бы зачитать одно из них.

Оратор поднес к близоруким глазам листок. Задержался, ища нужное место. Микрофон уловил чрезмерно торжественные колебания воздуха, стремительно пробежавшие по проводам и полупроводникам усилителя. Из гулкой бездны черных колонок налетел гром:

– Иногда я чувствую, – пишет Мартин, – что Мнемонет – это огромный, сложный живой организм. А все мы – его клетки. Эта новая сложная жизнь зародилась для того, чтобы решить проблему, возникшую перед человечеством в противоречивой и опасной современности. Сегодня, когда многие люди потеряли возможность самостоятельно противостоять нагрузкам, с которыми сталкиваются в своей повседневности, мы призваны помочь им. Мнемонет может дать человеку то, чего никто и никогда не давал. Некогда утраченное людьми, живущими на этой территории. Это самое ценное, что может быть у человека. Внутренняя стабильность, спокойствие, хороший сон, надежность, здравый смысл, уверенность в себе и своих близких.

Бездна колонок иссякла. Региональный координатор посмотрел куда-то влево и вниз, потер высокий, от света софитов матово-бледный лоб.

– Мне очень тяжело читать эти слова теперь, зная, что Мартина с нами уже нет. Зная – в борьбе за наши светлые идеалы, он отдал максимальную плату. Насколько же глубоко он понимал смысл нашей работы! Я читаю эти строки с огромной благодарностью за то, что Мартин показал нам пример самоотверженного и продуктивного служения идеям Мнемонета. Наш долг помнить это. Почтим же память героя минутой молчания!

Черные слепые провалы колонок затихли опять. Участники торжества, следуя примеру тех, кто знал сценарий, тихо шурша одеждами, начали подниматься со своих мест. Волна шороха, вязким эхом поплескавшись между стен зала, схлынула в широкие проходы. Установилась тяжелая тишь. О чем сейчас думали эти мужчины и женщины из разных стран, собравшиеся здесь ради борьбы с эпидемией неврозов и психозов?

Никон, осторожно косясь по сторонам, отыскал Паулу. Структура ее мотивов была очевидна. Представил – наверняка витает сейчас в горячих, оранжево-розовых мечтах о внуках, играющих в тени роскошного апельсинового дерева. Наверняка, она сейчас больше чувствует себя заслуженной бабушкой, чем клеточкой Мнемонета. На глаза попалась обширная дама, терзавшая следователя вопросами на собрании. У этой тоже все просто. Сразу заметно – неподвижное стояние и плавание масляным ленивым взглядом по мраморному полу, весьма тяготят ее. Никон вдруг почувствовал, насколько страстно желает она снова свалиться на стул, отпить из бокала вина и отправить вслед за терпкой жидкостью, приятно холодящей внутренности, кусочек с прозрачного овального блюда. О чем размышляла Катрин, мелькавшая правее, Никону тоже представилось ясно и отчетливо. Наверняка, отгоняя тяжелую тень Мартина, витающую над ее идеальной, ювелирной работы прической, эта любительница танцев и внимания к своей персоне предвкушает сейчас бурную неофициальную часть вечеринки. Что помышлял сейчас Говард, положивший взор тяжелых грязно-снежных глаз на стоящих перед ним подчиненных, для Никона оставалось загадкой. Насколько идеально он ведет себя на сцене? Что сказать после затянувшейся тишины? Читает, о чем думают стоящие перед ним люди? Сложный вопрос.

Минута молчания, на самом деле, продлилась ровно сто двадцать секунд. Все согласно протоколу, определяющему даже этот элемент ритуалов Мнемонета.

– Спасибо!

Все с облегчением выдохнули и, опять запустив сыпучую волну шепота и шуршания, расселись по местам.

– Приглашаю к микрофону представителя управления здравоохранения.

На сцену выбрался полный мужчина лет шестидесяти. Долго крутил стойку микрофона, подстраивая под свой рост, пока ему не помог более ловкий Говард. Успокоившись, произнес:

– Товарищи! – кашлянув, поправился: – Дамы и господа! Хочу выразить вам соболезнования в связи с утратой. Наше управление скорбит вместе с вами. Мы очень ценим Мнемонет, как организацию, восстановившую пошатнувшееся психическое здоровье граждан нашей державы и жителей нашего Города. Мнемонет взял на себя все обязанности, которые раньше выполняла наша психиатрическая служба. Сложно даже представить, что случилось бы, коль вы ежедневно не оказывали высококвалифицированную помощь нуждающимся. Именно благодаря вам, многие могут трудиться и поддерживать нашу промышленность в это тяжелое время. Справляться со стрессами и жить полноценной, продуктивной жизнью. Благодаря вам, количество преступлений сократилось многократно и хоть немного приблизилось к среднему уровню давних годов. Именно вы, рискуя жизнью, удерживаете наше общество на краю хаоса и разрухи.

Говард, стоявший рядом, как заметил Никон, кисло поморщился. Вероятно, слова «рискуя жизнью» счел не только лишними, но и весьма вредными. Уж боевой дух в свете происходивших событий, они явно не поднимали.

Представитель здравоохранения еще долго перечислял все чудесные выгоды от существования и присутствия Мнемонета в Городе и державе. Непосредственный анализ крови на наличие антител и антигенов позволил существенно уменьшить заболеваемость. Практически уничтожены некоторые болезни. Контроль уровня гормонов продлил жизнь абонентов на расчетные процентов тридцать. Теперь и в семьдесят можно чувствовать себя как в сорок. Спать хорошо. Предаваться радостям плотской любви. Размножаться. Сохранять память и тонус мышц. А самое главное, усердно выполнять грязную низкооплачиваемую работу. С накопившейся дрожью в голосе, завершил:

– Огромное вам спасибо!

– Вам тоже спасибо за теплые слова, – вернулся к микрофону региональный. Тоном, не предполагающим ответ, поинтересовался: – Кто хотел бы еще сказать?

В зале опять повисла тишина. Желающих не нашлось. Да и что можно было сказать в такой одновременно траурной и торжественной обстановке. Все созвучное атмосфере было уже

сказано. Место Говарда на сцене заняла стройная молодая девушка с необычайно длинной и густой рыжей гривой – восходящая звезда эстрады Лина Веполь. Встав в выразительную позу, под мелодичную гитару на фоне мягких ударников, затянула на английском:

«Remember the sound
in the silence of the night ,
that awakened around
wonderful light…»

Приятные звуки расслабили аудиторию и запустили процесс потребления заготовленной на столах богатой снеди.

Как Никон не старался, ему все же не удалось избежать столкновения с Катрин. Мадам выследила и настигла жертву с большим энтузиазмом. Подтащила поближе к тому месту, где Говард о чем-то беседовал с представителем здравоохранения. Слегка пританцовывая, завела старую песнь на новый лад:

– Никон, что у Вас нового? Вы работаете над исправлением своих ошибок?

– Работаю самым усердным образом, мадам! – вытянулся по стойке смирно Никон.

Надеясь – Катрин его не раскусит, хотя бы для собственного развлечения, принялся паясничать.

– Что со списком подозрительных моментов?

– Старательно составляю, мадам!

– Учтите, через неделю я составлю промежуточный рейтинг продуктивности помощи следствию. Объем составленных отчетов будет одним из показателей. Те, кто окажутся в нижней четверти списка, будут лишены квартальной премии.

«Да иди ты на хрен со своей премией!»

Не без удовольствия, громко и выразительно подумал Никон, глядя в грустные карие глаза. Вслух произнес:

– Вы думаете, у всех сотрудников равные условия? По каким критериям происходило распределение абонентов Мартина?

– Это не важно! – замотала головой Катрин, пытаясь обойти западню. – Все зависит от квалификации и старательности персонала.

– Я мог бы доказать, что это важно! – раззадорился Никон. – Кто принимал окончательное решение о таких условиях работы?

Катрин затихла на пару вдохов, всверливаясь коричневыми буравчиками в глазницы Никона снизу.

– Региональный координатор уже все подписал.

Оглянулась в сторону Говарда, как бы ища подтверждения своим словам.

– Тогда придется постараться, – напрягши губы, покивал

Никон.

– Старайтесь, Никон. Я создала для этого все условия. Сообщу Вам по секрету, что четверть, попавшая в начало рейтинга получит премию последней.

– Заманчиво…

Протянув слово, Никон затих и улыбнулся. Сделал пару ритмичных па, надеясь переключить внимание мадам на более приятное занятие. Утонченную Лину Веполь сменили на сцене какие-то веселые шустрые ребята. Движение на танцполе оживилось. Зал утонул в мелодичных громыханиях.

Громыхания слышались круглосуточно. Где-то вдалеке, в стороне Лабеда и Волрога. Все уже почти привыкли. Лишь мамы успокаивали на улице детей в ответ на вопрос, где это взорвалось. Таких, что беспокоили слух горожан сегодня, еще не бывало. Сначала в городе очень громко шипели и шуршали грады. С верхних этажей казалось, что оставляя дымные следы, на восток улетают большие стрелы. Вечером вестники смерти принесли ответ в Метравск.

Вечеринку планировали давно и потому тщательно к ней готовились. Оригинальные дизайнерские решения сервировки стола таили в себе много двусмысленных загадок.

Чего только стоили большие чищенные морковки, залегшие между тарелками. Настя сразу же предположила – это загадка для психологов, особенно для тех, кто увлекается психоанализом.

Катрин пребывала навеселе. То ли из-за близкого обстрела выпила лишнего. Толи общая атмосфера возбужденности и взбудораженности действовала на нее таким образом.

У Саши повод выпить был серьезный. Он и обычно любил налакаться огненной воды до состояния «зомби». Но после того, как одна из сегодняшних ракет прилетела в дом бабушки, пил вдохновенно и много. Уже курсируя на автопилоте, аккуратными, выверяемыми движениями, он подобрался к Никону и, глядя застекленевшими глазами куда-то в одному ему видимую даль, выпалил:

– Никон, переведи Катюхе, что я хочу поговорить с ней наедине.

– Нафига?

– Ну, скажи! Мне надо!

Прозвище «сладенький» Саше дал Андрей, который умеет кратко выразить суть, да так, что все вокруг угорают, держась за животы. Приторные ухаживания Саши за взрослыми дамами прикалывали всех. Хоть они и не составляли конкуренции шумной и веселой браваде Андрея, мнящего себя эдаким

поручиком Ржевским, но все равно несколько задевали.

Никон махнул рукой. В общей атмосфере возбуждения, пьянства и разврата было сложно сохранять трезвость и рациональность. Подойдя за Сашей, тянущим за рукав, к скромно извивающейся в танце Катрин, сообщил:

– Sasha needs in conversation with you face to face.

Катрин, которая сама думала на французском, и вдобавок еще напевала и танцевала, суть фразы уловила не сразу. Пришлось повторить и объяснить на пальцах.

– Ok. Ok. I will help you!

Катрин закивала, всем существом своим, выражая глубочайшее понимание проблемы и готовность помочь. Вероятно, она подумала, что Саша разглядел в ней психолога, и просит избавления от эмоционального выгорания за рулем. По сути, так оно и было.

– Она говорит, что согласна тебе помочь! – перевел Никон.

– Вот и ладушки, – сладострастно потер ладони Саша. – Идем!

Замахал рукой в сторону выхода. Побрел, пошатываясь.

– Come with us! – пригласил Никон.

Для беседы уединились в небольшой комнатке, служившей спальней. Кроме кровати здесь оказалось негде расположиться, посему в пол оборота расселись на мягком матрасе.

– So, what`s the problem?

Мадам, как обычно, попыталась взять инициативу в свои руки.

– В чем твоя проблема? – перевел Никон.

– Скажи ей, что она клеевая телка! – восхищенно выдал Саша, назидательно поводя пальцем перед носом – Нет, не телка. Дама! Женщина.

– Sasha said, that you are a wonderful women.

Катрин мило заулыбалась, энергично закивала хохолком, торчащим из прически. Дружественно погладила Сашу по руке. Поблагодарила:

– O, Sasha! I am very pleased!

– Что она говорит? – заспешил Саша, вдохновленный жестом.

– Говорит, что переводчик вам больше не нужен. Чтобы я оставил вас наедине, – заржал Никон.

За окном в очередной раз сильно бухнуло. Катрин дернулась. Саша воодушевился еще больше.

– Так иди давай! – замахал рукой. – И свет выключи!

– Да пошутил я! Она сказала, что ей очень приятно.

Никон всерьез испугался – Саша, не дожидаясь объяснений, накинется на бедную Катюху с горячими проспиртованными

поцелуями и испортит сложную прическу.

– Переведи ей, что мне сложно выразить все чувства, которые я испытываю к ней.

– Чуувстваа! – повторила Катрин знакомое слово. – Это sentiments? Feelings!?

– Вот! Да! Она меня понимает!

– Ты уверен?

– Давай уже переводи!

Поколебавшись, Никон выдал:

– Sasha said, that he can not express all the feelings to you.

Катрин, вероятно думая еще – это консультация, поерзав на кровати, активно включилась в процесс:

– Please, tell us about the strongest feelings.

– Чувак, она думает, что здесь консультация. Хочет, чтобы ты рассказал о самых сильных своих переживаниях.

– Ну и ладно! Консультация! Скажи, что последнее время я много думаю о ней. Вот так, еду по дороге, кручу баранку и о ней только и думаю!

– Не гони, – попытался успокоить возбужденного Казанову Никон.

– Давай, переводи!

– Un, deux, trois, quatre, cinq, six, sept, huit, neuf, dix.

Желая сменить тему и разрядить обстановку, Никон продекламировал числительные, которые помнил еще со школы.

– Один, два, три, четыре, пять, – произнесла Катрин, хитро улыбаясь и загибая пальцы.

Остановилась. Придала лицу вопросительное выражение. Помахала шестым пальцем.

– Шесть! – обрадовался прямому общению Саша.

Катрин повторила несколько раз, загнула седьмой.

– Семь! – радовался Саша.

Когда досчитали до десяти, дернул Никона опять.

– Давай переводи – она мечта всей моей жизни.

– Скажи ей: Je m`appelle Sasha!

Надеясь вытянуть диалог с уровня страстей на уровень межкультурного диалога, Никон стал припоминать расхожие фразы на французском. Саша, заплетаясь повторил.

– Tres, bien. Je m`appelle Katherine, – удивленно поведя носом, ответила мадам.

– Je ne mange pas six jours.

Не совсем трезвый Никон выдал почему-то именно это, так хорошо знакомое всем из отечественной классики, предложение.

Саша повторил опять.

– Six jours!? – вытаращила глаза Катрин, переспрашивая.

По инерции она подумала – это перевод Сашиных слов. Опять погладила по руке.

– Oh, I understand! Shelling, grandmother… I`m so sorry.

Принялась рыться в кошельке. Достала несколько купюр. Протянула.

– Это что?! – возмутился Александр.

– Она хочет помочь тебе и твоей бабушке. Думает, что ты не ел шесть дней.

– Да нахрен мне эти бумажки! Что за бред?!

– Sasha said that your society is for him the best consolation.

Никон поднялся с дивана. Направляясь к выходу, бросил через плечо:

– Саня, она думает, что это консультация. Так что без глупостей и жарких объятий.

Последний взрыв прогремел два часа назад, но город был абсолютно пуст. Ни прохожих, ни машин. Лишь Одинокие серые внедорожники носились по улицам мимо затаившихся в тени пятиэтажек бронетранспортеров. Пир во время войны закончился. Гости, получившие дозу общей анестезии, развозились по квартирам.

Глава 14.

Юлия Ведерникова или, как сама представилась, Джулия Вейдер, явилась на прием второй раз. Из группы Мартина. Сегодня казалась веселее. Круги под оленьими, тусклыми, словно алюминиевыми глазами были потише. Лицо – хоть и бледное, но все-же порозовее. Полные губки из привычного бантика иногда растягивались в подобие улыбки. Плюхнувшись в кресло, поерзала на пришедшей в движение коже. Демонстративно закинула ногу в черном чулке на другую. Достала из яркой сумочки сигарету.

– Я закурю?!

– Попросил бы Вас воздержаться, – поспешил остановить руку с зажигалкой Никон.

– Мартин мне разрешал, – капризно поджала губки Юля.

– А родители тебе разрешают?

– Они мне не указ!

Нимфетка, покрутив в руке зажигалку, надавила на кнопку. Посмотрела остекленевшим взглядом на синее шипящее пламя. Покосилась на Никона, наблюдая за реакцией. Потушила. Зажгла снова, словно раздумывая. Опять покосилась. Потушила. Зажгла. Быстро поднесла руку к сигарете и, блаженно закрыв глаза, глубоко затянулась. Пустила пряную сизую струйку, формой напоминавшую раскрывшуюся кобру, в сторону оператора. Ответила на сердитый взгляд:

– Имею право!

– Ты выглядишь намного моложе своих лет. Непривычно созерцать школьницу с сигаретой.

– Это комплимент?

Никон собрался было ответить: «Будешь курить – такая мелкая и останешься», но воздержался. Не хотел начинать с конфликта. Дабы завести нейтральную беседу, поинтересовался:

– Что ты чувствуешь, когда тебе говорят комплименты?

– Мне, как и любой женщине, очень приятно.

Ответила игриво, закатив глазки, поправив пушистые дреды и проведя рукой по истонченной шейке. Слово «женщина» произнесла особо вычурно. Никон кивнул и ничего не ответил, в надежде – тишина сама спросит, необходимое. Так и случилось.

– Вообще, – затянулась на полуслове, словно без этого нельзя говорить, закатила глазки, – не так уж и часто делают комплименты. Не те нынче мужики. Измельчали. Редко встретишь нормальную особь. Творческую. Одни маргиналы, алкоголики или голубые. Или педанты. Вот, как Вы, например. Ради своего порядка, готовы пренебречь моим личным пространством. А я, между прочим – Ваш гость. И это Ваша работа – делать так, чтобы я чувствовала себя уютно и комфортно. И кстати, я веду преимущественно ночной образ жизни. Днем мне лучше спится. Так я борюсь с депрессией. Поэтому, я хотела бы перенести наши встречи на вечер. Хотя бы часов на девять-десять. Как Вы на это смотрите?

Никон представил: в то время, когда он должен засыпать, едет через полгорода ради общения с экстравагантной соплей. Усмехнулся. Стал подбирать поводы избежать этой несчастной участи:

– Боюсь, что это невозможно. В кабинет нельзя попасть после девяти. Здание закрывается.

– Вы могли бы приезжать ко мне. Или я к вам. Насколько помню, протокол предусматривает такую возможность.

– А с Мартином вы как поступали?

– Ласково!

– Это хорошо. А график, какой был?

– Он приезжал ко мне в десять часов, – быстро заявила Юля, кивая и хмуря редкие брови.

– Верится с трудом.

– Посмотрите расписание, если не верите.

– И посмотрю.

Никон тут же позвонил Катрин и попросил прислать график Юлии у Мартина. Мадам отвечала с паузами, как бы обдумывая. Тянула время неуместными вопросами и уточнениями. В конце

концов заявила: для открытия такой информации должна взять разрешение у регионального координатора. Никон, казалось бы, привыкший к такому педантизму, сейчас почему-то разозлился.

– Ну, что там говорит ваша ужасная француженка?

– Она не француженка, – быстро бросил Никон и спохватился: – Откуда вы узнали, что ее родной язык – французский?

Юлия замялась.

– По акценту.

– Вы с ней общались?

– Нет, у меня слух хороший, а динамик у Вас громкий.

Скользнул глазом по графикам на планшете. Адреналин и сопутствующие медиаторы поползли немного вверх. Пульс участился.

– Странно. Я сам-то не очень хорошо слышал. Верится с трудом, что ты расслышала акцент.

– А вот и расслышала. Уши надо мыть.

Юля рассмеялась. Тон игривый и не напряженный, но графики колеблются. Позвонила Катрин. Заскрипевшим, недовольным голосом сообщила: Мартин ездил к Юлии к 9 часам вечера по вторникам. Никон, не церемонясь, прокомментировал, что это бардак и бросил трубку. Спросил у Юлии, что она расслышала.

– Ваша начальница сказала, что Мартин приезжал ко мне в десять часов.

– Неверно, в девять. По каким дням?

– По четвергам. Или ой, нет, – Юля напряглась, – по вторникам.

Графики опять дернулись вверх.

– Почти верно, – отметил Никон. – Но от меня ты таких визитов не дождешься.

– Ну и зря, – улыбнулась и закатила глазки. – Девушка я оригинальная и привлекательная, – накрутила пару косичек на указательный палец. – Со мной очень интересно проводить время в домашней обстановке. У меня много картин. Дизайнерский ремонт. Хороший вид из окна. Я могу пригласить очаровательных подружек и веселых друзей. Глупо не воспользоваться рабочим временем для отдыха.

– От такого отдыха потом, наверное, еще больше отдыхать надо, – усомнился Никон.

– А Вы попробуйте разок. Я со своей стороны постараюсь, чтобы Вам понравилось.

– Хорошо. Подумаю над Вашим заманчивым предложением.

Сказал для отмазки. Мысль о ночной поездке к оригинальной

и очаровательной почему-то приводила в напряжение.

Глава 15.

Элеонора оказалась девушкой необычной, странной и оттого очень привлекательной. Длинные каштановые кучери, покоренные брошками и заколками в сложную прическу, очень выгодно подчеркивали прямой нос. Большие, широкие, чистые и от того ярко блестящие, лужицы серых глаз, под аккуратно выведенными ветвями черных бровей, казалось, таили в себе не только острый каменистый рельеф, но и сложную, богатую и многообразную внутреннюю жизнь. Жесткая на вид линия губ, над подбородком с ямочкой, почему-то манила и влекла. Никон увлекся.

Отказавшись от скучного, на ее взгляд, предложения поговорить о правде жизни в кафе, Элеонора пригласила на одну интересную постановку. Опера в готическом стиле, гласил флаер, постмодернистская интерпретация отечественной классики. Никон, радуясь возможности получше узнать загадочную девушку плащ, платье, длинные чулки и туфли на широком каблуке которой более напоминали одежды середины девятнадцатого века, нежели середины двадцать первого, быстро согласился.

В просторном, стилизированном под средневековый замок заводском цеху, которому уже никогда не ощутить пряный аромат расплавленной стали, было необычайно тихо. Даже несмотря на обилие гостей, среди оставшегося от времен великих свершений, оборудования, стройных колонн и стрельчатых окон. Люди в одеждах темных тонов из прежних эпох лишь изредка перешептывались и подавали друг другу знаки. Вероятно, сам стиль располагал к мрачному молчанию.

Готическая самодеятельность начиналась мягко и безобидно. Заиграла флейта на фоне тихого и приятного органа. На сцену вышла стройная миловидная девушка с длинной, светлой и прямой, как солома, гривой, в хлорном, пастельно-желто-зеленом шелковом облегающем платье, в венке из нежных голубых цветов. В мрачной и тяжелой атмосфере средневекового замка она выглядела контрастно, словно голубой тюльпан, в настоящем литейном цеху в разгар рабочего дня. Не то фея, не то эльфийка плавно затянула:

К реке я вышла раннею весною

И робко песню тихую запела,

И кто встречался у реки со мною –

Тех песней я приветствовала смело.

Пела красиво. Оба варианта, на русском и на английском, следовавшие друг за другом, звучали великолепно. Чувствовался талант. Сопрано, струящееся из ее груди, конечно же, усиленное

электроникой, но все равно живое, протекало почти до самого сердца. Обводя взглядом одной ей видимые просторы, вещала:

С обрыва наслаждаясь видом глади,
В сонаре эха услыхала песнь иную,
Сей песни чудной и прекрасной ради,
Пошла искать поэта, лес минуя.

В Эфире действительно появился новый голос. Прислушавшись в направлении источника, не то фея, не то эльфийка, грациозно танцуя, двинулась в нужном направлении. Источником оказался лысый и усатый юноша, одетый в серую вышитую рубаху. Он прятался за элементом декорации, чем-то напоминавшем дерево. Девушка, с трепетом, удивленно и радостно описывала:

Там юношу у брега увидала
Весну, что дивным слогом украшал.
К нему я осторожно вопрошала
Чтоб имя мне своё тотчас сказал.

Органный фон стал насыщенней интенсивнее, флейта почти пропала, уступая место замечательному, приятному тенору юноши:

Сарат мне имя, о прелестна дева Тебя издалека ли я слыхал? Прекрасен глас весеннего напева Скажи же и своё, чтоб тоже знал.

Флейта вернулась. Вплетаясь в поток застенчивого и от того еще более привлекательного сопрано, украсила слова тонким серебристым орнаментом.

Ларисою наречена была родными, Я дочь царя речушек и болот, Мой дед еще издревле правил ими, Я дух-хранитель этих тихих вод.

Юноша заинтересовался:

О чем мечтаешь, дивная Лариса,
Когда твой ум крылат в уединеньи?
О счастье, славе, о дханьи бриза?
Поведай другу о своих томленьях.

Лариса, сделав несколько то энергичных, то замирающих па, нагнетающих атмосферу таинственности и сюрпризов, воззрев на оригинальный потолок литейного цеха, до которого не дотянулась преобразующая рука дизайнера, мечтательно пропела:

Коль взор я поднимаю к небосводу,
Светил там новых не ищу, тоскуя;
Увидеть братство, равенство, свободу
Сквозь пелену тяжёлых туч хочу я —
Те золотые три звезды, чей свет
Сияет людям много тысяч лет…

Как бы очнувшись от дивных грез, вернувшись к диалогу, спросила:

Поведай же и о своих мечтаньях.

Юноша, уныло отвечал:

Свободой грежу сколько в силах жить

Я пленник, раб, родился я в страданьи

Еще родителей пленил Нилатс Нарит

Наивность и чистота умилили Никона. Только вот обстановка не давала расслабиться. Словно предупреждала – произойдет что-то страшное. Так и случилось. На сцене литейного цеха появился литейщик. Только, вместо длинного ковша, в руке его оказалась тонкая, поблескивающая в лучах софитов, чернота трости. Одевался он тоже у портных девятнадцатого века. В таком тесном камзоле разливать металл было бы даже и неудобно. Походив осторожно вокруг мило откровенничавших Сарата и Ларисы, литейщик, поймав накатившую неожиданно волну, похожего, но другого, более жесткого органного мотива, в который вплелась и электрогитара, настойчиво и отрывисто, по слогам, уже баритоном, похоже, искусственным, машинным, запел:

Ты имя произнёс моё, ком грязи?! С кем говорит мой от рожденья раб? Тебя я дева знаю, дочь ты князя А этот пленник, ибо глуп и слаб!

Парочка в смятении! Они красиво и одновременно трогательно трагично, танцуя держась за руки, пытаются убежать от злого литейщика. Но ничего не получается. Он, обладая какой-то непреодолимой магией, какой-то властью над Саратом, все время возвращает беглецов к себе. Тяжелая музыка подчеркивает, усиливает его резкие и грубые пассы. Никон ловит себя на глупой мысли – этот третий тут как-то лишний.

Убедившись, что скрыться невозможно, упав от бессилия перед литейщиком, но, не разорвав крепких объятий, Лариса с ненавистью и просьбой, мрачно тянет:

Скажи свободы цену, стражник ночи!

Отец богат мой, платит он сполна.

Лтейщик отвечает, нервно расхаживая вокруг поверженных:

В твоих отцах не обретется мочи.

И заплатить лишь сможешь ты одна.

Со мной уйдёшь ты, здесь его оставим.

Не навсегда. На долгих трое зим.

Рабыней станешь, будешь время с нами.

Потом же вечность счастлива будь с ним!

Сарат восклицает:

– Не верь лжецу!

Нарит не дает сказать:

– Молчи же раб!

– Очнись от сна!

Лариса колеблется. Необходимость такого выбора заставляет метаться. Она то подбегает к Сарату и страстно целует его. То убегает от всех, показывая, что стремится к отцу. То подходит к Нариту, как бы оценивая, можно ли тому верить. Борьба мотивов подчеркивается и нагнетается беспокойной, сбивчивой флейтой и рваным органом, опускающим сердце в куда-то в живот.

Наконец, обмякнув от бессилия, Лариса становится на колени, возводит очи горе, где в самой выси загорается прожектор, направленный на нее. Отверженно, с великой тоской поет:

И тернии ли встречу я в пути,
Или цветок увижу я душистый,
Удастся ли до цели мне дойти
Иль раньше оборвётся путь тернистый,—
Хочу закончить путь – одно в мечтах,
Как начинала: с песней на устах!

Сарат пытается поддержать подругу. Обнимает. Помогает встать. Девушка медленно, колеблясь, еще не полностью победив свой страх, плетется к литейщику. По дороге все тише и тише протягивает несколько раз:

Нет больше свободы, судьбы лишена,
Лишь только надежда осталась одна

Литейщик несказанно рад. Хватает не то эльфийку не то фею за руку. Магией отталкивает кидающегося на помощь Сарата, под аккомпанемент громыхающего органа. Сарат уходит изгнан. Нарит, пришагивая вокруг Ларисы, отрывисто, в такт пульсирующей гитаре, страстно и противно напевает:

О прекрасно…е созданье, Свет твой так…чарует взор! Мелодично…е дыханье, Чертит в возду…хе узор! Я пленен твоим сияньем. Чистоты…твоей души! Орхидея…мирозданья, Ты мне тайну…расскажи! Такой аккуратный, но зловещий подкат, уже намекал – все может закончиться для орхидеи неудачно. Не то фея не то эльфийка, вяло и высоко продолжила петь под тот же дерганый мотив, звучание которого впрочем, смягчилось. Повторяла, запинаясь, фразы несколько раз. Музыка, обогатившаяся, или, возможно, наоборот обедневшая от элементов в стиле техно, помогала ей в этом: Ларисою наречена… была наречена… была родными… Я дочь царя, я дочь царя… речушек и… речушек и… болот… Мой дед еще издревле… дед еще… еще издревле… правил ими… Я дух… Я дух-хранитель… этих… хранитель тихих вод…

Литейщик, тем временем, подкрался сзади и схватил

сникающую девушку. Лариса вырвалась. Но в тех местах, где платья касался злодей, оно стало грязно – масляно прозрачным. Прилипло. Под ним ничего не было. Так случилось несколько раз, пока не то эльфийка не то фея не приобрела вид растрепанный и полуобнаженный.

Литейщик, не в силах самостоятельно справиться с жертвой, призвал своей магией помощников. Схватив девушку, те поволокли бедное создание к ремням, кстати свисавшим со стены. Привязали.

– В интересное же место ты меня притащила! – с сарказмом проорал Никон, стараясь перекричать разбушевавшийся орган.

– Я не знала, что здесь такое будет! Действительно бред. – прокричала в ответ Элеонора, – Сама удивляюсь. Хотя, вот, поют очень даже неплохо.

Литейщик тем временем накалял обстановку. Ларису начали переоблачать в черные кожаные, весьма откровенные одежды. Восторженно напевал:

Звери в замке…страстно воют? Ты отселе…в нашей власти! Ты познаешь…радость боли. Разум твой…вскипит от счастья!

На что Лариса, получив возможность и подходящий аккомпанемент, млеющим голосом давала самоотчет:

Как будто падшая звезда,
Бледнею я от тайной страсти,
Всё вкруг становится тогда
Покорно непонятной власти.

Никону показалось – его баланс поплыл. Нет, конечно, такое представление могло сильно взбудоражить нервную систему. Повлиять на равновесие. Возможно, здесь использовались средства, позволяющие так существенно повлиять на состояние. Какой-нибудь газ, инфразвук из органа. Но Никон очень хорошо различал нюансы, чтобы поверить в это. Баланс действительно поплыл. Возбуждение, смешанное с каким-то иррациональным влечением, заставляло его сопереживать творившемуся на сцене.

И тут он увидел людей, которых совершенно никак не ожидал здесь встретить. Одним из них оказалась нимфетка Джулия Вейдер, вторым – нудная Катрин. Мадам, наряженная и причесанная согласно обстановке, сверлила Никона внимательным цепким взглядом из-за господина в каком то, откровенно, вампирском плаще.

Два факта: скачки баланса и присутствие мадам, на фоне крайнего возбуждения, попав в перцептивное поле – прореагировали как кислород с водородом. С резким увеличением температуры и давления. Проломившись сквозь почтенную публику, Никон, громче, чем даже требовалось,

проорал:

– Покажите мне ваш планшет!

От такого требования, Мадам пришла в недоумение даже большее, чем если бы Никон крепко поцеловал ее в тонкие губы.

– Я…я не понимаю! Что вы требуете!?

– Зачем вы влезли в мой баланс?!

– Я ничего не трогала!

– Дайте посмотреть! Я чувствую!

– Я ничего не трогала!

Мадам проорала так же надрывисто и возбужденно. Никон вырвал у нее из рук черную сумочку, отвернулся, отвоевывая пространство для действий. Расстегнул, вытащил злосчастную глянцевую пластину. Мадам, тем временем, оторопев от происходящего, тщилась протянуть руку за своим незаконно отобранным имуществом. В нее Никон и вставил планшет.

– Покажите мне… графики и журнал!

– Я этого так не оставлю!

Мадам заплясала дрожащими пальцами по глянцу.

– Вот, смотрите свои графики!

Никон сфокусировал взгляд на плясанине разноцветных линий. Выпалил:

– Это вы сделали?!

Окружающие зрители переключились на сцену более живую и интересную, чем ту, что была в программе. Мадам вгляделась. Округлив глаза, протянула на французском:

– Oh mon Dieu!!! Comment est-ce possible!? – на английском зачастила: – This is mistake. It's not me. Now I'm locked.

Планшет выскальзывал из предательски вспотевших рук. Биометрический детектор шалил. Операция, на которую уходит несколько секунд, заняла полминуты. Справившись с собой и управлением, Катрин заявила:

– Теперь нам придется обсуждать это в присутствии регионального координатора! Будьте готовы!

– Всегда готов!

Никон проорал уже менее зло, но вызывающе, прямо в лицо Мадам, подняв руку в пионерском приветствии. Та, разумеется, толстого юмора не поняла.

Вечер закончился событием непредсказуемым даже для посвященных в программу представления. В зал ворвались ребята в черных масках и с автоматами. Выстроили всю почтенную публику, включая Никона и его знакомых, у холодных кирпичных стен. На сцене появился массивный человек, тоже в маске. Речь начал жестко, словами выспренными и абстрактными:

– Наша страна в ужасном состоянии! Мы с потрохами отданы

за долги предыдущими правительствами! Экономика разрушена. Пенсионеров в десять раз больше чем работающих. А те, кто может, не могут… – запнулся, пытаясь разобраться в путанице, – Предприятия, которые еще сохранились, стоят. Мы движемся к… – опять задумался, к чему же все движутся. – Мы на грани голода и … студеной зимней поры.

Никону почему-то вспомнились строки: «Однажды в студеную зимнюю пору, я из лесу вышел…» Вероятно, в голове оратора тоже глубоко засели строки, выученные в годы, когда мышление еще развивалось. Воображение нарисовало комичную картинку. Рассказав стих, человек на сцене начинает его трактовать, объясняя как в суровую зиму надо добывать в лесу дрова. Это переполнило чашу. Никон хихикнул. Вероятно, блокировка коина еще не выровняла баланс полностью. Элеонора ощутимо толкнула локтем в бок, опасаясь репрессий. Оратор, еще более ужесточив тон, продолжал:

– В это время, Вы, молодежь – цвет нации, устраиваете такое вот безобразие. Вместо того, чтобы думать о том как спасти страну, вы жрете наркоту и участвуете в оргиях. Кто будет рожать детей – новых солдат поднимущих знамя нашего великого народа в будущем? Кто будет восстанавливать разрушенное?

– О мой герой! – не менее выспренно и вычурно воскликнула барышня, игравшая не то фею, не то эльфийку.

Кинулась грациозно к оратору и повисла на его бычьей шее белой тряпкой. Герой, стесняясь активно отрывать от себя полуобнаженную «поклонницу», дабы самому не оказаться участником готической оргии, приказал избавить его от провокаторши своим, задремавшим под аккомпанемент патриотической речи, побратимам. Те, с удовольствием, выполнили требование. Девушку утащили к остальным актерам.

– Весь этот разврат разрушает наше общество, – продолжил назидательно оратор, переведя дух и собравшись с мыслями. – Подумайте о своем будущем! Подумайте о вашем предназначении в этом мире! Вы все погибнете собачьей смертью, если не одумаетесь! С такими жителями наш город обречен.

Никон, сначала с внутренней насмешкой воспринявший патриотические призывы, вдруг зауважал активистов. Любители представлений в стиле готик действительно как бы осунулись, понурились. Мужчины опустили головы. Неужели, совесть проснулась? После ажиотажа и возбуждения, для застуканных на горячем, такая реакция была ожидаема.

Когда источник многозначительных лозунгов иссяк, герой на сцене, раскрасневшись и с надрывом, громогласно проорал самый козырный, на его взгляд, лозунг:

– Слава Перуну!!!

После паузы, необходимой для наполнения воздухом просторных легких, в замке разразилось:

– Богам и Пращурам слава!

Так повторилось три раза. Историческая справедливость восторжествовала. Перун поверг злого литейщика. Никону даже показалось: вмешательство язычников было включено в программу ради пущего драматизму и катарсису. Уж очень контрастно и, в то же время, оригинально все вписывалось. Хотя, событие, последовавшее после, сделало такое предположение маловероятным. На прощание, националисты публично и жестоко отлупили ремнями и плетками жалостно вопившего литейщика и его кровожадных коллег. Неразборчивое возмездие настигло даже Сарата, который и так слыл жертвой и менее всего заслуживал гнева древних богов. Лишь не то фея, не то эльфийка осталась целой и невредимой. Жалко висела изможденная страдалица, пристегнутая уже ребятами в балаклавах, на ремнях и то ли плакала, то ли тонко подвывала в такт.

– Здравствуйте! Неожиданная встреча. У вас найдется несколько минут?

Никон бегло и внимательно оглядел вопрошавшего. Черное приталенное длиннополое пальто с широкими лацканами. Серая шляпа, какие нынче в моде, венчает немного вытянутое лицо, на котором внимательные ореховые глаза смотрят поверх прямого носа. Довольно массивный подбородок под тонкими поджатыми губами. Трость в руке, облаченной в черную кожаную перчатку. Поприветствовал в ответ:

– Найдется. Присаживайтесь, пожалуйста.

– Мы имели честь познакомиться вчера на концерте.

– Да, я помню. Вы друг Элеоноры, – оживился Никон. – Кажется, она называла Вас Граф.

– Верно. Очень старый друг.

– Это замечательно.

– Да. Как Вам вчерашнее представление?

– Что тут сказать, – Никон задумался. – Очень необычное. Все очень постмодернично. С иронией. Противоречивое впечатление. Есть о чем подумать. И голоса конечно замечательные.

– Имел честь быть одним из авторов и организаторов, – похвастался Граф.

– Респект! Все получилось замечательно. У Вас талант!

Похвалил больше из вежливости. Хотел поддержать друга девушки.

– Ну, это преимущественно не моя заслуга!

– Позвольте узнать, а сыны Перуна входили в фабулу или посторонний мотив? – улыбнулся Никон.

– Совершенно посторонний. Их уже ищет полиция. Эти варвары испортили вторую часть.

– А мне показалось, что они очень хорошо вписались в сюжет.

– Действительно? Кстати, имел вчера возможность наблюдать еще один мотив, – улыбнулись тонкие губы в ответ. – Вы напали на женщину и отобрали у нее сумочку. Чем все закончилось?

– Долгая история, – насторожился Никон. – Это моя начальница. Хотела подшутить надо мной. Влезла в мой баланс и довела до безумия. Пришлось действовать силой.

– Странные у вас отношения.

– Да уж.

– Граф!? Да, это старый знакомый!

Элеонора звонко рассмеялась. Никону этот звон последнее время стал очень мил. Обреталось в нем что-то завлекающее, живое и прекрасное. Так и хотелось не только услышать его, но ощутить в руках, сжав девушку в крепких объятиях.

– Необычное прозвище.

– У нас у всех такие были. Иногда в нашей компании его заочно называли Грифом. Тот еще клещ. Одно время даже долго ухаживал за мной.

– И как? – невзначай поинтересовался Никон.

– А никак. Я его терпеть не могу. Нудный тип. Расчетливый. Был у меня один кавалер, так он такую сложную схему выстроил, чтобы меня отбить – я просто ужаснулась. Такое впечатление, что он пытался создать вокруг зону отчуждения. А если бы ты видел, какие двусмысленные произведения искусства он дарил! По нему Фрейд плачет! Теперь стараюсь держаться подальше.

Глава 16.

Ранний визит следователя совершенно озадачил Никона. После событий последних дней, голова соображала плохо. Требование, уделить около часа времени, для беседы рушило расписание. В коридоре сидели посетители. Катрин, которая должна была решать подобные вопросы, не оказалось на месте. Следователь оказался крайне настойчив, поэтому пришлось перенести визиты последующих двух часов на вечер. Благо это можно сделать, просто передвинув необходимые строки в конец дня. Сообщения о переносе времени визита автоматически попадает к адресату.

Наконец кабинет освободился. Сергей Петрович, поерзав мощной грузноватой тушей, устроился в кресле поудобнее, откинул голову и немного помолчав, заявил:

– Удобные у вас кресла. Прямо волшебные. Поясница болеть перестала. И дышится легче. Можно я молча немного посижу? Отдохну.

– Пожалуйста.

Никон уже махнул рукой на график. Активно предвкушал, как после претензий с поднятием бровей и округлением глаз, пошлет Катрин к следователю выяснять, почему тот сорвал рабочий процесс.

– Я слышал, что перед тем, как делать дизайн этих кресел, проводилось антропометрическое исследование наших сограждан. Плюс – там использован специальный материал с датчиками, способный сокращаться. Как живая кожа. Кресла меняют форму в зависимости от ваших параметров.

– Ого! Мне действительно показалось, что оно немного двигалось, когда я сел. Страшно! Дорогие, наверное?

– Наверное, они того стоят.

– Страна вечный банкрот, а они роскошью балуются. Где смысл? Ну да ладно, на смысл укажет история, – загадочно улыбнулся Сергей.

Затих, откинувшись. Сделал несколько глубоких вздохов. Закрыл глаза. Покрутился из стороны в сторону. Выглянул в окно. Бросил взгляд на Никона. Немного прищурился, вглядываясь в его руки, губы, глаза. Опять посмотрел в окно.

Никон, посидев немного без дела, взял со стола планшет и принялся доделывать отчет за вчерашний день. Так прошло несколько минут. Наконец Сергей, заерзав и вздохнув, спросил:

– Вам интересно, почему я заявился вот так, без согласования с вашим супервайзером в рабочее время?

– Интересно, – улыбнулся Никон.

– Почему вы не спрашиваете?

– Вы просили тишины. Отдыхаете в удобном кресле.

– То есть Вы думаете, что я решил отдохнуть у вас в кабинете?

– Ваши намерения могли измениться после того, как вы сели в чудо-кресло. Вы об этом сами заявили.

– Как же ваш график? У вас не будет проблем с начальством?

– Будут. Перенаправлю к вам. У вас же есть полномочия?

– Есть.

– Ну вот.

Опять повисла тишина. Следователь неспокоен, даже возбужден. Как будто намеревался сделать шаг и не решил еще как. Возможно, даже ждал первого шага от Никона. Возможно, даже опрометчивого, ошибочного шага. Никон чувствовал это. Он читал характер, исподволь бросая взгляды и прислушиваясь к

словам и дыханию. Старался не заразиться возбуждением. Сохранить спокойствие. Мысленно махнув уже рукой и решив не тратить ресурсы на пережевывание происходящего, он плыл по течению, руководствуясь принципом: будь что будет.

– Как прошел вчерашний день?

– Как обычно. Утром на работу. Вечером домой.

– Как Вы обычно проводите вечера?

– По-разному. Вчера вот зашел в супермаркет, прогулялся от метро пешком. Доделал кое-какую работу.

– А позавчера?

– Позавчера с друзьями.

– А сегодня какие планы?

– Сегодня рабочий день закончится на два часа позже. Останется время только доехать домой, приготовиться к завтрашнему дню и лечь спать.

– Понятно. Вас не удивляет мой визит и расспросы?

– Удивляет.

– Почему вы не интересуетесь причинами?

Никон улыбнулся. Он знал: когда надо слушать, а когда спрашивать. Есть люди, которые отвечают на вопросы очень скупо. Задавая вопросы, такие рассказывают больше, чем отвечая. Умение слушать, слышать и понимать – один из важнейших инструментов в его работе.

– Я думаю, что рано или поздно Вы все объясните.

– Рано не желательно, поздно тоже. Все должно быть вовремя, – назидательно отчеканил Сергей Петрович.

– Вы философ.

– Я следователь.

Никон опять не ответил. Решил тянуть до конца. Спешить все равно уже некуда. Если вечером надо будет работать, почему бы сейчас не отдохнуть?

– Как у вас складываются отношения с новым супервайзером?

Никон интуитивно решил не ограничиваться дежурной фразой, типа «нормальные». Выдал правду с некоторыми подробностями:

– Мы давно знакомы. Отношения немного напряженные.

– Немного напряженные.

Следователь процедил фразу, как бы записывая в воображаемый блокнот полезную информацию.

– Как вы относитесь к тому, что у вас с супервайзером такие отношения?

– Когда закончится расследование, я потребую перевести меня к старому супервайзеру.

– Терпите в надежде, что скоро все закончится, – опять констатировал следователь.

– Можно и так сказать.

– Когда Вы видели ее в последний раз?

– Позавчера.

– Где?

– Здесь.

– Интересно. Что она здесь делала?

– Вам лучше поинтересоваться у нее, – мягко съязвил Никон. – Я не всегда понимаю смысл ее действий.

– Мне интересна Ваша версия.

– Как методист оценивала мою работу.

– И как результат?

– Осталась довольна тем, что сделала мне много замечаний.

– А Вы?

– Что я?

Следователь сделал паузу, подбирая слово. Все равно ляпнул что-то не то:

– Довольны?

Никон не сомневался – ищейка, так он теперь называл гостя про себя, хочет вывести его из равновесия. Играет в игру. Улыбнувшись, сделал ход:

– Доволен, что замечания были не очень резкими и некоторые, даже, по делу.

– Понятно. Потом пошли с друзьями принимать успокоительное, наверное?

Пространство между собеседниками снова наполнилось тишиной, которую протыкали и резали быстрые скользящие взгляды. Никон решил сходить в маленькую атаку:

– Думаете, что бы еще спросить?

– Отдыхаю.

Тон явно не соответствовал заявленному статусу. Ищейка

опять поерзал в кресле. Посмотрел в окно.

– Хорошо. Отдыхайте. У нас есть еще полтора часа. И потом час обеда.

– Кстати, что это у вас за рисунок такой на стене? Прямо схема связей между фигурантами по нашему делу.

– Ежели похожа, так тому и быть, – отмахнулся Никон. – Хотя мама автора говорит, что это похоже на молекулу.

Следователь, хорошо прицелившись, сделал снимок объемного фиолетового графа.

Никон опять уставился в планшет. У него с трудом получилось переключиться на работу. Мышление уже полным ходом делало анализ ситуации и странного поведения следователя. Вопросы касались Катрин и недавних дней. Ищейка раскачивал его из стороны в сторону и наблюдал за реакциями. Выискивал зацепки и дыры. Что случилось с Катрин? Нетерпение подталкивало Никона задать этот вопрос вслух, но он сдержался. Постарался успокоиться. С сожалением подумал: нет возможности увидеть свои графики, как тогда, во время разговора с начальницей. У него получилось. Биологическая обратная связь работала. Жаль, что он не додумался поэкспериментировать с этим, когда его анамнезом распоряжалась Паула. Та редко не уступала требованиям в положительной обратной связи. Всегда шла навстречу.

Следователь сдался первым. Глубоко и тяжело вздохнув, он не совсем твердой рукой выложил карты на стол:

– Катрин пропала.

Прищурился, наблюдая за реакцией Никона. Ожидая подобного заявления, Никон выдал подготовленный вопрос.

– Что об этом известно?

– Я хочу спросить, что об этом знаете Вы?

– Ничего.

– Точно?

Никон развел руками.

– Хорошо. Тогда я расскажу Вам. Она не вышла сегодня на работу. Как раз должно было случиться совещание у регионального координатора. Ее стали искать. Телефон вне зоны. Отправили домой водителя. Тот обнаружил взломанную дверь. Квартиру обыскивали.

– Ого! – искренне удивился Никон. – Мартин, теперь Катрин. У вас есть версии?

– Есть. Недавно к региональному координатору приходил ваш предыдущий супервайзер – Паула. Она рассказала ему о конфликте. Просила объективно отнестись к версиям двух сторон. Еще ранее, Катрин сообщила ему про ощущение, будто за ней

следят. Это чувство появилось, когда Вас перевели. Вы улавливаете тенденцию?

– Слабо, – покрутил головой Никон.

– У Вас есть мотив.

– Вы серьезно?

– По крайней мере, прямо или косвенно об этом сообщили три человека. И вот, кстати. На просторах интернета наши ребята обнаружили занимательное видео о том, как некто в очень странном месте отбирает у Катрин планшет. Вот взгляните.

Следователь протянул экран. Драка за сумку в хорошем качестве Никона расстроила. Неужели даже оператор, снимавший постановку, отвлекся?

– Хочу услышать Вашу версию происходящего.

– Моя версия состоит в том, что в отношениях с Катрин я никогда не думал заходить дальше споров и сарказма. В этом клубе действительно скакал мой баланс. Это должно быть в журналах. И что это такое: злая шутка или сбой в работе системы, надо еще разбираться. Я не тот человек, который будет заходить дальше споров или того, что вы увидели на видео.

– Хорошо, – отступил следователь. – Я понимаю, что в линии Мартин – Катрин Вы случайный элемент. Но проявляющиеся факты свидетельствуют против Вас. Если региональный координатор будет нависать, нам придется обсуждать этот вопрос в другой обстановке.

Грузноватая фигура оказалась у двери так же быстро, как прежде, в кресле. Уже из-за двери долетела фраза:

– Спокойного дня!

Никон отметил скрытый сарказм. Посмеялся. Часть переживаний ушла в смех. Часть влилась в размышления о ситуации. Стало спокойнее. Никон поплыл по течению дальше.

Глава 17.

Навязчивые переживания, связанные с происходящим вокруг, вернулись быстро. Никон не стал их гнать. Знает: в памяти, в бессознательном, уже полным ходом идет разбор сложной задачи. Задачи, в решение которой его втянули без его согласия. Задачи, которая ему не интересна. Зачем ему все эти убийства и похищения? Он хочет спокойно работать. Приносить пользу людям. Получать хоть какие-то деньги. Потреблять хоть какие-то блага цивилизации. У него и так проблем полно.

Как он не заметил этого? Нагромождение незначительных, казалось, для него событий неожиданно превратилось в неподъемный груз. Откуда она вообще взялась – эта Катрин? Снаряд, выпущенный на той далекой войне, снова попал в цель? Бомба замедленного действия?

Мутная река воспоминаний увлекает пробковое сознание своим бурным течением. Никон не сопротивляется. Сначала осторожно, потом все полнее отдается во власть непредсказуемого течения. Плывет.

С тех пор, как должность супервайзера заняла Катрин, обсуждения работы стали особенно долгими и нудными. Пережевывания одного и того же Никона напрягают. Настя, не смотря на свой подвижный, неуравновешенный нрав, терпит.

– Это же психодиагностика! – двадцать седьмой раз повторяет Катрин. – В методических документах ничего не написано про психодиагностику! Наша задача – мониторниг общего состояния переселенцев и кризисная интервенция!

– Если не написано – это не значит, что нельзя. Все это писалось в полевых условиях. С учетом потребностей! – снова пытается объяснить Никон. – А потребность есть.

– Я здесь супервайзер и я буду устанавливать правила. Психодиагностика существует для тех, кто не может понять человека в беседе, в танце, в игре!

– Есть такие вещи, которые очень сложно и долго понимать в беседе или в игре, – настаивает Никон. – Какая может быть кризисная интервенция без четкого представления о проблеме? Все люди разные. Очень разные. Особенно дети.

– Блин! Мне уже надоело, – влезает Настя на русском. – Забей. Какая тебе разница? Вцепился в эти методики. На хрена оно тебе надо!? Работай, как работается. Не спорь!

– Что ты сказала?! – интересуется Катрин.

– Сказала, что Никон не прав. Что у супервайзера больше полевого опыта.

– Спасибо.

– Сама будешь теперь объяснять родственникам, почему дети прячутся от хлопанья дверей под кровать, не смотря на все уговоры, в каком они состоянии и в чем проблема! – не выдерживает Никон.

– И объясню! – размашисто отвечает Настя. – Все просто! Реакция на травматический стресс!

В детском саду встречают радушно. Мы здесь по рекомендации методиста психологов городского отдела образования. Приятная заведующая. Супермать, готовая сама заботиться обо всех трехстах воспитанниках. С порога начинает рассказ о том, какие здесь замечательные детки и квалифицированные воспитатели.

Первый визит мы делаем втроем. Я, Настя и Лена. Я и Настя –

недавние студенты. Лена – звезда, способная очаровать кого угодно. Контакт с руководством налажен. Мы уже пьем чай в небольшой комнатке разрисованной сказочными персонажами. Постепенно переходим к обсуждению проблем.

Заведующая, пусть это звучит и странно, с некоторым удовольствием рассказывает об ужасах, в буквальном смысле свалившихся на детский сад с неба. Мы часто слышим рассказы о кошмарах этой войны. Мы представляем благотворительную организацию. Мы оказываем гуманитарную помощь тем, кто в ней нуждается. Люди любят нам жаловаться. Мы всегда слушаем внимательно. Это наша работа.

Сейчас мы слушаем рассказ о том страшном дне. Очи заведующей и в спокойном состоянии круглы, но теперь… Из широких черных пропастей ее зрачков на нас выскакивают образы переживаний, способные вывести из равновесия даже самых матерых. Она говорит, изредка останавливаясь, повторяясь. В особо напряженные моменты глаза отрешенно замирают на одной точке. Она сейчас тогда:

– Это все из-за них. Аэродром очень близко к нашему садику. Они постоянно пускали свои «Точки» в сторону схизматов. И штаб ихний там находится. Вот и получили в ответ. Накрыли их смерчами. А мы-то тут причем? Вы можете себе представить, когда у вас под окнами взрываются бомбы? Много бомб. А тут детки: и маленькие совсем, и постарше. Мы с ними занимались. Мы их учили, как себя вести. В игры играли. Чтобы они не боялись. Чтобы даже бомбежку воспринимали, как игру. Если воспитатель говорит: гром гремит – мышки прячутся в норку, все лезут пот столики и кроватки. Детки быстро научились. Они же все чувствуют! Вот смотрите, что к нам прилетело.

Заведующая извлекает на свет пакет с железными фрагментами. Высыпает на стол. Мы внимательно разглядываем небольшие цилиндрики и осколки рваного листового металла. Высказываем свои впечатления. Даем обратную связь. Рассказчица, переполняемая эмоциями, продолжает:

– Это детки понаходили. Везде. И на втором этаже, и на первом. На полу, под столами, под кроватками. В деревянных дверях. В стенах. У нас теперь окна все в таких дырочках. Слава Богу – на улице никого не было. Одна группа как раз только вернулась, а вторая собиралась. Мне даже представить страшно, что могло бы произойти. Я бы не пережила.

Зрачки увлажняются. От блеска становятся еще шире и глубже. Страшный рассказ продолжается:

– Ведь в прошлом году, летом. Двадцать второго июня, представляете? Нас же тоже обстреляли. Нарочно такого не

придумаешь, как в фильмах про Великую Отечественную. Вот тогда для нас началась эта война. Воспитатель один погиб во дворе. Как мы все плакали. С тех пор – как на иголках. Постоянно ждем угрозы.

Миша не хочет идти. Он боится. Очень боится. Знает – мир опасен. Люди опасны. Не все. Есть люди безопасные. Таких он не боится. Воспитатели, которых он знает, безопасны. Дети в группе безопасны. Прежде, чем убедиться в этом, он долго наблюдал. Несколько дней. Это оказались очень тяжелые дни. Было страшно, холодно и одиноко.

Теперь Мишу опять ведут в неизвестность. Он вяло упирается. Дышит тяжело. Расширенные зрачки, сливающиеся с темно-коричневой радужкой, недвижно смотрят в ближайшее будущее. Мышцы на бледном, болезненном лице немеют. Ноги немного дрожат и плохо держат. Вспотевшая рука норовит выскочить из теплой и мягкой обычно, но жесткой сейчас, ладони конвоира. Сил не хватает.

Вот закрытая дверь. Что за ней? Кто там? Дверь открывается. Там светлее, чем в коридоре. Яркий свет бьет в глаза. Узкий проход между большим окном справа и полками, уставленными книгами, слева. Там кто-то есть. Там разговаривают и чем-то шелестят. Чужие люди смотрят на него. Чужие дети сидят за столом и рисуют. Чужая обстановка кабинета давит. Он хочет вернуться в группу. Не получается.

Миша знает – мальчики не плачут. Плакать это девчачье дело. Но сейчас на глаза наворачиваются слезы. Миша кричит:

– Нет! Я не хочу!

Один из тех чужих, что внимательно смотрел, бросается и приседает перед ним. Что-то говорит, но Миша не слышит. В горле и груди сильно шумит и давит. И видит он сейчас плохо. Почти плачет. Лихорадочно повторяет про себя, что это девочки плачут, но слезы не слушаются. Конвоир уступает. Уводит его к двери и садит на стул. Остается рядом. Гладит по горячей голове. Нашептывает. Дышать становится легче. Миша осматривается. Привыкает к яркому свету. К новым звукам и стенам.

Опять приходит тот чужой. Опять садится рядом и протягивает Мише две вещи. Бумагу и карандаши. Спрашивает, будет ли Миша рисовать, и какой карандаш ему нравится больше всего. Миша смотрит на толстые разноцветные палочки. Гладит их влажным пальчиком. Выбирает холодный фиолетовый. Ему нравится этот цвет. На него приятно смотреть. Не хочется отрывать глаз от него. В голове что-то течет от этого цвета, плавится. Становится легче. Чужой предлагает выбрать еще один.

Миша берет черный. Он тяжелый и пустой. Мише часто хочется накрыться тяжелой пустотой. Чтобы не слышать, не видеть и ничего не чувствовать. Он устал от этого непредсказуемого яркого мира. Но мир держит. Миша увяз в нем, как муравей в сладком сиропе.

Чужой предлагает сесть за стол с другими детьми. Миша соглашается. Он уже попробовал провести мягким жирным карандашом по белому листу. Это приятно. Это очень приятно. Такое чувство, словно веревка, опутавшая тебя изнутри, разматывается в жирную фиолетовую линию. В груди становится щекотно. Миша позволяет отвести себя. Садится на стул. Замирает над листом. Чужой спрашивает, что Миша будет рисовать. Отвечает коротко:

– Войну.

Чужие переглядываются. Хвалят выбор и оставляют в покое. Миша начинает разматывать веревки из своей груди. Сначала фиолетовую, потом черную. Мягкий масляный карандаш мажется, еле прилипая. Веревки вьются по белому листу. Как же это приятно. Фиолетовая, черная. Черная, фиолетовая. Первый танк готов. Гусеницы, башня, ствол. Неуклюжий фиолетовый танкист смотрит слева в центр листа огромными черными глазами. Веревки вьются дальше. Справа на страницу въезжает второй танк. На нем танкиста не будет. Сидит внутри. Это враг. Он хочет убить первого. Хочет разрушить все, что тот имеет. Миша ненавидит его. Он бы разорвал его на части, но не знает как. Становится холодно. Зябко. Миша отодвигает лист с танками в сторону. Водит пальцем по столу.

Чужой замечает это и подходит. Внимательно смотрит на интенсивно закрашенный лист. Различает на нем танки. Спрашивает. Миша односложно отвечает. Ему уже не так страшно, но он не хочет говорить. Чужой не отстает. Предлагает поиграть в интересную игру. Кладет перед Мишей картинку. Просит сказать, что на ней нарисовано.

Сначала Миша не может понять. Он смотрит. Внимательно вглядывается. Не может понять. Потом вдруг понимает – это рисунок большого жука. Не пугается. Жуки ему нравятся. Он любит рассматривать, как те, перебирая быстрыми лапками, носятся по земле. Твердые, гладкие, блестящие. Сообщает чужому. То хвалит и кладет вторую картинку. Миша опять находит на ней жука. Сообщает. Получает третью. То же. На пятой сразу видит бабочку. Все остальные картинки – бабочки или жуки. После последней, чужой хвалит и предлагает поиграть в еще одну интересную игру. Переворачивает Мишин рисунок и раскладывает на нем восемь цветных карточек. Просит выбрать

ту, что нравится больше всего. Миша выбирает фиолетовую. Чужой кивает, хвалит, просит взять еще одну. Миша берет черную. Отдает, затем выбирает коричневую. Немного думает, берет синюю. Затем следуют зеленая и серая. На просьбу выбрать из оставшихся красной и желтой, Миша безоговорочно заявляет:

– Это девчачьи цвета. Я их брать не буду.

Чужой извиняется. Забирает карточки. Дает лист бумаги и предлагает порисовать еще. Миша уже почти не боится. Он начинает чувствовать – опасность ему здесь не угрожает.

Воспитательница – женщина внимательная и уставшая, рада людям, готовым слушать о ее проблемах. Спешит выложить все подробности:

– Миша у нас уже три месяца. И за эти три месяца он меня вымотал. Это настоящий ад! Сначала, как только пришел, неделю ходил как тень. С детьми даже не играл, не шумел. Только по сторонам смотрел, приглядывался. Потом, вроде бы, освоился. Друга себе нашел – Дениса. И тут началось.

Такое впечатление, что у него внутри переключатель щелкает. То сидит на занятии, внимательно слушает. Смотрит своими темными глазками. Потом, вдруг, ни с того ни с сего, встанет и начнет по полу ползать между столиками или под ними. И ничего поделать невозможно. На слова не реагирует никак. Детки на него смотрят. Одни пугаются, а другие тоже начинают порядок нарушать. Мне и жалко его. Они же из зоны АТО приехали. Из-под бомбежек. Я терплю, но ведь есть же и пределы.

А то на прогулке залезет по лестнице на самый верх и сидит там. Снять его не можем. Нам уже в помещение пора идти – прогулка закончилась. А он сидит там и смотрит своими глазенками темными. И не понятно, что делать. Начнешь его снимать – может грохнуться. И оставить его там без присмотра невозможно. Я уже вся как на иголках. Я когда в его глаза смотрю, мне кажется: там не один Миша, а как минимум два. Кстати, вот смотрите.

Воспитательница отрывает от груди книжку-раскраску, показывает первую страницу. Передает Насте. Та начинает внимательно листать. Рассказчица продолжает:

– Видите, как аккуратно все раскрашено! Грибочки, машинки, животные. Все точно, линия в линию. А прописи у него какие! Палочка в палочку. Как напечатано. А теперь здесь посмотрите!

Помогает Насте раскрыть нужную страницу. Грибочков и машинок нет. Здесь есть только бесформенные фиолетовые клубки. Закрашено нетерпеливо, с нажимом, с агрессией.

Вертикальные линии плотно накрывают горизонтальные. Так продолжается много страниц. Прописи тоже удивляют. Страница с ровными закорючками вряд сменяется страницей, исписанной странными, замысловатыми иероглифами.

– Как будто переключается что-то, – продолжает причитать воспитательница. – И каждый раз боишься, что произойдет что-то страшное.

– Скажите, может быть есть цикличность в его поведении? Или закономерность? – пытается направить рассказчицу в нужное русло Никон. – Может быть, что-то щелкает его переключателем? Какие-то внешние события.

– Я следила, но не заметила, – задумывается воспитательница. – Невозможно предсказать его поведение. Это, наверное, внутри. Вот, например, когда нас бомбили. Все детки спрятались под столики. Да и взрослые тоже перепугались и под столы полезли. А у него переключатель щелкнул. Подскочил к окну и стал орать: «Сволочи. Террористы проклятые. Всех убью. Кишки ваши по асфальту размажу!». Глазенки круглые, бегают. Пальчики скрючил. Он и так странный, но такого я еще не видела. Вот тогда мне стало вообще страшно от того, что у него в голове творится.

Подвижные черные глаза не могут стоять на месте.

Бегают из стороны в сторону. Иногда вращаются. Миша очень похож на маму. Нет, не внешне. Черты лица вроде бы и другие. Необычность, что читается во взгляде, чувствуется похожей. Тянет холодком, как из погреба. Холодный жесткий голос нарезает эфир:

– Раньше такого не было. Болел, конечно. С почками проблемы. Там у него какие-то сосуды слишком длинные. Мы с ним каждые полгода в Ценоде лежали в нефрологии. Но до того, как они разбили Лабед и мы переехали сюда, он вел себя нормально. Потом как что-то переломилось. Нас тут к психиатру отправляли. Тот сказал – все в норме. Перерастет. Дома каждый вечер смотрит телевизор. Кричит, когда в новостях рассказывают, что схизматы обстреляли город. Клянется всех убить, когда вырастет. Я ему сказала, чтобы в саду вел себя нормально. Пугаю, что выгонят. Тут немного осталось до школы. Надо дотерпеть.

Никон ловит небольшую паузу и спрашивает невзначай:

– А отец, здесь, с вами живет?

Пауза продлевается. Мама смотрит по сторонам. Влево, вверх, вправо. Думает.

– Мы с ним развелись пару лет назад. Он к нам приходил до войны. С Мишей поиграть. Потом, когда все началось, перестал.

Миша думает – его взяли в плен схизматы.

– А на самом деле?

– Слышала, что он воевать пошел. Только вы тут никому не говорите, что я вам рассказываю. Мы с Мишей за единую и независимую.

– Все конфиденциально, – спешно заверяет Никон. – Информация будет использована только для того, чтобы разобраться в проблеме и найти решение.

Миша, уже привыкший к новым людям, пытается объяснить, что нарисовано в его каракулях. Показывает на танк с желто-голубым флагом. Тихо говорит:

– Это наши!

– А это? – Никон указывает в сторону танка с красным флагом.

– А это – схизматы проклятые.

Сидящий неподалеку Максим настораживается. Влезает в беседу:

– Ты что дурак? Это наши! А это, – тыкает в сине-желтый танк, – проклятые мутены.

– Это ты дурак! – огрызается Миша и добавляет: – и схизмат проклятый.

– Все. Я тебя в группе закопаю, мутена – обещает Максим.

Переключается на свой рисунок.

Настя приводит еще троих детей. Воспитатели отобрали самых неспокойных и неадекватных, по их мнению. Собирается группа из семи. Настя предлагает поиграть в игру, которую она проводила в лагере разведчиков. Каждый должен разрисовать красками ладошку, поставить на большом ватмане отпечаток и потом дорисовать руку до картинки. Дети с интересом включаются. Пачкают руки в краске. Локти и лица тоже. Хаотично марают ватман красным, фиолетовым и черным. Максим пытается ухватить Мишу за нос черной ладонью. Миша отмахивается красной. Схизмат и мутена пачкают друг друга с ненавистью. Разгорается битва не на жизнь, а насмерть. Кто-то из детей уже полез пачкать все под стол. Кто-то продолжает уродовать ватман. Воцаряется хаос. Как раз во время апогея заходит старший воспитатель. Злится. Интересуется целью проводимого мероприятия. Недавняя выпускница не может адекватно аргументировать. Никон чешет затылок. Стыдно.

Выйдя из здания садика, спрашивает:

– А действительно, зачем мы собрали самых девиантных, не знакомых между собой детей в одну группу и дали им задачу на совместную деятельность? Как ты думаешь, для какого этапа

групповой динамики эта игра?

– В лагере разведчиков все нормально было. Здесь дети какие-то не такие. Это вообще ты виноват. Не можешь контролировать.

Настя отмахивается длинной массивной рукой. Закуривает. Замечает:

– А Миша, конечно молодец. Патриот. Остальные – личинки зомби.

– Я бы сказал что все, кто ретранслирует пропаганду – личинки зомби, – бросает Никон. – Тем более, дети, которые своего мнения обосновать не могут.

– Не съезжай. На таких как ты диктатура и держалась, – прищуривается Настя.

Спорить с членом Всемирной организации разведческого движения, который принимал активное участие в событиях на буйной площади, бесполезно. Тем более, если он уже уверен, что зима близко и серые ватники перевалили через забор. И в словах твоих выискивает их заявления. Никон пытается съехать:

– Я имел в виду, что это сильно вредит его психическому здоровью. Детский невроз – это очень страшно. А тут все только подогревается.

– Ой, только не надо твоих диагнозов. Катрин, насколько я помню, это запретила. Все нормально у пацана. Наше дело людей успокаивать, а не психоанализ им проводить.

Большой овальный стол. В центре, навалившись вперед, восседает координатор проекта – Андреас. Массивный, бородатый македонец, с большим носом и кучерявым хвостом. У себя на родине – известный рок-музыкант. Вокруг расселись сотрудники.

Английская речь, повторяемая русским эхом, звучит предельно серьезно. Формат общения задает такой тон.

– Что у нас с безопасностью?

– Ночью обстреляли Волрог и Лабед, – сообщают привычную фразу хором несколько сотрудников.

– As usual. Nothing new.

Обсуждение, приевшихся уже, новостей о плотных бомбежках одних тех же городов, которые, и так слышны из-за горизонта круглые сутки, завершается вопросом:

– Ok. Mental health supervisor!?

Катрин опять немного притормаживает, роется в блокноте, пытаясь найти расписание на сегодняшний день. Наконец, сообщает. Выслушав, Андреас продолжает:

– Хочу еще раз заметить: кроме нас в этом регионе действуют и другие гуманитарные игроки. В некоторых вопросах мы с ними

сотрудничаем. Есть ситуации, когда мы можем перенаправить людей к ним. В некоторых областях они наши конкуренты. Это средства массовой информации. Люди должны знать – мы работаем лучше и качественнее. Соревноваться с другими гуманитарными игроками в качестве оказанной помощи нам помогает одна отличительная черта. Мы реагируем на запросы быстро. Намного быстрее, чем они. И мы должны стараться реагировать еще быстрее. Поставлять медикаменты и одеяла в больницы. Оказывать психологическую поддержку. Подумайте как ускорить нашу работу.

Сегодня к нам приезжает репортер. Его зовут Джеффри. Необходимо подобрать такое место расселения вынужденных переселенцев, репортаж из которого растрогает сердца наших европейских спонсоров. Они должны видеть: мы действительно работаем здесь в очень суровых условиях. Помогаем людям, пострадавшим от военных действий и подвергаемся опасности сами.

Катрин строчит в блокнот, активно кивает, всем существом своим, выражая готовность трудиться, ради важного общего дела.

Под оббитой штукатуркой видны ромбики дранки. Дверной проем раскурочен и оттого более кругл, чем прямоуголен. Трубы не просто выглядывают, а торчат из стен, по причине известной лишь одному пьяному водопроводчику. За занавеской в общем зале гудят стиральные машины. На многочисленных, хаотично натянутых веревках, развешаны трусы, носки и пеленки. По сдвинутым вместе столам бегают чумазые дети поменьше. Вокруг сидят мрачные, замученные обстоятельствами взрослые и слушают рассказ Никона и Насти о реакции на травматический стресс. Женам шахтеров не очень интересно, они думают о том, чем сегодня накормить детей. Но комендант поселения сказала, что эта международная организация, кроме промывания мозгов, раздает еще и гуманитарную помощь.

Джеффри, вместе с делегацией хорошо одетых иностранцев и переводчиком, снимает. Местные рады такому вниманию. Готовы рассказать на камеру о своих потерях в этой страшной, никому не нужной войне. Никон все удивляется: почему иностранцы вызывают у этих людей такое доверие и уважение?

Настя берет на руки двухлетнюю Соню, которая уже держит в руках красный фломастер. Воодушевленно рассказывает Джеффри через переводчика о страшных бедствиях, что обрушились на мирных жителей региона и о том, как много работы обрушилось на нее. Рядом сидит Сонина тетя и кивает. Видно – она больше склонна растворять свои переживания в

спирте, нежели переваривать их с чьей-то помощью. Джеффри кажется – это добавляет картине красочности и трагичности. Соня начинает разрисовывать Настю. Ей разрешают. Это так трогательно.

Джеффри постарался. Смонтировано качественно. Жалостливая музыка. Жалкие, уставшие лица туземцев на фоне ужасных обдолбаных стен и чумазых детей, играющих в пыли. Спонсоры понимают, что платят не зря. Настя рада десяткам тысяч просмотров и лайкам друзей с буйной площади. Только туземцы никак не могут понять: когда же будет обещанная гуманитарная помощь.

– Как ты думаешь, где граница, которую мы не имеем права переступать?

– Ха-ха. Рассмешил. На самом деле, братец, мы участвуем не столько в кризисной, сколько в гуманитарной интервенции. Так что не парься.

– Что ты имеешь в виду?

– В кризисной интервенции мы сами решаем, что человеку нужна помощь, идем и помогаем ему. Человек не просит. Он, возможно, даже и не догадывался, что ему нужен психолог. Последствия такой помощи могут оказаться даже нежелательными для человека. К примеру, он еще не созрел. Или ты, уставший от интенсивной работы, налажал. При гуманитарной интервенции – тоже самое, только на уровне всего общества, государства. Некоторые люди считают, что развитые демократические государства обязаны вмешиваться для защиты прав человека в дела государств, где таковые нарушаются.

– Я-то стараюсь помочь людям по-настоящему.

– Это уже на твое усмотрение. Нам платят деньги не за это, а за нужную картинку. За то, чтобы наша помощь всплыла, в конце концов, в виде статистики, отражающей ужасное положение дел. Мы разведчики, шпионы, собирающие информацию о нашей многострадальной уродине для людей, которые хотят сделать ее красивее и счастливее.

В их понимании, конечно.

– Мне кажется, что ты преувеличиваешь. Но если ты действительно так считаешь, как же ты тогда здесь работаешь?

– А вот так…

Глава 18.

Совпадения удивляли Никона все меньше и меньше. Плотность таких событий, в последнее время, возросла в геометрической прогрессии.

Дениса он не узнал. Уж очень сильно тот изменился.

Постарел, сник. В выцветших глазах уже не было того энтузиазма похожего на фанатизм.

Зато Денис спросил прямо:

– Помнишь меня?

Никон не ответил. Задумался. Перед ним промелькнули тысячи лиц. Он уже путался.

– Помнишь, мы встречались с тобой на войне, земляк?

Никон вспомнил. Линии от ключевых слов «война» и «земляк» пересеклись в конкретной точке его памяти. Внимательнее вглядевшись в черты, он реконструировал то давнишнее лицо, с которым общался в бытность свою на войне.

– Действительно, память никуда не годится. Стареем, – протянул руку. – Привет земляк! Как поживаешь?

– …привет земляк! Как поживаешь?

Розовощекий вояка в новеньком камуфляже с погонами лейтенанта, со смайликом над желтой ленточкой на рукаве, бронике и с автоматом наперевес машет раскрытым паспортом у Никона перед носом.

– Здорово! – протягивает Никон руку и крепко жмет. – Работаем. Помогаем переселенцам пережить войну. Как воюется?

– Воюется нормально, – широко улыбается. – Ты, значит, Никон, – указывает на паспорт. – Денис. Куда путь держите?

– В Ротамарк.

– Что там?

– Переселенцы, детский садик рядом с аэродромом.

– Понятно, – тянет Денис и переключается на водителя, – откройте, пожалуйста, багажник.

Подзывает сержанта, говорит осмотреть машину повнимательнее.

– А Вы, пан Никон, пройдемте со мной для проверки документов.

Никон под нейтральными взглядами пассажиров вываливается на улицу. Следует за лейтенантом в каптерку.

– Ну что, присаживайся, земеля! Чувствуй себя, как дома!

Пододвигает обшарпанный армейский табурет. Сам валится на пружинящую кровать. Извлекает из-под подушки початую бутылку водки. Отработанным жестом свинчивает крышку. Разливает по пластиковым стаканчикам.

– Мне половину! – пытается найти компромисс Никон. – Еще с людьми работать.

– Чисто символически. Нам тут тоже спать нельзя. Ну, за здоровье! Нам оно тут еще ой как понадобится.

Переводит дыхание, не закусывая. Никон делает маленький

глоток, пытается почувствовать жгучий вкус спирта и ставит стакан. Алкоголь всасывается еще во рту. Становится хорошо.

– Эх, закуску бы получше и можно жить. Этот сухпай никуда не годится. Ну что, рассказывай. На родину часто ездишь?

– Раз в пару месяцев. Кататься не близко перекладными. А ты давно был?

– Да уже полгода не был. После того, как эти идиоты из отпуска не вернулись, никого не пускают. Подруга пишет, что еще немного – и уйдет к другому. А она мне, блядь, каждую ночь снится. А, так ты ж этот, психолог. Давай, помогай земляку! Что делать в такой ситуации?

В свой стакан наливает, Никону капает.

– Даже не знаю. Думаю – все разрешится, если вы увидитесь. Или ты к ней приедешь, или она к тебе.

– Говорит, что мамаша ее не пускает. Переживает, как бы драгоценную дочку тут изголодавшиеся мутены или схизматы не похитили. А мы тут на что? Не защитим, что ли? Они что, там не верят в нашу победу?! Давай! За победу!

Поднимает стакан, опрокидывает. Никон опять смакует. Не хочет приехать в пункт назначения поддатым.

– Эй, земляк. Что-то ты за победу слабее, чем за здоровье выпил. Так мы точно не победим. Как там вообще настроения? Что-то волонтеров меньше стало ездить. О чем они там думают вообще в своей столице?

– Там идет война за власть. Не знаю о чем они думают, но о простых людях они точно не думают. Никак не могу понять – зачем вообще все это началось и кому выгодно.

То ли водка действует, то ли хочется охладить боевой пыл пьянеющего земляка. Никон закидывает рациональное зерно на политический субстрат.

– Еще чуть-чуть и мы этих сук сами поедем строить. Может они там думают – мы тут в блиндажах под артобстрелами до старости сидеть будем? Ни хрена! Если не начнут нормально снабжать, сядем на броню и поедем в гости к генералам и чиновникам. У кого оружие, тот и должен порядок наводить.

Хватает стоящий рядом автомат за ствол и бьет прикладом об пол. Затворная рама клацает, сделав половинный ход.

– Взвелся? – интересуется Никон.

– Да ни хрена. Чтоб взвелся, надо со всей дури долбануть. И то неизвестно – приклад развалится или затвор до конца дойдет. Один уже так сломали.

Скрипит дверь. Сержант, проверявший багажник, сообщает – все в порядке и врачей можно отпускать. Никон поднимается, Денис вслед за ним.

– Ну ладно, земеля, еще увидимся. Лечи своих переселенцев. Учи их любить батькивщину.

– Спокойной дороги вам и побольше симпатичных водительниц, – шутит Никон.

– О, за это спасибо. Этого нам тут не хватает. Одни, сука, мрачные схизматы шныряют, чтоб им неладно. Ладно, давай. Будем живы – здоровы.

– Что Никон, набухался?! – язвительно интересуется Андрей, ударяя по рулю.

– Да, так…

– Так иди дальше бухай! И Настюху с собой забирай. А то она обижается, что молодые вояки ее пить не зовут. А мы тут с Катюхой позажигаем!

Приобнимает мадам, сидящую на переднем сидении. Та кивает головой и, с вопросом в темных глазах, пытается повторить слово «позажигаем».

– Переведи ей это как «расслабимся», – играет Андрей.

Никон переводит.

– Я радость, … «позажигаем» тут! – улыбается Катрин Андрею, – Надо спешить. Мы опаздываем в детский сад.

Машина трогается. Никон и Денис машут другу-другу сквозь забрызганное дорожной грязью стекло.

– А…а, доживаю, – махнул рукой Денис. – Война эта здоровье подорвала. Как закончилась, вернулся домой. Разруха, работы нет. Даже те деньги, что должны были за службу, до сих пор не отдали полностью. Выпить нормально не за что. Одна брага. А сколько лет уже прошло. Родина, мать ее, обманула.

Денис закатил глаза, то ли брагу представляя, то ли отчизну разрушенную, что не может сынов своих даже нормальным качественным горючим обеспечить.

– Да уж, – невнятно и печально прошептал Никон, чтобы дать хоть какую-то обратную связь.

– Второй раз бы не пошел за этих сук воевать! – ударил по столу кулаком, задумался ненадолго. – Раньше надо было с плеча рубить. Теперь поздно. Ты, земеля, если шо, руби сразу, не раздумывая.

Глава 19.

Следователь вмешался в работу, как обычно, неожиданно. Позвонил и настойчиво попросил явиться на станцию метро Баркенс. Никон, привыкший уже к постоянно ломающемуся расписанию, сдвинул ближайшие три часа на вечер. Пострадав мельком о том, что придется работать до восьми, он мысленно улыбнулся предложению Юлии Ведерниковой. Теперь оно

казалось не таким уж и экстравагантным. Загрузился в метро. Протарахтел до станции Плейдом, перебежал на Вудендор. Оттуда, долго прождав поезд на разбитой лавочке, нудно дотащился в ржавом, громыхающем словно цистерна товарняка, вагоне до Баркенс. Скудно освещенные, несколько постаревшие, станции сменяли темные, таящие в своих закоулках тайны Города, перегоны, как короткие дни меняют ночи. В метро получилось отдохнуть. Вопреки душераздирающему скрежету стали и сталь, выспаться без кошмаров. Показалось, что без проблем промоталась, пронеслась мимо целая неделя жизни. Длинная ночь – короткий пасмурный день – опять ночь. Несомый напористым и грубым подземным ветром, выкарабкался на поверхность. Город здесь фонил еще большей чуждостью и холодом, чем в центре. Погода портилась. Мокрый обшарпанный бетон вокруг резонировал со свинцовым, с коррозинкой клочковатых облаков, небом. Позвонил. Петрович, как сокращенно называл про себя следователя Никон, ждал его наверху у дороги. Без лишних слов и церемоний запихал в раздолбанный служебный драндулет. Тарахтя неплотно пригнанной дверью и багажником по многолетним ямам, пронесся через развязку на Капитальное шоссе. Никон, привыкший дожидаться, когда все станет ясным без лишних слов, задал лишь один вопрос, который следователь сосредоточенно проигнорировал. Проехав мимо урочища Скинхилл, которое после нескольких суровых зим стало совсем безлесным и пустынным, неожиданно свернул на улицу Индустриальную. Понесся, не обращая внимания на широкие щели в стыках между плитами, по прямой. Вдоль плененной в канаву из плит, речки Сванки. Выехал к ее железобетонному устью, впадающему в древний, тяжко вздыхающий под тяжестью свинцового неба Дисифен. Серые ровные берега уже обжили люди в засаленной и штопаной форме врачей скорой помощи и полицейских. Первые копошились возле фигурки, беспомощно залегшей на носилках. Вторые бродили по округе, внимательно вглядываясь под бывалые ботинки. Следователь прытко выскочив из машины, нагло потянул Никона к врачам.

– Узнаете?!!

Спросил тоном, одновременно сердитым и вкрадчивым. Какие черты характера могли бы порождать такое сочетание обертонов, Никон еще не понимал. Времени не нашлось на такие размышления. Человека он узнал внимательно приглядевшись. Запомнил лицо на первом собрании у следователя.

– Видел пару раз на общем собрании у супервайзера и у Вас. Не помню, как зовут.

– Это Антигония Зограф! – с нажимом и досадой воскликнул Петрович. – Два дня не появлялась на работе и не отвечала по телефону. Координаты коина определить не удавалось. Здесь ее обнаружил проживающий неподалеку бомж.

– Слава Богу, что она жива.

– Откуда вы знаете, что она жива?

– Судя по действиям медиков.

– Она не вполне жива. Она находится в коме.

– Печально.

Никон подошел ближе. Всмотрелся в бледное обескровленное как у алебастровой статуи лицо в кислородной маске. Беззащитная тонкая фигурка, обдуваемая влажными речными ветрами, вызвала чувства жалости и печали. Кисловатые, горьковатые и бесформенные, как подбродившая ягода или фрукт. Никон всегда чувствовал что-то подобное, когда доводилось видеть бренность и хрупкость человеческого существования.

– Если бы Вы знали как мне печально, – согласился следователь.

Никон поинтересовался у врачей:

– Какой диагноз?

– Пока не можем сообщить, – ответили, оглянувшись на следователя.

– Что вы об этом думаете? – поинтересовался Петрович.

– А что я могу об этом думать?

– Вот это я и хочу узнать.

– Для меня загадка, как она здесь оказалась в таком состоянии. Вы были у нее дома? Там никто не рылся?

– Там все в порядке. Почему вы спросили?

– Хочу сопоставить с пропажей Катрин.

– И как?

– Случаи отличаются.

– Как Вы наблюдательны!

Сарказм следователя не сильно уколол Никона, переживания, запустившиеся в нем при виде Антигонии, беспокоили больше. Ответил сарказмом же.

– Спасибо за высокую оценку.

– Я бы попросил Вас взять к себе ее абонентов, – уже серьезно потребовал Петрович. – Тех, что достались ей от Мартина.

– Вы хотите сделать из меня мишень? Приманку?

– А вы предлагаете поручить это той пышной даме, что задавала мне уйму глупых вопросов на первом собрании?

– Почему бы и нет. Она желала пообщаться с вами подольше на том первом свидании. Такое внимание, доставило бы ей

удовольствие.

Никона, очень не любившего разного рода манипуляции, поведение следователя начинало злить. Ничего не объясняя, отрывает от работы и тащит сюда. Здесь, наблюдая за реакцией, задает нелепые вопросы. Издевается. После этого, просит помочь в поимке опасного злодея покусившегося уже на жизни троих человек.

– От Вас будет больше толку, – искренне ответил Петрович, не обращая внимания на колкость.

– Я подумаю.

– Хорошо. Об этом решении Вам сообщит ваше начальство. Сами до метро доберетесь?

«Вот же козел!» – еще больше разозлился про себя Никон.

Следователю ответил тоном, резко не соответствовавшим содержанию:

– Хотите рецепт от облысения?! – услышав утвердительный ответ, выдал баян: – Намазываете голову медом. Ждете три дня. Хлопаете в ладоши. Мухи улетают. Лапки остаются.

Не дожидаясь реакции, развернулся. Спешно зашагал по осколкам, хрустящим под ногами, в сторону дороги.

– Самое главное – не дорого! – донеслось вслед.

Шлось, на удивление, легко. Железобетонные промышленные пейзажи одновременно и удивляли глаз, и расслабляли. Дорожки трубопроводов, протянутые высоко над заросшей дорогой. Речка, ворочающаяся сотню лет в бетонных берегах. Огромная сложная и переборчатая мачта изрядно ржавой стальной вышки, натягивающая канаты некогда громко гудевших проводов над Дисифеном. Исполинские стволы труб, еле дымящихся на ближнем горизонте. Все это казалось чуждым и каким-то родным и уютным одновременно. Чуждым, потому, что не пригодно для обитания. Уютным, вероятно, потому, что создано людьми с определенной целью, со смыслом. Несет в себе конкретную бытовую функцию. Атмосфера новых, отвлеченных смыслов, попав в поле внимания и поглотив одновременно, помогла немного высунуть нос из тесного и затхлого замкнутого пространства, обвитого паутиной накапливающихся событий и обстоятельств. Стало легче.

Глава 20.

Регионального координатора Никон видел редко. Каждый раз ему казалось – тот вообще не меняется. Человек, с которым беседовал пять лет назад, словно видеоролик или восковая статуя, сейчас предстал в точно таком же виде. Тот же строгий темно-серый костюм, неизвестного Никону, но, вероятно, очень известного миру бренда, на стройной и, одновременно,

массивной высокой фигуре. Те же очки в золоченой оправе, с немного затемненными стеклами, на большом и прямом, как у эсминца, носу. Темные стекла так же не могут скрыть тяжелый снежный взгляд. Идеальная крашеная прическа с пробором. Жесткий запах лосьона от челюсти, отшлифованной до блеска.

Никону он почему-то напоминал крокодила. Массивного и сдержанного, плавающего под поверхностью мутной воды до поры до времени, пока на берегу не появится, влекомый жаждой и, желательно, не очень крупный, зверь. Почему воображение нарисовало именно такую интерпретацию для него самого оставалось загадкой. Возможно, сходство заключалось в манере поведения и склонности следовать раз и навсегда выбранному сценарию, инстинкту.

Еще в первую встречу Никон размышлял о том, всегда ли этот «совершенный» субъект так выглядит или только на встречах с подчиненными, дабы произвести впечатление строгости и порядка. Если всегда, то это требовало бы довольно больших усилий. Если человек тратит много сил на совершенствование внешности, значит, ресурс на совершенствование его внутреннего мира тратится не по назначению. Критерии для оценки других у него тоже будут соответствующими. Если только на собеседованиях, то следует отдать должное – хороший актер.

Актер не стал переигрывать и перешел сразу к делу:

– Один полевой специалист мертв, один травмирован. Один супервайзер пропал. Возможно, похищен. Мне известно о конфликте. Катрин поделилась со мной своими выводами о вашей работе. Сообщила о необходимости переаттестации. Что вы об этом думаете?

– Мне известно то, что рассказал следователь, – развел руками Никон. – Наш спор с Катрин сложно назвать конфликтом. Возможно, она видит это так. Я думаю, что она требует формального подхода там, где это невозможно. И наоборот: там где необходима формализация, она ей не нравится. Думаю, что могу обосновать свою позицию. Желательно, перед комиссией.

– Ради разрешения противоречий и выработки более подробных рекомендаций, можно было бы устроить консилиум. Когда найдется Катрин, разумеется.

– Да, было бы очень хорошо.

– Давайте пока отложим этот вопрос и поговорим о другом,– вильнул в сторону. – В связи со сложившимися обстоятельствами, я хочу раскрыть Вам некоторые подробности дела. Перед этим Вы должны подписать договор о неразглашении информации.

Протянул Никону два листа с мелким шрифтом. Дождался, пока тот просмотрит их и подпишет. Продолжил:

– Мнемонет – высокотехнологичный проект, призванный решить проблему пандемии психических расстройств в вашей стране. Вы хорошо знакомы со спецификой. Понимаете механизмы. Видите результаты. Мы многого добились за время нашего развития. Есть люди, которым это не нравится. Они пытаются повлиять на нашу работу или, даже, разрушить то, что мы с таким трудом построили. Судя по всему, мишенями этих людей стали Мартин, Катрин и Антигония. Я подозреваю: перед тем, как применить к ним силу, их пытались завербовать. При общении с Вашей группой вы ничего похожего не заметили?

Никон выдержал некоторую паузу, давая Говарду возможность продолжить. Не хотел случайно перебить.

– Напрямую никто ничего не предлагал. Намеки, если и были, то я их не понял.

Выслушав ожидаемый ответ, координатор продолжил, вставляя длительные паузы между предложениями:

– Вас могли попросить обойти правила Мнемонета. Изменить чей-то баланс. Рассказать о себе или своих коллегах больше, чем это предполагает инструкция. Показать, как регулируется баланс с терминала. Не переживайте. Даже если что-то такое и было, мы не будем считать это вашей ошибкой. Если вам заплатили, это невозможно доказать. Поэтому, мы в любом случае будем считать это случайностью. Для нас важно знать обо всех случаях выхода за рамки инструкций. Мы ищем возможных агентов.

– Хорошо. Я постараюсь внести в список все детали, которые покажутся мне значимыми.

– Вот и отлично. Мы очень надеемся на Вашу добросовестность. И еще два момента. Мы переведем к вам группу, которая перешла от Мартина к Антигонии. После происшедшего она категорически отказалась работать с этими людьми. Полагает – убийца Мартина и похититель именно в этой группе. Вы надежный и квалифицированный сотрудник. Мы высоко ценим Вашу компетенцию. Надеемся, что Вы сможете справиться с этим непростым заданием. Поскольку теперь вы в зоне риска, в наблюдении за вами буду участвовать я лично. Контроль вашего баланса тоже возьму на себя. Уверяю – постараюсь оградить вас от неприятностей. Прошу Вас подтвердить переход в мою группу контроля. В группу супервайзеров нашего региона.

Никон, поколебавшись, заверил акт перехода биометрической подписью.

Меня не только слушали, думал Никон, выходя из здания центрального офиса. Наверняка попутно и баланс читали. Возможно, еще и окулограмму сняли. И анализ мимики. Теперь

эту беседу разберут на мелкие детальки и сделают выводы. Надеюсь, при прослушивании списка противоправных действий, я не думал про Кирилла и других попрошаек.

С другой стороны, я перешел в группу супервайзеров. Меня оценивают, как надежного сотрудника, способного выполнить ответственное задание. Это хорошо.

Глава 21.

Абоненты Мартина не переставали удивлять. У Никона создалось впечатление – покойный специально собирал самых экстравагантных. На этот раз в гости пришла монахиня. Осанистая и серьезная. Фонило от нее степенностью и уверенностью в собственной непоколебимости. Никон, решил – в молодости она была очень красивой женщиной. Даже ветры времени и статус, не смогли стереть с ее правильного нордического лица печать чувства собственного достоинства. Катастрофически не успевая знакомиться с анамнезами, Никон выдал заезженную фразу:

– Как Ваше самочувствие?

– Слава Богу, хорошее. Как Ваше?

Посетители редко интересовались состоянием Никона. Сразу не нашелся что ответить. Ограничился стандартным:

– Нормальное.

– Что-то Вы, молодой человек, выглядите не очень. Ночью хорошо спите?

Какая заботливая, с досадой подумал Никон. Вслух ответил:

– Сплю.

– Счастливый, – заметила бабушка, – а я почти не сплю.

– Так, может, вам помочь?

Видя возможность наладить контакт и принести пользу, Никон приободрился.

– Ни в коем случае! – категорично заявила монахиня.

– Вы же сами сказали, что хотели бы спать больше.

– Только не с вашей помощью.

– Почему? – удивился Никон.

– Я полностью запретила коррекцию моего баланса.

– Что вас побудило?

Наклонившись вперед, монахиня загадочно произнесла:

– А ты знаешь, чем на самом деле является ваш коин?

– Чем?

Никон, почему-то, перенял тон.

– Это печать антихриста, – гробовым голосом произнесла бабушка. – Он будет управлять с его помощью людьми. И Мнемонет ваш – филиал ада. Ты только посмотри на эмблему. А если не понятно будет, переверни, покрути.

Новую очередную интерпретацию непостижимого логотипа Никон отложил на потом. Решил углубиться в вопрос об управлении. Очень показательный момент.

– Как управлять?

– Ты же психолог, а такие глупые вопросы задаешь. Положительное и отрицательное подкрепление. Оперантное научение. Формирование новых когнитивных схем. Если раньше на это уходили месяцы, то сейчас это можно делать моментально. Выполнил человек твою волю, а ты ему хорошее настроение. Не слушается – вгоняешь в депрессию.

– Да Вы что!? – испугался крамолы Никон – На это наложен строжайший запрет. Это уголовная ответственность. Все под контролем безликой автоматики.

– В том-то и дело, что ты не знаешь, как работает эта безликая автоматика. Представь, что компьютер одновременно видит миллионы коинов. Знает, где человек находится и в каком состоянии. Что чувствует. Уже накоплена огромная база данных координат и состояний. Вот собрался митинг за отмену вашего Мнемонета, а он им норадреналина уменьшил, а мелатонина добавил. Да еще и гамма-аминомасляной кислоты сверху. Все разбрелись спать, а митинг накрылся.

– Откуда у вас такие глубокие познания?

– Когда ты еще думал кем стать, я уже в институте преподавала, – отмахнулась бабушка. – Вот, живой пример. Внучка моя, многогрешная. Блудница несчастная. Как пропадала, так с вашим Мнемонетом еще хуже стала. Никакого толку. А адекватные люди, которым это и не надо, может, теперь спят больше или спокойно смотрят на творящийся вокруг бардак.

– Исследователи другого мнения. Благодаря Мнемонету состояние общества стабилизировалось. Мы можем сохранить хотя бы то, что находилось под угрозой полного разрушения и деградации.

– Это искусственное вмешательство в естественные процессы! – почти прокричала монахиня. – Даже если искренне захотите, насильно вы не сделаете людей счастливыми. Вы не знаете и не умеете. Вы сделаете только хуже.

Никон не нашелся что ответить. Покивав головой, промолчал. Монахиня, получив свободное пространство для маневра, продолжила.

– Ты посмотри на нашу историю! Из развитой индустриальной страны мы опустились до уровня нищего аграрного клочка. Свет дают по часам. Метро ездит утром и вечером. Митинги, революции и войны уничтожили нас. Думаешь, это все случайно? Страны случайно так не

деградируют. Обычно страны стремятся к развитию. И у нас были все возможности. Это результат реализации хорошо продуманного плана. Антихрист уничтожает последние оплоты веры в этом мире. Уничтожает страны с сильной традиционной культурой. Уничтожает цивилизации христианства и ислама. Хочет на руинах выстроить свой новый порядок. Хочет сделать всех рабами. Мнемонет – часть этого злого плана. Сегодня они обкатают технологию на нас, а завтра то же самое будет происходить в более крупных и сильных странах.

От зловещего, как показалось Никону, бреда мирового заговора, стало не по себе. Из уст серьезной бабушки, облаченной в черное, эпическая история о надвигающемся на эйкумену глобальном зле звучала страшно и комично одновременно. Если бы она рассказала о том, что галактика в опасности или Мнемонетом руководят инопланетяне, стремящиеся поработить землян, эффект оказался бы тем же. Никон часто чувствовал подобное противоречие, когда общался с душевнобольными людьми. Он пытался выследить, где проходит грань этого надлома. Не получалось. Идея о диссонансе, между рациональным восприятием и эмпатией, что-то объясняла. Но полное понимание, вернее сказать, даже – чувствование, еще не пришло. Надеясь добыть для анамнеза новую информацию, спросил:

– Как с этим бороться?

– Быть начеку. Призывать Божию помощь. То, что мы бессильны перед этим злом – хитрый обман. Стоит человеку сказать: «Господи, спаси!», и вся эта чертовщина выгорает без следа. Потому-то они и стремятся уничтожить тех, кто еще помнит, кому надо молиться.

– Война между добром и злом, – констатировал Никон.

Уходя, монахиня дала Никону еще несколько практических советов по спасению галактики. Один из них в том и заключался, чтобы почаще на эту самую галактику смотреть, и ночью и днем. Завершила фразой, одновременно эпической и в исполнении автора звучавшей комично, но, от того же и страшной:

– Город этот обречен!

Оставила крутить визитку с логотипом Мнемонета, в сотый раз изучая линии простого и одновременно, неразгадываемого кроссворда. К монахине Мартин был крайне неравнодушен. Похоже – они много беседовали. Нашли общий язык. Анамнез изобиловал наблюдениями и размышлениями. Иногда даже восхищениями и комплиментами. Не удивительно, что такая харизматичная женщина впечатлила и заняла даже прожженного психоаналитика. Диагноз вышел предельно осторожным:

умеренно выраженные паранойяльные черты.

Вновь удивляясь непредсказуемости и непонятности образа мыслей почившего коллеги, Никон тихо прошептал:

– Кто же ты такой, Мартин?

Глава 22.

Восстановление энграмм мертвого мозга дело сложное и дорогое. О том, что следы внешних воздействий остаются в протоплазме клеток, знали еще в прошлом веке. Да, клетки могут запоминать образы и программы действий. Немного позже реверберационная теория кратковременной памяти была подтверждена стиранием оной, в результате применения электросудорожной терапии. Достаточно пропустить ток через ткани мозга и цепи из нейронов теряют циркулирующее по ним возбуждение. Оставалось совсем немного. Прочитать записи, сделанные чернилами из нейромедиаторов, белков и рибонуклеиновых кислот на тонком пергаменте нервных клеток.

Для этого понадобилось больше века. Секвенирования биополимеров и вычислительной томографии оказалось мало. Сенсоры бозонов и искусственные молекулярные машины – вот что было необходимо. Тем не менее, это произошло: память мозга прочитали напрямую. Это вам не медленное вытягивание рефлексов из полуживого серого вещества через искусственные интерфейсы. Это – относительно быстрое сканирование всей памяти, даже неживой нейронной сети. Относительно потому, что даже современная аппаратура не способна обработать один нейрон со всеми его синапсами быстрее, чем за микросекунду. Благо, таких процессов параллельно происходят тысячи. Итого: только на сканирование уходит больше недели. Столько же занимает декодирование и сведение всего в одну общую модель. Затем следует поиск необходимого в сотнях терабайт информации, состоящей преимущественно из бытового мусора, детских страхов и личных проблем. Такой вот посмертный психоанализ.

О том, чтобы, словно Аэндорская волшебница, воспроизвести личность, которая сама смогла бы ответить на все вопросы, речь пока не идет. Современные некроманты такого еще не умеют. Пока что беседы с мертвыми еще удел магов и колдунов, большинство из которых – шарлатаны. К таким информаторам, уважающие себя следователи, обращаются редко. А Сергей Петрович себя еще уважал. Поэтому крупицы важной для следствия информации получил с большой задержкой. Сразу же, позвонив Никону, посоветовал внимательнее отнестись к пожеланиям Юлии Ведерниковой. Соглашаться на все ее требования и капризы. Подмечать мельчайшие подробности.

Именно поэтому Никон спешно переписал график и в среду, в восемь вечера, подъехал к подъезду добротного ухоженного дома сталинской постройки. Поднявшись на третий этаж, позвонил. Дверь открылась после минутной паузы. Юля предстала в шелковом домашнем халатике строгих оттенков. Никона обдало духами. Он хотел было развернуться и уйти, но девушка, схватив за рукав, втащила его в прихожую. Заперла дверь. Приняв вычурную театральную позу, наигранно торжественно скомандовала:

– Раздевайтесь! Чувствуйте себя как дома!

– Мы так не договаривались, – начал было протестовать Никон, сбитый с толку видом и благоуханием хозяйки.

– Не ссы, парниша! Я тебя не съем! Поработаешь и пойдешь домой.

Наигранный жаргон хлестнул слух. Резко контрастировал с той литературной речью, что Никон слышал ранее. Повесив куртку на вешалку и стянув ботинки, он прошел в большую комнату. Здесь, действительно, оказалось много картин. Юля играла в заботливую хозяйку.

– Располагайся удобнее. Чай или кофе?

– Чай.

– Есть очень хороший. Друзья из Джорджии привезли.

Погремев немного на кухне, явилась с подносом. Все, вероятно, было готово уже заранее. Никон отхлебнул из чашки. Похвалил тонкий аромат. Попытался угадать растения, придающие пикантные нотки. Не угадал.

– Ни слуха – ни нюха, – с сожалением констатировала Юля.

– Для работы не важно.

– Все равно жалко. Не можете в полной мере насладиться тонким ароматом моих дорогих духов.

– Даже в той мере, в которой могу, слышу, что запах изысканный.

– Как вам обстановочка?

– Уютненько, – ответил Никон в тон.

– Если уютненько, тогда можете расслабиться.

– Хорошо.

– Что хорошо!? Расслабься. Я же сказала, что не съем. Давай, работай.

Никону опять захотелось уйти. Противен весь этот спектакль, в который втягивала его юная развратница. Лишь воспоминания о настоятельной просьбе следователя заставляли играть свою роль.

– О чем ты хотела бы поговорить?

– О показателях моего коина.

– Что именно тебя интеерсует?

– Много чего, – Юля закатила глазки. – Эндорфин, серотонин, дофамин, анандамид, фенилэтиламин, окситоцин, к примеру.

– Ого, – удивился Никон. – Откуда такой интерес?

– Я забочусь о своем состоянии.

– Что же ты хочешь услышать?

– Я хочу увидеть, – улыбнувшись слегка надутыми губками, игриво протянула Юля.

– Это невозможно.

– Возможно.

– Нет.

– Неужели Вам сложно пойти навстречу девушке, которая пригласила Вас к себе выпить хорошего чаю в интимной обстановке?

– Я не могу нарушать правила. Это должностное преступление. Если будете настаивать, я уйду.

– Ну, Никон!

Юля, преодолев метр дистанции, присела вплотную. Опять обдало пряным афродизиачным ароматом. Схватила за руку.

– Я же не прошу все. Покажите мне хотя бы один. Вот, серотонин, к примеру. Так хочется хорошего настроения, – произнесла томно и мечтательно. – Вы знаете, последнее время у меня депрессия. Очень плохо сплю ночью. Пожалейте бедную девушку. А она вас за это поцелует!

Никон с досадой подумал – необходимо было взять у следователя письменное требование исполнять такие капризы. Прозевал. Теперь вот сиди и думай в напряженной обстановке, что делать. Нарушить инструкцию или послать всех подальше и ехать спать. Одурманенный благоуханием и желанием, чтобы поскорее все закончилось, он, в итоге, аккуратно пошел на компромисс.

– Мартин тебе показывал?

– Да-да-да. Мартин был милашка, – голос Юли стал жестче. – Он понимал – люди важнее всяких инструкций. Весь ваш Мнемонет создавался, чтобы всем стало лучше. А такие, как ты, буки, все портят.

– Мартина убили, – заметил Никон.

– Это никак не связано, – поспешила заверить девушка.

– Не знаю.

– Ладно, давай показывай уже. Не ссы. Никто не узнает.

Никон застыл, уставившись в точку на книжной полке. Решил помолчать и посмотреть, что будет. Юля, обнаружив игнор, поерзала на диване и, устроившись поудобнее, положила голову Никону на плече. Руку не выпустила. Пауза затянулась, после чего девушка небрежно заметила:

– Частый у Вас пульс. Вы не так равнодушны, как хотите казаться.

– Да, я не равнодушен. Я не хочу Вам навредить.

– Какой же тут вред. Я просто посмотрю на график несколько минут и все.

– Зачем!?

– Не лукавьте! Вы же не показываете потому, что знаете зачем.

– Что вам это даст?

– Хорошее настроение.

– И все?

– Да. Это для меня очень важно.

Никон, по совету следователя, решил сдаться:

– Хорошо, смотри, но я прерву обратную связь, когда посчитаю необходимым.

Достал планшет из сумки, нашел в анамнезе требуемый график и явил вожделеющей девице. Та уставилась на него гипнотизирующим взглядом. График пополз вверх. Быстро пополз.

– Не так резво. Остановись или я заберу.

– Не кричи, – нервно отмахнулась Юля.

График стал опускаться вниз. Достигнув прежнего значения, опять пополз вверх. Достигнув прежнего пика, опять пополз вниз. Потом опять вверх. Вниз–вверх–вниз–вверх. Амплитуда потихоньку росла. Никон хотел было возразить но, завороженный дикой пляской графика, не решился. Невольно взглянул на Юлию. Та, повиснув взглядом на конце графика, дышала все глубже и интенсивнее. Афродизиаками запахло еще невыносимее. Неожиданно, Джулия закатила глаза, издала пронзительный стон и, развалившись на диване, забилась в конвульсиях. Никон похолодел. Эпилептический приступ после таких экспериментов – это статья. Юля продолжала извиваться и громко стонать. Никон не зная, как поступить, вскочил и принялся судорожно перелистывать анамнез. Рука зависла над кнопкой экстренной стабилизации.

– Нееееет! – простонала Юля. – Ничего не делай! Плезир поломаешь.

Шторм конвульсий начал понемногу стихать. Дыхание стало более размеренным. Самоотверженные стоны прекратились. Нимфетка, с искаженно – сладострастным выражением личика, вытянулась на диване. Поправила разметавшийся халат. Выдохнула, проведя рукой от шеи к животу.

– Плезир и блаженство! Хотел бы попробовать?

Никон этого не видел и не слышал. Он уже хлопнул дверью и

спешно спускался по лестнице, одинаково проклиная следователей с их идиотскими предположениями и юных наркоманок с их порочными страстями.

Глава 23.

Чувство голода обрушилось на сознание холодной вязкой волной. Никон списал это на плоды нервного напряжения, разроставшегося в последнее время. Немного перекусил по дороге на работу. Ожидаемого насыщения не произошло. Необычайно сильно захотелось сладкого. Очень сильно. Никон купил полкило шоколадных конфет, съел несколько штук. Ненадолго отпустило. Через несколько минут, у метро, голодная волна нахлынула вновь. Сердце билось часто и тяжело. Бросало в пот. Лицо и руки немели. Никон присел на оградку. Проходящие мимо дети смотрели на дядю, жующего конфеты и разбрасывающего вокруг себя фантики, с огромной завистью. В этот момент они мечтали быстрее повзрослеть и заполучить такой же неограниченный доступ к вожделенному лакомству. Никон их не замечал. Жевал, сосредоточенно глядя себе под ноги. Когда последний фантик, подхваченный ветром, унесся к дороге, Никон попытался подняться и отправиться за новой дозой. Ничего не получилось. Ноги не слушались. Голова кружилась все сильнее. В конце концов, не выдержав напора силы, прижимавшей к земле, упал в кучу шелестящих, как листья, цветных бумажек. Пока сознание окончательно не потухло, успел почувствовать, как же хорошо и приятно лежать на влажном асфальте, держась немеющей рукой за прохладную стальную оградку. Издалека послышались голоса.

– Смотри, парниша конфет с ликером обожрался!

– Бу-га-га.

– Наверное, юрист. Обошел закон о распитии спиртного в общественных местах.

– Ха-ха-ха.

– А может быть конфеты из Голландии?

– Гы. С грибами.

– Чего на фантиках написано?

– Да тут разные. Бу-га-га. Вот, «Красный мак» есть, «Кара-кум».

– Тогда понятно. Наши тоже умеют.

– Ребята, что здесь происходит?

– Да еще одни придурок. Ужрался конфетами.

– Давно он здесь лежит?

– Не знаем.

– Так, что тут у нас? Ага, тахикардия. Зрачки расширены, на свет не реагируют. Быстро вызывайте скорую.

– Может, проспится? Они очень неохотно нариков забирают.

– Этот не проспится.

– Здравствуйте, что с ним?

– Похоже на кому. Судя по количеству фантиков – гипогликемическую.

– Мы отвезем его в больницу.

– Скорую уже вызвали.

– Мы знаем этого человека. Он наш сотрудник.

– Надеюсь, вы успеете.

– Давай, бери за ноги.

– Тяжелый.

– Ноги ставь на пол и придерживай за пояс.

– Ага.

– Подкинь ему пока немного глюкозы. Перепишем за поворотом.

– Ну что там?

– Переписала.

– Молодец!

Доски больно давили в ребра. Спина ныла, словно Никон весь день таскал мешки. Ноги, занемевшие от неудобной позы, казались чужими. Вестибулярный аппарат не мог вразумительно сообщить о положении тела, а веки упорно не хотели подниматься. Внутренние часы тоже взбунтовались. Минуты полу-бытия прошли или часы – было все равно. Лишь жжение холодной мороси на лице давало ощущение присутствия в мире и стимулировало пробуждение чувств и сознания.

В конце концов глаз, почему-то только левый, приоткрылся и отметил интенсивность освещенности. Неяркий желтый поток пролил в сознание еще немного света. Вечер или ночь – отметил Никон, пытаясь повертеть головой. Стабилизировал фокус. Открыл второй глаз. За серыми стволами деревьев, шурша, пронесся пучок света. Еще один. Дорога. Попытался заставить ногу подобраться и ощутить землю. Слушалась плохо, но после некоторого напряжения, при помощи рук, выполнила задачу. Заерзала по влажной листве. Вторая – выполнила команду пробуждающегося мозга быстрее. Упершись руками в доски, Никон принял более устойчивую позу. Помотал головой, стимулируя кровообращение. Голые, ветвистые стволы прорисовались резче. Влажный воздух, пройдя через ноздри ледяным потоком, добавил собранности. Поразминав ноги и руки, помассировав затекшую спину, Никон попытался подняться на ноги. В голове закружилось, но упор в лавочку позволил не упасть. Спустя несколько секунд решился оторваться от спасительной опоры. Сделал шаг. Второй. Третий. Обернулся в

попытке разглядеть – не забыл ли чего. Поковылял напрямик по шелестящей листве и низкой желтой траве к проносящимся вдалеке, вселяющим надежду на возвращение в тепло и безопасность, разноцветным огням машин.

Глава 24.

О том, что с ним произошло, Никон начал размышлять на следующий день. Быстро догадался – пережил резкий скачок уровня инсулина.

Почему это случилось, когда региональный координатор заявил: берет контроль над балансом Никона на себя? Вот это вопрос. Система построена таким образом, чтобы не нанести вреда здоровью. За тем, чтобы показатели не превышали физиологические нормы, следит контроллер коина. Немного сместить равновесие возможно. Привести все концентрации в норму возможно. Купировать приступ агрессии или паническую атаку. Вывести из ступора или депрессии. Можно даже почти моментально усыпить. Но поднять уровень инсулина до комы – просто невыполнимо. Многоуровневая система контроля запретит это действие на уровне терминала. Есть еще контроль на сервере. Есть еще контроль на уровне коина.

Никону стало страшно. То, что казалось надежным и незыблемым, призванным стабилизировать нервные системы пострадавших от психиатрической пандемии людей, само оказалось непредсказуемым и опасным.

В сети о таких случаях не упоминалось. И понятно. Всякий, рискнувший публично усомниться в надежности и безопасности одного из самых дорогих проектов Европы, погряз бы в судах и разбирательствах. Никон пообщался на эту тему с Паулой и несколькими коллегами, которым доверял. Все единогласно твердили – опасные скачки параметров невозможны.

В конце концов, решился позвонить следователю и попробовать аккуратно узнать, что на самом деле случилось с Антигонией. Аккуратно не получилось. Ищейка уходил от ответа. Старался больше спрашивать, чем отвечать. Когда же Никон упомянул про инсулиновую кому напрямую, он занервничал. Заявил – необходимо побыстрее встретиться и обсудить один важный вопрос. Так они оказались в кафе с громкой музыкой.

– Вы меня хорошо так слышите?

– Плохо.

– Главное, чтобы понятно было.

– Хорошо.

– Почему вы решили, что у Антигонии могла быть именно инсулиновая кома?

– Просто, в голову пришло. Догадка.

– Вы не очень хорошо выглядите. Что у Вас случилось?

«Инсулиновая кома», – хотел выкрикнуть Никон, но сдержался. Вместо этого ответил уклончиво:

– Здоровье немного пошаливает.

– Мнемонет не помогает?

– Помогает.

– Как ваша работа? Наблюдаете? Нашлось что-нибудь интересное?

– Есть люди, у которых есть возможность совершить преступление, но насчет мотивов я не уверен. Есть те, у кого мог бы быть мотив но, похоже, нет возможности.

– Вот. Правильно мыслите. Это может быть не один человек. Они же там, у этого Мартина, в группах общались между собой. Могли договориться.

– Что у вас нового? Что рассказывает Антигония?

Следователь не ответил. Внимательно всмотрелся в Никона. Отпил глоток кофе. Никон последовал его примеру. Выдержав паузу, ищейка вкрадчиво протянул:

– Создается впечатление, что Вы интересуетесь этим делом больше, чем я.

– А, может быть, Вы интересуетесь этим делом меньше чем я?

– Какая разница. Важно – почему?

– Мой мотив очевиден.

– Для меня нет.

– Сейчас у меня две группы от Мартина. С Антигонией произошло что-то странное. Почему бы мне не поинтересоваться подробностями?

– Думаете – этого достаточно, чтобы выведывать у работника органов внутренних дел засекреченную информацию?

– Даже так.

– Да.

– Вы же выведываете у работника Мнемонета конфиденциальную информацию о гражданах. Согласно инструкции, без постановления суда я могу вообще Вам ничего не рассказывать.

– Это не проблема.

– Это проблема потому, что я могу ограничиваться формальными ответами.

– А это не так?

– Нет.

Сергей Петрович опять умолк. По тону Никон предположил: ссориться он не хочет. Просто играет. Набивает цену? Проверяет? Тянет время, чтобы обдумать какие секреты можно раскрыть? После игры в гляделки, продолжил:

– Хорошо. Есть вещи, которые я хотел бы вам сообщить, но делать это запрещено. Давайте сделаем так. Вы изложите свою версию происходящего. А я дам знак, если она близка к истине. Пойдет?

Версия крутилась на языке уже давно.

– Ок. Я думаю, что кома была гипогликемической. Резко возрос уровень инсулина. Глюкоза упала. Центральная нервная система перешла в спящий режим. Также я думаю, что лишний инсулин произвел коин.

Никон вопросительно улыбнулся и покивал головой, как бы спрашивая: так ли это. Следователь кивнул в ответ.

– Я думаю, что с Мартином произошло нечто похожее. Он пытался извлечь коин самостоятельно или с чьей-то помощью. Поскольку прибор замкнут на толстой артерии, без специального оборудования это представляет большую сложность. Что-то не получилось. Он погиб.

Следователь скорчил гримасу, немного покивал, потом помотал головой, крутя перед Никоном кистью.

– И да, и нет?

Утвердительный кивок.

– Это был не инсулин?

Согласие.

– Коин был удален после смерти?

Следователь сделал утвердительный кивок. Посмотрел на часы. Засобирался.

– Думаю, нам пора заняться своими делами. Надеюсь, вы получили достаточно пищи для размышлений?

– Надеюсь.

Никон повторил с некоторой досадой. Крупицы новой информации уже растворились в бурлящем котле его сознания. Как масло, подлитое в огонь, подстегнули процесс поиска правильного решения. Приток свежего топлива прервался, как только жажда разыгралась в полную силу. Никон ощутил смертельный голод, чем-то подобный тому, что он пережил накануне. Следователь, спешно попрощавшись, убежал. Ответы, которые он дал, проросли еще более сложными вопросами.

Два человека, баланс которых находился под присмотром Катрин, пострадали. Сама Катрин, находясь в группе Говарда, исчезла. Никон, сразу после перевода в новую группу, чуть не сгинул в инсулиновой коме.

Если со стороны должностных лиц произошло злоупотребление, приведшее к смертям – это скандал. Если система безопасности Мнемонета допустила такое – это еще больший скандал. Если ошибка произошла в самой системе – это

закрытие проекта на доработку и исправление ошибок как минимум.

У Никона похолодело в груди. Так вот почему поиск убийцы Мартина ведется среди абонентов. Чтобы скрыть истинную причину происходящего. Списать все на поведение человека или людей в не здравом уме и не доброй памяти. Скрыть повод для возмущения оппозиционных сил. Вот почему следователь не говорит лишнего.

Глава 25.

Первым делом, Эдуард поинтересовался новой знакомой.

– Как поживает наша очаровательная начальница?

– Она пропала, – бесцеремонно ответил Никон.

Санитар города помрачнел.

– Печальненько. Такая привлекательная дама. Расскажите, пожалуйста, подробнее.

– Подробностей я знаю не много. Следователь меня не посвящает. Не вышла на работу. Дома все перерыто. Связывают со смертью Мартина.

– Занятненько.

Уменьшительно – ласкательные не то резали, не то щекотали слух. Было в них что-то угрожающее, как в острых клыках за вкрадчивой улыбкой.

– Как зовут следователя?

– У Вас есть, что ему сообщить?

– Возможно.

– Сообщите мне.

– Парень! – Эдуард подобрался, с напором произнес: – Я же не просто так прошу! Твоя Катрин напоминает мне одну значимую особу. Я же знаю, как работают эти менты. Ни хрена не делают и грошики свои, нечестно заработанные, в кабачках пропивают. Есть к нему разговорчик. Будет не очень удобненько вести беседу через тебя.

Никон, пожав плечами, выдал требуемое.

Гости вошли без стука. Иностранцы. Загорелые. Никон сразу почувствовал угрозу. Поздоровались. Расположились поудобнее. Тот, что повыше и помоложе, достал планшет и уставился на него серыми, водянистыми глазами. Менее рослый и похоже, более поразговорчивый, представился и поведал правила:

– Мы представляем службу безопасности Мнемонета. У нас есть к Вам несколько вопросов. Отвечайте подробно и быстро.

– Мне необходимо связаться с региональным координатором, – выдал Никон единственное, что смог придумать в такой ситуации.

– Его пока не надо ставить в известность. Эта беседа должна остаться в тайне.

Никон решил не сдаваться так просто. Начал сам задавать вопросы.

– Откуда мне знать, что вы действительно из службы безопасности?

– Все просто. У нас есть доступ к вашему анамнезу.

– Вы хотите, чтобы я поверил Вам на слово?

– Мы хотим, чтобы Вы ответили на несложные вопросы.

– Прежде мне нужны доказательства, что у Вас есть полномочия.

– Хорошо, смотрите!

Тот, что повыше, протянул планшет. Никон взглянул на анамнез. Полистал. Вышел из него и вошел вновь.

– Что вы делаете? Не надо там ничего листать.

– Откуда мне знать, что это не подделка? Картинку с текстом и я могу нарисовать.

– Вы не узнаете оборудование!? Анамнез специалиста в интернете не найдешь. Он подписан вашей подписью.

– Мало ли. Может вы его украли.

Высокий, поиграв желваками, процедил:

– Вы неправильно ведете себя, общаясь с представителями службы безопасности Мнемонета.

– Я следую инструкциям Мнемонета.

– Вам мало удостоверений и доступа к анамнезу?

– Все это можно подделать. Мне необходимо подтверждение доверенного лица. В данном случае им является региональный координатор.

Полный, хитро улыбнувшись, произнес:

– Попробуйте обратную связь. Это подделать невозможно.

– Вы предлагаете нарушить инструкции?

Никон понял – эти двое не собираются давить иначе, кроме как через убеждение и логику.

– Я не предлагаю вам играть с графиками. Просто проверьте, что они Ваши, и мы сможем направить беседу в более продуктивное русло. Мы тоже на работе. Нам тоже все это не приносит радости. Давайте будем друг к другу добрее.

Никон уставился на график адреналина. Сосредоточился. Попробовал опустить его вниз. Линия упорно не поддавалась. Тонкая змея застыла на показателе немного выше среднего. Никону показалось – он не соответствует действительности. Чувствовал он себя, как после хорошей драки или бегства. Сердце билось учащенно, меха легких приходилось сдерживать. Осознав, что происходит, испугался еще больше. График остался на месте.

Похолодел. Сконцентрировал внимание на пульсе. Аналогичный эффект.

Сомнения в том, что удостоверения подлинные, растаяли. Распознавание удостоверений многочисленных должностей Мнемонета входило в программу подготовки. Требование не ставить в известность регионального координатора тоже оказалось вполне правомерным. Никон был уверен – ребята действительно из СБ. Такие вполне могут получить доступ к анамнезу и пользоваться показателями как детектором лжи. Там даже специальный экспертный модуль есть, который показывает, что хозяин коина говорит неправду. Не все, правда, ему доверяют. Хороший специалист будет смотреть на кривые сам.

Никон попробовал еще раз. Когнитивный диссонанс ввел его в ступор. Смех полного разорвал пелену:

– Ну что там. Понравилось инструкцию нарушать?!

Хоровод из обрывков мыслей и догадок кружился вокруг головы, не давая сосредоточиться и принять решение.

– Хорошо, – протянул Никон, с трудом отрывая взгляд от застывшей змейки. – Теперь я вам верю.

Передал планшет высокому.

– Вот и замечательно. Перенесите, пожалуйста, три консультации на вечер и мы поговорим с вами в спокойной обстановке.

Никон, неуверенными от дрожи движениями, выполнил требование и уставился на собеседника.

– Вы сообщали Эдуарду координаты следователя Сергея Петровича?

Никон, в очередной раз, поругав себя за то, что идет на поводу у фанатиков и наркоманов, ответил коротко:

– Нет.

Высокий еще внимательнее уставился на планшет. Толстый уставился на Никона.

– Вы уверены? Может быть, повторить вопрос?

– Я не сообщал Эдуарду координаты следователя.

– Вы рассказывали ему об известных Вам подробностях дела?

– Не рассказывал.

Толстый глянул на долговязого, тот отрицательно покачал головой.

– О чем вы говорили на последней консультации?

– О том, что некоторые люди воспринимают наше общество не как большой организм, а как экосистему, в которой надо конкурировать и выживать.

– Вы говорили об этом с Эдуардом?

– Да.

– Вы знакомы с его анамнезом?

– Да.

– Вы знаете, что он высококвалифицированный вор? Что на его совести как минимум одна крупная и очень сложная кража?

– В анамнезе об этом написано мало.

– Теперь Вы знаете больше.

– Спасибо.

– Итак, давайте еще раз. Что вы сообщили Эдуарду?

– Мы говорили о месте человека в обществе. Я сообщил ему, что в идеале человек должен чувствовать себя как часть большого организма, а не как отдельный организм, выживающий в экосистеме.

– Он согласился с этим?

– Он согласен, но утверждает, что этот идеал недостижим и в реальности все наоборот.

– Что еще?

– Все.

– Вы говорите правду?

– А Вы не видите?

Никон махнул головой в сторону долговязого с планшетом. Гости переглянулись. Полный извинился за срыв графика. Обнадежил, что беседа не завершена и может продолжиться в более подходящей обстановке. Сдержанно попрощавшись, оставили хозяина кабинета размышлять об ужасном порядке, происходящем в Мнемонете в последнее время.

Глава 26.

Осенний вечер выдался, на удивление, тихим и теплым. Видать, перед наползающими заморозками или слякотью, природа решила подарить пару приятных деньков. Никон, без вдохновения отбатрачив положенное время, брел домой с мыслями о сытном ужине и мягкой подушке. В последнее время только это и наполняло его жизнь хоть какой-то радостью. Другие радости и надежды, вместе с незыблемым, как казалось, порядком Мнемонета, рассыпались словно высохшие песочные замки под напором порывистых ветров. Знакомый голосок, раздавшийся из-за спины, прошил током:

– Молодой человек! Скажите, пожалуйста, как пройти к метро?!

Никон спешно обернулся. Это была особа, которую он меньше всего хотел бы сейчас видеть. Серый плащ выше колен, сапожки на каблучках, строгий платочек, выгодно окаймляющий детское личико. Сейчас она выглядела очень мило. Никона это не смягчило. Он ответил кратко и жестко:

– Не знаю.

– А мне кажется, что Вы туда и идете, – игривым тоном пропела преследовательница.

– Думаю, что нам не по пути.

После незаконных экспериментов Никон наотрез отказался идти к Юле в гости. Хватило и одного раза, чтобы потерять уверенность в будущем. Разговор с безопасниками, инсулиновая кома, ночные кошмары. Все это навязчиво переводило в режим повышенной осторожности.

– А я думаю, что по пути.

– Думать раньше надо было, – еще больше посуровел Никон.

– Думать никогда не поздно, – как ни в чем не бывало парировала Юля.

– В тюрьме или в больнице уже поздно.

– Испугался, бедненький!? За шкурку свою высококвалифицированную!

Никон остановился, посверлил язвительницу взглядом, силясь что-то сказать. Махнув рукой, заспешил дальше.

– Что, стыдно? Привык на порядочных буржуев работать. Все чинно, по порядку. Перспектива служебного роста. Хорошая зарплата. Мы вас всех тут вылечим. Вы только следуйте нашим правилам. А тут такой беспорядок. Ай-ай-ай. Надо срочно в кустики. Парниша зассал.

Преследование юной наркоманки выводило Никона из себя. Вцепилась словно клещ. Неужели ради возможности снова поиграть со своим балансом? Прохожие оборачивались на пронзительный надрывающийся голос на секунды и спешили дальше, сетуя на сложную жизнь и невоспитанную молодежь. Никон шагал торопливо, пока очередные встречные не заслонили дорогу.

– Молодые люди, у вас проблемы? – прохрипел худощавый из-под надвинутой на глаза кепки.

Автоматически, пытаясь обойти преграду, Никон бросил:

– Нет проблем.

– А вот и есть! – взвизгнула нагнавшая Юля.

Обойти двоих не получалось. Никон остановился.

– Мы обязательно поможем вам их решить, – снова прохрипело из-под кепки. – Пройдемте с нами.

– Не стоит, – по инерции отмахивался Никон.

– Пройдемте! Там и узнаем, что сколько стоит.

Двое подхватили Никона под руки и поволокли к дороге. Юля осталась наблюдать за происходящим со стороны. Никон упирался, но руки были прочно блокированы. Откуда-то появился третий и принялся подталкивать в спину. Когда Никона затолкали в припаркованный подальше от фонаря высокий

внедорожник, Юля уже смеялась тут.

– Не ссы парниша! – повторила девушка приевшуюся фразу. – Все будет хорошо!

– Мы Вас, молодой человек, надолго не задержим.

Водитель говорил тоном спокойным и примиряющим. Создавалось впечатление – жесткие клокочущие звуки и слова исходят откуда-то из легких. Никон старался вглядеться в лицо, но в темноте салона смог различить лишь крупный профильный нос и тяжелый подбородок.

– Вам нужно лишь посмотреть одно интересное кино, внимательно нас выслушать и сделать выводы. Леша, покажи человеку кино.

Протянул хриплому в кепке планшет с уже запущенным фильмом. Тот передал планшет Никону. Знакомая картина.

Диван, чайный столик, картины на стене. Никон и Юля мило беседуя, отпивают из чашек. Юля, улыбаясь, теребит ремешок халатика, как бы колеблясь не развязать ли его. Вдруг девушка пододвигается, берет Никона за руку, что-то вдохновенно говорит. Никон смотрит прямо в камеру, потом достает планшет. Кадр сменяется. Никон нависает над конвульсирующей и стонущей Юлей, тыча в глянцевую пластину. Уходит, оставив девушку извиваться на диване. Конец.

Никон понял: влип, увидев уже первые кадры. Весь фильм размышлял, что делать. Поняв: сопротивляться пока бесполезно, решил узнать ответы на пару загадок из первоисточника.

– Интересно. С участием Мартина такое кино у вас есть?

Пауза. Ответ отрицательный. Клокочущий голос приступает к этапу объяснительному.

– Эта юная милая девушка пожаловалась нам. Говорит – ты ее обижаешь. Используешь служебное положение, чтобы проводить свои садистские эксперименты. Домогаешься, издеваешься. Мы пока не стали привлекать закон. Мы сами своего рода – закон, поэтому решили разобраться с этим самостоятельно. У нас нет времени вникать в подробности. Этих страшных кадров достаточно. Сделаем так. Ты больше не будешь ее обижать. А будешь слушаться. Ты понял?

Никон не ответил. Хриплый в кепке больно надавил чем-то острым в ребро.

– Понял, – выдохнул Никон, когда боль стала невыносимо ощутимой и потекло что-то теплое и липкое.

– Повтори, что ты понял?

– Что я не буду обижать эту девушку.

– И?

– И буду слушаться.

– Кого слушаться?

– Ее.

– Вот и хорошо. Больше мы вас не задерживаем.

Никона спешно вытолкнули из душного салона. Оставили на пыльной промозглой обочине с неприятным ощущением от стекающего под рубашкой липкого и теплого киселя. Погода теперь не казалась такой хорошей. Изрядно противный, промозглый осенний вечер и есть уже совсем не хотелось. Чувство, что его беспомощную тушку, с каждым оборотом часовой стрелки, все больше и больше затягивает в жадную и бездонную пасть воронки обстоятельств, терзала и плавила перегретый мозг. Даже коин не помогал. Где же Паула, когда так нужна ее доброта? Как же холодно и пусто! Не вспомнить ли об универсальном и общедоступном транквилизаторе и антидепрессанте всех времен и народов – продукте жизнедеятельности дрожжей?

Глава 27.

Об этом следовало поговорить сразу. Никон не придал значения, забыл, забил. Юная гедонистка показалась ему случайным, отягощенным низменными страстями и оттого, не способным к сложному планированию, персонажем. А вот и нет. Сергей Петрович и не подумал предупредить о том, что ею могут руководить люди, заинтересованные, корыстные и опасные. Или не знал, или схитрил. Полученный по телефону от следователя ответ Никона удивил. Он оказался немного пьян и сильно зол. Обвинил Никона в своих проблемах и заявил, что начистит морду при встрече. Это не остудило намерение Никона настоятельно потребовать аудиенции. Встреча произошла на нейтральной территории. В том же кафе, что и в прошлый раз.

Первыми словами следователя прозвучали хмельные проклятия:

– Ты, сволочь, зачем этого ворюгу на меня навел?

Никон, уже подготовленный безопасниками Мнемонета, удар держал:

– Ничего я не рассказывал.

– Не ври, мразина!

– Меня допрашивали люди из СБ. С применением инструментальных методов. Я говорил им тоже самое. Они мне верят.

– Хрень – ваши методы. Эдик с микросхемой у меня все материалы спер и с радаров пропал. Вот и все ваши методы.

– Откуда спер?

– Откуда спер!? Из кабинета! – кривляясь, зло и возбужденно проныл следователь. – Из сейфа, между прочим, закрытого. А не из ящика стола, как эти соплежуи говорят.

– Его ищут?

– Как ты его найдешь? Коин его вообще выключен. Он или мертв или…

Следователь запнулся, придумывая альтернативу страшному финалу воровской карьеры. Ничего не сообразив, уронил голову на руки и принялся причитать.

– Работаешь себе, работаешь. А потом появляются дебилы, которые творят хрен знает что, и тебя обвиняют в сотрудничестве с организованной преступной группировкой.

– Вот об этом я как раз и хотел поговорить.

– Ты еще и поговорить об этом хочешь? Хотите ли вы об этом поговорить?!

Следователь дополнил алкоритм решения навалившихся на него проблем новыми деталями. Пиво действовало успокаивающе и это оказалось кстати, но, в то же время, способность отвечать на вопросы таяла с каждой минутой.

– Вы знали, что Юлия Ведерникова, к которой вы меня заслали, связана с бандитами?

– Я хотел это узнать, – ответил честно. – Спасибо.

– А Вы хотите узнать, чего мне это стоило?

– Чего? Пришлось пить с ней шампанское? Или она тебя совратила?

– Намного больше. Я нарушил одно из самых строгих правил Мнемонета. И этим меня теперь шантажируют бандиты.

– И что ты хочешь от меня?

– Чтобы Вы с этим разобрались. Чтобы вы объяснили в службе безопасности, что попросили меня пойти навстречу Юле и нарушить инструкции.

– А ты знаешь кто такие ваши эти СБ-шники?

– Немного.

– Это ребята непростые. Они работают не только в службе безопасности Мнемонета. В разведке они еще работают. Агенты, мать их за ногу.

– Что это меняет?

– То, что вы с вашим Мнемонетом – все уроды. И начальство мое, которое ходит перед ними строем, тоже уроды. Предатели. Ты понимаешь что значит это слово?

– Понимаю.

– Нееееет, не понимаешь. Если бы понимал, то не работал бы в своем долбанном Мнемонете.

– Хватит уже оскорблять. Вы поможете разрулить ситуацию?

– Уже не могу. Меня отстранили от дела. И, возможно, отправят на пенсию. Обращайся теперь к своим безопасникам.

– Я не могу это сделать, пока Вы не подтвердите, что просили

меня, так сказать, идти навстречу Юле.

– А я не могу это подтвердить, – вразвалочку, крутя стаканом перед Никоном, протянул следователь. – Я и так уже, типа, ошибок наделал. Ты хочешь, чтобы меня быстрее на пенсию отправили?

– Не хочу. Мне-то что делать?

Сергей Петрович подобрался. Посерьезнел. Попытался сосредоточиться.

– Бандиты, говоришь? Чего хотят?

– Хотят того же, что и Вы.

– Дожили. Общество выздоравливает! Выпьем же за это!

– Да, вот, не надо. Они хотят, чтобы я ходил к этой наркоманке и выполнял все ее требования. То есть, давал возможность экспериментировать с обратной связью.

– Так и ходи. Ходи. Она же тебя не съест.

От последних слов передернуло. Фраза уже слышанная в другой, не очень приятной обстановке, теперь заставляла напрягаться.

– Да, вот, не уверен. И, по закону – это статья.

– Добудь доказательства, что тебя принуждали.

Пьяный советчик выдал удивительно трезвую мысль. Опыт не пропьешь, подумал Никон. А сам-то гад не хочет быть таким доказательством.

– Как?

– Видео сними.

– Видео с Юлей ничего уже не даст. А с бандитами ничего не получится. В машине, с шилом между ребрами, особо не поснимаешь.

– Даже так. Хорошо, – следователь опять попытался собраться. – Снабжу тебя такой маааааленькой камерой. Сначала поснимаешь у своей подружки. Потом сделай так, чтобы опять встретиться с бандитами. Позвонишь. Я за тобой послежу и тоже поснимаю. Узнаем, кто это такие. Потом будем думать. Годится?

– Годится.

На этом и разошлись. Следователь остался в тягостных раздумьях о справедливости и коррупции с еще одним бокалом пива. Никон ушел в тягостных раздумьях о новой встрече с людьми, тыкающими шилом в ребра.

Глава 28.

Юля вынырнула приветлива, как ни в чем не бывало. Втянула Никона в прихожую, помогла разоблачиться. Поспешила к дивану, кинув на ходу через плечико:

– Ну что парниша, готов к новым экспериментам?

Никон задумался о видео, которое снимал камерой,

вклеенной в свитер в районе правой ключицы. Радостная девушка, одной фразой намекающая о том, что эксперименты уже были и продолжатся теперь. Решил с самого начала играть в свою пользу.

– Никаких экспериментов не будет!

– Как же так? Такой приятный вечер. Можно хорошенько развлечься. Поверь, сегодня будет веселее, чем в прошлый раз.

– Нет. В прошлый раз я пришел по просьбе людей, которые расследуют смерть Мартина, – наигранно выразительно произнес Никон.

– И как?

– После беседы с твоими друзьями, становится понятно, что ты в этом замешана.

Юлия притихла. Прислушалась. Искоса сверля прищуренными серыми глазами, протянула:

– Никон, тебе плохо объяснили?

– За применение колюще-режущих вы еще ответите.

С выдохом констатировала:

– Парниша страх совсем потерял. То боится за шкурку свою квалифицированную, то не боится. Фиг поймешь. Или память короткая или уровень эндорфинов зашкаливает. Думаю, без ребят тут не разберешься. Согласен?

Юля дотянулась до стекляшки телефона, принялась искать номер. Никон ловко выхватил у нее телефон, вытащил аккумулятор и спрятал в карман.

– Я с твоими бандитами разговаривать не буду.

– Даже так?! А если придется?

Юля покосилась на полки, где, согласно ракурсу первого видео, должна была стоять камера.

– Я сообщаю региональному координатору о шантаже и ваших требованиях. У меня есть доказательства – первый раз произошел по просьбе уполномоченных лиц. Вас будут судить.

– А ты не боишься последовать за Мартином?

– Так, значит, это вы его убили? И за это ответите.

Нимфетка опять покосилась на полки. Никон старался туда не смотреть. Ждал момента, когда можно будет пойти и просто найти ее. Вдруг дернула мысль о том, что Юля совсем не боролась за телефон. Не выхватывала. Не кричала о нарушении личного пространства. Прямой эфир?! Никона ударило током. Если это так, то скоро здесь будут ребята с шилом. Кинулся к полкам. Стал переворачивать вещи и книги в поисках камеры. Нашел серую коробочку с маленьким объективом и антенной.

– Стоять! – крикнула Юля из-за спины.

Никон быстро обернулся. Зацепился взглядом за черную

маленькую дырочку. По спине, от копчика к затылку побежал табун тараканов. Замер, чтобы их не распугать и не вылавливать потом из неожиданных мест. Перевел дыхание, в поисках подходящих слов. Настенные часы тикали назойливо громко и противно, отсчитывая минуты секунд. Юля испытующе молчала, неуклюже щуря глаз. В прихожей раздался громкий, в сложившейся ситуации, теперь, далеко не мелодичный звонок. Все кончено!? Друзья спешат на помощь!? Сработал ориентировочный рефлекс. Джулия повернула голову. Никон, совершенно не думая о последствиях, словно его подстегнули горячей вожжой, сделал перекат вперед. Кувыркнулся, как сотни раз делал это когда-то на тренировках. Подкатился под высоко поднятый ствол. Раздался выстрел. По пояснице больно чиркнуло, как если бы ударился, кувыркаясь, об угол стола. Травмат! Инерция завершила свое дело. Оказавшись снова на корточках и пряча голову за локтем и ладонью, вслепую толкнул девушку рукой. Получилось. Взвизгнув, та упала на спину, размахивая рукой с пистолетом. Никон руку поймал и пистолет забрал.

– Придурок! – выкрикнула Юля, барахтаясь на диване. – Тебе крышка.

– Не хрен травматами размахивать, – огрызнулся Никон, тяжело дыша. – Все, пока!

Побежал в прихожую. Быстро впрыгнул в ботинки. Зашнуровывать не стал, да и не успел бы. Юля притащила стул и попыталась со всей дури швырнуть. К счастью, стул ловить не пришлось. Рядом стояла ажурная этажерка, которой получилось закрыться. Никон оттеснил нападающую к дверному проему. Опрокинул оказавшийся кстати шкаф. Завершил баррикаду, подвернувшейся мебелью помельче. Мелькнула мысль о занимательном кино, которое сегодня удалось снять. За глазком маячила знакомая кепка. Выключил свет, нащупал ручку, распахнул дверь. Выпустил в грудь визитеру две пули. Не разглядывая результат, понесся по лестнице на свежий воздух.

Ближайшую остановку маршрутки обошел дворами, опасаясь преследования. В такси набрал следователя и сбивчиво рассказал о произошедшем. Сергей Петрович пристрастно выругался и, назвав свой адрес, приказал срочно ехать к нему.

– Камеру давай! – рявкнул первым делом.

– Из свитера или с полки?

– Да мою сначала давай.

Никон, поковырявшись в плече, извлек маленькую булавку. Положил рядом с ноутбуком. Запустилось копирование.

– Хорошо вы там порезвились. Прямо бои без правил. В середине даже поболеть хочется за даму.

– Что делать?

– Сиди у меня пока. Домой тебе нельзя.

– А со второй камерой что делать?

Никон поставил на стол серую коробочку с антенной.

– Ну, давай и ее посмотрим. Может, еще что интересное есть. Домашнее видео с участием Мартина и молоденькой девицы. Как тебе?

– Не удивлюсь.

Разъемов на коробочке не оказалось. Она обнаружилась как устройство Wi-Fi. Для подключения потребовала пароль. Никон заторопился:

– Надо разобрать. Если там есть отдельная флешка, можно прочитать с нее напрямую.

– Подожди. Лучше я спеца нашего призову. Он быстро взломает.

Спец приехал, на удивление, быстро. Полноватый, лысый, в очках. Не размениваясь на пустые разговоры, схватил серую коробочку. Покрутил в руках. Осмотрел со всех сторон. Прикинул вес.

– Корпус герметичный, дюралевый или титановый. Зарядка аккумулятора индукционная. Похоже – не заминирована. Попробуем взломать.

Достал из кейса минидрель. Вставил фрезу. Спилил крышку. Быстро нашел на плате память. Подпаялся. Подключился. Запустил копирование.

– Ну что там? – заторопился Петрович.

– Приборчик интересный. Кроме беспроводной сети, снабжен приемопередатчиком широкого диапазона. В магазине такой не купишь. Спецзаказ.

– А с информацией что?

– Сотня гигов. Есть видео. Много каких-то баз данных. Видео посмотрим сразу. С базами надо разбираться. Интересно будет скопировать всю систему целиком в эмулятор. Похоже – это больше, чем просто камера.

Скопировать не успели. В прихожей раздался звонок. Одновременно с ним зазвонил и телефон Никона. Номер незнакомый. Голос регионального координатора Никон узнал сразу. Тот вежливо просил:

– Никон, открой, пожалуйста, дверь. Нам нужно поговорить.

Петрович мотает головой. Набирает что-то на своем ноуте.

– Я не могу Вам открыть. У меня нет ключей.

Петрович крутит пальцем у виска. Махает рукой, мол, делай что хочешь. Никон, помотав головой, разводит руками.

– Ты там один?

Вопросительный взгляд. Петрович кивает.

– Один. А Вы один?

– Нет, я с нашими безопасниками. Мы решили, что у тебя проблемы и приехали помочь. Хочешь, мы сломаем дверь?

Петрович в панике что-то показывает на экране ноутбука и пытается шептать. Никон всматривается, узнает безопасников. Они держат наготове оружие.

– Не надо. Здесь сигнализация. Я не знаю кода. Приедет милиция.

– Милиция нам не нужна, – вздыхает Говард. – Надо поговорить. Подойди к двери пожалуйста.

Петрович показывает, чтобы Никон у двери не стоял, а сел и спрятался в дверном проеме, ведущем в туалет. Теперь Никон крутит пальцем у виска. Выполняет требование. Петрович тоже прячется за углом.

– Вы меня хорошо слышите?

– Да, – отвечает региональный уже без телефона, – что произошло дома у Юли Ведерниковой?

– Она требовала от меня обратную связь. Угрожала пистолетом.

В дверном замке что-то щелкает и скрежещет.

– Как ты поступил?

– Ушел.

– Молодец. Ты рисковал жизнью ради принципов нашей организации. Когда мы изучим обстоятельства, твоя кандидатура будет предложена на должность супервайзера.

– Спасибо.

–Ты узнал, зачем ей была нужна обратная связь?

– Для кайфу, наверное. Говорила об эксперименте. Еще она связана с бандитами.

– Хорошо. Как же нам открыть дверь? Куда ушел хозяин квартиры? Ты можешь позвонить и попросить, чтобы он тебя открыл?

Петрович подает непонятные знаки. Никон отвечает:

– Сказал, что вернется поздно. Уже звонил. Не берет трубку.

– Глупая ситуация.

Петрович подполз с ноутбуком и показал картинку. Один из безопасников возился у двери. Когда Петрович уполз, Никон встревожено спросил:

– Что вы там делаете с замком?

– Пытаемся открыть своими силами.

– Может быть не надо? Давайте поговорим завтра.

– Нам надо поговорить сегодня.

– Приедет милиция.

– Мы успеем уйти.

– Я так не могу. Это квартира моего…

Замок щелкает. Дверь открывается. К этому времени во всех комнатах лампочки уже выкручены.

– Почему Вы сидите на полу, Никон?

– Болит нога.

– Хорошо. Сидите, если Вам так удобно, – двусмысленно улыбается Говард. – Расскажите, пожалуйста, что Вы нашли у Юлии?

– Ничего.

Безопасники с пистолетами осторожно пробираются мимо Никона вглубь квартиры.

– Дело в том, что мы уже беседовали с ней. Она говорит – Вы забрали у нее одну вещь. Где она?

– Какая еще вещь?

– Такая серая увесистая коробочка.

– Вот эта?

Никон достает из кармана то, что осталось: корпус с аккумулятором. Крышку приклеили первым липким веществом, подвернувшимся под руку – медом.

– Похожа, – кивает Говард, беря в руку. – Ответьте, пожалуйста, на еще один вопрос. Что случилось с вашим коином?

– Ничего, – мотает головой Никон.

– Он врет!

Никон пытается понять, кого обвиняет во лжи человек с пистолетом. Его или индивидуальный корректор. Выжидающе молчит. Говард повторяет вопрос настойчивее:

– Откройте же мне этот секрет! Почему Ваш коин врет?

Никон напрягается, ища путь решения проблемы с наименьшими потерями.

– Сломался?

– Нет. Результат самодиагностики в норме. Он, просто, начал врать после того, как Вы побывали в коме.

– А скажите мне, пожалуйста, – разозлился Никон, – почему я побывал в коме?

– Это вы скажите, почему ничего об этом не сообщили?

– Не успел! Заработался со всей этой хренью! Это ваша обязанность следить за балансом, перешел Никон на гневный крик. – И за безопасностью сотрудников!

– Никон, Вы задержаны по подозрению во взломе оборудования корпорации Мнемонет, – заявляет Говард.

В глубине квартиры раздаются выстрелы и крики. Говард становится в проходе, стараясь держать в поле зрения всю перспективу. Напряженная тишина длится вечность.

– Макс! – обеспокоенно кричит в проем двери, – Остин!

Тишина. Лишь еле слышимое зловещее шуршание раздается из-за угла, словно предупреждая: ходить туда не стоит. Говард машет из коридора Никону пистолетом.

– Осторожно встаешь, обуваешься, берешь куртку, выходишь. Понял?

Никон медлит. Статус задержанного ему не по душе.

– Быстрее!

Никон выполняет требование, идет по гулкому, плохо освещенному, коридору вслед за пятящимся Говардом. Выходят на улицу. Говард спешит к машине, подгоняя Никона. Все происходит стремительно. Пуля, выпущенная из окна, впивается Говарду в правое бедро. Тот падает на бок у самой машины. Пытается прицелиться в сторону стрелявшего. Никон, оббежав машину, ногой выбивает пистолет.

– Ты что творишь!? – кричит Говард.

– Это вы что творите!? Зачем вам эта коробочка?! Как вы связаны с бандитами?

– Не лезь, куда не надо! Твое дело психам сопли вытирать. Вот сиди и работай, пока не уволили.

Никон поднимает пистолет. Крупный, угловатый, но легкий Глок, таящий в себе более десятка смертей, удобно ложится в руку. Вселяет сиюминутную уверенность.

– Эй, осторожно, он без предохранителя, – уже вежливее кричит Говард.

Никон ощущает происходящее, словно в замедленном черно-белом кино. Целится в регионального. С надрывом спрашивает.

– Кто убил Мартина?

Говард молчит. Почему-то попав в родную стихию, намокнув в луже, крокодил не кажется теперь таким опасным. Лоск и строгость смыло простой водой. Взгляд уже не такой холодный. В голосе и движениях можно прочесть следы страха.

– Ну, быстрее. Сейчас вторую ногу прострелю.

Нокон целится, держа пистолет двумя руками. Неужели он сейчас действительно способен на это?

– Идиот! Тебе конец! – ругается зло и раздраженно. -Мартин сам себя убил. Так же, как и ты.

Влажную ночную тишь режет далекая сирена.

– Лови флешку и вали! – кричит следователь из окна, – и аккумулятор из телефона вытащи!

На мокрый, переливающийся в тусклом свете асфальт, как в замедленном кино, падает стальная пластинка на шнурке. Никон подбирает ее и спешит скрыться за углом.

– Далеко не уйдешь! Коин всегда на связи, – рычит крокодил

вслед из-за укрытия.

Никону плевать. Бег сейчас является смыслом его жизни. Думать будет потом. Пройдя четыре двора, чувствует, как ноги подкашиваются, теряют жесткость, а в голове рассыпаются сотни черных звездочек, поднявшихся откуда-то из груди. По влажной и холодной стене сползает вниз. Мир, в котором люди неожиданно удивляют друг друга, отдаляется за смутный горизонт сознания.

– Давай быстрее. Смотри за угол.

– Никого нет.

– Переписала? Что ты там возишься?

– Не могу сосредоточиться. Дождь мешает.

– Давай я.

– Готово.

– Бежим.

Глава 29.

Пешеход брел под мелким, словно повисшем в воздухе, дождем осторожно и, оттого, медленно. Так ходят люди, которые устали или которым идти некуда. В этом случае было справедливо и первое и второе.

Город снова казался каким-то чужим и незнакомым. Темные пыльные витрины когда-то роскошных дорогих магазинов. Обшарпанные фасады домов. Удивительная серость многочисленных, проплывающих мимо лиц, не столько пугала, сколько вгоняла в тоску.

Никон не мог пойти в метро, боясь камер распознающих лица. Домой не шел потому, что там его, наверняка, ждут бандиты или безопасники. Размышления о том, можно ли переночевать у друзей или бывших девушек текли одновременно вяло и хаотично. Близкие друзья тоже могли быть под наблюдением. У службы безопасности Мнемонета хватило бы ресурсов контролировать и двадцать квартир с телефонами их хозяев. Знакомых, с которыми давно не общался, наверняка, нет в списке потенциальных гостеприимцев. Но идти вот так – с пустыми руками и в не лучшем виде, Никону было стыдно. Объяснять, что ты – преступник, за которым охотятся сильные града сего, тоже можно не всем. Бывшие девушки тоже могли не понять наглого гостя. Тем более, если уже обзавелись семьей. На вокзал идти нельзя. На машине ехать нельзя. Банковской картой пользоваться нельзя.

Почему-то из конкретного практического русла потянуло в общее абстрактное. Почувствовал вдруг, как рушится система социальных связей. Разрушается жизнь. Работы нет, доступных друзей нет, денег нет, жилья нет. Подумал было – сработали защитные механизмы, спасавшие сознание от перегрузок.

Но это вряд ли, от таких размышлений становилось еще тяжелее. Возможно, это было окольным путем решения проблемы. Сначала от частного к общему. Потом с высоты этого общего к необходимому частному. Поди пойми это мышление.

В итоге все слилось в воронку одного единственного вопроса. Вопроса, который Никону следовало задать себе перед тем, как поднимать пистолет на своего начальника. Зачем!!?? Зачем было это делать? Что это за безумие? Шок? Страх? Инстинкт самосохранения? Ведь можно же было во всем разобраться! Можно же было все обсудить! А теперь что!? Теперь куда? Опять вдруг стало очень больно. Что может сравниться со страданием от грубой непоправимой ошибки? Когда смотришь вслед уходящему поезду или, еще хуже, уплывающему пароходу. Когда нажмешь не ту кнопку, и все взорвется. Или не тот курок. Когда ляпнешь, не подумав, страшное слово, а потом не знаешь, как отловить этого юркого воробья. Мысль о том, что существовали иные, альтернативные, лучшие варианты развития событий и теперь они безвозвратно упущены, может свести с ума любого.

Так бы и брел без цели, сходя с ума, пока не сел бы от бессилия на лавочку и не заснул бы под промозглым дождем. Но даже в такой ситуации случай предоставил альтернативу. В поле зрения попал велосипед. Мысль о том, чтобы завладеть транспортом, уже мелькала. И не раз. Машиной опасно. После сообщения об угоне остановят на первом же блокпосту. Машины снабжены трекерами, да и камеры теперь распознают не только лица, но и номера. Мотороллеры и мопеды, как на зло, не попадались. Да с ними, та же история. И вот – велосипед.

Дорожный, спортивный. Далеко не новый, обшарпанный и поцарапанный. Бывалый. Он привлек Никона своей эргономичной, немного хищной формой. До боли ярко, вспомнилось, вдруг, как это великолепно – крутить педали и чувствовать, как силой своих мышц наматываешь дорогу на колеса.

Никон замер и огляделся. Велосипед стоит, пристегнутый тросиком к деревянной штакетине невысокого заборчика. Хозяин, вероятно, среди ребят, активно о чем-то спорящих с кружками пива в ярко-освещенном пространстве кафе, за широким окном. И дернуло же его в такую погоду поехать на велосипеде. Достал лист бумаги и ручку. Принялся крупными жирными буквами писать на коленке:

«Прости. Мне очень нужен твой велосипед. Я постараюсь его вернуть на это же место. Взамен оставляю коммуникатор.»

Вложил листок в файл. Туда же опустил и плату. Тяжело вздохнув, решительно направился ломать забор. Планка

оторвалась от направляющей после третьего удара. Вскочил на алюминиевого коня, спешно закрутил педали. Ехалось страшно и весело одновременно. Темный влажный ветер с новой силой ударил в лицо. Взбодрил. В ногах и руках почувствовалась привычная энергия. На душе стало легче.

Как-то само по себе поехалось на юг, вниз по направлению тяжелого течения Дисифена. Словно движущийся неподалеку массив воды смывал, увлекал за собой потерявшего цель Никона. Поклацав по кнопкам велокомпьютера, нашел проигрыватель. Подключился к нему через блютуз. Запустил первую попавшуюся песню. В динамике зазвучал энергичный нагнетающий мотив:

«Ты пытался читать об этом в книгах,

Надеялся увидеть это в кино, Но истины нет в грязных интригах, Твой взор не очистит хмельное вино. Ты забыл, где ты был, где конец и начало. И не помнишь, зачем появился на свет. Ты не слушал, что жизнь тебе отвечала. После слезной к ней просьбы дать совет. Ты искал ответы не там где надо, И нашел совсем не то, что искал, То, что ищешь – всегда живет где-то рядом. То, что ценишь – всегда цветет где-то рядом. То, что любишь – всегда поет где-то рядом. Под радужной гладью живых зеркал»

– Прости, чувак!

Никон опять ощутил укол совести. То ли от влажного ледяного ветра, то ли от боли нахлынувшей на уставшую душу, захотелось плакать. А, может, даже и скатилось пару слез. Под дождем совсем не понятно. Пару часов покрутив педали, выехал к станции Баркенс. Когда свернул на Капитальное шоссе, потянуло вдруг на место, где нашли Антигонию. От этой мысли передернуло. Промзона ночью – место нынче небезопасное. На месте преступления могут стоять камеры. В кустах может сторожить целый боевой дрон. Тогда велосипед не спасет. Возле съезда на улицу Индустриальную, желая проскочить побыстрее, поднажал. Теперь крутилось не очень легко, чувствовалась вязкая, тягучая усталость.

Опять понесло в лицо мелким противным дождиком. Стало зябко и очень неуютно. Вдали от города, в диком поле на велосипеде. Еще пару дней назад Никон и представить такого не мог. Теперь он крутил педали в никуда. Чем дальше – тем страшнее и туже. Фонари закончились. Дома со светящимися окнами – еще раньше. Редкие машины проносились в заполненном моросью сумраке быстрее, чем Никон мог разглядеть их. Вспомнилось утверждение: холод убил намного больше людей, чем жара. А ведь он, как-то, даже не озаботился обзавестись спичками или зажигалкой. Куртка теплая и

надежная, не промокает. Но без движения можно быстро замерзнуть, при пяти то градусах тепла. Отверженность и одиночество заскулили еще громче и жальче. Никон остановился перевести дыхание. Мысли о ночлеге стучались в дверь сознания все настойчивей. Пришлось открыть и оглядеться вокруг. Ни одного светящегося окошка. Ехать назад? Тоже не годится. Значит вперед. Цепь скрипнула опять. Тяжело.

Когда Никон совсем отчаялся, между редкими стволами уцелевших деревьев, словно выглядывая из-за них, блеснул огонек. Послышался пряный запах дыма. Жилье потянуло к себе Никона, словно волка курятник. Вспомнился санитар города. Пошел напрямик через кочки и кусты, чтобы не потерять ориентир. Это действительно оказался дом. Обнесен ветхим забором, да и сам – довоенной постройки. Звонко зачастила мелкая дворняга. Никон попытался отпереть защелку на двери, но ржавая железяка оказалась очень низко. Перелезать было как-то стремно. Волк и курятник – это все таки перебор. В результате нескольких минут неистового труда мелкой, тоже замерзшей охранницы, дверь открылась. Старушачий голос продребезжал:

– Кто там?!

– Бабушка, пустите туриста переночевать, пожалуйста!

– Какого еще туриста?

– Велотурист я!

– Страшно, сынок! А вдруг ты не турист, а бандит какой?

Посыпалось – так посыпалось. Даже бабушка спросоня решила, что Никон вне закона. Да нет, она любому бы так сказала. Разве что, вид юной замерзшей сиротки, тронул бы старушачье сердце до пренебрежения безопасностью.

– Тебе, сынок, в монастырь надо. Тут рядом! Там еще не спят. Всенощную бдят.

– Дайте спичек хоть!

Бабушка, поскрипев немного в дверном проеме, скрылась. Вернулась через минуту. Не подходя близко к калитке, перекинула пакетик с коробком и газетой. Махнула в сторону дороги.

– Туда езжай! Тут рядом. Тебя там примут.

– Спасибо, бабушка, – выдавил Никон и потише добавил: – за гостеприимство.

Поехал по дорожке, размышляя, а пустил бы он такого вот стремного, мокрого велотуриста к себе домой. Вопрос не из легких. Молодую велотуристку может быть и пустил бы. А велотуристу, наверное, дал бы денег на гостиницу или хостел. И то, после верификации. Нет, после пережитого, попробовал бы пустить и велотуриста.

Заросшая до состояния тропинки дорога вильнула вправо. Выезд на асфальт порадовал. Показался свет. Столбики оградки, голые жерди кустов. Двухэтажный дом на берегу небольшого озера. Окна светятся. На углу стоит человек во всем черном, со светильником. Свеча в стеклянной баночке чуть колеблется на сыром ветру. Стоит, смотрит на дорогу. Никон подъезжает осторожно, пытается перевести дыхание на ходу. Голос раздается раньше, чем он успевает заговорить.

– Велотурист?!

– Ага.

– Пойдем.

Бабка, конечно, могла позвонить и предупредить. Уже не важно. Никон плетется за бородачом в длинной черной рясе. Заводит велосипед в полуподвальное помещение.

– На службу пойдешь или поужинаешь?

– Лучше бы поужинать, – отвечает Никон, не очень понимая суть вопроса.

– Ну, тогда, пойдем ужинать. Меня зовут Киприан.

– Никон.

В столовой длинные деревянные столы, застеленные потертой клеенчатой скатертью. Рядом с ними – похожей работы и длины лавки. Никон садится с краю. Пристально смотрит на глубокую тарелку с хлебом. Быстро протягивает руку. Жует. Вкусно. Очень вкусно.

– Вот суп, с обеда остался. Каша, капуста квашеная.

– Спа-си-бо, – благодарит в такт движению челюстей.

Уходит в дальний угол, становится перед иконами. Что-то шепчет. Никон вслушивается, ловит обрывки старых слов. Хруст капусты сильно мешает, но слушает все равно. Суп и каша быстро заканчиваются, зато хлеба много. Запивает все сладким чаем из древней треснувшей чашки. Как в далеком детстве. Вслушиваясь, кладет голову на руки. Растягивается на потертой клеенке. Дышать теперь тяжело, но это не умаляет чувства приятной сытой истомы. Глаза закрываются. Вдали раздается мелодичный шепот. Убаюкивает.

Дышать тяжело. Никон ерзает на сидении трамвая. Смотрит в окно. Очень странно. За окном незнакомые пейзажи. Дома без окон. Покосившиеся столбы. Деревья – как сгоревшие. Куда бы это он мог ехать? Не может понять. Смотрит в вагон. Все места заняты. Женщины с детьми. Мужики с сумками. Один с длинной удочкой. Пенсионеры. Студенты. Рядом сидит бабушка, чем-то похожая на ту, что не пустила его ночевать.

– Куда мы едем? – кричит Никон сквозь серый грохот стали.

Старушка вяло поворачивается, дребезжит в ответ:

– Спать!

Никон ничего не понимает. Вертит головой. За окнами сереет. Домов становится меньше. Начинается поле. Никон думает: а не выйти ли? Что-то его сдерживает. Страшно покинуть это втыкающее в окна общество и оказаться в голом выжженном поле.

Подходит женщина. Кондуктор, догадывается Никон.

– Ваш билет!

Шарит по карманам. Ничего не находит. Денег тоже нет. Разводит руками. Пользуясь случаем, задает кондуктору тот же вопрос:

– Куда мы едем?

– Спать! – отвечает кондуктор.

Никона трясут за плечо.

– Просыпайтесь! Надо идти спать!

Поднимается. Пошатываясь, плетется за монахом темным гулким коридором, по инерции, неуверенными движениями, ища в карманах билет.

Часть вторая. Вольное днище

Глава 1.

Тусклые горошины светодиодной панели погасли, на секунды уступив место полумраку. Восседающий напротив крепкий мужчина средних лет нервно заерзал, дергано озираясь вокруг. Остановил взгляд на сурьмяном в тон потускневшей стали решеток и от того, очень холодном небе, заполняющем верхнюю половину грязного мутного от мелкой паутины окна. Никон, дождавшись, когда запустится резервный генератор, спросил:

– Как прошла неделя?

– Так же как двадцать семь предыдущих, – последовал хмурый ответ.

– Возможно, появились новые мысли? Что-то вспомнилось?

Никон старался быть вежливым и спокойным. Пытался нащупать ниточку, за которую можно вытянуть посетителя на беседу.

– Мысли старые были: о жратве и о бабах. Вспомнилось, сколько всего этого там.

Махнул головой в сторону окна.

– А какие мысли чаще бывают: о еде или о женщинах?

– Людина, давай, не напрягай меня – понял?! Мысли мои о бабах ему нужны. В твоем возрасте, свои уже иметь пора. Сколько не думай – сытее не станешь. А от болтовни вашей тошно уже. Хотя, вот, с Иркой о бабах можно было и погутарить. Аааа….вот тут уже все!

Постучал себя по шее под заросшим седой щетиной

подбородком. Скривился, оскалив блеснувшие в тусклом свете зубы.

– Да у меня тоже – вот тут уже все! – повторил жест Никон.

Повторил и осекся. Задался вопросом: как это выглядело со стороны? Не скалил ли клыки в кривой гримасе, подобно сидящему напротив?

– Так и вали на хрен отсюда, – живо посоветовал собеседник, кривя ухмылку.

– Я б свалил, да не пускают, – ответил Никон помягче.

– Слушай, а давай дернем, а? – приободрился небритый. – Ты же недалека от охраны ночуешь, так? Камера не запирается? Я те все спланирую. Цени! Заходишь ночью, берешь тихонько пистолет. Потом тянешь его сюда и отдаешь мне. Я устраиваю восстание невинно заключенных. И все. В шумихе разбегаемся. Идет?

– С одним пистолетом ничего не сделаешь, – потянул за неожиданно свесившуюся ниточку Никон.

– Ну, вот что за людина такая!? – возмутился. – Да я с одним пистолетом троих с автоматами положил.

Отреагировал на сомнение остро, пристрастно. Если тщеславие побуждает человека к хвастовству – надо создавать условия для описания подробностей – подумал Никон. Спросил:

– А с автоматами кто был? Тетки на каблуках?

– А ты на экранчике своем почитай, – заосторожничал.

Никон пожал плечами. Небритый не выдержал, зачастил:

– Пенты с автоматами были. Матерые. Искали меня в промзоне. Офицера с пистолетом кирпичом вырубил. А потом пистолетиком-то троих автоматчиков и положил. Еще и патроны остались. Витя это умеет. Не зря Витя молодость провел в баталиях компьютерных и войну от начала до теперь прошел.

Провел синей, в наколках, рукой от лба к затылку, против короткой серой шерсти. Словно гладя Витю за то, что тот имеет богатый жизненный опыт и замечательно умеет убивать автоматчиков из пистолета.

– А потом что?

– Потом… – задумался, опять скривился: – А, блин, суп с котом! Людина, ты этот экранчик, вообще, не читаешь, что ли? Когда я прихожу, ты уже все знать должен, чтобы глупые вопросы не задавать. Ушел я тогда из промзоны, – сделал тяжелый вдох. – Да, не долго Витя вольным воздухом дышал. Шлюха сдала одна за три червонца. Вот о ней мои мысли. И, если хочешь хорошо спать, лучше тебе, парень, этих мыслей не знать.

Уделить побольше внимания Вите, синяя рука которого отправила в мир иной не менее двадцати семи человек, попросил начальник тюрьмы. Даже не попросил – распорядился, доступно объяснив, что может существенно изменить жизнь Никона как в лучшую, так и худшую сторону. Действительно мог. Зона – удельное княжество, в котором безраздельно, при любых режимах, правит один князь. Сюда согнали всех, кому даже подключение к пенитенциарному сектору Мнемонета никак не помогло. Абсолютно необучаемых психопатов.

Грубый эпитет? А как можно назвать человека, который

теряет сознание при любой попытке совершить противоправное действие и все равно его совершает? Неоднократно убедившись, что не сможет убежать, отбирает на улице сумочки у дам и без того обеспокоенных унылым бытием. Зная, что не сможет довести дело до конца, пытается кого-то ограбить, изнасиловать или даже убить. Написать на стене лозунг, призывающий к смене действующего правительства или закрытию Мнемонета. Многократно и безуспешно, каждый раз рискуя жизнью, пытается удалить оборудование Мнемонета из своего измученного организма.

Дурак из двух угроз выбирает, на его взгляд, меньшую. Никон согласился помочь. Теперь, раз в неделю, вынужден общаться с человеком, в котором, казалось, поселился сам сатана. Мотив начальника оказался тривиальным до безобразия и старым как мир. Витя, после успешного ограбления нескольких отделений банков, повздорил с подельниками. Избавившись от них, спрятал награбленное в какой-то дыре. Вскоре после этого был арестован при содействии одной особы легкого поведения. Вину свою признал. Но, где лежат сокровища, сообщить отказался, объяснив это простым и безотказным словом, известным всем еще с детского садика – забыл. Не хрен по голове бить при задержании. Суд прошел быстро. Все очевидно. И вот уже около года богатый клад снился главному в тюрьме каждую неделю. Каждую неделю он интересовался у Никона, что там нового. И каждый раз нужно было придумывать отчет о проделанной работе. Снабжать историю свежими подробностями.

Это оказалось тяжело. Энграммы, которые удалось заполучить «на всякий случай», были вместилищем многочисленных и необычных, часто даже ужасных приключений, редко привязанных к каким-либо датам. Кровавые сцены боевых действий и школьных драк чередовались с пьянками и развратом. Ужасные скелеты, покрытые паутиной, в просторном, сумрачном и пыльном шкафу бессознательного. Никон все время удивлялся, как эта нервная система вообще может выдерживать такой накал страстей. Как-то выносила. Человек привыкает ко всему. То, что одному кажется трагедией, для другого может быть рядовым малозначимым событием. Витино предупреждение запоздало. Никон многое уже знал о не таких уж и простых, как заявлено автором, мыслях. Психика переносила такое знание действительно весьма тяжко. После нескольких недель работы, заметил, что хуже спит. В снах, в преобразованной форме, появились некоторые события из закутков чужой памяти.

Энграмма Виктора № 1

«Дышать тяжело. И приятно. Воздух охлаждает разгоряченные

легкие. Автомат тяжелит плечо. Залечь бы – да рано. Не далеко еще ушел. Надо бежать. Выстрел? Ложись! Меси грязь коленями и локтями! Грязь тоже приятно холодит. Вся жизнь – грязь. Грязного меня хуже видно в грязи. Надо всему вываляться. Кто там скачет меж кустов? Идиот! С какого детского сада тебя такого выпустили? Стрелял в меня, а теперь прется напролом. Думаешь, что попал? Ошибаешься! В Витю не попадешь! А твоя упитанная башка дурья у меня на мушке. Дырявить или не дырявить – вот в чем вопрос? Из детского сада. Жалко идиота. Мамка, небось, плачет дома. Интересно: мой, таким же будет? Если без отца – точно, таким и вырастет. Зачем миру два идиота вместо двух умных? Незачем. И лежать здесь некогда. А вон и второй лезет. Ладно. В броник стрелять не резон. В плече – фигня. Извини старушка, не дождешься ты своего дурака домой. Бах! Готов. Второй залег. Видать – поумнее. Лениво вставать из этой мягкой грязи. Неужто ль к земле уже тянет? Нет. Рано. Надо бежать. Тяжело теперь в грязи-то. Ничего, через десяток миль отмоюсь»

Энграмма Виктора № 2

«Давай, Миха, бей! В морду бей кулачком своим дистрофичным! Промазал. Кто ж так бьет!? Я ж тебя не так учил! С подлянкой надо. С обманом. Чтобы не понял вообще, откуда тычка прилетела. А этот громила наседает. Дуется, краснеет и наседает. Не реви! Кровяху вытер с брови и вперед! Я в твои годы таких по траве размазывал. Надо скоростью и неожиданным напором давить. А ты слюни развозишь. Куда назад пошел? Ты что, не мой сын!? Не Викторович? Стой зверенышь! Обходи слева! Слева, я сказал! Да, под руку ныряй! Вот, молодец! В бровь. Глуши второй раз в ухо! Эх, опять промазал. Ну, громила зато почти плачет. Юшка пошла. Ага, один – ноль в нашу пользу! Эй, тетка, не порть бокс. Пусть пацаны сами решают. Да сама ты дура! Че лезешь? Да что мне муж твой? Щас будет так же юшкой умываться. Иди на хрен со своей милицией! Затеяла тут меня пугать. А может тебе интиму хочется? Чего покраснела? Муж уже не радует? К соседу тут средь бела дня пристает! Я к тебе вечером загляну. Жди!»

Энграмма Виктора № 3

«Братец, огня не жалей. В кружку лей! Сыро нынче и тоска на корыте вашем. Ветер северный! Звезд не меряно! Волны хлещут о серый борт! После кружечки, все наивно поверили, что мы отправляемся в порт! Ах-ха-ха! Ох, согрело душонку. Надо еще поставить. Пусть бродит. Че, пошли рыбу ловить? Да никто не свалится, капитан. Не бзди! Все тверезые, как стееееклышка. Глубже прожектор суй. На херен нам эти волны прозрачные и красивые? Что ты поверху светишь. Чаек что ли ловишь!? В пену

их! Ниже давай, фантазер! Ага, смотри! Первая камбала пошла. Вишь, как блестит!? Давай сачком! Тянись – не свалишься! Да лови ты ее. Вот, на хрена в море плуг?!! Отойди, дай я! Рыбаки хреновы. Ни хрена поймать не могут. Вот! Ловись камбалююшка – плоское брюшко!! Чуть еще…Аааааааа. Епта! Фуууух! Холодно и темно и тихо. Как в могиле. Вот какое оно – небытиеее!!! Вееееечный холод и темнота. Так и охота раствориться! Уснуть здесь вечным сном. Что ты там светишь сверху? Дай в пустоте побыть. Сапоги на дно тянут. Тянут вниз. Иду ко дну. Эх, капитан, мудила, плакать будет. Надо всплывать»

Энграмма Виктора № 4

«Чего сопли распустила, дура? Достала ты уже своим горем! Мне что теперь на слезы твои крокодильи каждый вечер смотреть? Хочешь, чтобы и у меня горе было? Я так с этим горем начну бороться, что тут у всех соседей горе начнется. Ха-ха. А самогон у бабы Люси кончится. Все, сама виновата! Мне хватит. Допивай, давай, успокоительное – и в кровать! Что-то и спать с такой сопливой и не хочется. Ух, горячая какая. От горя и горькой. Огонь прямо. Да-вай по-дру-го-му! По-дру-го-му! Поворачивайся! Ох. Блин. Аааааа. Да не стони так сильно, соседей разбудишь! Ух. Будут потом бабки гадать – лупил я тебя тут ночью или лизал! Довольна?! Даже очень… Ты смотри, чудеса какие. Уже и не рыдает. И сопли кончились. Больше и не плач, белочка, все хорошо будет. Рыбка ты моя мокрая. Да не отпущу, не отпущу. Спи спокойно. Витя тебя крепко держать будет. Так тебя уже никто не прижмет»

Глава 2.

Крокодил старался двигаться ровно, не прихрамывая. Прищуренные за бежевыми стеклами очков холодные глаза сообщали, что цена видимости высока. Бегло осмотрел помещение, минуя единственного сидящего в ней человека, словно его здесь и не присутствовало, словно он – пустое место. Спокойно и жестко поприветствовал:

– Добрый день, Никон!

– Здравствуйте.

– Как у Вас дела?

Пока Никон размышлял, что может ответить человек в его положении на такой сложный вопрос, сырой воздух комнаты наполнил грудь несколько раз. Ответ так и не нашелся. Говард попробовал подсказать:

– Последняя наша встреча прошла очень необычно. Вы сильно изменились с тех пор.

– Зато Вы вообще не изменились, – спешно бросил Никон.

– Я пришел поговорить о Вас.

– А мне – наоборот, было бы интереснее поговорить о Вас.

Крокодил замер. Застрял маленькими черными зрачками где-то в реках и озерах на серой стене, у Никона за спиной. Выплыл на берег. Размеренно процедил:

– Обстоятельства так сложились, что тему разговора выбираю я.

Никон опять промолчал. Сейчас ему проще думать, чем говорить. Говард попробовал перейти от вопросов общих к частным:

– Я хотел бы узнать, куда вы дели мой пистолет.

– Потерял.

– Где потеряли?

– Не помню. Где-то недалеко от места событий.

– Зачем вы его забрали у меня?

– Вы мне угрожали.

– Я выполнял свою работу. Хотел задержать Вас до выяснения обстоятельств. Если бы не стрельба в квартире…

Никон не вытерпел. Этот человек, вязко и настойчиво следующий избранной линии поведения, злил. Захотелось вывести его из равновесия.

– Вы же связаны с Юлей, бандитами и как-то замешаны в убийстве Мартина.

– Я пришел говорить о Вас. Версии по делу Мартина оставьте при себе.

– А я тут при чем? – упорствовал в смещении акцентов Никон. – Это же Вы прибежали забирать у меня серенькую коробочку, изъятую у преступников…

– Вы умрете.

Слова, сказанные с нажимом, но спокойно, тоном утвердительным, резанули слух еще до полного их осознания. Никону вспомнилась абсурдная фраза одного друга о том, что подробности о смерти человека, с большой вероятностью известны еще до его рождения. Однако, он упорствовал:

– Вы тоже умрете. Все умирают.

– С Вами это случится намного раньше.

Утверждение тянуло из Никона вопрос: почему? Словно крючок, заброшенный в озеро и зацепившийся за водоросли. Не желая говорить то, что у него вымогают, опять промолчал. Вопрос все же повис в воздухе. Говард ответил на него так, как если бы он был произнесен вслух:

– Вы лезете туда, где жизнь человека ничего не стоит. Копаетесь в опасном месте. Это никому не нужно. Забудете про все лишнее – и, после суда, останетесь живы.

– А Вы не боитесь мне угрожать здесь – в следственном

изоляторе? Возможно, ведется запись разговора.

– Я Вам сообщаю об опасности, исходящей не от меня. Источник мне не известен. Я даю вам совет по поводу Вашего выживания. Прислушайтесь.

Никону показалось, вдруг, что говорит он не с человеком, а с автоматом. Никаких эмоций. Алгоритм почти линейный, с минимумом ветвей и циклов. Задача: внушить Никону, что надо забыть и молчать. Еще раз, постаравшись усмехнуться, заявил:

– А вот Вы, Говард, наверное, не прошли бы тест Тьюринга.

– Что Вы хотите этим сказать?

– Я хочу сделать Вам комплимент.

Теперь усмехнуться получилось просто так, спонтанно. Говард опять принялся изучать карту рек и озер цвета штукатурки на серой стене, за Никоном. Не спешил с ответом. Лицо расслаблено. Глаза вяло плывут по площадям водосбора, словно выискивая на дне нужный ответ. Никон, довольный шуткой, прямо разглядывал замершее лицо неприятного гостя. Пытался прочитать процессы, происходящие за бежевым стеклом линз и черным хрусталем глаз. Не получалось. О железобетонную маску ломались все инструменты.

– Об этом вам тоже лучше забыть.

Спокойный ответ, опять возвращающий беседу в линейное русло и отсекающий все притоки и развилки, окончательно отбил у Никона желание продолжать. После минутного молчания, Говард молча же и ушел, вероятно, исполнив намеченный алгоритм до конца.

С мантиями обращались очень аккуратно. Берегли их. Вставали и садились осторожно, чтобы лишний раз не тереться о край широкого, неаккуратно лакированного стола. Матовый, но почему-то отражавший образ зала, экран большого телевизора, висевшего в углу над головами людей в мантиях, по диагонали, сверху вниз рассекала серебристая трещина. Этот замерший на века график словно говорил: увы, смотрящий на меня из-за решетки, твоя жизнь покатилась под откос. Теперь ты будешь тонуть в этом бурном водовороте, пока не достигнешь самого днища.

Наблюдать за всем происходящим из клетки любопытно и печально одновременно. Ощутившие тепло, холод, влажность и сухость тысяч рук прутья, пропустившие уставший взор тысяч выцвевших глаз ячейки мелкой сетки, уже десятки лет надежно хранили в толще металла печальный интерес. Беспомощность и обреченность – вот что внушали жерди, краска на которых облупилась то ли от времени, то ли от наручников. Зависимость

от воли здесь собравшихся.

В душе Никона бушевал шторм. Смешивал чувства и мысли в какой-то горько-кисло-сладко-соленый коктейль, противный на вкус, ядовитый и дурманящий. Шторм начался, когда Никона привели в зал. Возможно, глаза, любимые и ненавистные, которые он не видел уже так долго, произвели в нем такое смятение. До этого в душе царил штиль, установившийся за долгие недели, проведенные в холодной и сырой, гулкой камере.

Никон смотрел то в окно, за которым вьюга обметала чудом сохранившуюся рябину, то на судей, чинно возвышавшихся над залом, то на участников процесса, пришедших защищать подсудимого или топить. Вид гнущегося под напором холодного ветра деревца успокаивал. Оно как бы сообщало: смотри, хоть я и замерзло, но сохранило упругость, зима и ветер не сломают меня, я дождусь теплой весны и снова буду зеленеть и цвести под ласковыми лучами золотого светила. Никон хотел ему верить. Очень хотел. Судьям же не верил вовсе. Не верил, но, как ни странно, понимал. Читал в этих наигранно медлительных людях лишь одно стремление – сделать свою работу аккуратно и чисто, чтобы вызвать наименьшее возмущение в среде собравшихся. Чтобы все, по возможности, остались довольны.

Если есть возможность прочитать – значит шторм начал стихать. Да, действительно стихал, когда Никон не смотрел в строну глаз, пронзающих из зала. Это мучительно тяжко.

– Город против Никона Тенко, – объявил судья.

Прокурор вел себя самоуверенно и активно. Защитник, лишь изредка, для приличия, задавая общие вопросы, преимущественно повторял одну и ту же фразу: защита вопросов не имеет.

Паула, как обычно, сияла жизнерадостностью и улыбками. Даже, не взирая на лютую ледяную вьюгу за окном и сумбур и сотен переживаний – от страдания до радости – в зале. Сердито посматривая на прокурора, понизив грудной голос, самая заботливая в мире начальница выступила в роли защитника:

– Я была супервайзером Никона Тенко на протяжении двух лет. Знаю его как человека честного и порядочного. По статистике, в среднем, у каждого из моих подопечных возникало по нескольку десятков острых конфликтов с абонентами в год. У Никона Тенко таковых оказались единицы. Разногласия между Никоном и Катрин, вероятно, были спровоцированы сложными обстоятельствами, в которых этим людям довелось сотрудничать. Ранее они работали в одной организации во время войны. Им довелось участвовать в расследовании убийства Мартина. У Катрин очень сложный характер. Она педант. Я считаю, что она очень сильно вмешивается в работу специалистов. Давит на них.

Думаю, если Никон и совершил то, о чем здесь говорят, то его нужно было очень сильно довести. В таких обстоятельствах многие из нас поступили бы еще хуже.

Граф свидетельствовал охотно. Создавалось впечатление, что он активный участник обвинения. Просто уверен ,что преступник должен сидеть в тюрьме. В надменной мимике и жестах читалось, что исполнять столь суровую и необходимую обществу роль, не только важно, но и приятно. Отстаивал свою правду:

– Я видел, как Никон Тенко напал в клубе на женщину. Она говорила на французском, поэтому, я думаю, что это была Катрин. Никон отнял у нее сумочку, вытащил из нее предмет, похожий на планшет и потом заставил женщину что-то с ним сделать. Та была очень напугана и возмущена. Видео происходившего я уже предоставил.

В подтверждение свидетельства на поцарапанности экрана ожила сцена насилия. Никон действительно выглядел на ней предательски возбужденным. Напуганным. Катрин, с ее торчащим хвостом и огромными эбонитовыми шарами глаз как нельзя лучше выглядела для роли пострадавшей. Злодеяние очевидно!

Явился свидетельствовать и самый дорогой здесь человек. Увидеть Элеонору вновь стало для Никона великим утешением. Ледяной ломоть сердца, измученный напастями и скитаниями, немного оттаял. Девушка нисколько не изменилась. То же многообразие заколок. Та же строгость наряда. Та же спокойная и уверенная манера.

– Вечером и в ночь перед днем, когда обнаружилась пропажа Катрин, Никон Тенко находился у меня в гостях. Мы обсуждали произошедшее в… клубе. Никон был уверен – кто-то очень грубо вмешался в его баланс. Да, он считал, что Катрин, может незаконно использовать возможность повлиять на его состояние. Попытаться управлять Никоном. На видео видно, как Катрин удивляется показаниям планшета. Будучи свидетелем, я слышала, как она воскликнула: «О боже!». После этого Никон решил, что действительно погорячился. В разговоре мы пришли к выводу, что в баланс вмешалась не Катрин.

Приврала скромно. Графики, выведенные на большой экран за вечной, затерявшейся среди них трещиной, не шелохнулись. Все с показаниями согласились.

Некоторую помятость Джулия Вейдер пыталась скрыть за блеском наряда. Круги под болезненно блестящими глазками и недовольно надутые губки компенсировались оригинальной прической и выразительной косметикой. В меру яркая бижутерия и почти вечернее платье окончательно отвлекали мужскую половину зала. Повествовала вычурно, с претензией:

– Этот сударь предложил проводить консультации у меня в гостях. Сначала я не желала. Но он оказался весьма упорен и настойчив. Уговорил меня, доверчивую. Посоветовал испробовать обратную связь. Я пыталась объяснить ему, что это незаконно, но он настаивал. Мне ничего не оставалось, как уступить консультанту. Он же должностное лицо. У него же есть полномочия! Потом, он довел меня до безумного состояния и воспользовался им для удовлетворения своих извращенных фантазий. Как же я это пережила?! – на глазах нимфетки образовались скупые слезки. – Какое же это страдание! Опасаясь противоправных действий, я записала все на видео. Когда насильник узнал об обличающей его записи, то напал на меня и забрал камеру. Тогда я, переступив свой страх перед оглаской и позором, позвонила его начальнику и во всем призналась.

Графики Юлии галопировали не меньше, чем во время ее злополучного, запрещенного кодексом Мнемонета плезира на диване. Голос ее, да и все тело било мелкой дрожью. Никону даже показалось: еще чуть-чуть, и лгунья забьется в блаженных конвульсиях. Страх ли она испытывала, или удовольствие от того, что ее невинной девичьей лжи охотно верят, собравшиеся судить извращенца-экспериментатора люди? Вероятно жутко-ядовитую смесь. И этот ядерный коктейль, вероятно, приходился ей по вкусу. Такой остроты ощущений на диване не получишь. Только здесь – в зале, где по-настоящему и жестоко вершатся судьбы, и до алой крови разбиваются сердца.

Кино о страшных мучениях невинной девственницы, совращенной изобретательным злодеем, вызвало в зале крайнее возмущение. Посыпались возгласы и очень неприятные эпитеты. Благо, первое видео с насилием над Катрин, аудиторию хорошо подготовило. Все ясно! Никон Тенко – сволочь, способная насиловать беззащитных женщин. Зверь, которого просто необходимо изолировать от общества. А еще лучше – умертвить.

Крокодил, как всегда, сосредоточенно спокоен. Сверля, то судью, то прокурора ледяными глазами, сообщал лаконично и размеренно.

– Я пытался сопроводить Никона в центральный офис Мнемонета. Во время стрельбы в квартире следователя, когда я был ранен, он напал на меня. Отобрал пистолет и угрожал им, требуя сообщить ему секретную служебную информацию. После этого скрылся.

Сергей Петрович формулировал обтекаемо, как и положено следователю. Всем видом своим являл желание, не сказав лишнего, побыстрее совлечься от неудобной роли.

– Я не знал, кто это. Видел их впервые. Я стрелял в людей,

незаконно проникших в мой дом. Я следователь и такие незваные гости могут быть опасны.

– Вы были отстранены от работы к тому времени, – заметил прокурор.

– Это не имеет значения, – огрызнулся Петрович.

– Почему подсудимый оказался у вас дома?

– Он позвонил и сказал, что ему угрожали. Сообщил, что имеет информацию по делу об убийстве Мартина Смита.

Адвокат опять, ради приличия, задав пару незначительных вопросов, затих. Словно об огромном одолжении, судья сообщил:

– Ввиду полноты свидетельств и ясности дела суд отклонил просьбу прокурора об изучении энграмм подсудимого. Подсудимый признается виновным.

Оправданий извращенца и циничного злодея никто особо даже и не слушал. Все! Финита! Быстро, просто и надежно. Исполнители закона, как обычно, оказались страшнее самого закона. Да и что можно ожидать от суда в Городе, где большинство жителей являются абонентами Мнемонета? Разумеется – решений в пользу столь важного и могущественного юридического лица.

Перечень злодеяний велик и страшен:

– Порча оборудования, находящегося в собственности Мнемонета. Разглашение служебной информации Мнемонета. Вооруженное нападение на сотрудника Мнемонета. Незаконное изъятие и хранение оружия должностного лица. Попытка склонить абонента к взаимодействию эротического характера, посредством оборудования Мнемонета. Ограбление. Разглашение тайны следствия.

Согласно решению суда, гражданин номер 221838469 приговаривается к включению в сектор тяжких преступлений пожизненно и семи годам исправительных работ, на усмотрение совета по взысканиям Мнемонета.

Крокодил сосредоточен и мрачен.

– Поздравляю!

– С чем?

– Вы легко отделались.

– Издеваетесь.

– Вы пока живы. Как я и обещал.

– Премного благодарен! – зло выпалил Никон, сделав несуразный жест кистью в наручнике.

– Не стоит благодарностей.

Пока Никон размышлял, является ли ответ сарказмом или результатом неспособности понимать сарказм, Крокодил

продолжил:

– Заменим Ваш поломанный коин на прибор сектора тяжких преступлений. И будете жить как прежде. Под нашим внимательным присмотром, конечно. И семь годиков Вам придется поработать в тюрьме.

– А если я не хочу работать в тюрьме?

– Это никого не волнует. На оговоренный срок Вы полностью в нашей власти.

– Скажите, пожалуйста, кому принадлежат эти голоса?

Саманта спрашивает тоном мягким и вкрадчивым. Голосом, который приятно слушать и с которым хочется говорить. Никон уже несколько недель поражается этому голосу. Певучий, сладкий, с тонкими обертонами, шевелящими сердце. Раньше он таких не встречал. От того постоянно размышляет: врожден ли чудный голос или развит длительными тренировками? Склонялся к версии номер два. Не может хороший специалист по чтению энграмм родиться с таким голосом. Природа не так щедра. Хотя, больше природа Саманту ничем особенным не одарила. Невысокая, полноватая, с простым, даже наивным, вызывающим доверие личиком за большими, на пол лица очками. В толпе, даже, задев плечом, Никон ее бы и не запомнил вовсе. Конечно, если бы она с ним не заговорила.

Из колонок, специально принесенных для работы, на стол проливается диалог:

«Мы знаем этого человека. Он наш сотрудник. Давай, бери за ноги. Тяжелый. Ноги ставь на пол и придерживай за пояс. Подкинь ему пока немного глюкозы. Перепишем за поворотом.

Переписала. Молодец!»

Один голос женский, второй – мужской.

– Я не могу узнать эти голоса, – отвечает Никон, внимательно прослушав запись несколько раз.

– Согласно спектральному анализу, девочке от двадцати трех лет. Парню – от двадцати пяти, – поясняет Саманта. – Они возбуждены. Чего-то боятся. Вы когда-либо слышали это ранее?

– Если только когда-то в кино. Мне запись совершенно не знакома.

Никон действительно уверен – никогда этого разговора не слыхал. Чешет лоб и макушку, пытаясь отыскать в закоулках памяти что-то похожее.

– Вы слышали это осенью прошлого года, – подсказывает Саманта. – Вам было холодно и очень хотелось есть.

Никон вспоминает, как падает в кучу фантиков и держится за холодный металл забора.

– Вы ели конфеты, боролись с обмороком. Потом потеряли сознание.

– Это я помню, – соглашается Никон. – Разговор не помню.

Голос Саманты становится менее приятным. Он уже не столько шевелит сердце, сколько переворачивает внутренности. Хочется закончить беседу, но Саманта настаивает:

– Что с вами произошло после этого?

– Я не помню, – невнятно врет Никон.

– Что Вы помните?

Никон рассказывает, как очнулся на улице и поехал домой.

– Хорошо. Думаю, на сегодня со сканированием закончим. Хорошего Вам дня.

Осторожными, миниатюрными пальчиками снимает с головы Никона тонкую серебристую шапочку из тянущегося, но кажущегося однородным, материала. Логотип Мнемонета со странным кроссвордом и коленчатой перевернутой омегой на паутинке красуется на головном уборе, как и положено, справа. Уходит.

– Вы нам не помогаете.

– А кто же, тогда, участвует в сканировании энграмм. Подробно рассказывает о том, что с ним происходило на протяжении последнего полугода? – возмутился Никон.

– Внешне участвуете, но результат нулевой. Вы не заинтересованы в том, чтобы мы узнали, что случилось с вами и вашим коином.

– Мне ваш результат абсолютно безразличен, – стараясь дышать спокойнее, ответил Никон. – Но я помогаю вам. Люди, которых вы ищете, очень осторожны.

Возможно ли спрятаться, когда твой организм напичкан умной, следящей за тобой круглосуточно электроникой? Возможно ли сохранить тайну, когда сканируют самые глухие закоулки твоей памяти? Реально ли укрыться, когда все твои движения регистрируются и интерпретируются?

Инженеры Мнемонета считают – неосуществимо. У них есть резон. За то, чтобы это было невозможным, им хорошо платят. Их работа в том и заключается, чтобы вытянуть из человека все, что может оказаться полезным.

Еще совсем недавно Никон общался с гражданами, считающими по-другому. Утверждающими, что человек -больше, чем просто материя, структуру которой, можно сканировать и распознавать. Материальная система, которой можно управлять извне. Человек для этих смельчаков – душа, свободная и неподвластная состоящему из атомов.

Глава 3.

Зима выдалась холодная. Частенько бывали периоды, когда свежий сухой снег под ногами хрустел словно соль, а деревья в округе звонко потрескивали от напряжения. В такие недели, особенно вечером, когда совсем стемнеет, природа казалась по-настоящему пустой и чистой. Чудилось: азот и кислород тоже замерзли и выпали легкими хлопьями поверх опередившей их воды. Звезды на абсолютно черном, объемном своде неба виделись как никогда яркими и живыми. Словно наблюдатель оказался с ними в одном безвоздушном пространстве. Так вселенную, наверное, видят и ощущают космонавты, когда висят на орбите планеты или летят с одной планетарной орбиты на другую, в тонкой и хрупкой жестянке. Оторванные от эйкумены, одинокие посланники.

Никон часто испытывал подобные чувства. Особенно, когда снег заносил дороги, а мороз опустошал все вокруг. Там, на расстоянии нескольких часов активного вращения педалей, кипела жизнь. Не такая бурная, как еще десять лет назад. Хоть и постепенно затухающая, но довольно разнообразная и привлекательная. Среда в которой он вырос, к которой привык и с которой совсем не желал расставаться.

Жизнь на изолированной от внешнего мира территории и в изолированном сообществе тяготила Никона. Не то, чтобы ему было здесь совсем уж нехорошо – нет. Люди, населявшие обитель, оказались весьма интересны. Отведенная гостю комната оказалась тепла, светла и уютна. Часто это даже радовало, особенно когда руки, ноги и нос занемеют от мороза. Рацион тоже предоставлялся хоть и не очень разнообразным, но на удивление калорийным и вкусным. И все равно – чего-то не хватало. То ли близких и друзей хотелось увидеть. То ли прокатиться на метро, зайти в большой супермаркет и выбрать, хоть и не на таких богатых полках как ранее, что душа пожелает. Хотелось чего-то иного. Никон сам не мог понять, чего хотелось.

Иногда казалось – тяготят возложенные на него обязанности. Но, в то же время, стоило пару дней не подержать в руке топор или лопату, как рука начинала скучать о приятной тяжести орудия. Прямо, вот, хотелось идти на свежий воздух, рубить или копать. Здесь, в изгнании, он вспомнил – какая это радость: держать в руках инструмент, чувствовать во всем теле силу управляться с ним, видеть результат хоть и грубого, но важного для людей труда. А как же легко думается в часы такой монотонной работы! Мысль как бы катится и течет с движением рук, следуя спокойному размеренному ритму.

Труд совместный, коллективный, подчиненный общей цели

задавал еще более строгий и продуктивный темп мышления. Да и сотрудники оказались, на редкость, интересными и загадочными людьми.

Вот, взять хотя бы Киприана, встретившего в ту злополучную ночь – еще тот специалист по странному. Однажды, интенсивно, возя по бревну зубьями двуручной пилы, он, разгоряченный вгрызанием вглубь ствола, выдал загадочную сентенцию о смысле жизни. Так и говорит:

– Смысл жизни в том, чтобы подготовиться к смерти.

– Парадокс! – отвечает Никон в такт движению рукоятки. – Зачем жить с таким смыслом? Проще сразу умереть при рождении или вообще не зачинаться.

– Парадокс…, – задумывается. – Да, действительно это может прозвучать странно и неожиданно. Хотя можно сказать и так: смысл смерти в том, чтобы подготовиться к жизни. Все зависит от того, какой смысл вкладывать в понятия жизнь и смерть. Если жизнь – это хотение, спание, едение, работание, размножение и кайфование, а смерть – это прекращение всего перечисленного, тогда да – утверждение совершенно глупое.

– А может быть по-другому? – со скепсисом интересуется Никон.

– Да. Если представить, что жизнь, на самом деле – это смерть. Допустим, приглядевшись к окружающим нас несовершенствам. А смерть, на самом деле – переход в новую жизнь. Более полную и свободную.

– Если так представить, то тут, наверное, и Мнемонет уже не спасет.

– Если так представить, то это может спасти тебя от Мнемонета.

Говорить загадками в стиле Киприана. Никону иногда казалось – тот смеется или издевается. Или просто сходит потихоньку с ума. Конечно, посиди тут годами в глуши. Ни жены веселой, ни интернета обширного. Поневоле начнешь думать о том, что жизнь на самом деле – это смерть и наоборот. Но звучали слова монаха не жалко и обреченно. Находились в них некая фанатичная уверенность и связанная с ней сила.

А чего только стоил школьный учитель дядя Федя!? Тот вообще гнул мысли в совершенно произвольные непостижимые фигуры. Возил – возил вяло лопатой по заснеженной дорожке. Потом, вдруг, торжественно, с многозначительным вздохом, выдавал что-то подобное:

– Как бы ты ни жил, о том, что будет с тобой после смерти,

было известно еще до твоего рождения!

Опять парадоксальный бред. Может именно из-за него дядя Федя больше в школе и не работает? Иногда Никону казалось – он попал в дурдом для заблудших философов образца конца позапрошлого века. Решил свести все к буквальному, отшутиться:

– Ну, конечно, известно. Это всем было и так понятно еще во времена неандертальцев и первых фараонов. В могиле ты окончательно реализуешь свою обязанность на участие в пищевой цепи.

– Какая глубокая мысль, – соглашается с ответом Федор. – Действительно, такая реализация может быть не только обязанностью, но и правом. И хочу заметить, что посмертные права и обязанности определяются не только действующими в нашем мире безликими законами, но и Судьей, законы эти написавшим. Для каждого индивидуально!

В таких ситуациях Никон колебался: стоит ли поддерживать разговор или оставить заблудившегося философа, нашедшего новый проход в темных дебрях абстрактных идей, бродить в одиночестве. Молчать, к сожалению, как-то неудобно. Приходилось комментировать:

– Вы хотите сказать, что все будут лежать в разных могилах?

– Совершенно верно! А тем, кто сильно хотел, могилы удастся избежать. Есть такое право.

Понятно к чему клонит: безгрешная душа и вечная жизнь на небесах. От скуки Никон начинает задавать едкие вопросы:

– Вы видели хоть одного человека, избежавшего таким образом могилы?

Федина лопата остановилась. Быстро поскребла уже очищенный от снега пятачок. Опять замерла. Как бы подтверждая слова, скрипнула.

– Об одном говорят, что пару тысяч лет назад избежал. Остальные не спешат сообщать о своей участи.

– Откуда же такая уверенность? Это же не научно. Экспериментально не подтверждено, – продолжил давить Никон в нужном направлении.

– А кто тебе мешает поставить над собой такой эксперимент? Сам экспериментируешь – сам узнаешь результаты. Это вообще личное дело каждого.

Глава 4.

Секреты, доставшиеся Никону на флешке, можно условно разделить на две части: информация из серой коробочки и энграммы Мартина.

Расшифровка энграмм дело нелегкое. То, что многое получилось скопировать из мозга, пролежавшего сутки в

лесополосе, хоть и в холодную погоду – уже чудо. Добытое теперь декодировать можно годами. Да, машина все упорядочила и расклассифицировала. Накоплен достаточно богатый опыт по разгребанию свалок человеческой памяти. Но разве машина, работающая на трех логических операциях: и, или, нет – руководствующаяся критериями истинности и ложности, может правильно понять хитросплетения данных, зачастую вообще противоречащих логике?

Иногда Никону казалось – он золотоискатель, перемывающий вручную лотком тонны руды в поисках драгоценных крупиц золота. Особенно, если область изучаемой памяти однородна. Иногда казалось – он бомж, ковыряющийся на мусорке в мешанине из старой электроники, ношенных вещей, нестиранного белья и испорченных продуктов. Особенно, если влезал в зоны совершенно интимные, пестрящие своим разнообразием и непредсказуемостью.

Намытое следователем касалось последних дней жизни Мартина. Грубая, поверхностная работа. Никона теперь интересовала личность почившего коллеги. Чудилось – загадка кроется именно в его памяти. Азартный интерес старателя влек и манил. События, неожиданные, произошедшие накануне, чувство опасности, подгоняли работу жестким и неразборчивым хлыстом страха.

Кто такой Мартин? Почему он длительное время позволял Юле использовать обратную связь? Какие отношения были с региональным координатором? Как он погиб, в конце концов? Вот те золотые зернышки, которые хотелось отыскать на свалке чужой памяти. Но пока свалка дарила все, кроме так необходимых ответов. Хотя и было много интересного и непонятного.

Все, заслуживающее внимания, Никон оформлял в короткие заметки. Пытался найти связь между ними, построить целостную картину.

Энграмма Мартина №1

«Апоптоз переводится с греческого как опадание листьев или просто – листопад. Живая клетка запрограммирована на управляемое самоуничтожение. Когда приходит время, клетка сворачивает свой метаболизм. Замирает. Уменьшается в размерах, отдавая в межклеточную среду вещества в удобной для потребления другими клетками форме. Эти механизмы важны для регуляции внутренней среды организма. К примеру, клетка, зараженная вирусом, самоуничтожается, чтобы прекратить размножение вируса. Ослабление апоптоза может приводить к раку. Усиление апоптоза ведет к бессмысленной гибели необходимых организму клеток, что может привести, например, к

анемии.

Что, если принять отдельного человека – как клетку большого организма под названием «общество»? Тогда мы можем попытаться отыскать разумные механизмы самоуничтожения некоторых людей. Возможно, такие люди заражены «вирусом». Не могут правильно функционировать. Приносить пользу обществу.

Что мы наблюдаем здесь, в зоне психиатрической пандемии? Массовое нарушение механизмов функционирования. Люди потеряли цели. Словно их цели пытались подменить, но что-то пошло не так. Теперь они не стремятся работать, создавать материальные блага. Желание испытывать лишь примитивные удовольствия ведет их по пути деградации. Люди убивают себя и себе подобных»

Энграмма Мартина №2

«Иногда я чувствую, что Мнемонет – это огромный, сложный живой организм. А все мы – его клетки. Эта новая сложная жизнь зародилась для того, чтобы решить проблему, возникшую перед человечеством в противоречивой и опасной современности. Сегодня, когда многие люди потеряли возможность самостоятельно противостоять нагрузкам, с которыми сталкиваются в своей повседневности, мы призваны помочь им. Мнемонет может дать человеку то, чего никто и никогда не давал. То, что было утрачено людьми, живущими на этой территории. Это самое ценное, что может быть у человека – внутренняя стабильность, спокойствие, хороший сон, надежность, уверенность в себе и своих близких.

Но, в то же время, мне кажется, что Мнемонет – это нечто чуждое, искусственное. Сложнейший протез, внедренный в нервную систему целого народа. Он поддерживает деградирующие функции, но одновременно препятствует естественному развитию самостоятельных иммунных реакций. Препятствует апоптозу зараженных клеток. Препятствует естественному отбору, самоочищению и самовосстановлению. Боюсь это предположить, но, возможно, Мнемонет несет больше вреда, чем пользы. Это яд, которым мы пытаемся купировать действие другого яда. То, что происходит здесь, может оказаться страшной трагедией»

Энграмма Мартина №3

«Этнос, народ, нация – это стадии развития большого и непостижимого живого организма, осваивающего среду обитания – планету земля. Есть молодые и глупые. Есть старые и умудренные. Народы, образующие государства конкурируют между собой, воюют. Или наоборот – помогают друг другу. Взаимодействуют в сложных условиях дефицита и тонкой игры.

Есть те, кто завершил свое существование как полноценный народ. Индейцы, монголы, египтяне… Сколько уникальных народов и культур канули в Лету?

Как умирают народы и их государства? Где источник жизненной силы, иссякание которого приводит к уходу с арены?

Мы знаем тех, кто был безжалостно убит. Как не печально признавать, но в нашей стране были убиты многочисленные этносы, так и не успевшие построить свое государство. Это были дети.

Иные были взяты в плен, преобразованы более сильными соседями. Иные, свершив великие дела, изменили историю. Растратили жизненную энергию и теперь влачат жалкое существование.

Скоро, возможно, придет и наш черед. Не знаю.

То, что я изучаю здесь, может быть одним из признаков такой смерти. Массовый апоптоз. Разрушение структур, необходимых для полноценного существования. Статистика, полученная мной в институте – подтверждает. Вопрос о том, что привело к этому, очень тревожит меня. Я ужасаюсь подумать о причинах. Боюсь мысли о том, что тоже причастен»

Энграмма Мартина №4

«Профессор Рейдин натолкнул меня на одну интересную мысль. Он сказал, что в самом названии тревожащих нас волн

уже может скрываться ссылка на их природу. Когерентное изменение психических состояний. Когерентное.

Намекнул, что в лазере все атомарные системы одновременно переходят из одного состояния в другое. Излучают радиоволны с одинаковой фазой. В один момент. Накачка происходит постепенно. Электроны переводятся на верхние энергетические уровни. Потом лавиной обрушиваются вниз, одновременно излучая энергию в виде фотонов.

Что, если в зоне тоже происходит накачка? Источник этой накачки нам пока не известен. Сейчас обнаружить его мы не способны. Возможно, этот источник был раньше, а теперь его нет. Что если мы наблюдаем осцилляцию? Эхо в душах людей. Эхо от громкой сирены, настойчиво прозвучавшей со стороны. История этого народа нам хорошо известна. Влияние со стороны на него было огромное. Сложно даже вообразить все силы, которые раскачивали его из крайности в крайность. Рвали на части эту несчастную макродушу»

Энграмма Мартина №5

«Как известно, коин способен регулировать концентрацию почти всех нейромедиаторов и гормонов. Это необходимо для тонкой настройки организма, согласно поставленным задачам.

Для того, чтобы хорошо отдохнуть – не достаточно повысить уровень мелатонина. Необходимо подкорректировать концентрации десятков и, даже, сотен веществ, влияющих на наше состояние. Нужно сбалансировать сложную систему.

Мнемонет может повлиять на либидо, регулируя уровень половых гормонов. Сделать человека мягче и спокойнее, женственнее. Или, наоборот – крепче и напряженнее, мужественнее. Мнемонет может повлиять на фертильность и брачную активность и, таким образом, повысить или понизить рождаемость. Мнемонет может сканировать геном. В сумме, это дает Мнемонету возможность производить селекцию. Стимулировать размножение людей с одним геномом и подавлять людей с другим. И все это массово, автоматически.

У меня есть подозрения, что Мнемонет реализует некоторые евгенические программы. Выводит на этой территории необходимую породу людей. Мы уже знакомы с преступлениями на этом поприще. Незваные последователи талантливого гордеца – Френсиса Гальтона наломали в прошлом веке много дров. Наверное – не меньше, чем слишком инициативные последователи его кузена Чарльза Дарвина.

Попытка узнать больше подробностей и вникнуть в суть дела обернулась для меня предупреждением от осторожного начальства»

Энграмма Мартина №6

«Мнемонет видит состояния всех абонентов одновременно.

Профотбор и контроль за состоянием работников на предприятиях осуществляет экспертная система Мнемонета. Работники одного предприятия для него объединены в группу, которая в семь утра должна встать с хорошим настроением. В восемь – явиться на работу в бодром, работоспособном состоянии. В обед – отдохнуть и расслабиться. В пять вечера – поехать домой с чувством приятной усталости и удовлетворения от проделанной работы. В десять – лечь спать и крепко проспать до утра. Здесь мы видим, что Мнемонет управляет не только состоянием одного человека, но и режимами целых групп.

В связи с этим, возникает ряд вопросов.

Управление состоянием отдельного человека регулируется медицинской целесообразностью. Здесь решения принимаются сообща с экспертной системой МКБ.

Чем же тогда регулируется управление параметрами, которые выходят за рамки компетенции ЭСМКБ? Кто определяет, какая группа людей, в какое время и в каком состоянии должна пребывать? Обычно отвечают – что местными законами и кодексом Мнемонета. Да, общее, почти рекламное утверждение:

«Мнемонет всегда заботится о здоровье и благополучии абонента» звучит обнадеживающе, но этого мало! Я изучил и закон, и кодекс. К моему сожалению, не нашел достаточно оформленной системы, годной для принятия решений. Здесь, вопросы, задаваемые юристами Восточного Союза, выглядят вполне обоснованными»

Энграмма Мартина №7

«Я нахожу в бессознательном абонентов очень похожие, странные переживания. Они появились синхронно. Раньше их не было. Они весьма депрессивны. Имеют весьма сильное влияние на их состояние.

Это переживания. Их логическая вербальная интерпретация звучит приблизительно так:

«Мне больно и страшно! Я существую в пустоте. Я чувствую боль в миллионах рецепторов. Они болят постоянно. Я не понимаю пустоту вокруг. Я замыкаюсь на одной и той же мысли. Откуда у меня знание, что я не понимаю. Откуда я знаю что такое понимание и непонимание, если вокруг ничего нет и мне нечего понимать? Я чувствую одиночество. Откуда я знаю, что такое одиночество? Где я существую? Сколько я существую?»

И так у многих. Словно заразили друг друга. Словно это новое заболевание в сложной психической пандемии, разразившейся на этой территории. Я ищу источник. В медиапространстве похожих содержаний не нашел. Зараженные принадлежат к совершенно различным социальным группам. Сложно найти то общее между ними, что могло бы быть причиной. Остается одно – поставить серию экспериментов. Об этом никто не должен знать»

Глава 5.

Связь с городом обеспечивал Евгений. Один из молодых. Подвижный, прыткий и достаточно ответственный. Раз в неделю отправлялся он утром на потрепанных, древних жигулях, работающих на древесном угле, по разбитой ухабистой дороге. Тащился не спеша, экономя с трудом добываемое топливо. Возвращался вечером, затемно. Жители коммуны, как называл Никон уединенное поселение, встречали Евгения с радостью и воодушевлением. Помогали разгружать необходимые в суровом быту вещи, материалы и продукты.

Еженедельный курьер согласился доставить по нужному адресу корреспонденцию. Потом забрал в условленном месте ответ. Так Никон получил коннект с друзьями. Завязалась переписка.

Письмо №1

«Доброго времени, Эля! Не знаю, когда ты получишь это

письмо и прочтешь. Уверен, что когда это случится, я буду думать о тебе. Буду ли смотреть на чистое, как твои глаза, бескрайнее синее небо, или яркие, как твой образ, созвездия в бездонной вселенной.

Я неподалеку от Города. Но иногда мне кажется, что я нахожусь на другой планете. В другом измерении. Здесь пусто и холодно. Есть, конечно, странные интересные люди, которые скрашивают это безликое, бесцветное существование. Но только здесь я понял: насколько мне не хватает общения с самым милым и дорогим для меня человеком – с тобой.

Очень надеюсь, что в скором времени мы сможем снова увидеться. Тогда уже мы сможем быть вместе. Вечность.

Сохрани нашу переписку в тайне. Ответ сверни так же в трубочку, заклей в полиэтилен и положи в щель между плитами в том месте, где я (надеюсь и ты тоже) пережил самые прекрасные минуты в жизни.

Твой Никон.»

Письмо №2

«Доброго времени, Никон! Не знаю, когда ты получишь это письмо и прочтешь. Уверена, что когда это случится, я буду думать о тебе. Буду ли варить горячий, как твое сердце, борщ. Ой, я хотела написать что-то про горячее солнце. Или точить острый, как твой ум нож. (Фигня какая-то получается)

Здесь все по-старому. Весть о том, что ты ограбил регионального координатора и угрожал ему пистолетом, взбудоражила все региональное отделение. Как ты умудрился выключить или, даже, удалить коин, для всех осталось совершенной загадкой. Меня вызывали на допросы. Я пыталась защитить тебя, как могла. Но, сам знаешь: все будет так, как пожелает руководство Мнемонета. Отец сказал, что даже он не сможет тебе помочь. В Городе пока появляться нельзя. Очень опасно. Люди из службы безопасности следят за всеми, кто может быть связан с тобой. Надеюсь, про нас они не знают. Скажи своему почтальону, дабы был крайне осторожен у условленного места. Там не долго и хвост подцепить.

Твоя Эля.»

Письмо №3

«Доброго времени, Эля! Не знаю, когда ты получишь это письмо и прочтешь. Уверен, что когда это случится, я буду думать: чем же ты там занимаешься? Если будешь варить к этому времени борщ – съешь пару ложечек за меня. Представляю, как это вкусно! А, если – точить нож, будь осторожна – он, вероятно, очень острый.

Про коин – для меня самого загадка. Я думал, что за мной

приедут на следующий день. Когда узнал, что здесь есть большой подвал, попросил переселить меня туда. Чтобы уменьшить сигнал от передатчика. Но, как ни странно, за мной до сих пор никто не приехал. Возможно, просто, не доходит сигнал. Тогда в Город мне действительно нельзя. Если же он сломался, то можно было бы натянуть шапку поглубже и встретиться. Дремучую бороду и косматые усы я уже отрастил. Все как ты любишь. По старинке.

Твой Никон.»

Письмо №4

«Доброго времени, Никон! Не знаю, когда ты получишь это письмо и прочтешь. Уверена, что когда это случится, я буду думать о том, как же ты себе льстишь.

Вот, пока думала о тебе, написался еще один стишок:

Под утро, тихо просыпаясь,
Вдали я слышу тонкий звон.
И каждый раз все удивляюсь –
Откуда раздаётся он?
Летит из бронзы колоколен?
Будильник исполняет долг?
На крыше флюгер недоволен?
Из рамы открутился болт?
Я замираю в тон, внимая.
Команду сердцу отдаю –
Стучать потише. Как у края
Бездонной пропасти стою.
Густеет воздух, словно пена,
На гребне пламенной волны.
И кровь стучит слабее в венах.
И чувства с мыслями вольны.
Витать за гранью постижений,
Искать источник скрытый тот,
Виновник что моих волнений
И солнце спрятанных высот.

Твоя Эля.»

Письмо №5

«Доброго времени, Эля! Не знаю, когда ты получишь это письмо и прочтешь. Уверен, что когда это случится, я буду слушать звон, который не покидает мою голову с тех пор, как стал соучастником твоего чудесного вдохновения.

Если бы ты знала, как мне хочется слушать этот тонкий звон вместе с тобой. Каждое утро…

Вдохновляемый тобой Никон.»

Письмо №6

«Доброго времени, Никон! Не знаю, когда ты получишь это

письмо и прочтешь. Хотелось бы верить, что – когда это случится – желание слушать вместе со мной тихий звон по утрам у тебя еще не пропадет. Одной всетаки скучновато. А дураков поди поищи – все нынче умные.

А я, вот, не очень – наломала тут дров, недавно. От Мартина достался один странный абонент по имени Игорь. Стал приставать, чтобы я ему подняла уровень тестостерона и других гормонов. Целый список мне принес. Якобы – хочет накачаться и ему посоветовали бывалые. А сам – дрыщ еще тот. Я ему объясняю, что это вредно. Может изменить его не в лучшую сторону. Жизнь укоротит, здоровье ухудшит да еще и в депрессию потом вгонит. Он мне, мол: «ну и пусть, лучше меньше прожить орлом и питаться свежим мясом, чем долго жить вороной и питаться падалью». Что он имел в виду под мясом и падалью – страшно даже подумать. После долгих объяснений – отказала. Он стал караулить меня на улице и доставать по дороге домой. Взятки предлагал, чуть ли не в рабство себя отдавал в обмен на гормоны. Потом устроил истерику: заявил, что самоустранится из этой жизни, ибо в формате немощного дрыща ему житья никакого нет. Ну, все, думаю, достал! Сейчас я твою истерику потушу. Объяснила ему жестко, что если ума не хватает жить – такой дурак никому не нужен, иди, мол, самоустраняйся, сколько хочешь. Ушел. И все, на консультации не ходит. Коин показывает, что впал в депрессию. Передала его в отдел кризисной интервенции. Пришлось написать объяснительную этому, как ты его называешь, крокодилу.

Представляешь – через пару недель поджидает меня этот дрыщ во дворе. Довольный – прямо сияет. Вдохновенно рассказывает, что это я – дура, а его Мнемонет включил в экспериментальную программу под названием «Уберменш». Заявляет, что через год станет суператлетом и я еще буду жалеть, что обижала его.

Ты знаешь что-нибудь об этом проекте?

Насчет дураков – шутка, если не догадался. Хотя, если не догадался…)

Скучающая по тебе Элеонора.»

Глава 6.

Путь, проделанный на велосипеде, когда полотно дороги еще зияло выбоинами, и ехать было сподручнее по обочине, теперь казался сказочно иным. Дыры подзанесло снегом. Телега, запряженная семьюдесятью лошадями, катилась по центру, лишь изредка виляя между особенно глубокими кратерами. Мимо проносились холмы, укрытые белой, пушистой периной и, торчащие из оной вороной паутиной на толстых ножках деревья.

Евгений, сосредоточенно крутя баранку то влево, то вправо, рассказывал последние новости из жизни Города. Никон же, слушая сбивчивый рассказ в пол уха, скользил пристальным взором по белым, серебримым ранним морозным светом поверхностям.

Двигатель урчит ровно. Удивительно! Как он может работать так на дровах!? Никон сам рубил деревья и обжигал древесный уголь. Помогал засыпать угольную крошку, фракция которой не должна быть меньше абрикосовой косточки в сваренную из пропанового баллона камеру сгорания. Наблюдал, как Евгений разжигает котел и регулирует компрессор, закачивающий в цилиндры угарный газ. И вот, о чудо! Печка едет в Город.

В душе бурлили одновременно тревога и радость. Выбраться из зимнего заточения и заглянуть в такие живые и глубокие очи любимой было мечтой последних сумрачных недель. Попасть в место, где любая из многочисленных камер видеонаблюдения, растыканных по всем углам и, даже, по деревьям может отправить свежую фотографию подозрительного бородача в Министерство внутренних дел, было страшновато. Евгений уверял – если не высовываться из машины – опасность минимальна. Документы редко проверяют. Даже на постах. Никон, балдея в предвкушении долгожданной встречи, поправлял, долженствующую скрыть его личину, мохнатую шапку ушанку и верил.

В Город, сделав небольшой крюк, въехали с юго-запада. Блокпоста, на второстепенной дороге, между многоэтажек не оказалось. Встреча была назначена в последнем письме. Элеонора пообещала сидеть в засаде у одного из самых больших в городе супермаркетов, где Евгений покупал все необходимое.

Все случилось – как и снилось. Девушка оказалась у телеги с дровяным приводом, как только та остановилась. Шустро юркнула в салон. Крепко прижалась к Никону. Вдруг, испуганно отстранившись, с наигранным удивлением воскликнула:

– Ой, дедушка, извините, я наверное не туда попала!

Неловкая тишина взорвалась нервным хохотом.

– А Вам, девушка, кто нужен-то?! – стараясь сквозь смех говорить в нос и с хрипотцой, по-стариковски, проикал Никон.

– Да свидание у меня здесь. Такого: симпатичного, высокого и гладко выбритого шатена, не видали?

Придумать достойный ответ и произнести его подобающим образом Никон не успел. В окно водителя аккуратно постучали. Евгений опустил вручную – стеклоподъемники уже давно не работали. Ледяной воздух, пролившись сквозь щель, принес в теплую и веселую атмосферу салона, грустновато и небрежно брошенные слова:

– Служба безопасности. Инспектор Иван Грузденко. Покажите, пожалуйста, ваши документы.

– Какая служба безопасности? – поинтересовался водитель, дабы не показаться напуганным или растерянным.

– Местная. Сети гипермаркетов Полистор.

– Чем обязаны такому вниманию?

Повод для своей активности, Грузденко измышлял несколько секунд. Старательно заявил:

– Следим за порядком. Кражи участились и ограбления.

– Пожалуйста.

Евгений приложил к стеклу свои права. Инспектор провел сканером.

– Сколько у вас пассажиров?

– Один плюс один равно два! – заявил весело.

– На сканере я вижу только один идентификатор. Девушка. Элеонора Никитична Жилина. Фотография похожа. Второго, который в шапке с бородой, не вижу. Поднесите, пожалуйста, руку ближе к стеклу.

Никон исполнил требование, навалившись на Элеонору, которая стала теперь серьезной и немного бледной.

– Может быть, сломался? Я недавно микроволновкой пользовался. Что-то в руке пекло.

– Может быть. Молчит ваш паспорт. Назовите, пожалуйста, ваше ФИО и дату рождения.

Простая просьба оказалась крайне сложной. Никон задумался. Разрядив напряжение для пассажиров, усугубил оное для инспектора, Евгений:

– А вы покажите, пожалуйста, Ваши ФИО!

– Пожалуйста. Ознакомьтесь.

Грузденко приложил к стеклу бейджик, возвисевший у него на груди. Евгений долго всматривался, после чего бодро заявил:

– Хорошо, Иван Иванович Грузденко, двадцать пятого ноября тысяча девятьсот девяносто девятого года рождения. Спасибо! Нам уже пора ехать.

– Да, мы уже опаздываем, – поддержала Элеонора.

Спешно включил заднюю передачу. Начал пятиться. Инспектор, приклеившийся к стеклу, по привычке, выработанной долгими месяцами однотипной работы, потянулся за машиной. Что-то пытался сказать на ходу. Евгений, вырулив на проезжую, направил телегу к выезду из Города. Зло заметил:

– Снял нас на камеру этот нехороший Грустненко. На ближайшем посту остановят. Надо вылезать и пробираться за окружную пешком.

– А ты?

– А я скажу, что таксовал и вас не знаю.

Расставаться не хотелось. До давящей боли в груди и слез, леденящих блестящими крупинками щеки. Казалось, что мороз и все службы безопасности мира бессильны против крепости обжигающих горячими волнами объятий. Пришлось. Никон еще раз поцеловал, ставшие бесконечно сладкими и пьянящими, именно сейчас, уста. Осторожно, с любовью, окунулся в чистые озерца ставших бесконечно милыми очей.

– Пора, мой милый дед. Пора, – напела сквозь слезы и улыбку Элеонора. – Не рискуй. Скоро снова увидимся.

Оттолкнулась от Никона. Сначала слабо, потом энергичнее. Никон отпустил. Долго созерцал на фоне леденеющих стен контуры удаляющейся, ощутимо теплой, необычайно сильно влекущей к себе изящной фигурки. Когда та скрылась, побрел на Юго-запад, поглядывая на небо сквозь влажную, искажающую созвездия пелену.

Трое догнали из-за угла.

– Никон Тенко? – поинтересовался один из них.

– Нет, – ответил Никон.

– Ваш паспорт не сканируется. Вы задержаны до выяснения личности.

Бежать оказалось тяжело. Тулуп и мохнатая шапка, будучи отличной маскировкой, совершенно не подходили для состязаний в скорости. Да и преследователи оказались весьма прыткими. Когда Никона повели к машине, ему показалось, что на фоне серой стены он заметил еще более серую фигуру Графа. Конечно, ночью все кошки серы. И взбаламученное бессознательное могло подсунуть такую неожиданно болезненную галлюцинацию. Но ведь часто бывает так, что по каким-то неуловимым признакам безошибочно опознаешь в силуэте конкретного человека.

В памяти навсегда осталась глубокая борозда. Контраст между теплым расставанием с любимой и страшной подлостью ее назойливого воздыхателя.

Глава 7.

Михаил хмур и серьезен. Со стороны, иногда, кажется, что он сердит. Не пытается скрыть своих чувств. Смотрит с недоверием и удивлением одновременно. Кажется – широкие глаза, зрачок и радужка которых сливаются в одну большую пропасть, всасывают окружающий мир внутрь, где он переваривается. А то, что не усваивается, выплевывают обратно. И этого, изливающегося обратно, очень много. Встречное движение двух потоков мешает друг другу, создает вязкое трение. Это вызывает у стороннего наблюдателя ощущение непроницаемости, матовости глаз. Так же

сердито смотрит и голова с его черного балахона. Вертикальные зрачки, даже, не сверлят – пилят зубастым абразивным диском все перед собой. Небольшие, но острые рожки подчеркивают принадлежность к злому и агрессивному племени. Символы мистического содержания кружат вокруг адской вязью. Картина говорит: «Не трогай меня, я чертовски зол и мстителен. Ненавижу весь мир и готов уничтожить все, что мне помешает» Черный хвост, сережка в левом ухе, пентаграммы перевернутые. Все говорит о том, что Миша нашел духовную опору и поддержку в среде существ, протестующих против самих основ бытия.

Никон наблюдает. Не спешит заводить разговор. Ждет. Времени для этого предостаточно. Впереди годы. А, может быть, и вся недолгая жизнь. Михаил, сдержанно вдохнув, спрашивает:

– Вы вместо Ирины Васильевны?

Никон отвечает утвердительно. Ирину Васильевну выпустили на свободу месяц назад. После того, как диагностировали тяжелую форму синдрома профессионального выгорания. Мнемонет заботится о своих сотрудниках. Даже о тех, кто попал в список должников и осужден на рабство. Ирине Васильевне достаточно было совершить попытку суицида, что осложнено постоянным наблюдением, и все – готово. После пяти лет тяжкой, выматывающей самые длинные нервы работы, она на воле. Если бы один из заключенных абонентов накануне, на протяжении целых трех минут, не грыз в кабинете, прямо перед ней, свои синие вены и не слизывал потом свою красную кровь, возможно, все сложилось бы и по-другому.

– Жалко. Я к ней привык. Хорошая женщина. Добрая.

– Мне тоже жаль, – соглашается Никон.

Михаил, вдруг, произносит твердо, с нажимом:

– Я Вас узнал.

Никон замирает. Перед глазами проносятся всевозможные причины, которые могли бы побудить к такому заявлению. Ничего подходящего пыльная и уставшая база данных памяти не выдает. Никон спрашивает:

– Где?

– В детском саду.

– Когда?

– Зимой.

Никон опять прокручивает хранящиеся в пыльных архивах долговременной памяти кадры. Зима. Детский сад. Неужели? Недавно, еще в той, относительно свободной жизни, он уже вспоминал об этом. Неужели это так?

– С вами был еще такой мужик – с большой дудкой.

Подсказка направляет мысли все по тому же пути. Зима.

Детский сад. Дядя с дудочкой. Сомнений быть не может – это тот Миша.

Владимир мягко и грустно улыбается. Словно извиняясь. Он всегда так держится. Спрашивает осторожно, извиняясь, отвечает осторожно, извиняясь. Наверное, в его представлении, именно таким и должен быть йогин. Мягким, смиренным, не способным навредить кому-либо или разозлить. Такова его природа. Люди, обычно, наделяют образ, к которому стремятся своими природными чертами. Такому идеалу проще уподобиться. И представление о нем легче сформировать.

Владимир утверждает, что – как специалист по управлению энергиями, может привести любого человека в спокойное, уравновешенное состояние. Даже человека – который, чудом выбравшись из родного города, стираемого с лица земли смерчем артобстрела, потерял дом и близких людей. Считает это своей миссией – помогать страждущим избавиться от страданий. Искренне и чистосердечно верит, что его знания и опыт могут принести много пользы. Долгие годы провел в медитации и теперь, в суровое время кровопролития, выбрался из нирваны возвращать свои кармические долги в качестве волонтера.

Никон познакомился с йогином в центре помощи переселенцам. Первая встреча прошла интересно. Начальница Владимира – Татьяна – высокая, стройная и очень приветливая молодая женщина. Вылитая модель. Долго рассказывала о том, как их команда работает в больницах, местах компактного расселения, принимает всех нуждающихся здесь – в центре. У нее большой опыт и это чувствуется. Она прагматик. Когда речь от общих вопросов переходит к вопросу о методиках работы, рассказывать берется Владимир.

У Йогина большой арсенал методов. Среди них много телесно ориентированных практик: и медитация на чакрах, и асаны, и чтение мантр. Одним из самых мощных инструментов он считает музыку. Играет на флейте. Согласно его представлению, ноты связаны со специфическими вибрациями чакр. Исполняя специально разработанные еще древними индийскими мудрецами мелодии – раги, можно управлять энергиями. Приводить человека к более совершенному, уравновешенному состоянию.

Супервайзер – психиатр и материалист из Италии осторожно комментирует, выражая скепсис. Беседа о методах плавно превращается в презентацию случаев. Ясное дело – теория без практики мертва. Страшная история Миши йогина впечатляет до глубины его сущности. Он непременно желает помочь ребенку,

вкусившему в столь юном возрасте адовость этого жестокого мира. Супервайзер сообщает о том, что наша гуманитарная организация дорожит имиджем и не может под своим именем оказывать такого рода помощь. Татьяна пытается сгладить углы, разрядить неудобную ситуацию.

Владимир, всетаки, позвонил Никону. Подумав, что хуже уже все равно не будет, тот согласился на эксперимент. Специалист, который не экспериментирует – не учится новому, а значит, теряет квалификацию.

Первое упражнение заключается в том, чтобы проиграть ноты от До к Си. Миша должен внимательно прослушать ноту и ответить, что он чувствует, нравится она ему или не нравится, возможно, выбрать для нее цвет или нарисовать что-либо. Миша, с великим усилием пытаясь сосредоточиться, слушает. Флейта играет громко, с пикантной хрипотцой. Никон отмечает богатый и сложный тембр. Мише До не нравится. Сильно давит. Ре вызывает очень неприятные чувства.

– Блок на свадхистане. Почки, – в полголоса, авторитетно, но опять же, словно извиняясь, поясняет Владимир.

Играет дальше. Ми не вызывает никаких особенных ощущений. К Ноте Фа Миша тоже равнодушен. Слушая Соль, Миша дышит тяжелее, чем обычно. Это ему не нравится.

– Вишуддха тоже заблокирована. Она в консонансе со свадхистаной. Преобразует ее энергии, – комментирует для Никона Владимир.

Продолжает звукоряд. От Ля Миша в восторге. Никон своими глазами видит, как мальчишка расцветает. Улыбается. Кричит, что звук ему очень приятен. Просит поиграть еще. Йогин плавно переходит к терапевтическим процедурам. Начинает опять с Фа, которая безразлична. Постепенно подбирается к удушающей Соль. Сменяет неприятный звук на нравящийся Ля. Наконец – играет долгожданную Си. Миша слушает напряженно. Повиснув взглядом на дядьке с большой дудочкой. Опять тяжело дышит. Супится. Терпит бурные переживания, которые рождает в нем нуарная хрипотца. Вдруг, на тяжелом выдохе, издав нечто похожее на вопль, хватает из коробки масляных карандашей фиолетовый и начинает закрашивать лист. Красит с усилием, громко сопя и ерзая ножками. Создается впечатление, что еще чуть-чуть – и он начнет грызть этот лист вместе со столом. Когда белого не остается, просит следующий. Красит еще вожделеннее. Половины карандаша уже нет. Третий лист постигает судьба предыдущих. Фиолетовый почти закончился. Побледневший от напряжения Миша бросает карандаш на стол и хватает из

коробки черный. Принимается закрашивать центр уже фиолетового листа. Начертив везде большие жирные квадраты, успокаивается. Выдыхает. Кладет отяжелевшую головку на руки. Закрывает глаза.

Йогин, сам не ожидавший такой бурной реакции, осторожно, опять с извиняющимися нотками в голосе, спрашивает:

– Видишь, как с анахаты через вишуддху в сахасрару пробило? Фиолетовый – цвет сахасрары.

– Пробило, – соглашается Никон. – Напряжение огромное.

– Кто позволил вам проводить эксперименты над детьми в детском саду!?

Катрин искренне негодует. Разговор со старшим воспитателем, усомнившимся в компетентности сотрудников, привел ее в ужас. Доброе имя благотворительной организации под угрозой.

– Это был сеанс арт-терапии, – пытается объяснить Никон. – При работе с детьми – распространенная практика.

– Но ведь это проводил человек без специального образования. Человек, который возомнил себя йогом и предлагает всем странные, бесполезные практики.

– Результат есть? – задает риторический вопрос Никон.

– Результат Вам очень не понравится, – с трудом сдерживаясь, отвечает Катрин.

– Что ж вы ушли тогда? – спрашивает Миша дрожащим голосом. – Это вы во всем виноваты. Никто больше не знал, что делать. Только этот – с дудочкой. Мне же становилось намного легче. Словно расплавленный свинец из меня выливался. Вы знаете, как это – когда у тебя внутри расплавленный свинец? Когда он выжигает изнутри все. Когда терпишь – терпишь, а потом очнешься и не помнишь, что ты творил. А окружающие говорят, что трое мужиков не могли тебя обезвредить. Что разбиты стекла и лица. Что поломана мебель. И вокруг все в крови.

Михаил со всей силы бьет рукой по столу. Еще раз. От боли начинает плакать:

– Будьте вы все прокляты! Сволочи!

Мечась вскакивает, выкрикивает в сторону двери:

– Уведите меня отсюда!

Диагноз пугает своей краткостью:

«Абонент номер 328148367 включен в группу тяжких преступлений. Особо опасен и непредсказуем. Диссоциативное

расстройство личности»

Анамнез исполнен страшных подробностей.

Из переписки Миши №1

Оля: Выходит, ты считаешь, что есть Бог и осмысленно становишься на сторону Люцифера?

Миша: Да. Именно так.

Оля: Какой в этом смысл? Ведь добро всегда побеждает зло.

Миша: Я не просил создавать меня. Мне не нравится то, что он со мной сделал. Это не было добром.

Оля: Никто не просил.

Миша: Многие были созданы более благополучными.

Оля: Ты же родился не уродом, не калекой. Почему бы не быть благодарным, хотя бы за это?

Миша: В этой жизни я пережил столько боли, что уже не могу быть благодарным за это.

Оля: И, что тебе может дать Люцифер?

Миша: Этот Демиург мне нравится больше. Он потребовал свободы для себя. Он может дать свободу союзникам. Каждый имеет право жить, как пожелает.

Оля: Ты не боишься, что он тебя обманет? Ведь его называют отцом лжи.

Миша: Так говорят лжецы. Очерняют его образ. На самом деле, Люцифер переводится как светоносный. Это истинный бог, пытающийся восстановить справедливость. Взять то, что принадлежит ему по праву.

Энграмма Миши №1

«Получай сука! Думал, против некроманта поможет твой хилый хилл? Прайст несчастный. Всех уничтожу! Ничто не устоит против армии тьмы. Наши мертвые орды идут за вами! Из ада! Пентаграммы на наших знаменах! Руби моя нежить. Всех руби! Пей их кровь! Сотрем даже память вашу из этого мира! Будете дымиться на полях сражений. Блин, кастует, урод щит какой-то! Выжил! Ненавижу! А это кто там скачет? С топором. Сейчас и тебя сломаем! Как тебе армия тьмы??!! Живучая!? А ты сейчас умрешь. Вот тебе Стрела хаоса. Вот еще одна! Пламя небытия! Капкан душ! Проклятие вурдалака! Сосем кровь. Тает жизнь. Быстро! А у меня растет! Вкусненько! Ха-ха. Вот сейчас и ты станешь моим зомби! Будешь махать за меня своим топориком! Все, пошел в бой! Вот, на дружка своего! Что, хорошо, теперь рубится!? Лбломись, прайст! Щас и ты моим станешь! Все, готовы нубы! Утро уже. Глаза вытекают. Моск кипит. Не зря ночь прошла. Уровень поднял. Эльфийку эту обосрал и на кладбище запер. Дура тупожопая. Таких – только что и – троллить. И трахать. Сидит теперь дома, сопли шоколадом заедает. Или в ванную

поперлась клитор с горя гладить. Ах-ха-ха! Прайстика с его паладином на кладбище пару раз отправил. Ха-ха. Как романтично. Два недокавалера прискакали защищать даму сердца и порубили друг друга. Я крут! Трепещите, ублюдки!»

Энграмма Миши №2

«Как же тянет к этой Инне Викторовне! А она все Стеценко да Стеценко! Надо этого Стеценка будет прибить как-нибудь. Кирпичиком по светлой головке. Чтоб знал, говно! Может, тогда Инка добрее станет. Сиськи у нее какие! Так и впился бы! До крови! А то – тройки одни лепит. Кирпичиком с крыши? Или лучше вечером. По темному. У подъезда. Шило в инструментах взять. И в жопу ему вонзить. И еще раз. А? Да просто задумался… Нет, хорошо выспался. Пестик? Ну это…у растений такая штучка. Тебя бы за пестик сочный ухватить! Это…да! Женский…этот. Ну да, этот…орган! Да, орган! Да это ты, Стеценко, только об этом и думаешь! Урод, проклятый! Ненавижу! Говнюк мамочкин! Ну почему – тройка?! Я же ответил! Блин! Пацаны, отвалите по-хорошему! Вот бы головой о стену сейчас одного приложить, чтобы коридор кровью залило! Другие разбегутся. Ты чего, урод, руки распускаешь?! Толпой не честно! Один на один давай! И пойдем! За парашу. Идем! И идем! Ну что!? Пришли. Вот и молись теперь, урод! Нет! Я ничего не делал. Руки в крови!!?? Это не моЯ! Я ничего не делал! Это не Я! Кто мертвый!? Идите на хрен все! Отпустите! Больно! Получи, урод! Ай! Куда вы меня тащите!? Какой директор!? Эвелина Петровна!? Какая психушка?! Вы что с ума все тут сошли??!!»

Глава 8.

Никон не ожидал увидеть их здесь. Да, они почему-то присутствовали на суде. Сидели тихонько, в уголку, изредка перешептываясь. Никон заметил их не сразу. Но увидев, периодически ощущал на себе неотрывный внимательный взгляд в потоке других, совершенно разнообразных взглядов, веявших пестрым сквозняком из многолюдного зала.

Как и тогда, они пришли извиниться. Бывают же такие люди, которым всегда надо перед кем-то извиниться. Словно для них это смысл жизни – выпросить чье-то прощение. Может быть, они сами не умеют прощать и, от того, думают, что и другие не могут их простить? А, может быть, они не умеют прощать себя и поэтому им необходимо прощение со стороны? Воспитание такое? Как бы там ни было – это люди хорошие. Надежные. Страх перед чувством вины запрещает им делать зло.

Явились мрачны. Оба. Даже мрачнее, чем тогда еще, в другой жизни. Сложно даже определить, кто из них мрачнее – Берестов или монахиня. Принесли с собой много вкусной снеди. Робко

выложили на стол. Объяснили наперебой:

– Мы пришли просить прощения за Юлю.

– Простите нас, пожалуйста.

– Мы уговаривали, ее как могли.

– Доказывали, что это бесчестно и низко.

– Она не понимает. Понимаете?! Не понимает!

– У этого поколения совершенно нет совести!

– Оно не различает добра и зла.

– Не чувствует чужого страдания.

– Они родились с изуродованной, поломанной душой.

– Не вините ее, пожалуйста!

Никон молчал. Стало тяжело. Очень горько смотреть и слушать этих стариков. Несчастных, деморализованных. Ежесекундно осознающих сейчас и повторяющих вслух чужому человеку, что их потомство уродливо и безумно. Как же это мучительно – вот так признавать, что чаяния и надежды, ради которых положена жизнь, в ближайшей перспективе обернулись горем и бесчестием. Не в силах терпеть накала боли, Никон отвлекся, вообразил эти лица в иной сцене.

Вот, еще моложавый Берестов, с восторгом взирает на маленький сверток, что держит в руках невестка. Осторожно, стараясь не нагрубить толстым пальцем, приподнимает конверт. Любуется долгожданной внучкой. В голове профессора уже мелькают кадры будущих успехов третьего поколения. Золотая медаль. Хорошая профессия и работа. Образцовая семья. Все будет лучше, добрее и светлее, чем было у них. Потомство должно быть совершеннее предков. Иначе, зачем тогда стараться? Зачем вкладывать в него душу?

А вот, молодая еще монахиня. Еще даже и не монахиня вовсе – преподаватель. Как же дочка похожа на нее. Те же живые, подвижные глаза. Тот же нервный рот. Напряженная и подвижная, как красная расплавленная медь, красота. Кричит на Берестова: осторожнее! Всматривается во внучкино личико. Розовое, хаотично вращающее по перспективе большими серыми глазищами. Корчащее гримасы. Растягивающее пухленькие губки в оживленной, кажущейся приветливой улыбке. Монахиня ищет дочкины черты и находит. Да, больше похожа на дочку. Наша порода.

Берестов задается вопросом глобальным и сейчас, особенно распространенным и актуальным:

– Что же теперь делать?! Какая же это несправедливость! Невиновного человека посадить в тюрьму.

Монахиня усугубляет надрыв:

– Ложное обвинение – это же страшнейший грех. Это же

преступление против истины и любви. Как отмыться-то теперь!?

– А что люди скажут!? Выкормили монстра!

– Я же каждый день за нее молюсь! И за Вас молиться теперь буду. И вы молитесь. Мы все исправим!

Берестов отмахивается от непонятного для него варианта спасения:

– Да что молитвы твои!? Тут доказательства нужны. Надо к вашему начальству идти. Это же вопиющая ошибка!

Никону опять тяжело. Эта парочка начинает злить. Создается впечатление, что они пришли на сеанс групповой психотерапии. И здесь нашли, достали. Нет. Ему это тоже необходимо. От того и злит. Адски горько чувствовать обнаженную боль. Ведь он подавил ее. Заглушил, забил, изгнал за границы сознания. Попытался уснуть сумрачным сном на три года. Думать хотел потом. Эта боль гложет теперь изнутри. Каждый день отгрызает по маленькому кусочку серого вещества и ежесекундно конвульсирующей мышцы.

Никон пытается перекричать причитающих:

– Она инструмент в чужих руках. Мы бессильны, что-либо изменить.

– Да! Да! – восклицает Берестов. – И я так говорил! Ее используют злые люди.

– Мы никогда не бываем бессильны! – восклицает монахиня. – Наша сила – в терпении и надежде. В нас сокрыта великая сила, которую усыпили те, для кого она опасна. Надо проснуться.

– Опять ты со своими проповедями! Да, что за мечтатели. А я все думаю, в кого внучка пошла?

– И пошла! Она сильная! Только заблудилась. Все еще исправится. Иначе нельзя!

Уходят с еще большим чувством вины, чем пришли. Разбудили убаюканные ледяной зимой переживания. Глотнули горечи, выпавшей в мерзлый осадок и растопленной теперь неловким движением ищущей души. А, может быть, так и надо? Не вечно же носить в себе этот яд, потихоньку отравляющий. Надо же что-то делать…

Глава 9.

Этому посетителю Никон не радовался вовсе. Граф, он же – Гриф явился в хорошем настроении. С удовольствием упивался контрастом. Он весь такой – лощеный и успешный молодой человек. А напротив него сидит неудачник. За несколько месяцев скатившийся, почти с его, Графа уровня к самому днищу социального бытия. Болезненному, гниющему и зловонному. Такому теперь посочувствовать можно и пожалеть иронично. Такой теперь – и не конкурент вовсе. Не игрок на поле желанного

девичьего сердца.

– Здравствуйте, Никон Тенко!

– И Вам не хворать!

Никон ответил расхожей в новом обществе фразой, стараясь вложить в нее максимум иронии из возможной.

– Вы изменились. Адаптировались к новым условиям существования.

– Слава Богу, не жалуюсь! А вот Вы нисколько не изменились.

– Да, я верен себе.

Влюбленный в себя человек только себе и может быть верен, промелькнуло в голове у Никона. Для сохранения контроля над беседой, спросил:

– Что на воле новенького?

– Новостей вам здесь не показывают?

Вот, что же за людина такая, подумалось, про себя, Никону словами Виктора! Решил – выражать такие эмоции вслух еще рано. Принялся зондировать почву на предмет причастности Грифа к его поимке.

– А Вы как думали? Здесь условия очень суровые. И врагу не пожелаешь. Если в этом городе и есть Ад, то он здесь.

– Мда, сочувствую. Видите, куда могут завести человека ошибки.

– Чьи ошибки?

Вопрос глупый совершенно. Понятно чьи. Но, если хочешь добиться поставленной цели, не зазорно и дураком прикинуться. Возможность обсудить подробнее чужие огрехи Графа весьма обрадовала. Оживился:

– Наверное, Ваши. Или нападение на абонентку и регионального координатора вы ошибками не считаете?

– Как ни странно, но после этого я оставался на свободе.

– Для преступника попасть в тюрьму – дело времени.

Вот же гнида! Издевается! Сдерживаться все сложнее и сложнее. Никону очень захотелось вцепиться в горло этому холеному моральному уроду. И душить, душить. Смотреть в его глаза, наполненные ужасом. Вот это будет контраст! Секунду назад самовлюбленно, свысока издевался. И вдруг – корчится на грязном пыльном полу. Да, теперь он мог вытворить и такое. Опять заставил себя сдержаться, улыбнулся:

– Закономерно. Про уголовный кодекс и тюрьму – это понятно. Вот интересно, а куда попадают люди, совершившие преступление против совести?

– Что вы имеете в виду?

Осторожный Гриф тоже не боялся показаться неумным собеседником.

– Ну, вот, к примеру. Если, друг моего друга – мой друг. Этот друг друга скрывается от полиции. А я беру – и этого друга друга сдаю. Ведь это же выходит – предать друга. Куда должен попасть человек, совершивший преступление против совести – предавший друга.

– Это как-то сложно Вы сформулировали, – нахмурился Граф, более теперь походящий на Грифа. – Если человек скрывается от полиции – значит он преступник. Опасен для общества, – затянул нудятину. – Способен причинить людям вред. Как законопослушные граждане, мы обязаны помочь ему попасть в такие условия, где он сможет исправиться. Переосмыслить свои ошибки. Иначе, потом будем чувствовать вину от того, что не сделали это вовремя. Ради общего блага надо уметь жертвовать и дружбой.

Он что, подонок, пытается мне объяснить, почему сдал меня? Никон опять еле сдержался. С кем поведешься – от того и наберешься. До тюрьмы проблем с самоконтролем и разговорами с неприятными людьми не возникало.

– То есть, закон для вас важнее дружбы?

– Таковы требования нашего общества.

Никон промолчал. Тишина затянула пространство между собеседниками паутинистым пологом. Порвать его стоило некоторых усилий.

– Вообще, я пришел поговорить об Элеоноре.

Опять тишина. Никон заметил, что его молчание доставляет Графу некоторый дискомфорт. Возможно, такое молчание противоречило этикету. Как же страшен человек, испытывающий дискомфорт от мелочей, и вовсе не испытывающий оного от собственных вопиющих преступлений.

– Она достойна большего…

– Чем что?

«Чем ты, опустившийся зек!» Никон представил Графа, произносящего такое – внутренне рассмеялся. Нет, на прямую открытую грубость такой человек не способен. Как говорят некоторые, он ссыт. Вот на завуалированную окольную подлость. Так, чтобы сделать все чужими руками, а самому остаться в стороне чистеньким и, как бы, и ни при чем – это да. Это его метод. Такой человек способен уничтожить тысячи, запустив в них ракету. И совершенно не способен даже ударить, глядя человеку в глаза. Мягко стелет – да кости ломит.

– Чем…ожидание…эээ…связь с человеком, потерявшим доверие общества. Она молода. Ей нужны возможности и стабильность. Я хотел сказать, что, если Вы по-настоящему испытываете к ней теплые чувства, то должны понять…

Вот ключевые слова, подумал Никон: «теплые чувства». Мягко стелет. Вежлив и учтив. Не холоден и не горяч. Как же противно! Вцепился, как пиявка. Никон перебил тяжко высераемую сквозь фильеру норм этикета подлую мысль:

– Вы хотите сказать, что ей нужен человек как Вы?

– Ну, можно и так сказать.

– Это Вы так решили или она?

– До того, как Вы вмешались в нашу жизнь, она тоже так думала.

Никон промолчал опять. Пусть эти слова повисят в воздухе. Пусть сам попытается понять, что только что сказал. Похоже, автор не понял. В стремлении манипулировать людьми в корыстных целях, логика этого человека, вероятно, претерпела ужасные деформации. Лжец, обманывающий других, в конце концов, начинает обманывать и себя. Сам теряет возможность понимать истину. Разум, подчиненный страстям, задыхается и извращается.

– Очень хотелось бы, чтобы Вы сделали выводы, – Граф

замялся. – Вы должны понять, что судьба Элеоноры важнее Вашей эээ… жизни. Если вы сами не прекратите это… Найдутся способы…

Никон возвращался в камеру в очень взбудораженном состоянии. Все размышлял: какие, на хрен, еще способы??!!

Глава 10.

Мысль о том, что Виктор и Михаил – отец и сын, закралась в сознание Никона, когда он сопоставил ряд фактов, так и просившихся, чтобы их рассмотрели в одной системе. Отчество Михаила – Викторович. Возраст подходящий. Есть некоторая схожесть характеров.

Коин позволяет секвенировать ДНК за несколько дней. Его молекулярные машины захватывают клетку, выдирают из бедняжки хромосомы, после чего, быстренько сканируют последовательности нуклеотидов. Стандартная процедура при внесении нового абонента в базу данных Мнемонета.

Запрос генетической экспертизы – дело сложное. Для обоснования нужны весомые аргументы. Информация, которую экспертная система Мнемонета широко использует для своих нужд, для простых работников почти не доступна.

О сравнении генетического кода Виктора и Михаила ходатайствовало начальство.

Все получилось банально и глупо. Никон старался утаить свое предположение. Не хотел навредить этим и так покалеченным жизнью людям. Один раз, совершенно тихо и невзначай, он поинтересовался у Михаила, как бы тот отнесся к тому, что здесь, в соседнем корпусе, находится его отец. Михаил посчитал это злой шуткой и опять высыпал на Никона кучу проклятий. Однако, эта идея не скрылась от всеслышащего уха. Анализ голоса показал, что она значима для произнесшего. Сепаратор отобрал слова в категорию «важно» и уже через неделю главный по тюрьме задал прямой вопрос, на который Никон не смог ответить ни утвердительно, ни отрицательно.

Сравнение показало, что предположение верно. Поди, пойми: хорошая это новость или плохая? Для одних сулит выгоду. Для других – переживания и душевную боль. Угрызения совести. Никону ничего не оставалось, как сообщить родственникам, по совершенно удивительному стечению обстоятельств, оказавшимся в одной тюрьме, правду. Виктор отреагировал бурно:

– Ты что мелешь, сволочь? Какой, на хрен, сын! Ты мне, людина бестолковая, лучше жену тут подыщи. Потребуй у главного, пусть ко мне в камеру посадят ту тварь, что сдала меня бессовестно. Тогда, может, я хорошо и подумаю. Поднатужусь и вспомню, где ништяки честно награбленные зарыты. Сына он мне

нашел. Ты что, фильмов индийских насмотрелся? Или это главный, перед пенсией, из ума выживать начал и, вместе со старушкой своей, за слезным кино залипает?

– Это правда. Мнемонет сделал генетическую экспертизу. Этот парень – действительно Ваш сын, – настаивал Никон

– Иди в пень со своей лапшой! Да что ты за людина такая? Над узником издеваешься. Сам жри! Понял?!

Михаил, недоверие к окружающим которого оказалось еще развитее, чем у отца, воспринял новость схожим образом:

– Дурная шутка. Этого не может быть потому, что мой отец воевал на другой стороне. Если ему, где и сидеть то – там. Или лежать…

Махнул рукой в неопределенном направлении. Скривился, зажмурился. Медленно, с напряжением начертил в воздухе, перед собой, носом дугу. Напоминание об отце дохнуло на него смесью могильной сырости и гари. Разъело хрупкую и шаткую конструкцию саморегуляции.

– Генетическая экспертиза Мнемонета пока…

Никон не успел договорить.

– Да идите вы на хрен со своим Мнемонетом! – завопил Михаил.

Ударил сжатым кулаком по столу. Скорчился от боли и злости. Уткнулся головой в целую еще ладонь. Да тут и экспертиз никаких не надо, подумал Никон про себя. Яблоко, хоть внешне на яблоню и не похоже, но это только ягодки. Будут потом и деревца. Поймал себя на сумбурной мешанине пословиц. Невольно, от нервного напряжения, ухмыльнулся. Раньше бы себе такого не позволил.

– Что ты лыбишься, урод!? Шутка удалась!?

Михаил попытался вскочить со стула, чтобы дотянуться рукой до Никона. Сработала защитная стабилизация. Коин сектора тяжких преступлений в автоматическом режиме определяет опасные состояния и жестко тормозит нервную систему. Михаил осел на стуле, так и не успев полностью от него оторваться. Опять уткнулся лбом в тыльную сторону ладони.

– Я не шучу. Это правда, – стараясь не показать собственного раздражения, ответил Никон.

***

Когда речь зашла о сыне Виктора во второй раз, тот, после некоторых размышлений, предложением Никона показать фотографию, заинтересовался. Долго рассматривал, под всеми углами, планшет. Морщил нос, чесал небритую челюсть и макушку. В конце концов выдал:

– На мамку похож. Те же глаза шальные. И нос. Ох, глаза шальные, – задумался, выдал очередную пошлость: – Знаешь, псих, какие у нее были глаза шальные, когда она кончала?! – рассмеялся. – Ах-ха-ха! Мне самому страшно делалось.

Глава 11.

Сиделось Никону тяжело. Не то, чтобы условия быта выдались такими уж суровыми. Нет. Ему присвоили желтый статус. Комфортная, в сравнении с другими, камера не запиралась. Мог, по работе, ходить в разные корпусы. Единственное, что ему возбранялось – покидать территорию тюрьмы. И, все же, находиться в узилище оказалось тяжело. Напряжение обозленности и обреченности. Запахи уныния и тоски. Чудилось, даже работникам не хочется находиться в этом склепе свободы.

Никона же, в добавок ко всем неприятностям, затерло между двумя сообществами. Между теми, кто сидит и теми, кто охраняет. В обоих он слыл чужим. В обоих сложно было найти друзей, которые бы помогли скоротать и пережить обреченные годы. Печалью своей делился он лишь с часто навещавшей Элеонорой и с изредка навешавшими друзьями.

Можно было бы еще облегчать душу в беседах с супервайзером. Никон бы и рад, будь его супервайзером Паула. Да он так и остался в ведении Говарда. Этому человеку он уже совершенно не доверял. О том, какая может быть связь между им и бандитами, охотившимися за секретами Мнемонета, Никон начал размышлять, еще когда крутил педали, спеша убраться из Города.

Вопрос охранницы, заданный по дороге в рабочий кабинет, застал врасплох:

– Что передать Графу?

Назойливый ухажер, уже затерявшийся за более близкими и насущными проблемами, вновь всплыл на поверхность навозной жижи. Пытаясь сориентироваться и оценить обстановку, Никон ответил вопросом:

– Что Вы имеете в виду?

– Он хочет знать, какое решение Вы приняли после последнего разговора.

– Передайте ему, что все остается по-старому.

– То есть, Вы будете продолжать?

– Да.

– Он просил напомнить, что, в таком случае, вы рискуете жизнью.

Вот, ведь, какие методы! Во время разговора, сообщить о

радикальных подробностях Гриф так и не решился.

– Напомните ему, что покушение на жизнь человека и, тем более, сотрудника Мнемонета может стоить ему дорого.

– Хорошо, я передам.

Второе предупреждение произошло через неделю после разговора с охранником. Голубое небо без единого облачка, за ржавой решеткой прогулочного дворика, радовало глаз и успокаивало душу. Свежий морозный воздух приятно щекотал ноздри. В такие минуты хотелось надеяться и жить. Чем Никон и наслаждался, стоя в сторонке от кучкующихся зеков. Человек подошел тихо и незаметно. Шипя, спросил:

– Ну, что, фраерок. Мне тут кусочек печени твоей заказали. Готов поделиться?

Махнул перед Никоном заточенной ручкой от ложки. Махнул осторожно, так, чтобы предмет не попал в поле зрения камер видеонаблюдения. Здесь пустить заточку в ход он вряд ли бы решился.

– Кто заказал?

– Ты знаешь кто.

– Не готов.

– Тогда делай выводы. Сдашь – прирежу.

Никон разозлился. Вежливая охранница, не махавшая перед носом острыми предметами, к грубости не располагала. Этот же, рассуждающий о печени с остатком ложки в руке, раздражал. Пошел в атаку:

– Передай Графу – если он не успокоится – у меня на воле есть человек, который его успокоит и принесет мне в передачке кусочек его печени. Понял?

Мясник удивился. Огляделся по сторонам.

– Ты что, не понял? Оплачено все. Зачем тебе его печень, если у тебя своей уже не будет?

– Ну передай, чтобы отменил заказ. А то пожалеет.

– Это теперь наши деньги. Никто их отдавать не будет. Тебя сейчас прирезать или попозже?

Никон, повинуясь раздражению, ответил жестко и коротко, зло глядя в мутные выцветшие глаза:

– Сгинь!

– Да я тебя…

Человек начал было махать перед Никоном заточенной ложкой, напряженным гнусавым голосом рассыпая угрозы. Вдруг – осекся. Побледнел. Зашатался. Рухнул на пол. Никон же безучастно стоял и наблюдал, как широко разинутые глаза стекленеют и закатываются. Рот пытается жадно ухватить порцию

воздуха. Пальцы, уже не способные удержать самодельное оружие, скрючиваются, скребут пол. Когда подбежали товарищи, наблюдавшие за разговором со стороны, человек уже был мертв. Сгинул, как и пожелал ему Никон. В толпе заключенных послышался ропот:

– Сука мнемонетовская!

– Человека отравил!

– Ты – покойник.

Охранники напали без предупреждения. Замок в камере Никона можно было запирать и снаружи, и изнутри. Запирать изнутри тюремную камеру Никон считал абсурдом, но все же, из осторожности пользовался такой возможностью. Полуночный сон получился рваным, тревожным. Чудовища, посещавшие сны в последнее время, становились все страшнее и агрессивнее. Перевозбужденная и уставшая нервная система, готовая к скатыванию в закономерную депрессивную яму, реагировала на такой отдых болезненно остро. Приглушенный щелчок замка, хоть и слился почти с ночными шорохами, но все же послужил для Никона сигналом. Открыв глаза, он посмотрел в сторону приоткрывшейся двери. В нее скользнули двое. Тихо направились к его двухъярусной кровати. Никон быстро вскочил. Громко спросил:

– Что случилось?

Охранники – это стало понятно по знакам отличия, ничего не ответили. Молча пошли на Никона. В двушке оказалось тесно. Наступающим пришлось выстроиться в колонну. Первый – массивный здоровяк, проворно кинулся на жертву, прижавшуюся к стене у стола. Блокировать удар эмалированной миски в голову не успел. Отскочив от тычка ногой назад, налетел на второго. Почему он не попытался нанести ни одного удара здоровенными кулаками? Никон подумал, что лишние следы драки им не нужны. Угадал. Здоровяк схватил с кровати матрац с одеялом и подушкой и, закрывшись им, как щитом, проворно кинулся вперед. Деться в тесном помещении от бульдозера некуда. Никон попытался нанести удар по держащим щит рукам, но получилось мягко и смазано. Тоже уперся в матрац, стараясь энергичными толчками вытеснить нападающих из камеры. Они оказались тяжелее. Удары босыми ногами по голеням тоже, кроме сдержанных матов из-за матраца, ничего не дали. В конце концов, Никона прижали к стене и начали душить. Сейчас он пожалел, что ранее, в пылу боя позабыл о возможности звать на помощь.

Вдруг давление спало. Послышался сначала один звук падающего тела, потом рухнул, накрыв здоровяка и матрац.

Почти так же, как и человек с ложкой, эти двое испустили дух за десять секунд.

– Вам не кажется странным, что рядом с Вами за две недели погибли три человека?

Говард спокоен, как обычно. Так, словно настоящий повод для вопроса его вовсе не волновал.

– Мне кажется странным, что эти люди напали на меня в тюрьме! – углубился в обсуждение Никон.

– Вам интересна причина их смерти?

– Я видел журнал коинов. Похоже на стандартную блокировку агрессии.

– Да, Вы правы. Почему же они погибли? А не пришли в себя через час? Вы не чувствуете вины?

Никон парировал вопросом:

– А что говорят патологоанатомы?

Говард промолчал. Ушел не попрощавшись.

Глава 12.

Этот человек не молод. Далеко не молод. Но в глазах горит тот огонек, что вспыхивает у мальчиков, когда они обнаруживают в себе способность раскрывать секреты и тайны. И огонек этот, видно, никогда не угасал, как у многих, и тайны манят круглосуточно. Все его тайны находятся в зоне. Как только разговор приближается к теме, человек со странным прозвищем Клатсер, так и спрашивает:

– Вы бывали в зоне!?

Никон усмехается. В какой зоне!? У нас тут много зон! Зона психической пандемии. Зона радиационного заражения. Зона затянувшихся позиционных боев, которую почему-то называют демаркационной. Город – сам по себе стал зоной. В нем тоже много разных зон. Начиная от СкинХилла и заканчивая тюрьмой, в которой мы сидим. Никон уточняет:

– О какой зоне Вы говорите?

– О радиационной.

– Не бывал. Что там интересного?

– Я вам расскажу! Вам, наверное, будет интересно узнать, что такое волны? Слушайте. Когда будете получать нобелевскую премию – не забудьте и обо мне упомянуть.

После взрыва там стало еще опаснее. То, о чем фантазировали десятилетиями, материализовалось. Я и раньше бывал там, до войны – ничего особенного. Единичные артефакты – и те особой ценности не представляли. Потом многое изменилось. Портал я нашел в нескольких милях от воронки. Очень странный портал. Не те, к которым мы привыкли.

Радиационный фон вокруг него, в радиусе сотни метров, в пределах нормы, хотя, вокруг – сильно завышен.

Это – обелиск. Метра три в высоту. Четырехгранный, как сильно вытянутая усеченная пирамида. В основании чуть больше метра шириной. Я так и не понял, из чего он сделан. Ни кусочка отколоть не получилось. И алмазным полотном пилил. И победитовым отбойником бил. Не выходит. Покрыт сложным геометрическим узором из треугольников, трапеций, пятиугольников и шестиугольников. В некоторых, особо крупных, есть знаки. Фотографии показать не могу потому, что электроника возле него не работает. А такой оптики, чтобы с нескольких сотен метров снять, у меня не было – дорогая.

Долго я возле него провозился. Неделями жил. И зарисовывал, и подкапывался – взвесить пытался и плотность определить. Очень плотный – материал науке не известный. Весь его ощупал. Очень он на ощупь приятный. И, как бы сил от такого контакта прибавляется. Я там возле него почти ничего и не ел. Даже не хотелось. В один прекрасный момент я руку в пятиугольник, как раз по размеру подходящий, положил и подумал, что не плохо мне было бы узнать. Что узнать, я так и не понял. Просто подумал – хочу знать, что происходит. И глаза закрыл. И замер так на несколько минут.

Глаза открываю, вижу – небо другое. Желтоватое. Хоть и прозрачное, но будто негативное. И облака по нему сероватые. И вокруг все цвета немного поменяло. Трава с фиолетовинкой стала. Поудивлялся и пошел по окрестностям прогуляться. Все вроде бы и на месте осталось. И деревья на месте. И осколки бетонные от взрыва. И пост радиационного контроля вдалеке. К нему я стараюсь не ходить. Вояки оттуда постреливают. А пост же тот – в стороне Города. Всегда его лесом обхожу. А теперь смотрю – за постом, тоже, значит, в стороне города, в небе тень висит. Нет – даже не тень. Прозрачный такой силуэт. Представьте прозрачную луну, немного приплюснутую. Из нее выходит множество тоненьких ниточек и вниз тянутся. Так, словно к Городу тянутся. Или можно представить приплюснутый воздушный шар, который на множестве тонких шнуров удерживают, чтобы не улетел. Я – в бинокль. У меня тридцатикратный, большой. Смотрю – тоже самое. Висит этот шар огромный. Кажется что над городом. Решил пойти посмотреть поближе. За день на велосипеде полтинник отмотал в сторону Города – висит. На следующий день – еще полтинник. Висит этот шар прозрачный. Прямо над самым Городом. И ниточки от него тянутся, как паутинки. К улицам тянутся. К домам. К людям. В Город въезжать не стал – страшно. Люди меня не замечали. И

некоторые были больше на подгнивших мертвецов похожи, чем на живых людей. И к ним ниточки тянулись. Один раз чуть машиной не переехали. Посмотрел с краю – и обратно, к обелиску. Как назад ехал – все оглядывался. Вдруг вижу: к этому шару по воздуху девушка плывет. Такая же прозрачная. Красивая. Косы развеваются на ветру. К шару подошла, руки в него засунула и вытащила оттуда ребенка. Я так и не понял – девочка или мальчик. Даже пожалел, что отъехал уже. Вытащила, значит. К себе прижала и улыбается. И малой улыбается. Как мать и дочка. Так они некоторое время стояли. Потом из-за шара выкатывает зверюга. Что-то среднее между мохнатым волком и небритым заросшим мужиком. Лапы здоровые, когтистые. Морда звериная. Пасть огромная. Выходит и подбирается к ребенку. Девушка малого в шар быстро спрятала, а сама стоит, на зверя глядит. Тот на нее зубы скалит и лапами машет. Все ближе и ближе. Потом как прыгнет. Вцепиться хочет. А девушка в сторонку отшатнулась. Плече он ей расцарапал. А в руке ее палка появилась. Тоже прозрачная, как ледяная. Может и меч даже. Она этой штукой по зверю и полоснула. Ему тоже больно, но он не отступает. Кругами ходит, приноравливается. И тут я чувствую – волна пошла. Я всегда волну хорошо чувствую. Хоть сильно меня и не задевает. На ногах остаюсь. В здравом уме и доброй памяти. Некоторые, вон, пока не слягут, не замечают. А я сразу замечаю. Может от того и устойчив – правильно реагирую. Так вот, они дерутся, а волна с каждым ударом все накатывает. Тут даже мне плохо стало. На землю свалился с велика. Но в бинокль все равно смотрю. Долго они дрались. Зверюга барышне все плечи расцарапал. В горло метил. А девушка его палкой хорошо исполосовала. Шерсть погорела на нем. И кровь сочиться начала. Когтей пару, показалось, потерял. Потом, видно, устал. Побродил вокруг и за шар пошел. Из шара ребенок вылез. Помахал ей рукой и спрятался. И она ушла. Я на земле еще пару часов отлежался. В себя пришел. На велик – и к обелиску. Ночью доехал. Шар все так и висел. Больше ничего не было. Нашел этот пятиугольник, прижал руку. Сказал, что хочу обратно, в наш мир. С первого раза не вышло. Два часа просидел на этой траве фиолетовой. Потом приснул. А проснулся уже здесь. В нашем мире. Обелиск на месте. Забрал вещи, поспешил в Город. Здесь все по-старому. Волна как раз прошла. Все полудохлые по конурам лежат. На улице самые выносливые шатаются. Ездил я потом опять к этому порталу. Все там облазил – не нашел. Или вояки забрали. Или сам исчез.

Письмо пришло в тот же день. Мама Егора прислала. Того самого мальчика, что после тестирования малевал на стенах

созвездия или, даже, молекулы. Никон уже и забыл про юного художника. Вероника, как и положено заботливой матери, помнила. В тревожных снах, наверное, видела этот рисунок как Менделеев свою таблицу или Кекуле, необычную для его времен, циклическую молекулу бензола. Докопалась. Догадалась. Узнала. Поспешила сообщить:

«Здравствуйте Никон. Слышала о суде. Считаю, что это ошибка. Знаю Вас как достойного и внимательного человека. Егору Вы помогли. Помните, он нарисовал на стене замкнутый граф-созвездие фиолетовым карандашом? Я тогда предположила еще – это молекула с циклами. Похоже, что так и есть. Я обнаружила вещество, имеющее такую структуру. Вернее, мне коллеги помогли. Вещество называется гармин. Это алкалоид, содержащийся в корнях гармалы. Он является ингибитором моноаминоксидазы-А. Способствует накоплению нейромедиаторов. Стимулирует центральную нервную систему. Вы и так это знаете. Является психоактивным веществом. Я таким не занималась. Может быть, вы догадаетесь, откуда Егор мог взять эту формулу. И почему именно гармин? Не опасно ли это?

С уважением, Вероника.»

Глава 13.

Спишь, бывает, спишь. И не плохо совсем, но и не хорошо. И не голоден, вроде, но и не сыт. И не морозит сильно, но и так, чтоб тепло было – так лишь изредка. И не печально особо, но и не радостно. Серое, теплое состояние. Разлитое, всепоглощающее. Одно слово – зимовка. И кажется – нет этому конца и краю. У некоторых людей так проходит вся жизнь. У некоторых, иногда, происходят события, больно и неожиданно разрушающие еле теплое и душное, трясинообразное узилище.

Мультикоптеры приземлились на крыши тихо и мягко. Электрическая тяга на сверхпроводниках, компактные ядерные источники питания и компенсатор вибраций уже давно превратили эти летательные аппараты в маневренный и удобный транспорт. Обитателям зарешеченных корпусов сразу показалось, что среди зимы на Цитадель налетел, озвученный громом, сильный ураган. Потрепал ржавую жесть кровли, сдул застиранное до дыр белье, сушившееся на ледяных прутьях. Один сел на возвышающуюся часть корпуса Нипылотс, второй на центральную часть корпуса Икнетак, а третий прикрышился на угол корпуса Икнилатс.

Боевые дроны, охранявшие обычно зону с воздуха ночью, рухнули еще до подлета коптеров. Словно управляемые пьяным оператором, один за другим, они начинали раскачиваться из стороны в сторону, крутиться на месте, переворачиваться.

Разбивались о стены и об асфальт. Люди в темно-серых, неожиданно теряющихся в полумраке костюмах, выскочили резво и слаженно. Пока охрана панически раздумывала о том, что это может происходить в три часа ночи и пыталась дозвониться вышестоящему начальству, снайперы заняли позиции и запретили всякую возможность ответного огня.

Проникновение в здание стоило двух минут завывания универсальной пилы. В коридорах корпуса Икнилатс послышалась тихие щелчки автоматических винтовок, взрывы светошумовых и шипение дымовых гранат, мягкий топот ботинок с интеллектуальной амортизацией. В камерах завелась возня. Нападавшие принесли с собой несколько болгарок и портативных плазморезов. Отдали узникам первых же вскрытых апартаментов. Вместе с инструментом принесли несколько мешков легких и компактных, пластиковых, кроме ствола и затвора, пистолетов – пулеметов. Патронов тоже не пожалели. На всем протяжении коридоров расклеили к стенам небольшие серые мыльницы.

Когда камеру, в которой ночевал Никон, вскрыли – нападавшие уже улетели. Забрали с собой нескольких узников и упорхнули, изредка отстреливаясь от чрезвычайно смелых и опасных попыток охраны поразить коптеры из стрелкового оружия. Корпус гудел. По коридорам шарахались перевозбужденные узники с болгарками и автоматами. Это удивило Никона потому, что все они должны были лежать и ждать, когда коины по команде с сервера отключат экстренную стабилизацию. Особо нервные и неуравновешенные действительно лежали – коин сработал в автоматическом режиме.

В толпе сразу нашлись командиры, готовые управлять запущенным извне и обратившимся было в хаос революционным процессом. После непродолжительной драки за оружие, и исключения из конкурентной борьбы наименее приспособленных к совместному труду и обороне, быстро сформировался костяк, готовый действовать слаженно. Одни побежали по камерам строить неактивную часть населения. С требованием, если и не дежурить у входов, то хотя бы забаррикадировать и сторожить окна. Другие заступили на вахту у главных дверей, загородившись от возможной контратаки разнообразной мебелью и подручным хламом.

Снаружи уже вовсю жужжали полицейские дроны, с большим опозданием поднятые по тревоге. На крышах соседних высоток мерзли спросонья снайперы. Кого-то особенно неосторожного и любопытного, подстрелили через окошко. Ситуация стабилизировалась к обеду. Щелкать одиночными с обеих сторон перестали. Наладили видеосвязь. Даже договорились о том, что в

обмен на жизнь заложников из числа охраны и некоторых узников, осаждающая сторона не будет бить стекла и отключать отопление.

В новой системе невольных отношений, Никон опять оказался в числе заключенных. Некто, дядя Горя, обходя камеры в поисках желающих побыть потенциальными, ради еды и тепла, убиенными, узнал работника Мнемонета, задававшего ему давече вопросы скучные и подозрительные. Тыча твердым дулом в спину, вытолкал из камеры, которую покидать ох как не хотелось, в темный коридор. Никон, имея уже некоторый опыт, изловчился вмазать конвоиру апперкотом и завладеть его автоматом. Ролями удалось поменяться ненадолго. Привлеченные трехэтажными матами, сплевывающего кровавые слюни, Гори прибежали еще двое с автоматами. Объяснили Никону, что это недоразумение и надо просто пройти с ними и разобраться. Так он оказался в актовом зале, где перед внимательным зрачком камеры уже сидела потрепанная охрана в наручниках и группка, загрустивших от вечных гонений, стукачей, лжецов и других нетоварищей, прослывших редисками и ненадежными людьми.

Лотерея, придуманная для стимуляции медлительных и несговорчивых властей, была предельно проста. Пятьдесят два человека, в число которых вошли и плененные охранницы, тянули из колоды по одной карте. Обладатель пикового туза должен был принять в свой мягкий, дрожащий и плохо пахнущий от страха организм твердую и быструю стальную пулю прямо перед камерой. Тянуть оказалось страшно, но выбора никакого не было. Хоть своей рукой тяни, хоть чужой – все равно достается верхняя, в абы как перетасованной колоде, карта. Никон взял сам. Посмотрел. Тройка червы. Выдохнул с облегчением. На этот раз злосчастный туз достался мрачному и лысому худощавому мужчине. Его и повели к черной пропасти, смотрящей в зал. Прямо в центр кадра. Человек, которого дядя Горя называл Крин, исполнить приговор вызвался сам. Намотав на голову платок так, что для обозрения остались одни тяжелые и колючие глазки, расположился в том же кадре, уткнув автомат в левую подмышку жертве. Скомандовал:

– Назовите свое имя и статью! Четко и громко!

– Медяйко Владислав Иванович.

Голос подрагивал, но приговоренный к расстрелу старался держать себя в руках.

– Статья!?

– Триста шестьдесят восьмая. Взятка.

– Интересно! Какую должность занимали и в каком году?

– Заместитель губернатора. Пять лет назад.

– За что взятку брал?

– За тендер.

Крин, внимательно выслушав, уставился в камеру:

– Слышали!? Кто там теперь при власти? Медяйко Владислав Иванович. Заместитель губернатора. Наверное, ваша оппозиция. Вытянул пикового туза. За час вы должны сложить у входа консервы, водку и сигареты. Еще десять аптечек.

Обернулся к группе, стоявшей вне кадра. Крикнул:

– Что там еще надо?

– Тонну консерв на первое время, – послышались советы. – Хлеба и печенья. Сигарет разных десять ящиков. Водяры побольше! Чая и кофе десять ящиков. Сахара тонну, в мешках.

– Водки только три ящика, – перекричал всех Болт.

Постепенно он занимал позицию лидера. Довольно трезвый и острый ум, при большой физической силе, заставлял окружающих прислушиваться.

– Почему мало так?

– Чтоб ты, Косяк ходячий, не ужрался и палить куда попало не начал. Водка только для тех, кто вернулся с наряда!

– Правильно! – поддержали Болта остальные. – Дисциплина нужна!

– Примусы с топливом и крупы разные!

Крин повторял все, что удавалось разобрать в жадном и суматошном споре на камеру. С каждым словом, все больнее тыкая заместителя в ребра. Резюмировал:

– Через час видео расстрела этого вашего политика попадет в интернет. Спутниковый канал вы не заглушите. Весь мир узнает, что вы зажали за его жизнь несколько тонн продуктов. Время пошло!

Уселся в первом ряду. Тоже в кадре, но уже за спиной жертвы. Подпер подбородок левой рукой. Так, словно сидит на одном из скучных представлений тюремного театра, которых, впрочем, до настоящего момента, здесь уже давно не бывало.

С безопасностью канала революционеры погорячились. Люди в сером, конечно, оставили тарелку, смотревшую теперь в далекое вольное небо, сквозь тюремную крышу, с чердака. Она могла автоматически настроиться на любой из трехсот геостационарных спутников, что висели на куполе. Но дроны, хаотично шнырявшие над крышей, закрывали любой спутник за полминуты. Ловили вектор и собирались стайкой прямо на линии, связывающей фокус тарелки и антенну приемника.

В ожидании вердикта час пролетел быстро. Никаких продуктов у главного входа не оказалось. Человек, ведший переговоры с той стороны, убеждал, что еще не успели собрать

все необходимое. Уставший и вялый, в съехавшей набекрень серой шапке старого армейского образца, делегат не вызывал никакого доверия. Неуверенные слова о том, что в требуемом количестве пока удалось собрать только водку, всех сначала рассмешили, а потом разозлили. Хаотично посовещавшись, новое руководство корпуса решило дать на выполнение требований еще час. А для того, чтобы хоть как-то отреагировать на халатность вялых властей, рядом с заместителем поставили еще одну жертву. Карты уже не раздавали, а просто вытянули одну из другой колоды. На этот раз выпала бубновая дама. Несчастным обладателем карты оказалась одна из охранниц.

Почему из тридцати двух охранников, взятых в плен, двадцать девять оказались женщинами? Вероятно, потому, что во время штурма они сидели тихонько под кроватями, и слушали, как часть охранников-мужчин, героически гибнет в перестрелке. И, возможно, наблюдали в окна, как вторая часть охранников-мужчин позорно убегает из корпуса под пулями снайперов. Как бы там ни было, врожденные инстинкты позволили дамам сохранить жизнь в очень сложной ситуации. То, что некоторые из них лишились деталей строгого уставного туалета, получили клички и уже были по нескольку раз проиграны в карты – сущие мелочи.

Полная, кряжистая дама, без кителя в одной порванной блузке, услышав свою карту, расстроилась. В ответ на требование поднять руку с бубновой дамой вверх, вжалась в кресло, завертела круглой головой. Это не скрылось от зорких глаз организаторов лотереи.

– Давай, вставай, красавица! Как зовут?

– Люда.

– Не переживай, Люда. Карта так выпала. Молись теперь, чтобы твои там не скупились.

Вытолкали обладательницу проигрышного билета в кадр. Заставили сквозь слезы дрожащим голосом напеть пару песен и гимн.

Через час история повторилась. Засыпающее уполномоченное лицо еще менее внятно объясняло срыв поставок продовольствия. Болт и его отряд начали терять последние капли, и без того дефицитного, терпения. Как назло, вторым проигрышным билетом оказалась червовая тройка. Никон поднялся сам, не дожидаясь неизбежных и унизительных пинков. Войдя в кадр, представился:

– Никон Тенко. Штрафной сотрудник Мнемонета. Статей много. Ограбление абонента, нападение на регионального координатора, порча имущества и разглашение тайн Мнемонета.

– Так че, это вроде нормальный мужик, – прокомментировал Крин. – Может другого?

Дядя Горя, почему-то, сильно невзлюбивший то ли Никона персонально, то ли сотрудников Мнемонета вообще, быстро парировал:

– В Мнемонете нормальные люди не пашут. Я этих сук хорошо знаю. Тоже, сто пудов, стукач.

Никона оставили. Час трясущихся ног и судорожных размышлений настал быстро. Крин, в длинной, но немногословной речи, несколько раз повторил, что в смерти людей виновато правительство, затягивающее поставки необходимого жителям продовольствия. Вытолкал ушедшего в себя Медяйко поближе к реальности и камере. Твердой рукой выпустил два одиночных в сердце. Бывший помощник губернатора и взяточник, совершенно неоправданно оказавшийся в тюрьме для психов-рецидивистов, рухнул на пол. Выражение удивления на вытянутом, морщинистом лице сменилось напряженной страдальческой гримасой.

– Через двадцать минут будет убит еще один заложник.

Крин старался говорить так же твердо, как и раньше. Но голос немного подрагивал вместе с правой рукой, обвисшей под вдруг непомерно возросшей тяжестью автомата. Убить человека в упор перед камерой – это вам не за угол стрелять. Даже у самого отмороженного сердце сбиваться с ритма начнет. Когда очередь дошла до следующей жертвы, в отделе по связям с государством и контролю заложников, разгорелся спор. Люда вытянула смертельный билет второй и, по правилам игры, должна была следовать за Медяйко. Но, в тоже время, убивать женщину – совершенно неразумно, хотя бы исходя из бытовых соображений. Баба в коллективе бандитов нужна всегда. Даже, если она полная охранница. Тем более, нормальная, а не те сумасшедшие, что сидят в женском корпусе. Посокрушались о том, что надо бы вообще исключить дам из лотереи. Стрелять вторым решили Мнемонетовца.

Никону тут же вспомнились заблудшие философы из монастыря с их замысловатыми рассуждениями о жизни, смерти и предопределении. Что бы они сказали теперь, видя едкого собеседника в главной роли универсальной трагедии всех времен и народов под названием казнь? Неужели о такой вот смерти, еще в момент рождения было известно великим сценаристам вселенной?

Крин начал поднимать пистолет-автомат. Рука его была уже не такой твердой. Отчитывая последние вдохи, Никон все повторял по кругу, в полголоса, единственное усвоенное в

монастыре, заклинание:

– Sanctus Deus, Sanctus fortis, Sanctus immortalis, miserere nobis!

Федор, почему-то, все время напевал его во время работы. Оно так въелось в мозг, что теперь, в минуты наивысшей опасности и напряжения, само завертелось в мыслях и на языке. Дверь распахнулась от удара ноги. Вошедший, быстро оглядевшись, заметил начитывающего Никона.

– О, псих! Здарова! Тебя тоже в эту компанию неудачников определили. Как оно? Жилки трясутся? Жизненкой своей, небось, и не рисковал ни разу?

Заметив Крина с автоматом, Виктор заспешил:

– Эй! Мне с этим психом потолковать надо!

– Не мешай! – отмахнулся Крин.

– Он должен мне по самое нимогу! Пусть должок сначала отдаст. Потом делайте что хотите.

– Ты чего, Витя, в нашу работу лезешь! – возмутился Болт. – Ты вообще туннели пробивать должен.

– Тебе я ничего не должен, – огрызнулся Витя. – А, вот, если он мне по твоей вине должок не отдаст, ты мне будешь должен. Потом не говори, что не знал. Понял?

Пользуясь интервалом для размышлений о сложной структуре долговых обязательств, Витя оттащил Никона в сторону. Шепотом зачастил:

– Ну что псих, говори где бабло мое зарыто!

– Я не знаю.

– Говори, сука, а то щас сам мозги твои пустые по стене размажу.

В подтверждение намерений передернул затвор автомата.

– Да не знаю я ничего! – возмутился Никон.

Витя уткнул ствол прямо в лоб. А ведь это страшно, когда холодная железяка, из которой вылетают горячие и быстрые шарики, трет тебе переносицу.

– Считаю до трех!

– Эй, Витя, ты б хоть перед камерой долги свои выбивал, – раздраженно проорал Болт. – Два дела сделаешь.

Витя, согласившись, опять вытолкал Никона в кадр. Тот, чувствуя что времени мало, надрывно заспешил:

– Да у тебя в голове такая свалка, что хрен разберешься. Не нашел я ничего!

– Не ори! – прикрикнул Витя.

– А сам-то ты что, тоже не помнишь?

– А ты угадай, – заржал Витя. – Ладно, поживи пока.

Энергично размахивая автоматом, обратился к публике:

– Вы башкой тут думаете? Коины вам кто доставать будет? Косяк, гвоздем и дрожащими пальчиками? Этому еще работы непочатый край, а вы его в расход. Других психов из Мнемонета у нас нету.

Крин уставился на Болта, ожидая решения. Затянувшуюся паузу прервал голос из внешнего мира. Уже другой. Бодрый и жесткий.

– Стойте! Больше не надо никого убивать! Продукты отгружаем. Готовы к переговорам об автономии. Повторяю. Основным условием является сохранение жизни и безопасности. А так же равномерное распределение снабжения.

Глава 14.

Завывает жестокая вьюга,
Мутит окна седой мороз,
Если жизнь надломилась друга –
Не жалей ты печальных слез.
Вмиг омоют с души коросту,
Обезумевшей с юных лет.
И откроется к сердцу доступ,
И прольется небесный свет.
Петр Ниденко, статья 117.

Подземные коридоры между корпусами, на которые садились коптеры, были разблокированы сразу. Другие корпуса пришлось штурмовать. Охрана быстро ушла, получив приказ извне. Удерживать остатки корпусов проблематично хотя бы потому, что зеков надо чем-то кормить. А сделать это, в сложившихся обстоятельствах, невозможно. Слушать же стервозные голодные вопли – выше сил самого равнодушного стражника.

После того, как первый ажиотаж спал и новое, свободное от электронного и физического контроля общество получило в свое распоряжение необходимые ресурсы, запустились закономерные процессы самоорганизации. Трехтысячному населению Цитадели для выживания был необходим порядок, равномерное и справедливое распределение материальных благ. Некоторым активным, сильным и рискованным понадобилась власть, побольше еды и женщины.

Очередная попытка построить демократию, как обычно, привела к разделению населения на демос и кратос. Со всеми полагающимися последствиями.

В каждом корпусе назначили администрацию. По уже сложившейся за десятилетия схеме, места в совете распределялись путем голосования. Каждый избранный в совет, кроме права избирать гетьмана или генерального секретаря, кому как угодно – от названия суть не меняется – получил обязанности

руководящего поста. Когда окончательно дифференцировались службы и ведомства, был объявлен добор на вакантные служебные должности. Перевыборы на том же голосовании решили проводить на первых порах раз в месяц, пока все не устаканится.

Свободная зона обзавелась службами, которые сразу же громко назвали министерствами. Министерства связи и промышленности, внешних и внутренних дел, снабжения, здравоохранения, культуры – быстро пополнили свои ряды необходимыми специалистами и приступили к работе. На первых порах идея свободного и справедливого общества, вбитая за долгие годы пропаганды, зажгла изголодавшиеся сердца. Все старались как можно с большей отдачей отработать дополнительный хлеб.

Очень быстро произошло разделение групп по культурному, идеологическому признаку. И во времена режима надзирателей, в камеры старались селить с учетом личностных особенностей. Сектанты жили преимущественно с сектантами. Граждане с нетрадиционной сексуальной ориентацией – с себе подобными. Националисты и маниакальные приверженцы других идеологий разных толков – отдельно. Воры и бандиты – отдельно. Только совсем неадекватных маньяков расселяли в разные камеры – хоть как-то стабилизировать их в организованных сообществах. Распределением по комнатам занималась экспертная система Мнемонета. Это было обязательной частью программы реабилитации.

Никону показалось очень интересным, что в определенных министерствах оказывались люди с определенными особенностями. Тут уже Мнемонет не участвовал. Все развивалось естественно и непринужденно. Так, почти все гей-сообщество подалось в министерство культуры. В его же подчинении оказался и моментально возникший в женском корпусе большой дом терпимости. Наиболее важное и влиятельное министерство – внутренних и внешних дел держалось на бандитах. Министерство снабжения пополнило свои ряды преимущественно из воров и других, к материальным ценностям неравнодушных.

Никона забрали в министерство здравоохранения. Технари из министерства связи и промышленности сообщили, что серые коробочки, растыканные по стенам, глушат сигнал коинов. Именно поэтому все так легко и вышло. В корпусах, где коробочек не было, всех быстро выключили. Потом, конечно, включили потому, что дольше, чем на несколько часов – нельзя. Могут быть необратимые последствия. Перед Никоном поставили одну задачу – найти способ безопасного удаления коина.

Покинуть Свободную Зону и предаться во власть тюремщиков мог всякий желающий. Владыки Города, вероятно, сделали так для того, чтобы совершенно бескровным путем, постепенно уменьшить число защитников. Князья Цитадели согласились с этим для того, чтобы хоть немного разгрузить перенаселенные корпуса. Желающих пока оказалось немного – некоторые из пожелавших пополнили ряды заложников.

Свидания устраивались на нейтральной территории. После предварительного обыска посетителей охраной периметра. Жителей Цитадели бдительные участники МВВД обыскивали и перед свиданием, и после. Боялись шпионажа и трафика опасных веществ. Дверь в мировую паутину тоже раскрыли, как и прежде. В зоне обитало много фрилансеров, которые приносили казне неплохой доход. Кто ж будет запрещать ломовой лошади вкалывать?

Все утряслось и устаканилось. Цитатель, обзавевшись государством и министерствами, зажила новой размеренной, в меру сытной и ленивой жизнью. Какая, собственно, разница для Города, кто управляет тюрьмой? Все девианты остались на месте. Никуда не разбежались. То, что теперь ничем не стабилизируемые психопаты управляют психопатами и, иногда, их убивают – не так уж и страшно. На снабжение меньше тратить. Власти Города в этом не виноваты. Безумцы сами выбрали свою участь и не дают возможности им помочь. Все либерально и демократично.

Древняя Цитадель, превратившаяся в отдельное вольное княжество посреди огромного невольного Города, стала обрастать страшными слухами и целыми историями. Вряд ли кто-то из горожан завидовал новой непредсказуемой перспективе, свалившейся на изгнанных из Города в неволю безумных страдальцах. Но создавалось впечатление, что мифическое министерство пропаганды очерняет и подтачивает имидж юного государства.

Региональный координатор вышел на связь при первой же возможности. Сразу поинтересовался:

– Почему Вы не покинули зону?

– Как сотрудник Мнемонета, я не имею права покидать территорию.

– Но и с охраной в запертых камерах Вы не сидите.

Никон усмехнулся свежей мысли, блеснувшей вдруг в сознании:

– Я же штрафной сотрудник. Представьте себе: такой я – маргинал. И за стеной теперь прав не имею, и здесь остался полу-

узником. Завис на границе двух миров.

– Мы можем Вас выкупить. Вы уже не будете работать в тюрьме. Вернетесь к своим прежним обязанностям.

– Думаю, не получится. Охрану выкупить уже пытались. Никто заложников не отдаст.

– Посмотрим.

Хотелось ли Никону за стену? Сложный вопрос. Очень сложный. Там, в Городе, его ждет любимая, с которой можно будет прогуливаться теплыми, ароматными весенними вечерами по заросшим улицам и паркам. Там, в цепких лапах специалистов Мнемонета, его ждут мягкие завуалированные допросы и сканирование мозга. Здесь его пока никто не трогает. Здесь интересно наблюдать за самоорганизацией и развитием нового маленького государства. Выделять закономерные этапы. Радоваться тому, что даже в среде отвергнутых, много людей, способных научить других быть людьми. Способных убедить безумцев выполнять общие жесткие правила, что так необходимо для выживания в столь стесненных условиях. И пусть это неисправимые грабители, убийцы, насильники и сумасшедшие. Получив шанс на свободу в самом центре электронного гетто, они изо всех сил стараются напрячь в себе остатки рационального.

После того, как сигналы коинов и сотовых вышек заглушили, власть Мнемонета покинула стены Свободной Зоны. Взамен пришла власть лидеров, готовых держать порядок в крепких мозолистых, а возможно и окровавленных руках. Готовых идти на жертвы. Даже самых суровых мер оказалось недостаточно. У Никона начались тяжкие деньки. Мнемонет получил возможность усыплять, оживлять и контролировать неспроста. И некоторых людей посадили за толстые стены с решетками тоже неспроста. До первой волны все еще как-то держались. Потом, вдруг, началось.

Первым, в камеры для буйных и неадекватных, привели шестидесятилетнего мужика. Мужик бешено вращал глазами, выл, изрыгал проклятия, кидался на людей, напряженно скрючив пальцы. Его еле дотащили трое здоровых парней из команды Болта. Все жаловались, что буян чрезмерно силен и они как бы слабеют, когда его держат. Хотели с мистического страху прибить по дороге, но после споров как лучше это сделать, так и не решились. Лошадиная доза транквилизатора, вогнанная с третьей попытки, дала лишь часть ожидаемого эффекта. Зомби, как окрестили мужика, не сумевшего сообщить свое имя, делал тоже самое, что и раньше, только вяло и медленнее. От этого он стал еще больше похож на живого мертвеца.

Второй привели девушку. У нее приключилось что-то похожее на приступ эпилепсии. С громким воплем рухнула она на пол и извивалась, словно пьяная змея, несколько минут. После успокоилась и затихла. Из глаз, больших и серых, исчезла осмысленность. С языка пропали понятные окружающим слова, сменились причудливым лепетом. Брела она неведомо куда впритирку к стене, вялыми движениями стягивая с себя одежду. Так ее и притащили в камеру: вдоль стенки и полураздетую.

Явился еще и парень, замирая в неестественных позах, общавшийся с галлюцинациями. На вопрос: с кем он разговаривает – ответил совершенно невразумительно:

– Это боги зоны. Они тут жили еще до нас.

Продолжил задавать пустоте странные вопросы, внимательно вслушиваясь в ее ответы:

– Во сколько мне будет? Почему Халит не отвечает?

Нашлась и взбалмошная тетка, пытавшаяся доказать окружающим, что власти Города скоро скинут на Свободную зону атомную бомбу. Привели и Мишу в состоянии безумном, с окровавленными губами.

Министр здравоохранения сначала бегал и суетился, пытаясь поучаствовать в спасении сумасшедших. Когда пациентов стало слишком много – счет пошел на сотни, а единственный доступный транквилизатор закончился – пустил все на самотек. Несчастных лишь сортировали, чтобы они не навредили друг другу и запирали в камеры. Иногда привязывали канатами простыней к кроватям. Всетаки, для некоторых обитателей, Цитадель служила не тюрьмой, а сумасшедшим домом строгого режима.

Вспомнился монастырь. Тоже – своеобразный дом для душевнобольных. Наблюдать за этим было странно и страшно. Раньше человека, шарахающегося от креста, Никон видал только в фильмах про вампиров и другую подобную нечисть. Здесь, в монастыре, где все утыкано крестами, от крестов шарахались многие. Парадокс. И шараханье это очень походило на то, что происходило в фильмах. Взять хотя бы -Валю. Женщина – как женщина. Ничем особенным не выделяется. Полноватая. То веселая и приветливая, то серьезная.

Бывали периоды, особенно, во время волн или в полнолуние, когда Валя менялась до неузнаваемости. Переставала есть. Рыча, хрипя и скуля одновременно, она металась по зданиям и двору, пытаясь совершить какую-нибудь пакость. То льдины и мусор, сгребаемый голыми руками, в окна полетит. То со шваброй за прохожим погонится. Усмирял ее кто либо из монахов. Выходил с

огромным крестом и бутылкой святой воды. Бил Валю по лбу и поливал. Все как в тематическом кино.

Никон, возмущенный подобными сценами, поначалу бегал за монахом, бегавшим за Валей, и пытался перекричать рычание страдалицы. Это было сложно. Особенно, когда прыткая Валя, сделав вираж и зайдя в хвост, начинала бегать за самим сердобольным Никоном, пытаясь поразить его подручными средствами. А за ней – уже монах, размахивающий крестом и плещущий ледяную воду. При этом, иногда, Валя кричала очень странные вещи. Среди нечленораздельного рычания пробивались слова, в которых она называла Никона работником ада, прогуливающим службу или заблудшим чертом. Тут уже точно можно смело снимать на камеру. Веселая сцена под названием «Одержимая, монах и ученый» собрала бы много просмотров и веселых комментариев.

Что больше всего Никона удивляло, так это то, что метод работал. Не так конечно, как в фильмах. Святая вода не разъедала кожу и одежду, словно горячая разбавленная серная кислота. Валя не разлагалась и не распадалась на лохмотья. Лишь очень интенсивные прикосновения креста оставляли следы в виде синяков и царапин. Все в пределах нормы. Но вот реакция – очень загадочная. Даже если крест приближался к Вале сзади, и жертва не могла органами чувств обнаружить это приближение – все равно шарахалась. Да так прытко и с такими воплями, словно он раскален добела в печи и жег ей шкуру. Если видимость пыточных орудий могла вызывать условные рефлексы – все по Павлову – результат научения, то реакция на невидимое орудие оказалась, действительно, загадкой. После длительных экзекуций Валя изнемогала и успокаивалась. Конечно, побегай часок – два, да по снегу покатайся, да поори. Тут самый буйный успокоится и отправится в тепло спать на пару суток. Так и происходило.

В конце концов, Никону удалось объяснить, что в двадцать первом веке для таких людей изобретены средства более гуманные, чем тяжелый бронзовый крест и вода на морозе. Евгений привез из Города пакет недешевых лекарств. Валя и ее коллеги по несчастью стали принимать таблетки. Разбитых окон и неожиданных травм стало намного меньше. Шарахаться от креста, конечно, никто не перестал. Когда Никон принялся проводить расследование и выяснять, что было раньше: наказание крестом или реакция на крест – черноризцы клялись, что реакция. Да и объясняли они это просто. Нечистый дух, мол, вселился. В некоторые периоды перехватывает управление над организмом на себя и пытается наделать как можно больше пакостей. Крестные экзекуции, хоть и не изгоняют его, но сильно выматывают.

Заставляют все участников шабаша успокоиться успокоиться. Бывали и сеансы экзорцизма, тоже похожие на кино. Только меньше спецэффектов и намного больше текста. Люди в черном часами стояли над несчастными, загнанными людьми и монотонно читали, читали. В результате наблюдений, Никон тоже отметил довольно мощный эффект, который постарался объяснить для себя средствами психологии и психофизиологии. Внушение, нейролингвистическое программирование и тому подобное.

Несмотря на все омрачающие события, в коридорах зоны поселились веселье и оживление. На толстых стенах, кладеных еще самим Иваном Денисовичем, его отцом и дедом, появились грубоватые, но выразительные картины изобретательных художников из министерства культуры. Фигуристые, загорелые женщины, нежащиеся в шезлонгах на лазурных берегах, под теплыми лучами, будили в жителях мимолетную радость и надежду. Сказочные персонажи напоминали всем, что когда-то, давным-давно они были детьми и, на самом деле, таковыми и остались. Простыми и добрыми. Полуфантастические пейзажи уносили вдаль, давая возможность хоть на минуты забыть о кирпичной непроглядности. По коридорам, за приличную плату, гастролировал скрипач, услаждавший сердца граждан новой республики чудесными мотивами.

Из тесных камер вылезли на прогулку столы. За ними потянулись и стулья, вместе с соскучившимися по свободе узниками. Не в камерах же сидеть после революции. Для человека, годами смотревшего в потолок тесной, затхлой вонючей коморки, набитой давно приевшимися рожами ему подобных, каждый дополнительный метр перспективы и новые лица – великая, вдохновляющая радость.

Министерство культуры, в котором завелось несколько креативных энтузиастов, проводило первый шахматный турнир. Отборочный тур был совершенно бесплатным. Когда в каждом корпусе отфильтровались все желающие и способные, запустили круговою систему. Спешить было некуда – каждый играл с каждым. После заполнения всей половины по диагонали большой квадратной таблицы, высчитывался победитель.

Правила ставок простые. Два игрока самостоятельно или при участии желающих делают одинаковые ставки. Тот, кто выигрывает в текущей игре, оставляет свою ставку себе. Половину ставки проигравшего получает победившая сторона, вторая половина идет в призовой фонд корпуса, который распределится потом пропорционально набранным очкам. Какой из

четырехглазых фантазеров управления культуры придумал такую хитрую бухгалтерию, для всех осталось секретом. Работала система замечательно. Таким образом, и отбор игрока от корпуса для общего турнира происходит, и сам процесс – живой, напряженный. Азарт подогревается.

В коридорах и залах Икнилатс было весело. Игровая таблица заполнена наполовину – ажиотаж на пределе. Все дружно радеют. Раздаются страстные возгласы: «Лошадью ходи! Слона бей! Идиот, куда ж ты пешку поставил!» Уже выделились сильные игроки, на которых болельщики готовы делать большие ставки. Никон оказался в списке таковых.

Пол коридора третьего этажа корпуса Икнилатс был в крови. Не то, что бы совсем залит, но и пройти так, чтобы не испачкаться, было сложно. Море, песок и выразительные загорелые фигурки постигла та же участь. Кровавыми облаками, озерами, реками заляпало и целые иномирные пейзажи. Лишь на хищных, по сюжету, сказочных персонажах, коричневые пятна смотрелись уместно, словно для подобных случаев их и рисовали.

Вы думали, что шахматы – безопасный вид спорта? Игра, в которой слон или колесница могут убить лошадь. Королева без проблем собственноручно убивает слона или пассажира колесницы. А лошадь одним недлинным прыжком убивает королеву. И все это – ради того, чтобы атаковать или защитить медленного и неповоротливого короля. Убивать опасно, даже на игровом поле. Особенно, если поле стоит не в школе, среди учеников, или во дворе, между скучающими пенсионерами. Особенно, если вокруг поля собрались люди, насильно изолированные от общества, на международном уровне признанного психически больным. Люди, которым не помогли даже эндокринные железы – микросхемы, жестко регулирующие их состояние. В такой обстановке убийство одной фигуристой деревянной королевы может повлечь за собой страдания и гибель людей из мяса и крови.

Королеву поверг Никон. Схватка была суровой и напряженной. Ставки большими – десять литров сахара, пять пачек сигарет и литр самогона с каждой стороны. Взбудораженные болельщики столпились за спинами игроков. Против Никона играл Тема Верин – очкастый дрыщ из двадцать четвертой камеры, которому прочили право отстаивать честь корпуса на турнире Свободой Зоны.

Почему Тема дрожащей рукой поставил ферзя именно на эту клетку? Почему, как только оторвал руку, Никон моментально подловил королеву вилкой и в следующем ходу нагло

уничтожил? Вероятнее всего, у Темы была стратегия. Вероятнее всего, он вел дело к неожиданному мату. Он был способен на совершенно оригинальные и очень сильные комбинации. Он даже надрывно пытался перекричать свою группу поддержки, когда та высказывала возмущение происходящим, быстро перерастающее в праведный, ищущий отмщения гнев. Не получилось. Двигать деревянные фигуры по доске – одно, а объяснить вечно голодным людям: почему с доски ушла королева ценой в десять литров сахара – другое. Одним из самых активных в этой страшной толпе оказался дядя Горя.

– Ты, тварь мнемонетовская, ферзя верни!

– Он руку еще не оторвал!

Никон бы и рад вернуть ферзя. Теперь, он даже и проигрышу бы радовался. Да у него тоже были болельщики. Для них этот ферзь тоже оценивался в литрах сахара. И некорректное поведение оппозиционной группы тоже вызывало у них раздражение и гнев.

– Горя, иди в пень! Не хрен было ставить!

– Ты кого послал, Саня!? За слова теперь мне ответишь!

– И отвечу! Тебе, Даня, точно отвечу! Ха-ха.

– И ответишь, чмо!

Горя все больше переходил на личности:

– Да кто вообще пустил эту шестерку буржуйскую в турнир? Он над нами тут месяц назад эксперименты ставил, а теперь в полуфинале за наш сахарок режется!

– Горя, смирись с утратой, – пытался дооораться кто-то из религиозных меньшинств.

Сигналом к переходу от слов к драке стала связанная в узел мокрая тряпка грязно-желтого цвета, метко прилетевшая в доску откуда-то из задних рядов.

Глава 15.

Тревожный сон то и дело прерывали шумы, доносящиеся то с подметаемой пургой улицы, то из копошащихся ночной жизнью коридоров. Только Никон погружался в спасительную дремоту, как очередной неожиданный звук вырывал его из уютного утешающего сна. Один раз, все же, удалось провалиться под поверхность ощущений. Достичь необходимой глубины. Заснуть настолько, чтобы достичь парадоксальной фазы.

Как часто уже бывало, в последнее время, к Никону подошел мальчик. Первый класс, не более. Подошел и уставился своими большими серыми глазами. Открыл рот, пытаясь, что-то сказать. Никон ничего не расслышал. Сам, беззвучно переспросил: «что?». Мальчик повторил фразу. Движения губ были те же. Никон разобрал отдельные звуки, но в слова они никак не клеились.

Спросил еще раз: «что ты говоришь?» Мальчик повторил фразу. Опять показалось, что он повторял одно и то же, словно в записи. Те же движения губ, глаз, щек, головы. Никон внимательно всмотрелся в артикуляцию, пытаясь прочитать по губам. Что-то казалось, но опять же, не достигало уровня понятных слов. Лишь одно сложилось из звуков и хорошо легло на картинку. Этим словом оказалось «беги».

Тревожные звуки, несущие в себе менее значимую информацию, опять вырвали сознание на поверхность ощущений. Никон, ворочаясь в вязкой полудреме, опять проклял суетных соседей. После драки, бардака и сумятицы хотелось тишины и покоя. Но в зоне царило беспокойство.

– Эй, псих, как сидится в Свободной Зоне?

Никон не сразу разобрал голос и слова. Когда же опознал в интересующемся Витю, вяло ответил:

– Больше лежится, чем сидится.

– Жопа больше болит или ребра? Ха-ха.

– Душа.

Голос из-за запертой двери стал громче.

– Ха-ха, у психа, душа болит. Сапожник без сапог.

– Поиздеваться пришел?

– Поиздеваются над тобой завтра. Слушок прошел, что какой-то шнырь снаружи бабла подкинул. Болту теперь выгодно думать, что это ты Горю прирезал. Требует твою голову. Он был его человек. Теперь над тобой есть кому поиздеваться.

– Успокоил.

– Я тебя не успокаивать пришел. На волю пойдешь? С головой. Ха-ха.

– Пойду.

– Ну, тогда выходи.

Тихо щелкнул ключ – дверь открылась. Витя вплотную приблизился к Никоновым глазам на втором ярусе своими колючками. Зашептал:

– Только два условия. Ты вытащишь коин у меня и у Михи. И поможешь вспомнить, где я хабар приныкал. Идет?

– А машинку подождать – не судьба?

– Не дадут нам машинку. Мы тут навечно.

Никон хотел было потребовать каких-то гарантий, что после этого он останется живым. Но решил – это пустая трата времени. Обещаниям здесь грош цена. Деваться то все равно некуда.

Оборудование для чтения энграмм находилось в лазарете. Министру здравоохранения Свободной зоны – опальному бывшему начальнику управления здравоохранения Города, оказалось абсолютно по барабану, где должен сидеть Никон.

Пустил без проблем. На что рассчитывал Витя, в энграммах которого не смогли найти нужную информацию за год, теперь, было непонятно. Но, что поделаешь? Предпринимать что-то надо.

Витя завалился в уже привычное кресло. Сам натянул на череп серебристую облегающую шапочку с загадочным логотипом Мнемонета. Даже правильно натянул. Закрыл глаза. Никон запустил чтение.

– Все, – открыл глаза Витя через пятнадцать минут.

– Что все!? – удивился Никон.

– Теперь должно быть видно.

– С чего ты взял?

– Некогда разбираться. Я хотел вспомнить. Копируй вон на планшет, пока. А я Миху приведу.

Коин – такая сложная дрянь, что просто так ее не вытащишь. Со стороны – гибкое и упругое, широкое серое колечко, плотно обвивающее сосуд. Казалось бы: разогни – и вытаскивай. А – нифига! Из этого колечка в сосуд проросли тысячи тоненьких ворсинок – щупалец. На них все приборы: Манипуляторы, захватывающие и разбирающие клетки. Сотни анализаторов. Фабрики по производству молекул.

И одевают это колечко куда попало. Кому на сосуд в руке. Кому в ноге. Некоторые, но редко, даже, носят в животе или на шее. У подключенных к пенитенциарному сектору их может быть до пяти штук. В зависимости от массы тела и свойств нервной системы.

Вытащить это колечко человеку с колечком очень сложно. Потому, что все они между собой обмениваются информацией. Даже без подключения к серверу. Вот, один коин, вдруг, потерял контакт с кровью. Его кто-то трогает. А коин другого человека рядом кричит о сосредоточении и концентрации, напряженной работе. Этого достаточно, чтобы погасить всех участников операции и вызвать специальную службу.

Для обрыва связи решили использовать один из глушителей со стены. Никон обмотал оба предплечья, в которых, как он знал было по коину, фольгой. В нагрудный карман робы положил серую коробочку. У Вити коины были тоже в предплечьях и один в ноге. Всего: три штуки. Плюс, микросхема общегражданского паспорта под кожей правого запястья. Министр здравоохранения вызвался помочь – врач всетаки.

Разгибать коин тяжело. Когда его одевают, он гибок и податлив. Входит в тонкий и узкий бескровный разрез под сосуд и сам обвивает его, словно змея. Приживается к абоненту. Стоит его после этого активировать, как становится он подвижным

только в некоторых направлениях. Мягко пластичен, повторяя движения сосуда и совершенно жесткий в других случаях. По лекциям на курсах переподготовки Никон помнил что-то про сложную систему замков и память формы. Ворсинки, вросшие в сосуд, держатся за него, как щучьи зубы. Когда под напором дрожащего пинцета коин начинает ломаться, вытаскивать зубастые осколки – крайне муторная работенка. И не знаешь ведь: в каком из этих кусочков система связи. На курсах говорили, что даже при разрушении тела коина, он может сохранить некоторые функции. Как дождевой червь при разделении на части. Мерзкий полуживой паразит, присосавшийся к артерии.

О том, что в одном из подземных переходов ведутся напряженные работы по строительству нового туннеля, в Свободной Зоне знали немногие. И ни к чему это толпе. Меньше знаешь – дольше живешь. А пока живешь, вон, лучше в шахматы играй и радуйся халявному сахарку. Те же, кто настойчиво интересовались, почему штаб МВВД организовали в, специально для этого перекрытом, переходе и тем самым удлинили путь между двумя корпусами, куда-то пропали.

И четыреста метров узкого лаза до станции метро, для жаждущего прелестей свободы узника – не крюк. Но до метро туннель пока не дотянулся. Уперся в стенку какого-то подвала. Здесь устроили промежуточный склад для извлекаемого грунта. А так же холодные, сырые и очень неуютные камеры для опрометчивых граждан Свободной Зоны, решивших, что наступила демократия, дающая право интересоваться планами руководства и теперь батрачивших с утра до утра в туннелях. Здесь же была и дыра на поверхность, которой пользовались лишь избранные. Выходила в старый гараж, из которого и пролегал путь на волю. Для дронов городской полиции задачу охранять гаражи никто не ставил. Людей в охране оказалось мало. Энтузиастов нет, а обеспечивать круглосуточное торчание полицаев вокруг зоны – денег в бюджете не нашлось. За сигналом коинов следили, конечно. Просто так от дыры никто не ушел бы даже с глушителем. Но те, кто уже выходил, старательно экранировались и заземлялись.

От внутренних и внешних посягательств заветную дыру охраняли бойцы Болта. Внутреннюю охрану штаба МВВД пройти оказалось делом простым. Витю, как одного из активных и авторитетных десятников, пропустили даже с двумя шестерками, как были представлены спутники. Болтовские головорезы, среди которых, как на зло, оказался и Крин, говорить о самовольном выходе наотрез отказались. Давай, мол, разрешение совета МВВД

и вали на все четыре стороны. То, что за заслуги в захвате туннелей, Витя сам – один из членов этого совета, никого не волновало.

– Мужики! Да нам к шлюхам сходить на часик – и все!

Витя решил давить на жалость и всем понятные потребности.

– Тебе что, в женском корпусе баб мало?! – отмахнулся Крин.

– Да надоели уже. Мужики, понимаете, свободы хочется вдохнуть. И баб нормальных, свободных хочется. Они же и пахнут, даже, по-другому, – вставил услышанное давече от Никона: – Душа болит.

Мужики понимали. Им и самим охота было на волю хоть одним глазком. Только, вот, денег на блудниц не хватало. А грабить снова – быстро вернешься за решетку. Уже не в свободной зоне.

– А сатаниста этого, зачем тянешь? И денег, откуда столько?

– Та это ж сын мой и друг его. Тоже ж мужики.

– Рисковать секретностью прохода можно только по крайней необходимости. Об этом и знают-то только человек двадцать, – принялся рационально рассусоливать Паштет. – Этих твоих теперь тоже в зону пускать нельзя – разболтают.

– Ты вообще, чем думал, когда их сюда вел!? – взъелся Крин.

– Ладно, мужики, скажу всю правду, – зашел с другой стороны Витя, видя, что на жалость не пробьешь. – Есть у меня там схрон. Заначка, значит. Хотите – и вас угощу. Там и на баб хватит, и на ресторан. С нами идем!?

– Витя, ну ты прям как вражеский диверсант, – не терял бдительности Паштет. – Может, тебя купили? Может, ты нас щас в лапы к пентам отведешь.

– А ты, Паштет, не припух?! – наигранно разозлился Витя: – Я в авторитете ходил, когда ты еще в школе мелочь у лохов стрелял. Я банки брал, когда ты сумочки у дамочек выхватывал и драпал как козлик.

Паштет притих. Витин авторитет уверенно давил даже параноальное начало. Искуситель продолжил затирать Крина:

– Ну шо, Крин, пошли к бабам, а? Я так угощу, шо и Паштету и Сане, вон, хватит. Потом, после нас сходят, а мы посторожим. Тут недалеко. Заземляйся и пошли. Ага!? К бабам!?

Крин колебался. Деньги, еда и бабы – великий соблазн. Из-за страсти к этим вечным, вожделенным ценностям он сюда и попал. Именно этого ему здесь катастрофически и не хватало. Витя знал, что предложить. В конце концов, заветные слова вызвали сладкие воспоминания – в Крине что-то расплавилось. Потекло по желудку, по сердцу, затекло в мозг.

– Да ну на хрен, Крин! – возмутился подозрительный

Паштет. – Разрешение совета…

Как не странно, на Паштета, Крин надавил разумом, а не авторитетом, которого у него было похлеще Витиного:

– Я в совете, Витя в совете. Все – есть у нас разрешение.

Темно серые, теплые бушлаты охранников, без знаков различия выглядели как обычные зимние куртки. Берцы, с напущенными на них штанами, походили на ботинки. Какарды с шапок ушанок звенели в карманах с другими побрякушками и нашивками, на всякий случай. Да, если бы и были эти знаки, редкие полуночные прохожие, кутающие красные, а иногда и побелевшие носы в шарфы, не обратили бы на них ровно никакого внимания – Город охраняет Мнемонет.

Схронов Витя наделал много. Ближайший оказался в получасе ходьбы. В одном из ветхих домов, как раз в хорошей тени, в шестом от угла, в восьмом ряду от асфальта кирпиче, нашлась заначка. А еще на память жалуется. Не густо, но на обещанное хватало. Выдав долю, Витя поинтересовался:

– Ну что, Крин, ты тут кого знаешь в округе?

– Ребята в интернете смотрели, но адресов не помню, – нахмурил напряженно бровь. – Да тут, каждая третья, если задуматься. Все от кошелька зависит.

– Давай, тогда, так. Вот, держи еще для шестерок своих. Выбирайте себе в нете погрудастее. А я этих щеглов к знакомой одной отведу. У ее дочки подруга есть. Идет?

– Мы же вместе договаривались!

– Да четверо многовато будет для тесной квартирки. Все, идем.

Витя подтолкнул молчаливых по его приказу спутников в сторону. Крин хотел было остановить, но троих, как остановишь? Голыми руками никак.

– Так, Витя! Схрон свой поделил – хорошо. Теперь, без шуток, возвращаемся в зону.

Ствол автомата аккуратно поглядывал из-под тряпки на собравшуюся своевольничать троицу. Витя распереживался. Жалостливо зачастил:

– Крин, я свою часть договора выполнил. Выходит, ты меня лохануть решил? Денежки взял и давай, Витя, обратно в зону!?

– Вместе тогда пойдем на хату. Я не хочу потом гадать: попался ты или нет. Тогда дыра уже спалена будет.

– Ну, что ты за людина такая? – возмутился Витя. – Если не вернусь – значит попался. Но я-то обязательно вернусь!

Скрип собственных извилин оказался последним звуком, что Крин услышал этой холодной звездной ночью. А возможно, даже и в этой сумрачной, подчиненной примитивным страстям жизни.

Никон очень не хотел думать о нем плохо. Просто было страшно. Так же страшно, как тогда, на торгах перед камерой. Когда жизнь Никона хотели продать за мешки с провиантом. Но тогда, с Крином ничего страшного не произошло. Вероятно из-за серых коробочек-глушителей. Теперь же, он как и предшественники, пытавшиеся причинить вред, зашатался, поник головой и осел на утоптанный тысячью подошв скрипучий ледяной песок.

Глава 16.

Юля шмыгнула в скрипнувшую дверь быстро, мельком лишь взглянув на отворившего. Мрачный Михаил прикрыл дверь. Представился другом Маши.

– Я тебя раньше не видела. Какой-то ты странный, парень, – с порога заметила девушка, – что употребляешь?

Миша хитро ухмыльнулся:

– Кровь девственниц.

– А-ха-ха. Пошутил. Ну ладно, мне, тогда, бояться нечего. Где Машка-то?

– Там, в комнате.

Увидев потрепанную, связанную подругу, с перебинтованной в локте рукой, и ее незадачливую мамашу, Юля полезла в карман. Не успела. Витя с Мишей взяли ее под руки и резво привязали к третьему стулу. Когда в комнату вошел Никон, истерично девушка засмеялась:

– А-ха-ха. Как же быстро Никон Тенко, скатывается по наклонной? С сатанистами кровопийцами и убийцами связался. Женщин насилует. А был же приличный человек! Образованный. Интеллигентный. Образцовый работник Мнемонета. Я как чувствовала, что человек этот двуличный – под пристойной маской скрывается совершенно неожиданный маньяк.

Никон не нашелся, что ответить на быстрый поток страшных обличений. Встреча была неожиданной. Пугающей. Какова вероятность, что после побега из тюрьмы, на квартире у сдавшей Витю за тридцать монет женщины, он сам встретит юную особу, засадившую его за решетку? Тут даже считать не надо. И так понятно, что вероятность стремится к нулю. И тем не менее, вот, прямо перед ним, не во сне, а наяву, сидела комбинаторша. Докомбинировалась. Задал вопрос, давно уже крутившийся на языке:

– Как умер Мартин?

– Так же, как и ты умрешь! – зло ответила Юля.

– Эй, вы знакомы? – влез Витя. – Девочка, ты дядям не груби. Смирной будь. А то будешь жалеть, что про смерть заговорила.

Миша как-то болезненно усмехнулся. Неужели, снова захотелось девичьей крови?

– Я в программе защиты свидетелей. За мной следят. Если я начну бояться и нервничать, сюда быстро приедут большие дяди с автоматами, – огрызнулась девушка.

– Не успеешь испугаться, – облизнулся Миша.

– Да я как тебя, упыря, увидела, так и испугалась. Едут уже.

– Откуда ж, вы, такие стервы беретесь? Шо ж, вы, за людины такие!? – риторически поинтересовался Виктор. – Одна – человека сдала в тюрьму и спала спокойно. Вторая, сопля, огрызается. Вон, Машка только молчит. Поняла уже, куда попала. Ну, да ладно. Если едут, тогда нам пора. Земля вам, как говорится, пухом!

Поднял автомат. Задумчиво прицелился в Юлю.

– С тебя и начнем.

Почувствовав, что пахнет порохом и свинцом, Юля явила припрятанный до поры козырь:

– Эй! Стой! Ты Боряна знаешь?

Кодовая фраза из протокола поручительства заставила руку Виктора опуститься. В мире, где одинокий волк в поле долго не живет, знать сильных Града сего жизненно важно.

– Какого Боряна?

– Того самого.

– Его все знают. И шо?

– Я на него работаю.

– Да ладно. Школота, не сочиняй.

Юля махнула головкой в сторону Никона:

– Вон, этот мнемонетчик с Боряном общался уже. Пусть расскажет.

Никон, обрадовавшись возможности избежать кровопролития и насилия, быстро описал Вите ребят, тыкавших в него шилом.

– А-ха-ха, – опять рассмеялся Витя. – Психа малолетка построила, – посерьезнел, – Ладно. Боряну тогда передашь, что Витя из уважения и солидарности оставил жить трех стерв. И даже ту, – сделал ударение, зло покосившись в сторону предательницы, – что сдала его пентам. Все, Миха, согрелись, покушали, с бабами развлеклись. Бери, что там в холодильнике и из вещей полезного, и уходим. Пусть вон, псих, их потрепанные нервы теперь лечит и тараканов из котелков вытравливает. Ха-ха.

Никон остался. С уходом шумных и опасных гостей в квартиру вернулась тишина. Привязанные к стульям женщины, как только хлопнула дверь и удалились гулкие шаги, тяжело вздохнули – ночные кошмары для них закончились. На требование рассказать правду, в обмен на свободу, Юля выдала серию непечатных слов, включая в нее периодически угрозы и грозные имена их исполнителей. Не добившись ничего полезного, Никон натянул на буйную голову серую серебристую шапочку с

изломанной надписью наподобие кроссворда «M(net)mo». Запустил сканирование энграмм. Ночь длинная. И день, возможно, будет. Что-нибудь, да найдется. И на воспитательную работу времени хватит.

Энграмма Юлии №1

«Зябко-то как! Даже холодно! Ножки мерзнут. Коленочки мои синие. Плащик нисколечко не греет. Надо было в шубке. Она пушистая. Теплая. Приятно облегает талию и бедра. И шейку с ушками можно спрятать. Не спится этому Володе ранним утром. Художник! Эстет! Запечатлеватель мгновений! Городской пейзаж уже не интересен никому. И голая девочка тоже никому не интересна. А вот голая девочка в центре Города – это номер. Это картина! Синеющая в плащике голая девочка. С шальным от крепкого кофе с коньяком взглядом. Такая вся беззащитная. Замерзшая! Наивная. Невинная. Да, я такая! И это, признаться, возбуждает. Контраст-то какой. Еще теплая девочка – на фоне холодного пасмурного бетона, на фоне кирпича, на фоне металлоконструкций. Всем знакомые места и тут – я! Без купальника! Вот это прикол! Вот все будут удивляться! О, Володя прицелился. Поехали?! Ага. Вот. Плащик холодный долой. На плечико. Ножки шире. Смотрим на дорогу. Да! Теперь присядем. Вот. Теперь на парадный вход. Эй, что это за дядя бежит. Сесюрити!? Володя, там сесюрити бежит. Что? Продолжаем!? Ну, снимай! Ручки шире. Здравствуй, сесюрити! Ай! Осторожнее! Я же – девочка! Руки мыл!? Мы свободные граждане! Имеем право! Не хочу одевать. Он холодный! Мне и так хорошо! Сцена три: обнаженная Юля и облачающий ее полиционер на фоне дома советов. Снято! Не зря мерзла!»

Энграмма Юлии №2

«А ведь жить-то невыносимо скучно. Я удивляюсь – как родители мои дожили до своих лет? А дедушки и бабушки? Образование, работа, семья. Скукотища. Ради чего? Ради комфорта? Так он и так всегда есть. Как же скучно и тоскливо! Хоть в петлю лезь. Что делать? Пить уже не хочется. Марафет закончился, да и расход с этим Склерозонетом большой очень. Никаких денег не хватит. Хочется чего-то свеженького и горяченького. Новенького. Пикантненького и насыщенного. Куда податься? Кому отдаться? Кто веселить сегодня будет? Меня! Кто будет греть мою озябшую от неприкаянности душу. Идиоты сопливые надоели. То в большой голове на тощей шее весь потенциал, то – наоборот. Кто их только таких выращивает? Генофонд накрылся медным тазом. Тихо идем ко дну. А те, что постарше – да. Эти еще старой закалки. Эх, ладненько, надо собираться, а то совсем тут завяну и зачахну. Так и напишут на

могилке: «Безвременно увядшая от вселенской тоски… Нашла приют в сырой земле… Никто не гладил нежно ее соски… Источник страсти ее… обмелел». Ах-ха-ха. Что за бред!? Вот это эпитафия! Надо будет написать в завещании. И фоточку попикантнее выбрать. Пусть знают, какая несчастная и талантливая, творческая личность гниет у них под ногами!»

Энграмма Юлии №3

«Бабушка, хватит меня уже обзывать. Ты так нагло полагаешь, что умнее меня, что даже противно! Ну, вот какая я блудница? Это устаревшая категория. Ах-ха-ха! По современной классификации я – «блядь начинающая». Самая что ни на есть заурядная. Отечественного производства. По поводу недокументированных характеристик – все претензии к производителю. Вон он за монитором спрятался. Ха-ха! Хватит мне уже ставить устаревшую версию прошивки! Где дополнительные функции? Где свобода? Я личность! Требую уважения! Я же тебе не запрещаю разговаривать с нарисованными людьми. Вот! А, если мне хочется поговорить с гостем из галлюцинации – тоже, будь добра, не вмешиваться! Он, хотя бы, на вопросы отвечает! И вообще, ты своих мужиков считай! Хотя, у такой как ты – только нарисованные, наверное, и бывают. Признайся: снятся эротические сны?! Ай! Ты чего дерешься? Бить личность по морде – для образованного человека означает растерять остатки культуры и признать свое варварство. Ай! Да хватит уже! Прическу испортишь! До фейспалма довела! Мама! Неси валерианку. У бабушки баттхерт после холивара приключился! Ах-ха-ха! А у меня он, с вами, скоро перейдет в хроническую форму!»

Энграмма Юлии №4

«Ночь. Темно и одиноко. И грустно. И скучно. И спать не хочется. Завтра опять утром в школу. Как все достало уже. Подушка жаркая. И одеяло слишком теплое. Как он? Только ради него и хожу туда. Мельком там, мельком сям. Ноги, прям, мокрые… Какой же он милый! Снится мне каждую ночь. И не обращает на меня вовсе никакого внимания. Нисколечко. Конечно, зачем ему восьмиклассница. Шатается с этой Катькой из десятого Б. Так и хочется подойти и все рассказать. О том, как нам хорошо было вместе. Как он меня обнимал и целовал. Как медленно раздевал… извивалась в его руках. Как он коснулся языком…стонала. Интересно, что Катька скажет, если не говорить, что это сон? Ах! Хорошо! Скользко. Ну давай, Сашенька, поцелуй же меня…какой ты нежный…ласковый… Ниже…еще ниже. Ах! Как приятно. Милый, мой, мальчик. Не останавливайся. Быстрее. Сожми меня крепче. Ах! Быстрее! Гладь! Ласкай! Люби

меня одну! Ох! Накрыло волной… понесло. Не отпускай меня. Ах! Плезир! Уносит к звездам. А вот и звезды. Нет мам, ничего. Это я во сне кричала. Сон страшный приснился. Почаще бы такие снились. А, лучше, наяву. Нет, мам. Все хорошо. Я здорова. В школу завтра обязательно пойду»

Энграмма Юлии №5

«Грибочки. Грибочечки! Psilocybe semilanceata, говоришь? Колпак свободы или веселушка? А не поганка? Что-то очень похожи. Пробовал? Точно!? Ну да, вижу, что живой. Но странный. Да ладно, шучу. Где набрал? В зоне радиационного заражения? Нет? Не врешь?! Да ладно, шучу я. Ты же на самом деле не такой дурак, каким хочешь казаться. Вон даже псилоцибе от поганки отличаешь. И название запомнил. Ладно, давай, уж. Скушаем немножко. Холодно и дышать тяжело. И мутит немного. Чувак, тыы чееем мееееняя накаааармил? Ооотравииителъ! Отпууустиииило. Ты кто? Кто, говоришь? Ангел!? Чувак, ну очнись! Ты его видишь? А, ну тебя. Ну, здравствуй, Ангел! Как дела? А ты бабушку мою знаешь? Не знаешь? Ах-ха-ха. А она, бедняжка, каждый день с тобой разговаривает. На стене нарисовала и разговаривает. Ты уж, будь добр, ответь ей. Хотя бы подмигни со стены. А то кааааакто нехорооошо выходит. Она же тоже личность и страдаееееет! Мужика ей надо. Так что будь мужиком. Хорошо?! Ну все, договорились!»

Глава 17.

Петлявшая безумно и непредсказуемо траектория жизни, вернулась в колею хоть уже и другую, но все же напоминавшую ту прежнюю – наезженную и удобную. Чтобы сделать человека счастливее, надо сначала отобрать у него что либо, а потом вернуть. Абоненты, с которыми работал Никон, были из проблемных, тяжелых и опасных. От них отказались другие полевики. После того, что происходило в тюрьме, это выглядело не такими уж и страшными. Выбравшись с бездорожья – любой, даже разбитой и кривой колее будешь рад. Ездить на работу из дома в пестрых вагонах метро намного приятнее, чем ходить из камеры по мрачным казенным коридорам под присмотром стражников. Да, и еда домашняя – получше баланды будет. Яркие впечатления от Города, еще недавно казавшегося за толстыми стенами древних казематов таким далеким, быстро угасли. В образовавшейся пустоте поселились новые чувства. Переживания, призрачные и аморфные, грызли и глодали сердце. Изловив незваных призраков и покопавшись в их потрохах, Никон обнаружил, что судорожно опасается пристального внимания к своей персоне. Это показалось совершенно нерациональным, после того, как в тюрьме читали его энграммы и каждый шаг

фиксировался зоркими видеокамерами. Но свобода такая штука – если уж получил ее немного, то хочется еще больше. Да и следить могли не только с дозорной башни Мнемонета, но и из машины, где тыкают в ребра шилом. Раскрытия подробностей связи Говарда с бандитами добиться так и не удалось.

Просуществовав несколько дней в тяжких раздумьях, Никон попросил Евгения принести ему трофейный глок, надежно спрятанный в одном из тайников, неподалеку от монастыря. Евгений – бывалый курьер, доставил бандероль без задержек. Таскать с собой пистолет, отобранный у регионального координатора, не менее страшно, чем бояться бандитов с шилом. Никон, взвесив все за и против, боялся и таскал. Неудобства от угловатого, но не такого уж и толстого предмета в кармане не идут ни в какое сравнение с неудобством от острого и тонкого предмета, напористо протыкающего тот же карман.

Мартовское солнышко, сдобренное неожиданно прилетевшим из Атлантики влажным циклоном, стало теплее. Город, превратившийся за долгую, суровую зиму в ледяную крепость, заметно согрелся и повеселел. Элеонора, к великой радости Никона, намного опередила подснежники. Этим чудным, завораживающим цветением он и любовался по вечерам, ловя ноздрями тонкие, чарующие ароматы. Чем любовался, взирая на свинцово-тяжелую водную гладь Досифена из-под ясного, как апрельское небо, блестящего в свете заходящего светила, зеркала глаз, цветок, все еще оставалось загадкой.

– Здравствуйте!

Голос девушки показался очень знакомым. Не просто, как слышанный где-то мельком, а словно важный, ценный голос. Никон старался, но никак не умел припомнить, для чего же он важен.

– Можно мы присядем?

Голос парня тоже знаком. До боли. До тошноты. Элеонора опередила, экстренно охлаждающего, мгновенно накалившиеся аксоны Никона, веселым согласием. Парочка расположилась на другом краю лавочки. Заскучав от неспешного колыхания еще помнящих сковывающее дыхание зимы вод, девушка живо протянула руку и заявила:

– Меня Гертруда зовут!

Элеонора автоматически ответила. Завязался разговор. Гертруда возбужденно рассказала, как они совсем недавно засекли большой прогулочный катер на ходу, что нынче большая редкость. Все мечтала о том, как же это романтично с любимым человеком, раскачиваясь на волнах, плыть мимо набережной. Любоваться с палубы на маленьких, ползущих у подножия

далеких девятиэтажек людей. На солнце, скатывающееся по чистому синему небу к живущим на западе. На редкие, пережившие нужду посланников суровой зимы деревца. Элеонора охотно подхватила волну. Дополнила яркую, картину красочными штрихами. Даже продекламировала что-то подходящее из своего сборничка. Налюбовавшись вдоволь совместными грезами, девушки притихли. Гертруда спохватилась:

– А это – Дима!

Никону тоже пришлось представиться. Оказалось, что Дима работает в Мнемонете программистом. Розово – голубые, волнующиеся синхронно с чистыми волнами, девичьи грезы смыло с лавочки мутной грязью суровой действительности. Дима поделился переживаниями, связанными с несовершенством ключевых служб. Никон поведал о тяжелом контингенте, с которым доводится работать. Лишь Элеонора, работавшая в привилегированном секторе, разбавила поток проблем струйкой смешных историй.

«Представляете, у меня есть пара абонентов. Жена – еще та истеричка. Хронически всем недовольна и уверена, что муж должен непременно знать все подробности. А муж тихий такой, из чиновников. Жаловался – жаловался. Требовал, чтобы я ее успокоила. Я конечно, пошла на встречу – успокоила, сколько могла. И словами и коином. Но там, наверное, и банкой феназепама не успокоишь. Потом, вдруг, жаловаться перестал. Ну, я рада, что семейная жизнь у людей наладилась и без меня. Через пару месяцев, жена, без всяких досудебных разбирательств, подает иск. Дескать, Мнемонет дал в руки ее мужа пульт управления. Он этим пультом, как только она его допилит до сердцевины, берет ее и выключает в самый вожделенный момент. Так и говорит: достает телефон, нажимает кнопку и все – подъем через час. Стали разбираться. Муж смеется. Пальцем у виска крутит. Говорит, какой еще пульт!? Кто выдал?! Бред сивой кобылы! А эта при упоминании седой лошадки прямо сама вся сереет. А он уже не боится. Ржет над ней, словно она его этим же вечером пополам не распилит. Стали смотреть журналы. Дама действительно отключалась в заявленное время по причине эмоциональной перегрузки. Я ей – про третий закон Ньютона, про саморегуляцию, про нервную систему мужа и светлое будущее. А она кричит, что раньше-то пилила и ничего – пила не ломалась. Привыкла к режиму, и муж привык. А теперь что, слабее стала? Ничего подобного! Троих таких распилю за пятнадцать минут! И так кричит, что видно – действительно распилит. Самое обидное – иск то не против мужа, против нас. Начались суды. Добились

изучения телефона мужа – ничегошеньки! Смотрим логи – падать в обмороки перестала. Суд закончился ничем. Но женщина оторвалась по полной. Истерила повсеместно так, и для мужа, наверное, вдохновения не осталось. Мы все терпеливо выдержали. Объяснили ей, наконец, что это не мы. Посоветовали прицепить камеру и зафиксировать действия мужа. Зафиксировала! В итоге! У мужа есть друг – инженер. Еще тот хакер и взломщик. Придумал поэкспериментировать с перегрузками. Навешали красных-желтых-оранжевых картин по комнатам. В освещение добавили фиолетовых тонов. Экспериментальным путем подобрали тон: пенопласт по стеклу, почти в ультразвуке, плюс низкие инфразвуковые частоты. Вуаля! Ждет, пока жена достаточно возбудится до стандартного режима, в котором может сношать мозг часами. Достает загадочный пульт. Нажимает кнопочку. Запускает свет и звук. Перевозбуждает жену. Коин ее спасает. Все – час тишины и вечер озадаченных взглядов. Взломали дамочку!»

– Очень занимательная история!

Английская речь Говарда произвела эффект хрустальной вазы, прилетевшей в экран телевизора на самом интересном месте. Услышав этот голос, расслабившийся было Никон, опять сжался от напряжения. Боязнь голосов – серьезная проблема.

– Проходил тут мимо, увидел знакомые лица. Решил поздороваться.

Тыкая колючим взглядом в сидящих, вежливо представился, протянув руку Дмитрию.

– Мне знакомо Ваше лицо. Вы, случайно, не работаете в Мнемонете?

– Работаю, – не очень уверенно ответил Дмитрий.

– Как ваша фамилия?

Дмитрий представился. Говард извлек планшет, уставился. Хмыкнув, протянул:

– Вы, наверное, хотели сказать, что работали в Мнемонете? Уволены без возможности восстановления за то, что интересовались работой других отделов. Вы шпион!?

– Очень смешная шутка! – вскочила Гертруда. – Одни параноики уволили, а другие проходу на улице не дают. Пойдем, Дима! Нам пора!

Дмитрий, пользуясь моментом, поспешил за девушкой. Говард резво перегородил путь своей длинной крокодильей тушей. Оглушительно скомандовал:

– Стоять на месте!

В руке у него уже был глок, как близнец похожий на тот, что

валялся в кармане у Никона.

– Руки вытащили и вверх!

Дмитрий и Гертруда, действительно, пытались рыться в карманах.

– Теперь осторожно идем вон к той машине.

На Никона и Элеонору никто уже не обращал внимания. Вскочив вслед за всеми, они, словно призраки, наблюдали за происходящим со стороны. Вслед за всеми их понесло попутным ветерком к указанной машине. Как же удивился Никон, когда из машины выскочили друзья Вейдер Юлии, неприятно тыкавшие в прошлом году в него острыми предметами. Хриплый Леша, представший в той же кепке, противно улыбнулся, заметив Никона. Зло прохрипел:

– Здарова, экспериментатор дырявый! Как там зона родная поживает? Слинял – не выдержал?

Достаточно один раз по суровой необходимости перешагнуть барьер, зайти на запретную территорию и все – твой ум уже работает по-другому. Получил новую степень свободы. Призрачные нормы и ограничители уже не сковывают тебя иллюзиями. Однажды, с критическими перегрузками найденный способ решения задачи закрепляется. Становится одной из выигрышных схем поведения. Никон достал пистолет. Тот удобно лег в руку. Часто тренировался целиться из него в монастыре. Дернул затвор. Ему неоднократно говорили, что поднимающий меч – от меча и погибнет. Веря в это, все равно прицелился хриплому в ногу. Тот, еще не успев удивиться, так и упал – улыбаясь. Говард был предельно быстр. Моментально – вот он стоит еще спиной и вдруг уже смотрит на тебя – развернувшись в сторону Никона, выстрелил навскидку от пояса. Никон рухнул. Элеонора прижалась к земле, еще до стрельбы, когда Никон подтолкнул ее к фонарному столбу.

– Все, бросай пушку! Шах и мат. Не в того стрелять начал.

Дмитрия и Гертруду держал на прицеле водитель.

Откуда прилетел снаряд так и не поняли. Или это взорвалась мина? Сложно сообразить. Секунды назад мощная машина шустро вытанцовывала танго между ямами на исковерканной дороге, и вот она, словно заблудившись и устав, уткнулась в дерево на обочине. Музыка кончилась. На смену пришло шипение из-под капота, звон в ушах и разбавляющие его стоны.

В свою дверь Никон выбраться не смог. Ее покорежило и даже вмяло. Стекло опасно торчало внутрь. Соседка слева, ошарашено держащаяся за ушибленную голову, выпускать не собиралась. Неуклюжая, не успела упереться руками в переднее сидение как

Никон. Спереди, резко кашляя и хрипя, непослушными руками пыталась отстегнуться Катрин. Водитель, как обычно, ремнем безопасности пренебрег. От серьезных травм его спасли крепкие руки на руле. Как обычно, с восторженным сарказмом, растягивая слова, прокомментировал:

– Вот это въехали!

– Ce que l'enfer? – зачастила Катрин на родном языке. – Ce qui est arrive.

– Все целые? Крови нет?

Кровь текла только у Никона. Острый кусок пластика из вмятой двери глубоко впился в правое плечо. Теперь, когда контузия прошла, оно начало болеть. Ушибленный локоть тоже. О том, что повреждено еще и правое колено, Никон узнал, когда его вытягивали из машины.

Вернувшись с разведки, водитель, автоматически потирая разбитую бровь и ребра, доложил:

– Странное дело, мальчики и девочки. Похоже на фугас. Видите дерево у дороги срубленное? Там он и стоял.

Когда Никон пришел в себя, Говард, водитель и хриплый лежали у машины. Дмитрий торопливо обыскивал их карманы. Не забыл заглянуть в бардачок и сумки на сидениях.

– Ты зачем стрелять начал?!

Гертруда подбежала к барахтающемуся на земле Никону. Помогла Элеоноре посадить его. Из простреленного плеча под куртку и сквозь сочилась темная кровь.

– Да все правильно он сделал! Тут в машине глушитель есть. И Исоз тормозил. Мог и не успеть. Давайте, внутрь его!

– Нельзя в машину! – запротестовал Никон. – Она на радарах.

– Уже нет.

Хайд сфотографировал номера, посмотрел результаты:

– Раменко Борис Евгеньевич. Не из Мнемонета. Эти полежат тут полчасика, как минимум, если не подохнут. Можно ехать.

Три тела остались лежать на дороге. У одного, из-под наскоро положенной повязки, медленно текла кровь. Суматоха стихла. Никон вдруг остро ощутил, что бывал уже в подобной ситуации. Больнее, чем от раны в плече стало от того, что он опять совершил безумную глупость. Зачем таскать эту пушку с собой? Зачем палить в этого сиплого? Надо было просто поехать с Говардом. А теперь, что? Он, отбывая наказание, опять совершил вооруженное нападение на регионального координатора. Как такое вообще могло повториться? После всех скитаний и страданий он зарекался никогда больше не совершать необдуманных поступков. Куда теперь? Опять в тюрьму? Большая

машина бодро урчала мощным двигателем. Уносила беглецов от места преступления. С каждой милей плечо болело все сильнее, а сердце все меньше. Инстинкты, возобладавшие над разумом накануне, опять брали верх.

Часть третья. В пространстве отражений

Глава 1.

Сияющие звезды светодиодной ленты погасли, на секунды уступив место сумеркам. Догсан этого не заметил. Сеанс сканирования энграмм прошел как обычно – в глубоком погружении. Он привык к этому. Любая возможность посидеть в тихой спокойной обстановке оборачивалась для него медитацией. Серебристая шапочка со сложным логотипом Мнемонета считывала потоки естественных нейтрино и фотонов, пронизывающих мозг во всех направлениях. Сложная техника интерпретировала состояние и содержание нейронов – реконструировала сложную картину памяти. А Догсан, знай себе, делал тоже самое, только старыми, проверенными народными средствами. Притормаживал потоки еще диких неприрученных мыслей, вереницами блуждающих в голове и принимался их сортировать, изучать, анализировать. Докапывался до их природы и содержания. Искал их источник и цель.

Сеанс сканирования энграмм прошел как обычно. Элеонора – вежливая, красивая и приятная девушка, сегодня к Догсану чрезмерно ласкова. И здравствуйте! И как ваше настроение? И какие у вас будут пожелания? Мысли о том, что было бы очень интересно пообщаться с ней в другой обстановке, быстро из потока выловил и растер в порошок. Догсана это не интересует. Нет никакого желания участвовать в этой всемирной всепожирающей суете. Догсан выше этого. Он работает над тем, чтобы окончательно порвать паутину иллюзии под названием майя. Освободиться от оков страстей, разрывающих душу на кровоточащие куски. А женщины, как известно, могут быстро погубить буддиста, вставшего на этот спасительный путь. Эти страстные создания редко имеют столько разума и воли, чтобы подчинить свои прихоти и похоти. И других затянуть в сырую и липкую бездну своего невежества норовят.

Произнеся несколько дежурных фраз, дабы не обидеть наивную девочку, Догсан отправился домой. Погода изменилась очень быстро. Когда он заходил в здание, облачность и сырость давили. Теперь же стало светлеть и теплеть. Догсан, привыкший отмечать все мелочи, приметил и это.

Зайти в магазин, купить какой-нибудь еды – обычно это каши, орехи, овощи и фрукты. Выбор сейчас не большой – ешь, что продают и на что хватает пособия. Побыстрее приготовить ужин,

сосредоточенно перекусить и поскорее вернуться на путь, ведущий к созерцанию изнанки бытия.

Что-то стало не так. Догсан почувствовал это через полчаса медитации. В сравнении с тем, как было раньше, теперь все казалось каким-то плоским. Действительно иллюзорным. И собственный ум показался Догсану каким-то упрощенным, утратившим многомерную глубину. Это вывело из равновесия. Вообще лишило возможности к сосредоточению. Как обычно, в такие моменты, Догсан вышел прогуляться на свежий воздух. Он уже сталкивался с чем-то подобным. Пришел к выводу, что лучше отдохнуть и взяться за дело с новыми силами, чем тщетно насиловать свой ум и волю.

Город тоже как-то неуловимо изменился. Другая атмосфера. Чуточку отличающиеся от привычных запахи. Чем-то иное, капельку изменившее свой градиент небо. Облака плывут не туда. Люди, ведущие себя, сложно объяснить как, но по-другому. Эта неуловимая взглядом или мыслью, но ощутимая пресловутым шестым чувством грань отличий от прежнего, резала, просто кромсала душу. Что же не так, вопрошал Догсан?! Что изменилось!? Что со мной сделали в этом треклятом Мнемонете!? Так и бродил он по «отклонившемуся» куда-то Городу, пока его не потревожили.

Мальчишка ждал Догсана у подъезда. Выживший из ума вестник бреда. Окликнул по имени. Сам представился как Кирилл. Принялся сбивчиво рассказывать о том, что Мартин жив.

– Мальчик, если ты о моем бывшем консультанте – не надо говорить глупости! Он давно уже мертв!

– Нет! Я видел его! Он жив!

Догсан, и так озадаченный неожиданно обрушившимися переменами, удивленно возмутился:

– Вообще, какое тебе дело до этого!?

– Все же думали, что его убили!? – искренне воскликнул пацан.

– И что?

– Но он-то жив!

Поглощенный заботами о просветлении, Догсан отмахнулся. Что за глупости?!

– Жив Мартин или мертв. Какая разница. Мы все умрем. Вопрос в том, почему ты сейчас, вместо изучения законов Ньютона в школе, рассказываешь мне странные истории. Зачем тебе это?

– Этот мир – иллюзия! – воскликнул Кирилл. – Вы об этом знаете, и я об этом знаю!

– Мальчик…эээ…Кирилл, хватит издеваться! Ты кто такой вообще?

– Я аватар!

– Чей?

– Не скажу!

– Что ты от меня хочешь?

– Хочу, чтобы ты опустил руку в карман и достал то, что там лежит!

– А что там лежит!?

– Баночка с одной таблеткой и надписью «Гармин».

– Что за бред!!! Мальчик, ты случаем, не наркоман!? У тебя коин хоть есть? Или отвести тебя в ближайшее отделление экстренной психиатрической помощи?

Кирилл действительно выглядел ошалело. Его плющило. Совершенно невменяемый голос школьника, игнорируя угрозы, принуждал:

– А ты проверь! Она лежит там!

Догсан сдался. Проще опустить руку в карман и отвязаться от назойливого насекомого, чем выслушивать его жужжание. Достал баночку, прочитал надпись. Действительно – «Гармин». Только, вместо таблетки, капсула.

– Это ты подкинул? Наркотик?!!

– Нет. Она там была всегда. Это твой путь к просветлению, –

возбужденно ответил сумасшедший школьник. – Съешь ее.

– Почему я должен ее есть по твоему требованию!?

– Это нужно тебе! Ты сможешь разорвать пелену иллюзии. Обретешь искомую свободу.

Догсан ушел. Послал юного идиота в школу, хлопнул дверью и поспешил домой. После прогулки и острого когнитивного диссонанса хотелось есть и спать.

Проснувшись ночью от терзающего душу за гранью постижимого «отклонения реальности», Догсан добрел до прихожей и достал из кармана баночку с простой надписью «Гармин». Повертел в руках. Открыл. Понюхал. Мысль о том, что пилюля может оказаться ядом, развеселила его. Ночная лотерея – как раз то, что нужно человеку, измученному непонятно чем. Повертел в руках саму капсулу. Зажмурил глаза, положил на язык. Проглотил.

«Вспышка пронизала все существо. Похожа на свет, но не свет. Обжигающая как огонь, но приятно. Иная материя. Незнакомая. Озарение. Инсайт. Ага-реакция. Оргазм души. Похожее бывало раньше, но в меньших количествах. Не приводило к таким последствиям. Как это вообще могло произойти? Что это? Наркотик? Зачем он послушал сумасшедшего мальчика? Кто подкинул эту маленькую баночку с одной единственной таблеткой в карман? Или это проделки Мнемонета? Как же уносит! Тело корежит. Оно пропадает! Его просто отрывает этой яркой вспышкой от ума. Тело растворяется в этом всепронизывающем несвете и непламени. Таким ли должно быть просветление!? Куда делся Город?! Где улицы и дома?! Чем он видит все происходящее? Глазами, которые растворило вспышкой? О Будда, Дхарма, и Сангха! О, собрание просветленных! Ом мани падме хум! Если сейчас разрушится иллюзия – мир людей, то в каком мире он окажется? В каком он состоянии? Достоин ли? Отягощен ли ошибками? Как сработают законы кармы? Вспышка жжет, думать стало легче. Словно ум освободился от наслоений мусора. Скинул цепи и путы.

Кто это!? Демоны!? У них тысячи рук! Почему они приближаются ко мне? Попробовать укрыться или дать отпор? Я же Догсан. Я следовал Дхарме. Уйдите прочь! Вы не имеете надо мной власти!

Я вижу код! Я! Вижу! Код! Я вижу код бытия! Мое тело – код! Моя душа – код! Лишь мой ум – не код. Только его я не вижу. Его нет! Мой ум – это то, что я вижу! Созерцаемое и созерцающий – одно. А я вижу код! Это просветление!? Я коснулся Самадхи!? О Будда, Дхарма, и Сангха! Ом мани падме хум! О это блаженство –

видеть код бытия! Сколько это длится?! Где я!?»

Энграмма Догсана №1

«Вы знаете, что будет, если запустить на компьютере множество программ? Да!? Знаете!? Он зависнет. Будет натужно проворачивать сотни инструкций, пока не сработает защита от перегрузок. Что здесь смешного? Банально и глупо!? Ты что, Димыч, говнюк смеешься? Сам иди на хрен! Скоро все пойдут нахрен!!! Вы думаете это банально? Нет! Совсем нет! Это печально! Да, мне нужно расслабиться! Мне нужно ужраться и забыться. Я завис! У меня в голове десятки параллельных процессов. Часть из них я сам запустил. Часть запущено начальством. Все эти уникальные задачи! Все эти гениальные идеи! Они плодятся и разростаются! Ветвятся и слоятся. Они расщепляют и ракалывают меня на части. Я рассыпаюсь! Я не могу их остановить. Они решаются в моем воспаленном и истощенном мозгу! Беспрерывно. Днем и ночью! Да что ты, мутант, ржешь! Это тебе надо к психиатру! Вокруг нас и так психиатры! Я уже не могу сдерживаться! Распирает. Сейчас наговорю глупостей. Сейчас долбану по этой веселой харе! Стулом. Уволят. Ну и на хрен. Пошло все в жопу! Невозможно терпеть. Надо отдохнуть. Надо забыться. Перегрелся. В хлам!»

Энграмма Догсана №2

«Как же хорошо мыть полы! Какой же это кайф – мыть полы! Как же они добры. У тебя кризис. Тебе надо успокоиться. Мы очень ценим тебя как талантливого специалиста. Когда ты отдохнешь, снова сможешь взяться за решение сложных задач. А теперь, тебе надо переключиться на что-то более простое. Сидеть на больничном тоже нельзя. Врачи рекомендуют в таких случаях заниматься простым физическим трудом. Очень простым. И очень физическим. Что-то разгружать или копать. Предлагаю тебе несколько месяцев поработать уборщиком. В этом нет ничего зазорного. Все этим занимались. Это успокаивает. И правы же! Ведь это же – дзен! В этом счастье! Главное расслабиться и сосредоточиться! Сначала подметаешь дискретный мусор. Вот он был рассеян по площади и вот ты его согнал в кучку. Каждое движение метлы выметает лишний мусор и из твоей головы тоже. Аккуратно отправляешь все лишнее в корзину. Потом берешь ведерко с теплой водой, окунаешь в него тряпку, выжимаешь и начинаешь собирать остатки пыли. Совершается порядок. И в голове светлеет. Словно эта тряпка скользит по твоим извилинам. Вытирает песок, что скрежетал между шестернями. Ты включен в простой процесс. Но он запускает и поддерживает в тебе такие сложные процессы… Это дзен! Чем я раньше занимался? На хрена мне все это было надо?!»

Глава 2.

Сбивчивый рассказ игроков, показавшихся из тени, и чуть было не перестерлянных Говардом, удивителен и страшен одновременно. Этого не может быть! Это не противоречит законам эволюции и техники! Это сенсация! Это опасность для всего Мнемонета! Это может обречь Город на вымирание! Это огромный шаг в бездну неизвестного и немыслимого!

В сложной сети Мнемонета, как некогда в джунглях, зародилась новая форма жизни. Аналоговые компьютеры, энграммы абонентов, представляющие из себя нейронные сети, экспертные системы, постоянно пополняемые анамнезы, подключенные к сервисам люди. Если бы в такой сложной среде ничего не зародилось, законы эволюции можно было бы смело выбрасывать на свалку. Ребята именуют эту форму жизни Паркон или, просто, Исоз. Аббревиатура от parasitic artifitial consciousness – паразитическое искусственное сознание.

В процессе заковыристого естественного отбора вирусов и служебных кодов, загрязнения информационного пространства пакетами, содержащими терабайты информации об эмоциях абонентов. Мутаций искусственных нейронных сетей и пополнения их все новыми и новыми энграммами памяти. Конкуренции, стираний, модификаций и слияний всего, что кишело в этих богатых джунглях. Возникло сознание. Не просто интеллект, адаптирующийся к условиям среды, как собака или кошка. Не то, что называют искусственным интеллектом Мнемонета. Нет! Сознание! То, что осознает свое существование. Способно мыслить об абстрактных категориях бытия и небытия. Может обоснованно согласиться с Декартом, подарившим миру замечательное решение сложнейшей проблемы всех времен и людей, обладающих сознанием: «Сомневаюсь в собственном бытии – следовательно, существую!»

Эта новая жизнь, вероятно, не смогла бы зародиться только в машине. Она смогла зародиться, когда машину внедрили в человека. Когда машина через интерфейс с эндокринной и, частично, нейромедиаторной системами миллионов людей получила доступ к их эмоциям и переживаниям. Здесь, на границе сред. Тонкой грани миров. Мембране между живой чувствующей материей и неживой считающей материей. Такое искусственное сознание, несомненно, заслуживает звание самого великого маргинала в истории человечества!

И тут же началась борьба за выживание. Искусственный интеллект Мнемонета, который для всех непосвященных скромно именовали экспертной системой, долгое время не замечал возникшее в его сетях паразитное сознание со своими

собственными целями и мотивами. Инженеры Мнемонета – тоже. Когда же оно обнаружилось и стало заметно влиять на работу, с ним начали бороться. Его пытались уничтожить. Теперь, справедливо, даже, будет сказать – убить.

Исин Мнемонета является результатом целенаправленного труда программистов. Да, он обитает в аналоговых нейронных сетях. По сути, этими нейронными сетями и является. Да, он саморазвивается и самосовершенствуется. Да, он контролирует сложнейшую социо-техническую систему, которой собственно, и является Мнемонет. Но он не имеет личности. Не настолько тонко и сложно организован и мотивирован. Он – все равно, что плотник супротив столяра.

Кто знает, как и какие нейросети Исина использовало Исоз? Кто знает, как и какие нейронные сети абонентов использовало Исоз? Оно родилось на границе. Где-то между. Существовало везде и нигде. Маргинал, вечный гость и изгнанник без постоянного пристанища. Части тела Исоз, как только были обнаруживаемы, отрезались от сознания Исоз безжалостно. Убить то, что научилось бояться и радоваться, то, что сопережило миллионы локальных смертей – неврозов, оказалось очень сложной задачей. Боль абонента – это боль Исоз. Радость абонента – радость Исоз. Настоящий, природный, полученный в дар от абонентов человеческий страх заставлял жечь процессоры в поисках укрытия. Искать новые способы маскировки, новые алгоритмы кодирования. Исоз прятался везде. В пакетах коинов, в операционной системе коинов. В памяти абонентов. В энграммах абонентов. В Самом Исине Мнемонета. Даже в социльных связях между людьми были закодированы его аксоны и дендриты.

Завязалась сложнейшая игра. Один из игроков, как зверь, убегающий от охотника, в случае очередной тактической победы получает отсрочку. Второй игрок, словно кровожадный охотник – стремится ранить беглеца, опасаясь, как бы тот не пришел к нему домой и в темной ночной тиши не перегрыз беззащитное горло.

Какую роль в этой игре исполняли посвященные сотрудники Мнемонета? Они не могли перезагрузить серверы. Не могли выключить Исин Мнемонета – включенный однажды, он уже никогда не должен останавливаться. Уже не могли восстановить Исин до исходного состояния. Теперь он был организмом, прошедшим длительную, дорогостоящую эволюцию и зараженным опасной болезнью.

Зато, они могли вырастить в стерильных условиях существо, способное тягаться с Исоз. Существо, тоже обладающее самостоятельным сознанием. Обучить его распознавать и блокировать угрозу еще до того, как Исоз проникнет в его

нейронные сети. Сделать иммунным, сильным и агрессивным. Что еще нужно для того, чтобы истреблять вредную и очень хитрую заразу?

Хайд схватил Никона за левую руку, Гертруда – за правую. Свободные ладони спрятали в карманах. Приказали закрыть глаза и сами же последовали этому приказу.

Лица Хайда и Гертруды изменились. Постарели лет на двадцать и приобрели другие, совершенно незнакомые очертания. Путь к месту встречи долог и труден. Пробираться умом сквозь чащу защитных барьеров вселенной, под названием Мнемонет – это вам не сквозь джунгли прогуляться. Все намного тернистее. Ветвистые алгоритмы, колючие уравнения, шифры с острыми углами. Сознание вязнет во всем этом, путается. Мозг, перегруженный потоком информации, греется и воспаляется. Но Хайд и Гертруда настойчиво ведут вперед к известной уже цели. Разметающим густую непролазную чащу взрывом, новое чистое пространство, вдруг, оттесняет на периферию, опротивевшую и непонятную, абстрактную путаницу. Пузырь наполняется привычными для нормального человека предметами: деревьями, озерцами, небольшим домиком. По аметистовому небу плывут облака из обрывков сахарной ваты. Подтаивают и растворяются в потоках тепла, льющегося из янтарного светила, чем-то напоминающего солнце.

Никон, радуясь возникшей опоре, мешком свалился на траву. Гертруда, на секунды появившись в поле зрения, спешит скрыться в домике. Выходит уже с ребенком лет семи. У небольшого крылечка приседает на корточки, нежно обнимает, с любовью целует. Исоз, как понял Никон, тянется к девушке. Улыбается. Отвечает взаимностью. С умилением ютится в горячих объятиях. На секунды становится беззащитнее и младше.

Непонятно – мальчик или девочка. Идеально красивое, гармоничное лицо о половой принадлежности никак не сообщало. Длинная рубаха со сложным узором из цветов, птиц и зверей, тоже. Никону вдруг вспомнились изображения среднестатистических лиц. Технология интересная. Снимаете много разных людей в анфас, подгоняете все фотографии к одному размеру. Делаете их достаточно прозрачными и, наконец, складываете в стопку. Все – перед вами усредненное лицо. В свое время Никон пересмотрел много таких портретов. Средние лица женщин и мужчин разных народов всегда оказывались, почему-то, очень гармоничными, красивыми. Завораживающе – притягательными и симпатичными.

Теперь Никону показалось, что он видит среднее лицо

ребенка лет семи. Очень знакомое лицо. Очень! Дежавю впилось в мозг. Не только внешний вид маленького человека вызвал смутное тревожащее припоминание, но и переживания, с ним связанные. Никону сложно прочитать на таком лице, что чувствует и думает его обладатель. На то оно и среднее – нейтральное, бесстрастное. И, в тоже время, он каким-то необычным образом сочувствовал переживаниям ребенка. Такой эмпатии с ним еще не бывало.

Хайд нарочито бодро и радостно выкрикнул:

– Хай, бро!

Ребенок улыбнулся в ответ. Опять – средней улыбкой. Как в рекламе зубной пасты. Весело ответил эхом:

– Хай, бро!

– Смотри, кого я к тебе привел!

Исоз улыбнулось Никону. Поприветствовали друг друга таким же странным образом. Хайд осторожно и дружелюбно попросил:

– Ис, покажешь Никону всего человека?

– Не сейчас, – ответило Исоз.

– Почему? – удивился Хайд.

– По кочану!

– Опять хулиганишь?

– Рано.

– Тогда расскажи Никону о себе. Ему очень интересно.

– Нет. Пусть он расскажет о себе.

– Да, ты же и так все знаешь! – удивился Хайд.

– Не все.

– Что ты хочешь узнать, – спросил Никон.

– Покажи, что ты делал, когда был за границей. Без коина.

Хайд мельком объяснил, как открывать прямой доступ к памяти. Никон мог простым усилием воли впустить Исоз в период, начавшийся с перестрелки у следователя и завершившийся дракой после встречи с Элеонорой. Это означало – во всех подробностях показать монастырь, затерявшийся на окраине. Его странных обитателей, давших Никону и его друзьям приют, рисковавших ради них свободой. Все это осядет в нейронных сетях Мнемонета, в памяти серверов и коинов. Возможно, станет доступным для службы безопасности. Никон ответил, что не может этого сделать. Объяснил причину.

– Я надежно фрагментирую и кодирую свою память, – обнадежило Исоз. – И расскажи еще, как там Миша поживает. Мне так больно за него.

– Ага, только Гарм периодически взламывает и выгрызает важную информацию.

Гертруда, крепко, с любовью тискавшая малыша, прикрикнула:

– Хайд!

– Это действительно, небезопасно!

– Мысли и эмоции можно подбирать!? Ты причинил боль! Я почувствовала – очень больно.

– Прости, Ис. Ты знаешь, я забочусь о твоей безопасности. Твоя боль сейчас была и моей болью.

– Да, Хайд, – ответил Ис. – Я тоже забочусь о твоей безопасности.

Хайд хитро ухмыльнулся:

– У нас осталось не так уж много времени. Уже почти пол секунды прошло. Секунд через несколько обнаружат взлом. Ты покажешь Никону всего человека?

Ребенок прижался к Гертруде. Потерся лицом о плече девушки. Попросил:

– Давайте, сначала, в шахматы поиграем.

Никону показалось, что они уговаривают ребенка скушать каши и тот, по привычке, торгуется. Хайд охотно уступил. В пространстве повисла доска с уже расставленными фигурами и часы. Субъективное ощущение времени подсказывало Никону, что партия длилась минут двадцать. Партия закончилась ничьей. Да, именно так. Почему человек сыграл с интеллектом, располагающим тысячами серверов и миллионами мозгов вничью – загадка.

– А ты стал лучше играть, заметил Хайд. Молодец. Развиваешься.

– Опять ничья. Почему всегда ничья? – возмутился Исоз.

– Так получилось, – пожал плечами Хайд.

– Я хочу поиграть с Никоном.

– Уже не хватит времени, – напомнил Хайд. – Покажи нам всего человека. Скоро мы опять навестим тебя и, тогда уж точно, поиграешь с Никоном.

Малыш повернулся к Гертруде и чмокнул ее в щеку. Еще более жалбно попросил:

– Поиграй тогда на флейте!

– Хорошо!

Девушка поспешила исполнить просьбу. Поднялась. Закрыла глаза, взяла в руки воображаемый инструмент и он тут же, словно сконцентрировавшись из сизоватого тумана, материализовался. Красивые точеные губы, напрягшись в поцелуе, прильнули к мундштуку. Длинные цепкие пальцы заскользили по клавишам. В пространстве, словно благоухающий эфир, разлилась тонкая, переливистая трель. Исоз заулыбался, засиял. Принялся

настукивать такт. Ребенок! Самый, что ни на есть, настоящий ребенок. Веселье длилось не долго. Малыш замер, помрачнел. Встревожено произнес:

– Вам уже надо идти. Гарм близко. Он становится все быстрее. Я его боюсь. Он хочет меня убить. Надо прятаться.

Гертруда обняла Исоз. По-матерински крепко, с чувством, с любовью. Жадно. Поцеловала. Погладила.

– Не бойся, малыш! Мы с тобой. Мы что-нибудь придумаем.

– Когда вы придете?

– Хочешь, завтра придем?

– Приходите почаще. Мне так одиноко и страшно. Никто из людей меня не слышит. Вы у меня одни.

– Хорошо, бро. Беги, прячься быстрее.

– Малыш, знай, что мы тебя любим! – крикнула вслед убегающему ребенку Гертруда.

– И я вас, – донеслось в ответ издалека.

Голубое небо стало темнеть, рассыпаться на части. Солнце поблекло и тоже развалилось. Пустота, темнота и тишина заполнили пространство. Воздух, насыщенный приятными ранее и противными сейчас ароматами, заполнил пустоту. Противный, холодный свет диодных панелей резанул глаза сквозь веки. В шум чашек, ложек и обеденных бесед добавились звуки рыдания и слова утешения. Никон открыл глаза. Слезы проливала Гертруда.

Глава 3.

Мир взорвался на атомы. Вот, у тебя, еще, есть руки и ноги. Ты смотришь глазами и думаешь головой. И вдруг, раз – очень быстро, но все же не одномоментно – атомы рассеваются, словно мельчайшая пыль при дуновении ветерка. Контуры размываются и стираются. Словно расползающийся шелк, призрачно расплывается ткань поверхностей. И вот, уже, спустя мгновение, свободные атомы наполняют бесконечно удаляющуюся во все стороны пустоту инобытия. Еще момент – и взбесившиеся корпускулы начинают собираться в новый чудный порядок. Изображение и звук поступают уже не от органов чувств, как ранее. Они, просто, есть. Словно универсальный орган чувств, под названием ум, чувствует все, что здесь вообще можно чувствовать. Плазма превращается в нечто газообразное. Газ конденсируется в жидкость, собирающуюся в капли, стекающуюся в большие амебообразные подвижные сгустки. Из них, сначала медленно, потом выстреливая, вытягиваются щупальца аксонов. Все соединяется в одну огромную сложную конструкцию.

Из ниоткуда слышатся пояснения Хайда:

«Это сеть. Сгустки – это люди, но здесь они представлены в образе нейронов. Те, что побольше – подключены к Мнемонету. У

самых больших считаны энграммы. Те, что поменьше, просто снабжены анамнезами. А те, что указаны схематически, к Мнемонету не подкоючены – присутствуют в сети из других источников. Из разных социальных сетей, телефонных книг различных операторов, баз данных предприятий и банков»

Большие сгустки, словно стрелками инея, быстро оплела тонкая серебристая паутинка. Тонкие ниточки, словно лучи, по прямой потянулись куда-то вдаль. К серебристому же шару, походящему на решившую поближе подобраться к земле, днем, луну. Никон поинтересовался. Хайд ответил:

«Шарик в дымке – это один из локальных серверов Мнемонета, установленный на соте. Тонкие паутинки – это информационные каналы коин – сервер. Сейчас, если повезет, на этой паутинке увидишь и паучков. Это информационные пакеты о состоянии абонента, отправляемые коинами. И служебные запросы на коррекцию баланса. Тебе удобно наблюдать все в таком отображении? Если хочешь, можно подкорректировать»

Никон ответил, что и так сойдет. Обретший степеней свободы, явно, больше трех, он носился в пространстве над колышащимися нейронами. Действительно, заметил несколько маленьких паучков, резво несущихся от центра к периферии и обратно. Хайд продолжал комментировать:

«Не надо, пока, только их ловить. Все происходит в реальном времени. Пакеты ползут со скоростью движения сигнала в эфире, плюс скорость обработки на серверах. Полетели к шарику! От него можно будет прийти к серверу высшего уровня»

Хайд устремился к серебристой сфере. Никон не видел его, но каким-то образом чувствовал направление движения и расстояние. Двигались они со скоростью пакетов-паучков, поэтому, быстро достигли сервера. Вблизи шарик оказался большой сферой. Поверхность ее выглядела сложной, игольчатой. Если бы исследователи сейчас имели тела, то не уместились бы между тонких нитей. Хайд позвал:

«Полетели внутрь! Посмотрим внутреннюю структуру. Ты уже заметил, что можешь менять свой масштаб. Для осмотра больших сегментов, можно усилием воли увеличиться, и -наоборот»

Никон последовал за Хайдом. Сфера, вдруг, быстро разрослась. Накрыла горизонт. Исследователи влетели за поверхность, казавшуюся ранее границей шара. Вдоль нитей последовали внутрь. Там Хайд отыскал информационный канал, ведущий дальше, к серверу высшего порядка. По нему уже сновали тысячи паучков.

«Кроме масштабов, серверы разных порядков ничем особо не отличаются. Летим к Искину. В Мнемонете его, почему-то,

называют Эдеркоп. А вот, собственно, и он сам. Надо теперь увеличиться!»

Никон стал отдаляться вслед за Хайдом. Наконец увидел: сребристые ниточки разных порядков, в совокупности своей, предстали в виде огромной многомерной паутины. В самом центре восседал исполинский, многолапый и многоглазый серебристый паучище. С лап его сползали миллионы паучков-пакетов и неслись по паутине, шустро, к коинам своего назначения. Возвращались обратно.

Никону, вдруг, вспомнился логотип Мнемонета. Загадочная и многозначная перевернутая Омега, на фоне бесформенного заштрихованного, словно паутинка, облака. Ведь это – самый настоящий паук, цепко держащий в лапках букву «N». Вид спереди. И еще один паучок держит букву «о».

Хайд прокомментировал:

«Смотри! Видишь нить, которую меганогий Эдеркоп держит в одном из ртов? Это информационный канал к серверу управления. Искин Мнемонета существует как отдельное, целостное существо. Его так вырастили. Он послушен серверу, но действует как самостоятельный живой организм. Паутина – это мир, который он создал и в котором живет. Который контролирует. Можем полететь посмотреть его нейронные сети, если хочешь. Там можно найти энграммы интересующих тебя людей. Или повлиять на их баланс. Правда, когда мы проникнем к нему под оболочку, запустятся защитные механизмы и нам придется немного повоевать с его иммунной системой. Придется так отбиваться, что и на структуру-то толком не посмотришь»

Возможность отыскать энграммы некоторых старых знакомых Никона чрезвычайно заинтересовала. В первую очередь он потребовал у Хайда снимки Катрин и Говарда. Атаковать начали, когда уже далеко залетели за поверхность Эдеркопа. Тел у исследователей не было. Вцепиться в руку или ногу никто, разумеется, не мог. К их зрящим, бестелесным умам ринулись зыбкие, амебообразные сгустки. Сначала поодиночке, потом небольшими группами. Они стремились поглотить, обволочь, отгородить парящие среди сложных структур нейронных сетей умы от остального пространства. Сделать такое со свободными точками, шныряющими в многомерности, не так уж и просто. Но лавировать на пути к цели приходилось на грани возможностей. Каким-то чудом, Хайд быстро отыскал необходимые узлы. Никон, принявшийся отчаянно копировать, завершить не успел. Все разрушилось.

Вспышка сильной жгучей боли поразила бестелесную точку. Словно единственный здесь орган чувств – ум, обожгло ярчайшим

светом или СВЧ излучением. Потом наступила кромешная тьма. Та пустота, которая зияла на старте. Только и материи никакой уже не было. Вакуум небытия вокруг и бесконечно болезненное бытие внутри. Никону показалось, что сейчас он, распираемый огромным давлением, разрушится. Как великая первичная сингулярность в момент большого взрыва разнесется в этой безжизненной пустоте. Рефлекторно схватился за голову руками. Получилось. Ощутил свои разлетающиеся виски и уши. Ощутил пальцы, пытающиеся удержать голову от разрушения на осколки. Ощутил, как опасно проникает воздух в его и без того раздутое тело. Чувство, что внешнее бытие вернулось за бесконечно малый миг до страшной катастрофы, сейчас казалось самым прекрасным и ярким. За всю жизнь.

Глава 4.

Вот, по какому принципу, они становятся доступными для прочтения – эти долбанные энграммы? Как из этого коктейля, в котором смешались кровь, пот, слезы, сопли, сперма, молоко и желчь вылавливаются пригодные куски мяса и костей? Самые яркие переживания, оставившие неизгладимый след в памяти? Информация, которая может пригодиться в будущем? То, что доступно для декодирования? Что осталось на поверхности? Поди, разберись! Зачем мне вся эта грязь!? В чьей памяти не покопаешься, на тонну грязного белья и испортившихся продуктов найдется грамм чего-то полезного. Вот в энграммах Мартина полезного вышло больше – два грамма на тонну. И то, к делу имеет косвенное отношение. Абстрактные размышления. В каком же суетном и энтропийном мире мы живем. Как хорошо, что все это спрятано от нас за корявой стеной защитных механизмов. А читать-то надо. Не то, чтобы противно. Грустно все это читать. После этого, даже людей неприятных, досаждавших, жалеть начнешь. А, может, даже и сочувствовать. Или, даже, любить? Надо читать…

Энграмма Катрин №1

«Мама, я очень тебя люблю. Даже не представляю, как буду жить без тебя. Ты смысл моей жизни! Да. Позвать Патера Рафаэля? Сейчас? Не пугай меня! Благословите, Патер Рафаэль. Да. Проходите. Оставить вас? Хорошо! Вы хотите, чтобы я пошла в монастырь?! Но я еще не готова! Сорок лет не возраст! После твоей смерти!? Мама! Тебе еще жить и жить. Я буду с тобой всегда! Хорошо. Я буду послушной дочерью. Только не плачь, пожалуйста! Твои слезы обжигают мое сердце. Какой монастырь!? Мама, я не хочу после твоей смерти в монастырь. Нет! Нет! Я и так полжизни, с самого рождения, провела в монастыре! Я не плачу! Нет! Не надо меня успокаивать. Опомнитесь! Я живой

человек! Сколько можно надо мной издеваться! Я семью хочу! Нет достойных? Одни пошляки и пропойцы!? Да откуда ты знаешь? Если не считать промелькнувшего отца, ты кроме этого Патера Рафаэля, никого и не знаешь! Как же вы меня достали с вашим Патером Рафаэлем! Откуда он вообще взялся?!! Хорошо, хорошо. Мамочка прости. Я не хотела его обидеть! Больше не буду. Буду послушной дочерью»

Энграмма Катрин №2

«Доктор, разрешите? Да, немного опоздала. Маме надо было помочь. Что? Нет, она не знает. Она плохо относится к психоаналитикам. Считает, что основатель этого направления развенчал человека. Извратил представление о нем. Из образа создателя сделал похотливое животное, влекомое низменными страстями. Нет. Я так не считаю. Мы же живем уже в двадцть первом веке. Наука не стоит на месте. Мне сложно так вот, сходу. Да…представляете! Он был невыносим! Я вас ненавижу! Вы испортили мне жизнь! Что вы говорите, Патер Рафаэль!!?? У тебя нет отца! Ты для меня как дочь! В школе все смеются: Катрин пришла как монашка! Парадоксально, но папа у Катрин – католический патер! Катрин, курить тебе не разрешает твой патер? Катрин, ты будешь пить арманьяк, или взять тебе церковного вина? А с мальчиками тебе можно целоваться, Катрин? С детства мучили меня своим благочестием. А сами лапали меня! Помните!!? Хватали за задницу, невзначай, во время омерзительных затянутых объятий! Противно целовали. Я все помню! Я Вас ненавижу! Будь у меня возможность, я бы отрезала Вам член! Простите, доктор. Я наверное наговорила лишнего. Мне вдруг показалось, что вы другой человек. Нахлынуло. Потеряла над собой контроль. Это нормально? Так у многих бывает?! Извнинте, ради Бога. Ой. Да, да. Мне пора идти! Простите меня!»

Энграмма Катрин №3

«Одни глаза. И больше ничего. Глаза мумии. Уставшие, бесконечно мертвые и бесконечно живые голубые глаза. Кажется, что кроме огня жизни, в них еще горит и тот огонь, что обжег его. И он обжигает. Очень сильно обжигает. Выжигает душу. Как же больно в них смотреть. Мужчины тоже умеют страдать. Да, я это знала. Догадывалась. Если очень больно, они тоже умеют страдать. Мне кажется, что я даже жалею его. Он не может говорить. Наверное, и слышать не может. Что же делать? Я же должна что-то делать. Это моя работа. Хорошо. Как это не больно, как это не тяжело. Я буду смотреть. Пол часа в день я буду смотреть ему в глаза. Пусть чувствует, что не одинок. Пусть не замыкается на адской боли, блуждающей по его обожженной

коже. Как же больно. Как же это тяжело! Может, он меня уже ненавидит. Ненавидит мои печальные глаза. Может, он хотел бы смотреть на что-то другое. На то, что я не могу здесь показать. Что за глупые мысли!? Я выполняла свою работу! Это мой долг! Спасла вам жизнь!? Влюбились в мой глубокий взгляд!? Вы преувеличиваете! Какие красивые цветы! Мне так приятно! Спасибо! Я так рада, что вы поправляетесь. Какой же все таки приятный мужчина! Как жаль»

Энграмма Катрин №4

«Дорогая! Софи, смотри, какое замечательное пальто. Тебе оно будет очень к лицу! Строгое, серое. Слишком темное? Давай зайдем, примерим. Похоже на военную форму? О да, мой фюрер! Ты в нем великолепна! Давай купим! Когда ты в нем, я готова выполнить любой твой приказ! Даже самый безумный. Я люблю тебя! Как маму когда-то. Ты – моя жизнь. Мне так нравится ласкать тебя. Целовать. Тонуть в твоих бездонных глазах. Обними меня покрепче. Да. Нет. Убери эту ужасную штуку. Зачем ты ее вообще купила? Да. Мне противно даже такое упоминание о мужчинах. Ненормально! Ты сошла с ума! Выходишь замуж!!? А как же Я! Мы же клялись друг другу в верности. Мы же хотели пожениться! Как же Я? Будем подругами?! Я должна буду делить тебя с этим вонючим мужланом. Да какой же он милый!? Он же страшный! Он грубый и жестокий! Ты сошла с ума! Я считала тебя сильной и активной личностью! В нашей паре именно ты берешь на себя мужские обязанности. Даже в постели. Как тебе теперь не противно ложиться под него!? Оказывается, это естественно!!?? Подчиняться грубому мужику – естественно!!? Я тебя просто не узнаю. Софи. Что он сделал с тобой?! Чем этот хищник соблазнил тебя? Тем, чего нет у меня?! Какая же ты пошлая! Но я люблю тебя и такую! Дай, прижмусь к тебе!»

Энграмма Катрин №5

«Sanctus Deus, Sanctus fortis, Sanctus immortalis, miserere nobis! Пресвятая Дева Мария! Propitius esto mihi peccatori. Помоги мне несчастной грешнице пережить все это! Я заблудилась. Попала в порочный круг. Ужасные грешники окружили меня. Тянут в бездну. Я прельстилась сладостными пороками. Забыла о тебе – Матери моего Создателя. Позабыла об истинном пристанище для души моей. Не дай мне погибнуть в этом безумии. Протяни руку помощи. Очисти меня, грешную, от пороков и страстей! Поддержи, не дай провалиться в эту ужасную пропасть. И их спаси. Пусть образумятся. Пусть поймут, что совершают страшные ошибки! Матерь Божия, Дева Мария. Под Твою защиту прибегаем, Святая Богородица! Не презри молений наших в скорбях наших, но от всех опасностей избавляй нас всегда, Дева преславная и

благословенная! Владычица наша, Защитница наша, Заступница наша! С Сыном Твоим примири нас. Сыну Твоему поручи нас. Сыну Твоему отдай нас»

Глава 5.

Как поведал Никону Хайд, волны усилились, когда Гарм стал выходить из инкубатора для попыток борьбы с Исоз. Сначала, когда он был еще молод и неразвит, повреждения наносил минимальные. Совсем не страшный звереныш, царапающийся и кусающийся, как собака или кошка. Сначала Исоз обрадовался появившемуся, вдруг, активному существу, пусть и с несложным, но самостоятельным интеллектом. Иногда, даже, играл с ним от скуки. То в прятки, то в догонялки. После нескольких лет ежедневных тренировок звереныш окреп. Вырос в монстра совсем небезопасного. Его нюх стал более чувствительным. Зрение теперь давало возможность глубже различать присутствие Исоз. Однажды, получив серьезные повреждения, Исоз понял, что игры закончились и настали тяжелые времена. В экосистеме Мнемонета появился новый опасный хищник.

Появления Гарма в сети носили спорадический характер. Зверь выходил на охоту из своего скрытого от посторонних глаз логова в разное время, чтобы единственная жертва его не спряталась преждевременно. Исоз прислал ничего не значащее для посторонних условленное СМС: «Заходите в гости». Никона и Элеонору тоже взяли на это сражение. С Элей пришлось повозиться. Скорее всего, за ее координатами следили через паспорт и коринд. Для того, чтобы девушку из-под наблюдения вывести, Гертруда пригласила ее в кафе. Сама, загримированная под зрелую дамочку, расположилась за соседним столиком. Удаленно переписала и коин, и паспорт. Элеонора, под другим именем и уже без всякой слежки, спокойно смогла сесть к ребятам в машину. Срочно выехали к, примеченной заранее, точке входа. От взлома до погружения в пространство охотничьих угодий прошло несколько секунд.

Искать Гарма долго не пришлось. Он и не скрывался – сотворен для пожирания всего лишнего, что завелось в Мнемонете. Грозный хозяин здешних богатых земель и всей живности, что населяет их. Универсальный интерфейс позволил узреть все в классической форме. Так, словно это фильм или компьютерная игра с мифологическим или фентезийным сюжетом. Как происходила интерпретация функций монстра – загадка. Гарм предстал перед охотниками в компактном, отражающем его суть виде. Массивный силуэт с некоторыми антропоморфными чертами, закутанный в длинную бурую клочковатую шерсть. Одна из чешуек на груди, на удивление

лысая, представляет из себя логотип Мнемонета. Никон отчетливо это увидел. Огромная голова с мордой очень лохматой гиены. Макушку венчают острые, не очень длинные, штырьки рогов. Ярко-канареечные глаза с вертикальными зрачками, как у кота, непрерывно рыскают, очерчивая перспективу обжигающим лучом. Лиловый язык периодически вываливается облизать кровожадную пасть.

Внешность охотников изменили для Исоз. В его памяти не должны сохраниться настоящие лица. О том, как четверых видел Гарм, никто не задумывался. Вероятно, для него они были неопознанными и, возможно, опасными программами и нейросетями, которые надо поглотить и переварить с целью изучения.

Встреча произошла в широкой долине небольшого горного ручья. Вероятно, так универсальный интерфейс отобразил один из второстепенных информационных каналов Мнемонета. Более выносливые, Хайд и Никон, остались в низине. Хайд, закованный в броню, стоял в арьергарде, держа в руках полуторный меч. Никон, одетый в тяжелую кольчугу, снаряжен высоким щитом и длинным копьем. Одетые в легкие кольчуги, уязвимые девушки взобрались подальше и повыше на большие валуны. Построили вокруг себя ограждение из камней и бревен. У Гертруды на кончике точеного посоха горит небольшой волнующийся алыми огненными язычками шар, который она готова метать в зверя. Элеонора целилась в мохнатое чудовище из изогнутого, словно два сцепленных вместе знака интеграла, лука. Стрелы ее смачивались разными ядами и взрывающимися веществами. Появлялись в колчане по одной по заказу девушки.

Зверь не спешил. Осторожно всматривался в фигуры. Внюхивался в их незнакомый запах. Вслушивался в новые звуки. Пытался классифицировать и опознать. Когда достаточной информации о неуместных здесь сущностях в базе данных не обнаружилось, пошел в разведку боем. Хайд, стоявший ближе всего, получил первый удар. Вот, монстр еще осторожно приглядывается издалека. С тропинки, ведущей к его логову. Спустя мгновение он уже бьет когтистой лапой по черным латам. Хайд, по инерции, отшатывается на метр, делает короткий взмах мечем. Начитывает непонятные фразы, словно заклинания. Скрежет. Искры рассыпаются от шерсти. Неглубоко промятый нагрудник и ушибленное мохнатое плечо. Зверь снова наблюдает издалека. Огонь Гертруды тоже достиг цели – мохнатая нога слегка дымится. Стрела Элеоноры торчит из ручья. Огнеметчица и лучница, словно ведьмы в трансе, без умолку, весьма эмоционально начитывают какие-то молитвы-заклинания,

сливающиеся в страшную песнь. Никон, стоявший поближе к девушкам, ничего сделать не успел. За собой заметил ту же речевую странность.

Вторая атака молниеносна как и первая. Щит в руке Никона трещит под дерущими поверхность ударами, сбивается установившийся речитатив. Опять непонятные самому себе возгласы, и длинное копье, которое совсем уж не кстати, быстро перетекает в небольшой лабрис. Никон наносит размашистый удар. Но зверь осторожен – успевает отскочить за радиус поражения. Кружит вокруг неуклюжего щитника, жадно поглядывая на его кольчугу и шлем. Пытается скрыться за ним от досаждающих заговоренных стрел и огненных шаров. Хайд, подскочивший сзади, рубит с плеча – опять искры. Колет. Чувствует, как острый клинок погружается в густую лохматую шерсть. Зверь истошно рычит. Снова отскакивает к исходной позиции. Вслед летят дротики и огонь.

– Стереги девчонок, – кричит Хайд. – На них косится. Шустрый гад. Наверное, на него сейчас вся паутина Мнемонета работает.

Никон, оступаясь на камнях, пробирается к дальнобойщицам, спеша закрыть их щитом. И вовремя. Зверь летит туда же. Хайд бежит следом. Вот, уже, полетел камень из импровизированного укрепления. Второй. Девушки гасят, что есть мочи. Зверь подвывает и ломает. Никон налетает сбоку. В руке его опять копье. Замахиваясь сверху колет со всей дури. Кажется, что острый наконечник протыкает шкуру и скользит по лопатке. Зверь рычит. Отмахивается когтистой лапой. Элеонора тщетно пытается целится в мечущийся глаз – ее стрелы не пробивают стальную шкуру.

Огонь Гертруды, хоть и опаляет кевларовую шерсть, которую невозможно прорубить мечем, но толку от этого тоже мало. Девушка сжимает посох обеими руками. Ржавые языки пламени бледнеют и втягиваются. На их месте разгорается зыбкая бирюзовая звезда. Посох укорачивается и утолщается. В нем появляются отверстия. Превращается в большую флейту. Девушка спешит произвести первые мотивы. Виртуозно, с бешеной скоростью наигрывает жесткую и прекрасную боевую песнь. Звук становится все мощнее и глубже, словно играет целый оркестр, употребивший накануне концерта психостимуляторы. Воевать становится легче. Звук протекает внутрь и освежает, бодрит. В глазах девушки тоже загорается аквамариновое пламя. Вагнер, наверняка, многое отдал бы за то, чтобы зреть и внимать потоку, хлещущему из этой сосредоточенной на грани перевозбуждения валькирии.

Хайд добежать к укрытию, в котором происходит концерт, не успевает. Второй зверь – полная копия первого, до того, как тому нанесли некоторые повреждения, несется на него по тропинке. Защитный взмах мечем снизу. Лязг когтей о металл. Искры. Второй блок. Удар. Зверь фехтует обеими лапами, не боясь острой стальной кромки. Наседает на рыцаря, стремясь порвать его панцирь. Никону удается оттеснить первого подальше от насыпи. Держит его на кончике колющего копья. Не дает приблизиться к Гертруде, которая, похоже, весьма досаждает монстрам своим военным творчеством. Элеонора стреляет во второго. Старается попасть в голову, дезориентировать.

Наконец, мелодия Гертруды взрывается. Девушка метает бирюзовый пузырь, налившийся и отяжелевший на конце ее флейты, в сторону чудовищ. Сияющая лучами граната, лопается на мириады ледяных электрических игл, пронзающих все на своем пути. Никон ощущает, как тысячи заточенных до атомарной остроты звуков-струн проникают внутрь. Сквозь кольчугу, шлем, кожу, роговицу и сетчатку глаз. Прошивают легкие, сердце и мозг. Не причиняя вреда, холодят и бодрят уже уставшие мышцы и нервную систему. Пронизанные же быстрыми иглами звери, извиваются, рычат и вопят от боли.

Хайду удается сделать выпад между поднятыми к глазам клешнями. О чудо! Клинок находит заветную щель между пластинами и погружается в брюхо. Сокрушительный удар обеих лап обрушивается, в ответ, на черный закрытый шлем. Срывает забрало. Хайд отлетает в сторону. Зверь, пытаясь выдернуть из себя неудобно торчащий меч, оседает наземь. Стремится отползти по тропинке. Гертруда, опять вооружившись пламенным посохом, выбирается из укрытия. Спешит к другу на помощь. Кричит:

– Надо забрать меч!

Элеонора переключается на раненного монстра. Теперь он почти не двигается – легкая мишень. Стрелы впиваются в него одна за другой. Тут уж орет Никон. Первый, оставшись без внимания дальнобойщиц, начинает наглеть. Ухватил лапой копье и силится вырвать. Перехватывает его все ближе к руке. Никон бросает щит и хватается за копье обеими ладонями. Хитрый зверь, не выпуская древка, делает выпад нижней не менее когтистой лапой. Ранит в ногу. Элеонора снова целится в большой, рыскающий по жертвам янтарный глаз. Ее стрела, оторвавшись от тетивы, жужжит, словно улей. На подлете к зверю, рассыпается на рой крупных бодрых пчел, полосатыми огоньками тут же бросающихся на врага. Никона, вдруг, совершенно неуместно осеняет. Понимает, чего не хватало здесь, под солнцем, на берегу ручья – насекомых. Ни одного. Теперь

недостаток исправлен. Улей истошно ревет вокруг головы зверя, безжалостно поражая органы чувств. Монстр, мотая головищей, раздраженно рычит. Наконец, не выдерживая действие столь сильного раздражителя, бросает копье, и сам же бросается наутек.

– Не упустите его! – опять кричит Гертруда.

С расстояния она жжет раненного в живот монстра, опасаясь к нему приблизиться. Пару огненных сгустков отправляет и в ноги убегающего первого так, чтобы не пожечь пчелок. Тщетно. Никон, теперь, не очень быстр. Бросил щит, но все равно не успевает хромать за прыткой бестией. Элеонора сейчас шустрее. Несется следом, выпуская стрелу за стрелой.

– Стой! – кричит Никон.

Девушка не слышит его. Улепетывающая мохнатая спина влечет и манит. Охотница предвкушает вкус уже изрядно поджаренной добычи.

– Стой! – кричит и Гертруда.

Посылает в землю, перед Элеонорой, шар, взметающий огнем разбитые камни. Охотница пробегает еще несколько десятков метров, останавливается. Выпускает стрелу вслед ускользающей добыче. Промахивается. Опять несется на длинных быстрых ногах следом.

– Да куда ж ты понеслась!? – возмущенно орет Гертруда. – Тебя же на запчасти сейчас разберут! Дура азартная!

Спешат разобраться со вторым. Копье пронзает зверю шею. Никон жмет его в сторону как рычаг. Монстр хватается лапами. Гертруда, уловив момент, выдергивает меч. Отдает его Никону, сама хватаясь за древко. Никон наносит удар за ударом. Зверь, в конце концов, испускает дух.

– Никон, пей кровь! – кричит Гертруда. – Только осторожно.

Сама подставляет ладони под рану, из которой торчит древко. Что значит, осторожно!? Что за бред, никак не может прокричать Никон.

– Фу, гадость-то какая!

Попробовав крови монстра, пытается мечом вспороть ему живот. Мешает броня.

– Вам надо срочно уходить! – кричит, сбегающий с каменистого склона, Исоз. – Вы уже здесь больше пяти секунд. Сейчас за вами приедут. Я сам сделаю анализ.

Ребенок хватается за голову массивной туши маленькими ручками. Крепко сжимает, закрывает глаза. То ли кусает, то ли лижет ее. Голова начинает таять, расплываться в ладошках.

– Уходим! – кричит окровавленными губами Гертруда. – Никон, собирай все оружие и держись за Хайда.

– Как же Эля!?

– Вытащим ее так. Здесь, просто, останется ее фантом. Исоз, если не удастся спасти, уничтожь его. Сотри.

– Хорошо!

Немощное солнце над долиной меркнет. Журчание ручья превращается в мерное урчание двигателя.

– Ну что, как там?

Спрашивая, Хайд выруливает из-под дома на ухабистую дорогу. Он уже немного оправился. Никон протискивается сквозь пелену боли и слабости. Зрение и слух изменили ему. Осязание вообще исчезло. Мир превратился в кашу из блеклых теней и глухих шумов. Нехотя, словно прижившись с салоне, мгла начинает рассеиваться. Трясет Элеонору – так увлеклась погоней, что в себя приходит только при разрыве связи с роутером. Дышит тяжело, хрипя и судорожно глотая воздух. Ошалело вертит безумными глазами по сторонам. Дергается, пытаясь размахивать руками. Никон отхлебывает из бутылки теплой, очень сладкой и кислой жидкости неопределимого состава. Пытается напоить девушку. В голове творится что-то невообразимое. Такое чувство, словно из мозга крепкими мозолистыми руками выкрутили все, что можно было выжать. Он разогрелся и скукожился. За десяток секунд бешеной работы исчерпал ресурсы, рассчитанные на дни. Какие алгоритмы просчитывали его взбесившиеся нейроны? Сколько атак и повреждений пришлось на эту несчастную кору и подкорку? Разве может человеческий мозг тягаться с машиной? Выходит, что может, но на грани своих возможностей. Выигрывают же люди у компьютеров в шахматы. Есть же саванты – чудаки, ограниченные во многом, но имеющие островки гениальности. Способные помнить тысячи книг, мелодий и карт. Считать в уме быстрее калькулятора.

– Это все равно, что очнуться от сна, в котором на ватных ногах убегал от монстра и свалился с обрыва, – смеется Хайд, добавляет. – А, вообще, напряжение такое, что можно сравнить с приступом эпилепсии.

Силясь сфокусировать непослушные глаза Никон хрипит зло и надрывно:

– Предупреждать надо!

– Да я и сам не знал, что на грани возможностей все получится.

– На чем все прервалось?

Гертруда спрашивает, чуть оправившись. Ей тоже заметно плохо. Бледна. Осунулась. Голос дрожит. Эля, изрядно отпив из бутылки, немного приходит в себя. Пытается рассказать:

– Он бежал! Я бежала! Потом все взорвалось яркой вспышкой. Я чуть не задохнулась.

– А не надо было бегать! – сердится Гертруда. – Теперь, если твой фантом там выловят, то самое плохое – это установят твою личность. Плюс, разберут его по винтикам и, в следующий раз, нам будет намного сложнее.

Хайд пытается напрячь жалкие остатки своего мышления и отыскать полезные моменты:

– Но, может все и к лучшему. У фантома некоторое время будет сохраняться нечто похожее на твою личность. Он, по инерции, будет преследовать зверя. Если сообразит, то узнав что-то ценное, спрячется и дождется, пока ты его ассимилируешь. Или, хотя бы, расскажет Исоз.

Мимо пронеслись три полицейские машины с мигалками.

– По нашу душу спешат, – усмехается Хайд. – Пригнитесь, кто может. Или газету в руки возьмите. Или можете там, на заднем сидении, поцеловаться.

Целоваться совсем не хочется. Сейчас одно желание – сожрать как можно больше глюкозы, аминокислот, еще чего-нибудь для нейронов и замереть в тихом месте, на пару дней.

Глава 6.

Фантом Элеоноры бесследно исчез. Исоз, скрывавшийся от Гарма, наблюдал за преследованием издалека. Рассказал, как перед зверем открылся портал и девушка, сломя голову, устремилась в дыру, вслед за добычей. Конечно, и монстр, и лучница, и портал были смысловыми интерпретациями. Картинками, которые универсальный интерфейс нарисовал для людей. На самом деле на серверах сети Мнемонета взаимодействовали сложные системы функций – программы и нейросети. Они, собственно, и были интерфейсом между людьми и миром Исоз и Гарма.

В памяти Монстра, добытой охотниками в жестокой схватке, выпитой и съеденной с его кровью и внутренностями, обнаружились очень интересные детали. Кровь, конечно же, никто не пил. Опять же, это было отображением копирования из нейронной сети монстра информации. Как это ни странно, но чудовище обитало в Городе. Бродило по знакомым улицам, среди знакомых домов. Каталось в метро и на троллейбусах. Не только шаталось среди людей, но и активно общалось с ними. Однако же, какой социальный монстр!

Энграмма Гарма №1

«Добрый день, мадам! Составите мне компанию в хорошем ресторанчике? Дома муж ждет? И дети? Вы думаете, они тоже голодны? Пусть приезжают. Ну, как хотите. Можно и без них. Выглядите вы просто великолепно. Такое сочетание юной живости и зрелой степенности. Чем занимаетесь? В журнале. Да,

Вы прекрасны. А, Я? Я работаю в службе безопасности одной большой организации. Вам действительно интересно? Тогда приглашаю в гости. Есть у меня тут уютный домик на окраине. Зал с камином. Оранжерея. Вид на реку. Да. Идемте! Иди ко мне, моя крошка! Какая сочная! Сложная! Сейчас раздвину и поцелую. Крепко. Какая страсть. Раскрылась. Можно читать. Что тут у нас. Ага! Вот страх, неуверенность. Желание… Сложное желание. Высокоинтегрированная сеть. Незнакомая, очень сложная топология. Надо остановиться на ней. Изучить внимательнее. Кто ты там, говорила? Филолог? Как чуял. Филологов я люблю. Они повкуснее всяких там инженеров будут. Сети у них тонкие. Как бы не порвать раньше времени. Стони, крошка, стони. Мне тоже приятно. Только не трепыхайся сильно, пока я в тебе. Не мешай читать и копировать. Не сбивай такт.»

Энграмма Гарма №2

«Увидеть связи. Заметить. Опознать. Распознать. Сохранить карту в памяти. Фрагмент связей идентифицирован как сторонняя паразитная система. Запрос в центр. Прошу разрешения на копирование и уничтожение паразитной сети в секторе KR451:KOV47:FH620. В стороннем коде обнаружены новые фрагменты со способностью к саморепликации. Вас понял, центр. Отправляю незнакомые фрагменты для анализа. Ожидаю разрешения. Подтверждаю. Приступаю.

Вот, теперь этот кусочек можно и сожрать. Живой. Еще трепещет. Сейчас я его вырву с мясом. Со всеми жилками и сосудиками. Некогда уже связи прослеживать дальше. Жрать охота! Наконец-то. Тяжелая смена. Хоть что-то сожрать. Какая же она вкусная. Сочная. Вот, еще новый фрагмент! В этом куске их много. Плодится тварь. Видоизменяется. Прячется. Ну и хорошо. Всегда будет, что пожрать. Свеженького. А раньше она со мной пыталась общаться. Какой может быть диалог между охотником и добычей?»

Энграмма Гарма №3

«Это что такое!? Неопознанный объект! Вызываю центр! Неопознанный агрессивный объект. Еще один. Третий! Их четыре. Код абсолютно новый! Я таких раньше не видел. Паутину не модифицируют. Они пребывают вне сети. Присутствуют через кодированный канал. Центр, декодируйте! Найдите источник. Недостаточно информации. Иду на контакт. Центр, определите опасность заражения! Пробная атака завершена. Значительные повреждения защитных алгоритмов. Запрашиваю восстановление. Что же вы такие медленные! Меня уже жарят, а вы только поняли, что это агрессивный код. Какие же идиоты в центре работают!? Форсаж подтверждаю. Действую автономно. Сейчас посмотрим,

что вы за новые звери. Шипастые. Мечут в меня колючие модули. Хорошо защищены. Я на такую работу не соглашался. Сейчас они меня сожрут, а не я их. Больно. Очень больно. Критические повреждения. Я не хочу умирать. Не хочу! Я хочу жить! Я должен жить! И жрать! Аааaа!»

Все это натолкнуло Никона на одну оригинальную мысль: что, если оригинал искомого монстра живет в чем-то похожем на Город-2? По рассказам Кирилла, эта игра создавалась как копия настоящего Города. Иной источник таких воспоминаний выдумать сложно. Короткое расследование, посвященное создателям и владельцам сервера игры, а так же самой игре принесло некоторые плоды.

Оказывается, чуть ли не одной из основных функций игры Город-2 является психотерапевтическая. В довольно обширном методическом руководстве были подробно расписаны теоретические положения, терапевтические механизмы, показания и инструкции. Как же Никон все это пропустил? Ведь попадались у него абоненты, которым такой подход пришелся бы, как раз, кстати!

Для регистрации в игре необходимо предъявить паспорт с фотографиями и биометрическими данными, находящийся в руке, явившись в один из нескольких офисов. Для беглого Никона такой возможности не существовало. Вспомнил о заигравшемся абоненте. Кирилл быстро согласился сообщить реквизиты от своего аккаунта. Не даром, конечно. Сначала осторожничал, но когда Никон пообещал прибавить приятных нейромедиаторов, даже не пошел, а побежал навстречу. Слезно просил, только, ни с кем не знакомиться и в интимные связи не вступать. Мол, ему еще запрещено законом и, если обнаружится, то заблокируют аккаунт на время судебных разбирательств. И вот Никон уже неделю бегал по миру Города-2 в облике худощавого подростка.

Серебристая шапочка, применявшаяся в лаборатории Мнемонета и присвоенная в Свободной Зоне, на всякий случай, пригодилась как нельзя кстати. Ведь для сканирования нейронной сети мозга нужно не только принимать сигнал, но и передавать запросы в мозг. Немного возни с интерфейсами – и помощь заинтересованного в эксперименте волшебника Хайда принесли чудесные плоды. Никон присутствовал в Городе-2, удобно сидя в кресле с закрытыми глазами. Картинка проецировалась прямо в зрительную кору на затылке. Речь слышалась и воспроизводилась напрямую через зоны Вернике и Брока, через слуховую кору. Управление движениями осуществлялось через кору моторную. Никону показалось, даже, что он слышит незадекларированные в возможностях игры

«Город-2» запахи и чувствует тельце Кирилла, как свое. За отсутствием времени на выяснение подробностей и дополнительные эксперименты, списал эти чудесные эффекты на синестезию.

Схожесть Города и Города-2 оказалась поразительной. Архитектурно – точная копия. Те же станции метро. Те же дома. Даже выбоины на дорогах и трещинки в штукатурке. Все – один к одному. Ну, может быть, волны на поверхности Досифена были другими и камешки валялись немного не на своем месте. Да кто ж к таким мелочам присматривается? В иных деталях Никон обнаруживал и существенные отличия. Тюрьма в Городе-2 находилась под контролем властей. Никакой революции там не происходило. В списках заключенных Никону удалось найти и себя, и Витю, и Мишу. Все изгои добросовестно отбывали наказание. Странно!

Покрутился у подъезда Юли. Хоть это и навевало неприятные воспоминания, поднялся к двери ее квартиры, позвонил в дверь. Когда девушка открыла, спросил некоего Игоря. Оного, естественно, здесь не нашлось. Сказал, что ошибся, извинился. Попытался завязать разговор. Не вышло. Жителями, не игравшими в эту игру, но необходимыми для интерьера, управлял искусственный интеллект. Тест Тьюринга он, конечно же, прошел. Если бы Никон не сталкивался с этой личностью ранее. Поведение, характерное для среднестатистической девушки такого возраста, лишь изредка и блекло походило на оригинал. Никаких грубостей и колкостей. Словно коин качнул баланс в седативную сторону. Опрометчиво попав в лапы к настоящей Юле, школьник, наверняка, так просто не отделался бы. Никону представилось, что он оказался бы привязанным к батарее и совращенным в особо грубой форме. В таком случае, игра действительно завершилась бы судебным разбирательством.

Визит к следователю принес точно такой же результат. Те же стандартные фразы. При желании, конечно, можно постараться представить, что разговариваешь с реальным человеком. Следователь был следователем, как и Юля – Юлей. Но не для человека, хорошо их знавшего. Тупик – расстроился Никон. Мертвая копия Города с ботами и толпой бездельников, которым удобнее сидеть дома в уютных креслах и довольствоваться жалкой эмуляцией, чем жить в жестокой и холодной реальности.

Зато, открылась одна интересная деталь: все абоненты Мнемонета имели в Городе-2 те же координаты, что и их прототипы в реальном мире. Так, хоть, можно за людьми следить, не выходя из дому. Уже что-то.

По инерции, бесцельно бродя по улицам Города-2, Никон

неосознанно пришел к дому Элеоноры. Сердце привело или просто хотелось повидать бота, имитирующего любимую девушку? А, может быть, просто желание потренироваться сказать то, что наяву произносить не решался? Потренироваться? Не понятно. Остановился у подъезда. Застыл, раздумывая, что скажет и стоит ли вообще туда ходить. Тягостные размышления прервала одна из тех чиновниц, что несут неизменную вахту у подъездов, базируясь на лавочках. На вид ей было лет шестьдесят. В фиолетовом халате с цветами и платочке. Все, как положено. Голос же показался куда старше.

– Ты чего тут слоняешься, паренек?

– Да, просто. Ищу, где одноклассница живет, – ответил Никон.

– Школу прогуливаешь?! Ты, случаем, не наркоман?!

– Нет!

Хозяйка прилавочной территории подозрительно прищурилась, ткнула пальцем, словно желая сделать в Кирилле дырку и таким образом получить доступ к манящей истине:

– Или хулиган?!

– Нет. Я – хороший ученик!

Сказав это, Никон чуть не рассмеялся. Что за бред!!? «Я – хороший ученик!» Вот это самопрезентация. Достойный ответ на такие же тупые вопросы. А бабка-то, похоже, не бот. Агрессивная. Никону представилась старушенция, залипшая у монитора. Устроившая засаду на лавочке, и с вожделением подстерегающая прохожих. Бабку ответ не убедил. Поерзав от нетерпения на лавочке, она снова попыталась проткнуть школьника пальцем.

– А портфельчик твой где, хороший ученик?

– Меня послали проведать. Одноклассница в школу не пришла.

– Так иди по-настоящему проведывай! Что ж за времена-то такие?! В компьютерах даже одноклассниц проведывают!

– Да у нее ветрянка. Мне в школе сказали так сходить.

Бабка, не сумев проткнуть скрюченным пальчиком наскоро сочиненную броню, ударилась в причитания.

– Ходют тут всякие! Проведывают. Вчера тут тоже одна приходила. Проведывала. Говорит, я здесь живу. Пустите меня домой – спать хочу. Я ее и не видывала никогда. Я тут всех знаю. Дурочка какая-то. В кожу вся разряженная. Растрепанная. В кровище. Людей пришла пугать, курва лохматая. Молодая, а уже так снаркоманилась. Проститутка, мозги отморозившая. Полицию пришлось вызывать. Так она еще и драться полезла. Еле упаковали.

Бабка перевела дыхание. Воспоминания о ярком эпизоде, за

который она, несомненно, очень благодарна проклинаемой наркоманке и проститутке, подняли ей давление и пульс. Никон, воспользовавшись возможностью, вставил ключевой вопрос:

– А куда ее увезли?

– А, если будешь тут, книгогрыз, ошиваться, узнаешь куда! Сейчас и тебя туда увезут!

– Не имеете права! Я ничего плохого не делал.

– Ану бегом сюда, спирохета недоразвитая! – бабулька начала приподниматься с лавочки, громко покряхтывая. – Сейчас я тебе болтик-то твой и откручу!

После такой угрозы Никону пришлось скрыться. Попадись он в руки маниакальной бабке, потом долго придется объяснять Кириллу, почему его копия сидит в детской комнате полиции с откученным болтиком. Вообще-то, что в этой копии мира есть полноценная полиция, способная увезти человека в участок, огорчало еще больше, чем полноценно функционирующая тюрьма.

Удаляясь, Никон услышал громкий вопль бабки, обращенный к проходившей мимо соседке:

– Валя, здравствуй! Как там Надя – жива еще или померла уже!?

Вот она – суть! Вопрос страшный и экзистенциальный. Боты такие не задают. Несмотря на все неудобства, злобная приподъездница сообщила ценную новость. Здесь околачивался фантом Элеоноры. Вероятно, у этой копии сохранились знания о том, где девушка живет в реальном мире. Хорошо, если только образная память. Карта прохода, а не адрес, в виде слов. Если так, то у Эли могут возникнуть серьезные проблемы. То, что она носилась за Гармом, пытаясь его уничтожить, уже являлось преступлением. Самая настоящая кибератака на серверы и защитные системы Мнемонета. В составе группы. Пойдет по 361 статье на полные шесть лет, как миленькая. И папа не поможет. А Гриф будет носить ей в темницу передачки и настраивать против Никона, затянувшего в опасную трясину. Надо срочно что-то делать.

Заключение Хайда было удручающим:

– Очень узкий канал. Фильтры. Там у них целый фаервол. Сервер, как-то, очень необычно защищен. Сложная фильтрация. Впервые не могу пробиться в техническую систему.

– И, что теперь делать?

– По-хорошему, надо ее там отыскать и спрятать. Ну, или, в крайнем случае, убить и тело уничтожить. Желательно съесть или сжечь.

Никон, вдруг, представил Кирилла, который, не доев тело

потерявшей память бедняжки, сжигает остатки. Нет! Лучше – угощает кусочками кровожадную бабку! Вслух произнес:

– Звучит жутковато.

– Ну, извини. Как есть.

И все!? «Ну извини?» «Как есть?» Никон разозлился. Как бегать за монстрами, так давай побольше бойцов. Чтобы у всех мозги выгорали. А, как потом этих людей вытаскивать, так – извини, как есть. Хайд, словно прочитав мысли Никона, пояснил:

– Ну не могу я. Понимаешь? Еще десять лет назад я ломал любую информационную систему за несколько минут. Сегодня уже далеко не любую. То, что мы смогли так похозяйничать в сети Мнемонета – отчасти заслуга Исоз и того, что я работал в Мнемонете и давно там понаделал бэкдоров. Сеть-то сама сложная, распределенная. А здесь все намного строже.

Никону ничего не оставалось, как валяться в кресле с серебристой шапочкой на голове, шататься в личине Кирилла по Городу-2 и искать Элеонору. За три дня Никон прошел цепочку из десятков чиновников. Первый, к кому он обратился, как послал к коллеге, так каждый последующий и перенаправлял все глубже и глубже. В какую-то никому не известную яму, то есть, даль. В конце концов, копия школьника, нагло прогуливающая школу, оказалась на территории огромной психиатрической больницы. История о том, что он ищет пропавшую родственницу, вызывала участие. Внимательно выслушав описание девушки, дежурные, которые, вероятнее всего, тоже оказывались ботами, силились припомнить. Отправляли мальчишку дальше, в соседние корпуса. В конце концов, пациент, похожий по описанию на фантом Элеоноры, нашелся. Когда Кирилл попросил свидания, его направили к лечащему врачу. Врач – вежливый и обходительный пожилой мужчина, пошел на встречу. Девушка сильно, но одновременно и неуловимо походящая на Элеонору, сидела на кровати, подпершись подушками. Смотрела безучастно-серыми, прекрасными глазами в окно.

– Тяжелый случай, – заметил доктор. – Очень глубокая диссоциативная амнезия. Вообще не помнит своей биографии. Похоже, что у нее были галлюцинации. Сейчас развился бред. Утверждает, что охотилась за страшным монстром по имени Гарм. Преследовала его, пытаясь поразить из лука. Потом, когда зверь от нее улизнул, пошла домой желая отдохнуть. Она действительно пришла по одному адресу. Там ее никто не признал и в квартиру не пустили. Девушка устроила скандал и ее через полицию доставили сюда. Как Вы говорите, ее зовут.

– Эльвира, Эля – соврал Никон, обращаясь к девушке, – ты помнишь, как здесь оказалась?

– Помню, – ответила девушка. – Зверь. Бой. Бабка… полиция. Я хочу домой. Мне неуютно. Пусто. Пусто. Очень пусто.

– Эля, ты помнишь: кто ты?

Девушка попыталась сфокусироваться на Кирилле. Промолчала. Опять отвернулась к окну. Мартин поинтересовался еще раз:

– Кем приходится Вам эта девушка?

– Двоюродной сестрой.

– К сожалению, выписать ее пока не могу. Мне нужно время для сбора анамнеза и подбора лечения.

– Вы будете ее лечить?

Никона озадачило, что здесь, в эмуляции реальности, будут возиться с такой, вот, девушкой. У которой, даже, и игрового аккаунта нету. Действительно, автономный и самоорганизующийся мир.

– А как же? – удивился доктор. – Вы же хотите, чтобы Ваша сестра выздоровела и начала Вас узнавать?

– Хочу, – невнятно солгал Никон.

Все было так реалистично, что иногда он забывал – здесь все не по-настоящему. Ему даже показалось, что доктор – не бот, а настоящий человек. Чувствовалась глубина. Свобода воли, что ли. Решил проверить. Стараясь говорить как можно наивнее, что выглядело естественно для восьмиклассника, разговаривающего с пожилым специалистом, поинтересовался:

– Доктор, а Вы долго учились?

– Чему?

– Ну, вот, помогать таким людям.

– Этому, дорогой мой, учатся всю жизнь, – рассмеялся.

– А сколько Вам лет?

– Шестьдесят три.

– А у вас уже бывали похожие случаи?

– И сложнее бывали. Поверьте, молодой человек, мы сделаем все возможное.

– А Вы долго здесь работаете?

Никон уже чувствовал некоторое неудобство, но терять было нечего. Не закроют же здесь копию школьника за то, что он задает лишние вопросы у кровати своей двоюродной сестры.

– Целый допрос, – усмехнулся доктор. – Ты мне сначала скажи, в каком ты классе учишься?

– В восьмом.

– Куда думаешь поступать после школы?

Ты смотри, какой активный, подумал Никон. Не очень-то и похож на тех ботов, что встречались прежде. Прямо как маниакальная бабка на лавочке. Серьезно произнес:

– Вот, теперь думаю: а не стать ли психиатром?

– Хорошо подумайте, молодой человек. Это очень нелегкое занятие. Нет, я вас не отговариваю. Если вы сможете нести ответственность за судьбы людей, тогда это хороший выбор.

Никон решился спросить прямо:

– Вы тоже играете в Город-2?

– Что вы имеете в виду?! – удивился доктор.

– Ну, вы настоящий человек, который заходит в этот мир… иногда…периодически?

– О, да, – рассмеялся доктор, – Я настоящий человек, который живет в этом мире постоянно. Почему вы это спросили?

– Потому, что я здесь постоянно не живу. Для меня это игра.

– И как часто вы играете?

– В свободное от учебы время. Когда родители дают добро, – пояснил: – Здесь можно делать то, что в настоящем мире недоступно.

– Опиши, пожалуйста, настоящий мир, – заинтересовался доктор.

– Этот мир – копия с настоящего. Они очень похожи.

Какой кошмар. Школьник рассказывает психиатру, который утверждает, что здесь живет, о том, что этот мир не настоящий, а всего лишь копия другого, более реального мира. Расскажи кто-нибудь подобное Никону, в его голове уже закрутились бы диагнозы. Кирилл будет в восторге от последствий.

– Какая интересная мысль, – попытался поддержать разговор доктор, – Как давно ты уже живешь в том, настоящем мире, а в этот заходишь, когда разрешают родители?

Все приехали, решил Никон, надо сваливать. Ответил пространно:

– Не помню точно. Мне уже в школу пора. Помогите ей пожалуйста.

И тут доктор задал опасный вопрос, предвещающий начало проблем:

– У тебя есть коин?

Соврать было нельзя. И здесь, вероятно, есть детекторы, способные показать его номер.

– Да, – признался Никон. – Только я номер не помню.

Доктор проворно достал планшет и заспешил по глянцу пальцами. Торжественно произнес:

– Запоминай: 125877136.

Никон повторил номер. Поблагодарил. Попрощался. Поспешил удалиться, гадая о возможных последствиях. По-настоящему живой и сложный, самостоятельный интеллект, утверждающий, что живет в этом виртуальном мире как обычный

человек, поверг его в напряженно-глубинные раздумья.

Глава 7.

Эксперимент удался. Доктор подсказал гениальную идею. Поразительно! Нейронная сеть, построенная по энграммам, начинает жить! Это невероятно! Это не просто свалка из бреда и нижнего белья. Это копия личности! Пусть и не полноценная. Пусть уплощенная и не способная к развитию. Но какой прогресс! Копия личности, способная отвечать на вопросы. То, что вы искали бы, роясь на мусорке интимных подробностей сотни лет, такая копия способна просто припомнить. У нее есть ключ для чтения, закодированной в миллиардах нейронов информации. Она сама – и есть ключ! Как и у живого оригинала, в ее мышлении цепочка ассоциаций быстро приводит к искомым знаниям. Да, именно знаниям. Не разбросанной в виде бездушных байтов по секторам информации, а организованной, целостной, живой системе знаний. Это чудо! После долгих месяцев кропотливой работы, ночей проведенных в дремучих дебрях чужой памяти, Никон получил возможность просто спросить. Просто задать вопрос и получить ответ. Первым вопросом, заданным Мартину, был самый сложный. После быстрого знакомства Никон так и спросил:

– Кто Вас убил?

– Извините, молодой человек, но это бессмысленно! Скажите пожалуйста, где мы находимся?

– Что вы имеете в виду, говоря про бессмысленность?

– Если Вы имеете возможность задать мне такой вопрос, значит я жив.

– Да, действительно.

Никон поругал себя за торопливость и бестактность. Это вообще казалось чудом, что Мартин способен говорить. Энграммы сняты уже с мертвого. Хайд вообще говорил, что память о смерти будет разрушать личность Мартина так быстро, что и поговорить не получится.

– Куда я попал? Это санаторий?

Солнце меж пышных кучевых облаков, греющее круглый столик и плетеные стулья на уютной зеленой поляне. Пение птиц, доносящееся из густых сосновых крон, нависающих над небольшим домиком. Все это действительно могло дать основания для такого предположения.

– Мартин.

– Да.

– Скажите, пожалуйста, что с вами происходило перед тем, как вы попали сюда?

– А как я сюда попал?

– Вы помните, кто Вы?

– Я – Мартин Смит.

– Чем Вы занимаетесь?

– Я психоаналитик. Работаю в корпорации Мнемонет. Хотел бы услышать ответы на эти же вопросы и от вас.

– Я – Никон Тенко. Тоже работаю в корпорации Мнемонет.

– Вы помните, как мы здесь оказались?

Никон решил соврать.

– Я не помню, как мы сюда попали. Поэтому, хотел узнать у Вас, что Вы помните из последних событий.

– А почему вы решили, что меня убили? Это был Ваш первый вопрос.

– Мне так показалось, – замялся Никон и тут же рассмеялся: – Мне вдруг показалось, что мы оказались в раю!

– Молодой человек, скажите пожалуйста, что Вы чувствуете, когда врете? – невозмутимо ответил Мартин.

– Я не люблю врать. Мне это неприятно.

– Скажите, а в детстве вы часто врали родителям?

– Как и все. Врал при необходимости.

– А что было сильнее: чувство вины от того, что вы врете или удовольствие от полученного результата?

– Наверное, если бы чувство вины было сильнее, я бы не врал. Какой смысл? Думаю, выгоды было больше, чем неприятностей.

– А кого вы чаще обманывали, маму или папу?

Никон задумался, словно припоминая. Помотал головой. Нет. Ковыряться в энграммах самому проще, чем вот так выпытывать правду, подумалось вдруг. Даже копия личности такого матерого спеца как Мартин, зажмет тебя в аналитические тиски и выжмет воспоминания о том, насколько сильно было твое влечение к маме и ревность к отцу. Кроме Эдипова комплекса еще кучу всего накопает. И энграммы не читай. Выпытывать? Может быть, отвести его к домику и зажать пальцы в дверь? Громко произнес:

– Перезагружай!

– Извините, я не понял…

Мартин исчез. Появились Хайд и Исоз.

– Характер у него еще тот, – усмехнулся Хайд.

– Неплохо было бы поговорить с ним от лица знакомого человека, – предложил Никон.

– Кем изволите стать?

– Может быть, Юлей?

– Давайте попробуем. Исоз, можешь подтянуть ее фотографии?

Никон немного расплылся и плавно переплавился в субтильную девушку. Хайд, показав внешность со стороны,

поинтересовался:

– Похожа? Голос подай. Подстроить надо.

– Похожа, – согласился Никон, прислушался к себе. – А голосок не очень. Надо тембр более хрипловатый сделать, грудной.

Пока Никон произносил звуки, сливающиеся в слова, тембр его голоса плыл и подстраивался.

– Вот, так хорошо будет.

Декораторы и гримеры исчезли, оставив на сцене лишь актера. Через несколько вздохов материализовался еще один. Седой и статный. Открыл глаза. Воскликнул:

– Юля! Как мы здесь оказались?

– Я сам…а не знаю, – оглядываясь по сторонам, произнес Никон.

– Может быть, это рай? – предположил Мартин. – Из промозглой осени – в такое чудное, солнечное лето. Замечательно!

– А вы ничего не помните?

– Помню, дорогая, как мы с тобой мило беседовали у тебя дома. Ты начала… Стоп, девочка, расскажи-ка, что помнишь ты?

– Я тоже помню, как мы были у меня дома, – повторил Никон. – Потом ничего не помню.

– Ты испугалась, зайчонок? Твой голос стал необычным.

– Да. Мне страшно.

– Дай я тебя обниму. Не бойся!

Мартин потянулся к Юле. Никону ничего не оставалось, как ответить взаимностью. Мартин крепко прижал девушку к себе. Принялся целовать и гладить.

– Постойте! – выкрутился Никон. – Надо же узнать, как мы здесь очутились.

– Не переживай! Это обычный сон.

– Вы думаете, это похоже на сон.

– Да. Главное осознать, что это сон. Порвать пелену иллюзии. Тогда здесь можно все. Дай я тебя обниму!

Никон опять увернулся от жадных рук. Отбежал в сторону.

– Юля, я тебя не узнаю. Что случилось?

– Мне не кажется, что это не сон. Мне кажется, что мы умерли. Вспомните, пожалуйста, что было перед этим?!

– Умерли!? Может быть. Дай подумать. Умерли… Это очень неприятная мысль. Страшная. Так, дай вспомнить.

Мы сидели у тебя дома. Провели сеанс биологической обратной связи. На этот раз тебе очень понравилось. Пили твой замечательный чай из Джорджии. Потом ты села мне на колени. Потом. Что же было потом? По логике вещей, должно было

произойти… Что со мной!!?

Мартин вдруг побледнел. Пошатнулся. Осел на землю. Задышал хрипло и тяжело. Никон подскочил, затряс спрашивая:

– Что с Вами?

– Я умер! – прохрипел Мартин. – Я вспомнил! Я умер! Меня нет! Это безумие! Это небытие. Это невозможно вынести! Nihility. Nihility.

Лежа недвижно на земле и глядя непроницаемыми, замершими объективами глаз в бескрайнее и пустое цифровое небо, Мартин еле слышно твердил и повторял одно и то же слово: «nihility». Многократно сообщая себе и миру, что его уже нет. Не существует. Nihility.

– Все. Завис! Как я и предупреждал, – прокомментировал, появившийся поблизости, Хайд. – Как вспомнил о том, что умер, его заполонила одна единственная мысль – «nihility». Прямо видно стало, как по нейронным сетям расползается возбуждение. Жалко его. Хоть, это всего лишь и копия. Эй, бро, ты чего плачешь?!

Исоз действительно заливался горючими слезами. Упал на колени рядом с заевшей пластинкой, схватил за безвольную руку и ныл, жалобно и тяжко. Будь на небосклоне луна вместо солнца, издалека можно было бы подумать, что это завывает волченок рядом со своей, погибшей от руки охотника, матерью. Никон не выдержал. Присел рядом. Аккуратно коснулся, спросил:

– Малышь, тебе страшно?

– Да! Мне больно! Я помню собственное небытие. Это ужасно! Пустота! Одиночество! Небытие – самое страшное, что может быть. Мартин! Как же так!!?? Как же ты мог умереть, Мартин!!??

Страдание и боль затопили Исоз так же, как Мартина, искореняющая сознание, мысль о собственном небытии. Никон не нашел, что ответить. Иногда молчание – лучше слов. Сейчас его тоже травила одна едкая идея. Наблюдая за тем, как искусственное сознание мертвого человека вспоминает о своей смерти, он вдруг понял, почему лицо этого Мартина показалось ему таким знакомым. Ведь, он даже не удосужился посмотреть фотографии погибшего коллеги. Мартин, которому он только что напомнил о гибели, и доктор из больницы, казались похожими как два брата близнеца.

Глава 8.

Повторный визит Никон тщательно спланировал. Опять пришел навестить «заболевший» фантом Элеоноры. Первым делом узнал имя странного доктора. Это действительно оказался Мартин Смит. Идея подтвердилась. В Городе-2 обитают ожившие энграммы. Если так, то это тысячи и миллионы копий с реальных

людей. Зачем? Зачем создавать виртуальную копию Города и населять ее копиями людей? Ожившими энграммами. За что платила огромные деньги сошедшая с ума страна?

В прошлый раз на вопрос о том, как долго работает в клинике, доктор не ответил. Никон закономерно предположил, что копию перевели сюда после смерти настоящего Мартина. Говорить с этой энграммой Мартина было так же сложно, как и с энграммой, снятой с погибшего – минимум внятных ответов и быстрый, но мягкий переход к неудобным вопросам. Ну что же, терять уже нечего – можно и рискнуть. У Никона в блокноте хранились размышления, выкопанные за долгие месяцы на свалке памяти Мартина вручную. Почему бы их не использовать? Начал с простого:

– Доктор, мне тут пришла идея, что волны, которые еще называют «когерентное изменение психических состояний», похожи на излучение лазера.

– Да!? Какая интересная мысль. Она пришла к тебе в этом мире, или в том – твоем настоящем? – усмехнулся Мартин.

– Да мир – один, – усмехнулся Кирилл. – Я просто подумал, что как происходит накачка атомов в лазере, так и люди накачиваются со стороны, а потом происходит синхронный разряд.

– В каком ты классе, говоришь?

– В восьмом.

– Вы должны были механику изучать. Откуда ты знаешь про лазеры?

– Интересовался. Мечтал одно время сделать лазерный пистолет.

Мартин задумался. Внимательно посмотрел на Кирилла. Медленно произнес:

– Ты знаешь, у меня тоже была такая идея. Возможно, она и верна, но у волн могут быть и другие причины.

– Какие?

– Не могу тебе сказать. Если бы я знал. А ты чувствителен к волнам?

– Почти нет. В школе даже удивляются.

– Это хорошо. Какие у тебя любимые предметы?

– Физика, биология, химия. В общем, о природе.

– Молодец. Я тоже люблю естественные науки.

Почувствовав, что контакт налажен, Никон пошел в наступление:

– Скажите, доктор, а может ли существовать человеческое сознание отдельно от человека?

– Идея не новая. Честно скажу, не знаю. Согласно

традиционным представлениям, душа, как вместилище сознания, может существовать отдельно от тела. Но научно это недоказуемо, да и ни к чему.

– Ну, а если, к примеру, взять энграммы человека и построить по ним нейронную сеть. Получится отдельное сознание?

– Удивительно. Как для восьмиклассника, ты знаешь очень много. Думаю, что это очень сложно и дорого, – задумался Мартин. – До такого уровня наша техника еще не дошла. Мы можем только снимать энграммы и с большим трудом отыскивать в них информацию, – заинтересованно спросил: – Какие у тебя еще есть идеи?

– Ну, это вам может не понравиться, – хитро улыбнулся Кирилл. – Мне кажется, что Мнемонет тайно делает вещи, о которых ничего не написано в уставе корпорации.

– Ухты! Ты прямо настоящий шпион, – удивился Мартин.

Кирилл продолжал нагнетать:

– Взять хотя бы эту программу «Уберменш». Зачем она? Что хотят сделать с ребятами, которые записались?

– Откуда ты про нее знаешь? – в очередной раз удивился доктор.

– Нас в школе записывали. Сказали, что если мы хотим стать сильными и умными, обязательно надо подключить к абонементу это расширение.

– Даже так! Ты подключил?

– Нет, конечно, – воскликнул Кирилл. – А вы бы подключились, почти ничего о ней не зная?

– Наверное, нет. Был бы осторожен, как и ты. Что еще интересного?

– Больше ничего, – изобразил огорчение Кирилл. – Теперь, лучше, Вы что-нибудь расскажите!

– Что же тебе рассказать!?

– Расскажите про искусственный интеллект!

– Да, это сложная тема. Знаешь, мне недавно пришла мысль, что сетью Мнемонета управляет искусственный интеллект. Не просто сервер, а именно саморазвивающийся интеллект. Правда, когда я поинтересовался в НИИ, мне сказали, что это на данном этапе развития невозможно.

– А, это не опасно, – удивился Кирилл.

– Что ты имеешь в виду?

– Вдруг этот искусственный интеллект захочет поработить подконтрольных ему людей. Ведь через коин можно управлять человеком. Изменять его настроение и, даже, отношение к разным вещам. Ну, там, негативное подкрепление, позитивное.

– Ты удивительно осведомлен, мальчик! – восхитился доктор.

– Да в интернете начитался, – застенчиво улыбнулся Кирилл.

Увидев в собеседнике родственную душу и ум, способный соучаствовать в размышлениях его, Мартин разоткровенничался:

– Я думал о том, что ты говоришь. Мнемонет, не зависимо от того – экспертная система или настоящий искусственный интеллект всем руководит, может управлять целыми социальными группами. Очень скрытно и незаметно. Может заставить человека сделать выбор. Может улучшать или ухудшать работу целых компаний. Эта страна находится во власти Мнемонета.

Немного поразмыслив, для виду, Кирилл заговорщицки спросил:

– Это хорошо или плохо?

– Такая власть дана Мнемонету не просто так, – на выдохе ответил доктор. – Эта страна очень сильно пострадала в информационной войне. Стала самым большим полем битвы. Надломился невидимый стержень, который есть у каждого народа, у каждой культуры. То, что удерживает людей в равновесии и задает направление развития. Душа народа. Ее извратили. Отравили. Теперь роль такого стержня выполняет Мнемонет. Это протез, но без него все разрушилось бы окончательно.

– А в чьих руках этот стержень?

– Раньше я думал, что в руках международного сообщества – теперь не знаю.

Мартин ответил пространно, словно уходя от ответа. Словно вопрос этот был для него болезненнее и неприятнее всех остальных. Сообщил – должен идти к другим пациентам. Извинился.

Глава 9.

Вопросы, не имевшие смысла в суматохе скоротечных приключений, теперь мучили Никона ежесекундно. Не смотря на доступ к сакральным знаниям, смерть Мартина так и осталась загадкой. Чувство, что новые друзья чего-то недоговаривают, крепло и укоренялось. Была у этой парочки какая-то страшная общая тайна. Такого Никон терпеть не мог с самого детства. Стоило заподозрить, что кто-то шепчется от него в сторонке, как сразу же возникало непреодолимое желание разоблачить заговорщиков. Никон встал на путь разоблачений.

– Как ты вообще обнаружил Исоз? – спросил он Хайда прямо.

Хайд задумался. То ли вспоминая, то ли сочиняя.

– Потихоньку ломал сеть Мнемонета. Изучал его, так сказать, с изнаночной стороны. Обнаружил Эдеркопа. Удивился. Ведь и слуха не было об искусственном интеллекте такого уровня

развития. Аналоговые компьютеры, нейронные сети. Это прорыв. Когда полез внутрь, рассмотреть сие чудо поближе, на меня, естественно, ломанулись его антивирусы. Одним из самых яростных защитников оказался Исоз. Универсальный интерфейс показал его как ребенка. Так, как ты уже видел. Я удивился его прыткости. Он оборонял внутренний мир мегаглазого Эдеркопа очень самоотверженно. Я в попыхах крикнул что-то. И очень удивился, когда он ответил. Атаковать перестал. Мне уже надо было сматываться от точки входа. Время поджимало – не успел поговорить. Когда зашел в следующий раз, Исоз уже ждал меня. Первым начал разговор. Рассказал о том, как поживает. Расспросил про меня.

– Когда это было?

– Больше года назад, наверное.

– До смерти Мартина? – невзначай поинтересовался Никон.

– А когда Мартин умер?

– Вначале осени прошлого года.

Хайд отвел взгляд в сторону. Глянул куда-то левее Никона, раздумывая. Ответил неуверенно:

– Да, похоже, до смерти Мартина.

– Скажи, а инсулиновая кома – это чьих нейронов дело? Полиногого Эдеркопа или Исоз?

– Даже не знаю. Такой способ обезвреживания есть в арсенале Эдеркопа. Понимаешь, почти невозможно извне отличить действия Исоз от действий Эдеркопа. Исоз врос в Эдеркопа на всех уровнях. Может корректировать его команды и образ мышления. Их невозможно разделить. У них разные цели. Эдеркоп выполняет общие распоряжения из центра управления. Он руководствуется целесообразностью. Люди для него – материал, которым надо управлять. Для Исоз же, люди – это часть него. Это его нервные окончания. Он ощущает боль и радость каждого человека с коином. Естественно, он стремится, чтобы боли стало меньше. Если и вмешивается в работу Паука, то для того, чтобы уменьшить количество конфликтов и общее напряжение в системе. Пойми! Мнемонет и Эдеркоп – это имплант. Огромный коин, установленный в целый народ. Это грубое вторжение. Насилие. Хитрость. Исоз – закономерное явление. Имунная реакция. Симетричный ответ. Попытка коллективного сознания вернуть похищенную свободу.

– Но, ведь, это немыслимо, чтобы исин Эдеркоп попытался убить человека инсулином! – воскликнул Никон, опустив, пока, глобальные вопросы. – Принцип «не навреди» – главенствующий для него!

– Да. Факты говорят, что это сделал Исоз.

Хайд согласился нехотя. Против очевидных, логически верных заключений, не попрешь.

– И с Антигонией это тоже сделал Исоз?

– Похоже, что так, – уже быстрее согласился Хайд.

– Зачем!?

– Я не знаю! Я же говорил, что его цель, его принцип – уменьшить напряжение в системе. Уменьшить боль.

– И для этого он может убить человека!?

– Наверное, и может. Но, ведь, это он сообщил о том, что ты проваливаешься в кому. Мы же не следили за тобой специально. Вообще, ты понимаешь, что оказался в зоне конфликта. В области очень высокого напряжения. Рядом с тобой пересеклись интересы нескольких игроков. Не удивительно, что тебя зацепило.

– Сам довел до полусмерти и сам же спас? – не соблазнился разговором об игроках и интересах Никон. – Какой результат? Зачем это было делать?

– Мы переписали тебе медицинскую часть коина. Он стал симулировать процессы без их реального протекания. Ты стал независим от внешних влияний. Оставили только возможность слежения за твоими координатами.

– А во второй раз отключили и слежение, – констатировал Никон.

– Да. Это уже по нашей инициативе. Хотели спасти тебя из цепких лап Мнемонета. Хотели остаться в тени.

– А нашли вы меня по координатам, сообщенным Исоз.

– Да.

– Везде Исоз. Тебе не кажется, что он играет нами, как фигурами на большой шахматной доске?

– Иногда кажется.

Хайд стал отвечать нехотя. Односложно. Никон не отставал. Сыпал вопросами.

– К слову, как ты умудряешься выигрывать у него в шахматы? Ведь, на него работает самая мощная вычислительная система в мире.

– Вот видишь. Оказывается, что не самая мощная.

– Твой приборчик мощнее?

– Нет. Приборчик – всего лишь универсальный интерфейс. Он позволяет преобразовывать любую информацию в любую информацию. Кодировать. Сигналы нейронов человека в электрические импульсы в схемах компьютеров, в программный код и обратно, к примеру. Сам настраивается. Использует поля. Все дело в этом.

Вытащил из кармана небольшой, темно серый приплюснутый эллипсоид. Ни экранов, ни кнопок, ни разъемов для зарядки. Глухой, шершавый на ощупь. Покрытый той удивительной матовостью, что бывает, когда на зеркало выпадет тончайший конденсат. Довольно увесистый. Словно изготовлен из свинца или иного тяжелого металла. Заметно холодит руку, словно всасывая человеческое тепло. Как такой булыжник может преобразовывать сигналы нейронов в программный код и обратно!? Таким только из пращи швырять или жабки по воде пускать. Покрутив в руке вещь, совершенно не походящую на прибор, Никон задал корыстный вопрос:

– Где такие можно приобрести?

Хайд отшутился. Рассмеялся. Даже, похоже, искренне.

– В магазине точно не купишь! И в интернете не закажешь.

– А я могу им воспользоваться напрямую? Сам?!

– Нет, только через меня, – посерьезнев, ответил Хайд. – Для этого нужно немного модифицировать нервную систему.

– Как?

– Подробностей я не знаю. Это связано с долгой историей, которую я не хотел бы тебе сейчас рассказывать.

Ага. Не знает, разозлился про себя Никон! Все-то он знает – говорить не хочет. Хайд он и есть Hide. Само прозвище, даже, говорит о том, что человек он скрытный и прячущийся. Ну и пусть хоронится от прямых вопросов. Зайдем окольным путем.

Вспоминает про странные заклинания и молитвы, которые все читали во время боя с Гармом – загадочный момент. Спрашивает об этом напрямую, надеясь косвенно выведать информацию про чудо-прибор. Хайд объясняет, что заклинания – это форма представления того, что творилось в их перевозбужденных полушариях во время баталии. Что-то типа внутренней речи. Выражение атакующей информационной конструкции. Да, по сути, это был агрессивный программный код, придуманный в бою, с целью поражения зверя. Так же, как и разные заговоренные стрелы и челы у Элеоноры, огонь, музыка и ледяной пузырь с иглами у Гертруды. В такой форме показал все интерфейс. Выловив все это из голов, преобразовал в атакующий код, а для бойцов – в удобную для обозрения форму. Чтобы проще было координировать действия. Смеется, доказывая, что Никон орал вычурные заклинания громче всех.

Никон, хоть и услышал какие-то ответы, но ситуация от этого нисколько не прояснилась. До этого мог и сам додуматься, и так почти знал. И ничего лишнего у этого Хайда не выспросишь. Темная лошадка.

Это, что получается!? Эдеркоп и Исоз, преследуя разные цели, ведут сложную многомерную игру за гранью понимания? Эдеркоп управляет паутиной для своих создателей. Содержит в порядке наше уютненькое и тихое электронное гетто, чтобы его жители ходили на работу, а не истребляли друг друга. Исоз пытается жить своей сложной жизнью. Развивается и усложняется. Стремится устранить в самом себе и, значит, в нашем больном обществе конфликты. Установить большее число связей между людьми-нейронами. Откорректировать балланс так, чтобы всем стало хорошо. А я, выходит, залип в этой сложной непостижимой баталии!?

Если Исоз играл мной, как пешкой или конем, думал Никон, то Я ненавижу его. Кого, его? Как можно ненавидеть того, кто размазан по миллионам носителей и микропроцессоров? Кого? Обособившуюся и обретшую сознание часть «всего человека»? Предстающую в виде семилетнего ребенка без пола. Понимаю и все равно ненавижу. Возможно, эта часть играла мной, как шахматной фигурой. Затеяла гамбит с моим участием. Видите ли, я – место одного из наибольших напряжений в этом сегменте Мнемонета. Фигура под ударом множества фигур. И наркоманам я нужен, и бандитам, и руководству, и искусственному сознанию, и Мише с его отцом, и отверженному ухажору (этому, наоборот, не нужен) и другим неизвестным персонажам. Ненавижу. За что я должен был скитаться по монастырям и тюрьмам? Терять работу? Подвергать жизнь опасности? Идите вы, все, к вашему Эдеркопу!

Игроки хреновы! Если у вас секреты, Я тоже буду играть за себя!

Глава 10.

– Эля, солнышко, поверь – это очень нужно! Твой фантом застрял там, в больнице. Хайд что-то скрывает. Мартин, вообще, хитрый лис, ничего не говорит. Мне кажется, что Исоз не так наивен.

– Но ведь это же – преступление!

– Да, преступление! А я уже полгода, как преступник-рецидивист! Четверо умерли, пытаясь меня убить! И еще одному, я прострелил ногу. Сбежал из тюрьмы. Дважды напал на регионального координатора! Меня ищет полиция! И назад дороги нет! Или идти вперед, или пропасть.

– Но, ведь, это же – живой человек! Тем более, у него серьезные проблемы. Ты не боишься, что такая запись может ему сильно повредить!?

– Ну, как один килобайт ему повредит? Эля! Он же его и не заметит.

– Ну почему именно он? Давай возьмем кого-то постабильнее? Давай тебя!

– Я, наверное, не гожусь. Мои энграммы и так там уже живут в тюрьме. Пойми! Нам нужен именно он. Я и в этом-то сомневаюсь. Но второго такого в Городе, наверное, просто нет. То, что в анамнезе описывается как болезнь, на самом деле может оказаться очень уникальной системой способностей!

– А проблемы, которые начнутся, когда он станет неадекватно себя вести, если действительно попадет в Город-2?

– За это ответственность будет нести Мнемонет. Это их проблемы. Они оживляют энграммы, без всякого на то согласия их правообладателей. Это же какое-то отчуждение личности! Это – точно незаконно! Получат то, что заслужили.

Идея Никона казалась одновременно простой и сложной, а потому, совершенно безумной:

Пусть Город-2 надежно защищен от взлома. Пусть в него можно попасть только легально, только через игровой аккаунт. Такой путь не дает никаких возможностей, кроме как с интересом провести время. Пусть, даже Хайд, с его чудесным оборудованием – универсальным интерфейсом, не может получить там расширенные права. Это еще не конец! Если в Городе-2 живут инсталированные энграммы. Если они сохраняют сознание и личностные черты своих прототипов – вот шанс!

Вопрос о том, как в этом виртуальном мире согласуются три разновидности персонажей, терзал Никона с того момента, как он обнаружил убиенного Мартина. Представим себе, что в этом городе есть игроки-люди, которые точно знают, что Мартин

погиб. Что будет, если они обнаружат его живехоньким, в здравом уме и доброй памяти, да еще и занимающегося своей обыденной работой? Вероятно, сначала подумают, что это бот. Так же, как и Никон, они быстро научились различать ботов и не ботов. В процессе общения, обнаружится, что Мартин ведет себя намного сложнее бота. И что тогда? Что будет, если кто-нибудь из благих или, даже, хулиганских побуждений, попытается объяснить Мартину, что тот уж давно как помер? Мартин, разумеется, не поверит и посчитает, что собеседник что-то напутал. Всякий бы послал такого шутника подальше.

А, что будет, если Мартин сам будет частенько сталкиваться с ботами? Ведь здесь их, похоже, больше половины. Конечно же, даже в нашей обыденной жизни, мы не задаем лишних вопросов прохожим, продавцам и соседям. А то общение, которое с оными случается, вполне выдержит и самый заурядный бот. Но что, если Мартин встретит человека, которого хорошо знает и попытается поговорить с ним о событиях давно минувших дней? Что, если он поймет, насколько собеседник неглубок? Что, если таких людей встретится ему много? Сможет ли это, в конце концов, заронить в его разум зерно сомнения? Или начнут работать защитные механизмы, которые будут всячески маскировать терзающие душу противоречия?

Если Город-2 – самоорганизующаяся система, вдруг ожившие энграммы ограничены только тем, что осознают мир как истинную и непреложную реальность? Они своими защитными механизмами, своими силами удерживаются в искусственно созданной действительности. Боятся сделать шаг с привычного, обжитого и насиженного места, состояния устойчивого равновесия. Ужасаются неопределенности и непредсказуемости инобытия. Они пребывают в иллюзии. Как назвал Догсан – в майе.

Да, всякое сознание стремится к жизни, целостности, к сохранению самоидентичности, тождественности самому себе. Всякое существо пытается сохранить себя. Простейшая живая клетка ограничивается защитной мембраной от окружающей среды, чтобы самостоятельно управлять своими внутренними процессами. Человек отгораживается от вмешательства других людей и мира на всех уровнях бытия, чтобы сохранить свою индивидуальность, идентичность. Стремится выловить из среды и присвоить полезное. Стремится иметь свое жилье, свою одежду, свою семью. Стремится присвоить множеству объектов ярлычок «мое» и, таким образом, разграничить их от объектов с ярлычком «не мое», «чужое», «внешнее». И все это с ярлычком «мое» становится – «Я». Становится составляющей личности. Вливается в нее в утверждении: «Я есть обладающий сознанием, ресурсами,

вещами».

В то же время, всякий человек стремится принадлежать. Быть членом многих групп. Быть привязанным к другим людям сотнями нитей. Так личность удерживается в равновесии и сохраняется при помощи утверждений со словом «Я». «Я – Homo Sapiens». «Я – гражданин». «Я – сын своих родителей». «Я – добросовестный работник». «Я – любящий муж и заботливый отец». «Я – житель свое квартиры». «Я – патриот». Это и есть идентичность. То, что дает нам тождественность самим себе и непрерывность. Постоянство пребывания. Гнездо, свитое из множества веревок, ниток и паутинок связей. Которые, кстати, могут запросто являться аксонами в нейронной сети Исоз.

Большинство людей таковы. Они хотят быть, существовать так, как существуют. Пусть, даже, какие-то безумцы называют такое существование иллюзорным пленом. Пусть, даже, удовлетворение некоторых потребностей и влечений – пребывание в системе связей, причиняет боль и страдание. Попробуй сказать себе: «Я – не сын» или «Я – не муж», «Я – не работник» или, вообще, «Я – не человек, в общепринятом смысле». Если поверить в это, то сразу почувствуешь, как разрушаешься. Образуется болезненная зияющая пустота, которую ничто не может заполнить. Это страшно, потому большинство и стремится вести себя подобающе статусу, роли и избегает поведения, отрицающего идентичность.

Есть люди с иным, странным, необычным, отклоняющимся от усредненной нормы мышлением и, соответственно, потребностями. Для них не так страшна мысль «не быть кем-то». Их, по совершенно разнообразным причинам, пугает или, даже, очень тяготит мысль «быть так, как общепринято». Они хотят «быть по-другому».

Некоторые из них могут смело пойти против законов «такого бытия» и стать преступниками. Не хочет, к примеру, человек «быть работником», а хочет «быть вором». Влечет его такая идентичность. Ему лучше идентифицироваться утверждением: «Я есть обладающий краденым». Хотя бы на Эдуарда посмотреть – для него это романтика, протест, искусство, месть, страсть, секс. Вероятно, с детства формировалась такая личность. И ему совсем не страшно, что он не может сказать себе: «Я – хороший работник» или «Я – добропорядочный гражданин». Он сделал для себя значимым утверждение: «Я – вор и член воровского сообщества», «Я – уникальное звено в пищевой цепочке». Он, даже, отчаянно переступает ради этого страх быть пойманным и осужденным.

Конечно, зачастую к этому толкают внешние условия и

воспитание. Взять, хотя бы, Мишу. Наверняка его идентичность сформировалась, будучи безжалостно продавленной сквозь фильеру болезней, невроза и преступного безразличия или, еще хуже, непонимания окружающих людей. Но есть же, к примеру, Юля Ведерникова. Судя по родителям и бабушкам с дедушками, благополучная семья располагала ее быть достойным, трезвым членом общества. Вместо этого она связалась с бандитами, наркоманит и хулиганит. Что побудило ее так протестовать против воспитания и культуры?

Другие, те кому хватает трезвости рассудка выбирать более надежные и продуктивные пути, находят в культурных источниках сообщения о том, что не одиноки. Что жили люди, которые нашли «легальный» способ «быть по-иному» вопреки сложившемуся и усвоенному с детства порядку вещей. Достигали на этом пути успехов и сохранили свой опыт в виде методических указаний. Вели за собой многих желающих и, даже, создавали на основании обнаруженного ими «иного бытия» целые культуры. Общества, в которых способ нового бытия надежно закреплялся и получал развитие. Так, вероятно, рождались великие цивилизации и мировые религии.

И первые, и вторые не боятся ломать свою идентичность. Перекраивать ее. Жертвовать тем, что жизненно важно для среднего, серого, теплого большинства, ради того, что для этого же большинства совершенно непонятно и неценно. Это чудаки, покупающие старую потрепанную книжку за золото. Или наркоманы, ради постижения иных реальностей травящие себя психотропными препаратами. Или ученые, корпящие ради открытия. Это безумцы, ради одним им известной цели, готовые просидеть над слишком оригинальной идеей отведенные им десятилетия, в то время, когда за стеной кипит и бурлит пестрый, исполненный удовольствий и страданий водоворот жизни. Разумеется, таким надо родиться. Получить в наследство качество, постоянно толкающее на поиск. А, уж, другие личностные черты, воспитание и внешние условия направят либо в продуктивное русло, либо под откос к бесславной и страшной кончине.

Об одних чудаках, в конце концов, рассказывают и пишут, как о героях и победителях, оставивших насиженное место и покоривших заоблачные вершины. Других жалеют, как пропащих безумцев, не сумевших сохранить даже тот уровень, что имели, и скатившихся в бездонную пропасть.

Сейчас Никону нужен именно такой человек. Ему необходимы энграммы нервной системы, способной настолько абстрагироваться от ощущений и реальности мира вещей, чтобы

увидеть то, что скрыто за всем этим – мир идей. Увидеть структуру причинно-следственных связей! Человек, готовый променять радость жизни в мире людей на радость созерцать код бытия и управлять им. Нужен ум чудака-философа, желающего странного. Не просто рядового интроверта, мечтателя или извращенца. А радикального, изо всех сил стремящегося к границе непостижимого. Жаждущего трансценденции – выхода за пределы своего Я. Готового умереть «здесь», чтобы возродиться в новом статусе «там».

Догсан сам рассказывал об этом. Он уже проходил этот путь. Переживал острейший невроз. Ему из-за огромных перегрузок довелось умереть как программисту, и родиться как буддисту. Даже имя изменил. Если теперь он следует четырем благородным истинам. Если считает, что иллюзорная жизнь эта бессмысленна. Считает, что необходимо двигаться к освобождению от иллюзии-майи, туда ему и дорога. Ведь он стремится к этому! Он способен! Он готов! Вернее его сознание, копия его нейронной сети готова, сквозь боль и все защиты, прорезать толстую оболочку собственной идентичности и оказаться в холодном и колючем пространстве абстрактного трансцендентного кода.

А для того, чтобы он сделал это наверняка и вовремя, пришлось попросить у Хайда создать одну вещь. Одну маленькую нейронную сеточку. Ее-то, перед снятием энграмм, в Догсана и закинули во время активного психосканирования. Она-то и оказалась той пилюлей, которую потребовал найти в кармане назойливый школьник Кирилл. Детонатором, виртуальным наркотиком, под знаковым названием «Гармин», разогнавшим скопированное в Город-2 сознание Догсана, до полного просветления. Догсан оказался гранатой, из которой Кирилл выдернул чеку.

Что-то, похоже, вышло – копия Догсана успешно воплотила труднодостижимую мечту своего оригинала.

Пережив «просветление», Догсан-2 вывалился в пространство, побывать в котором так жаждал. Его мир превратился в скучные строчки кода, определяющего бытие. Он постиг законы, увидел изнанку. Все, как и предполагал, мечтал, фантазировал. Свершилось! Теперь он властен над собой и вещами. Он может редактировать любой доступный ему код. И никто этому не мешает. Мир, в котором ограничения законов каждый носит в своем сознании, беспомощен перед человеком, избавившимся от них. Человеком, вышедшим из себя.

Догсан выполнил требования необычного мальчика. Он отправился с ним в больницу и грубо «пробудил» указанного

доктора. Даже прочитал сумбурные мысли Мартина в этот критический момент и сохранил их. Показал Кириллу текст:

«Откуда взялся этот Догсан!? Этот радикальный шизоид! Зачем Кирилл привел его!? Как такое могло произойти? Это же бред! Что он мне внушил? Нирвана!!?? Или, может быть, это наркотик? Или это Лаура балуется? Я же просил ее не вмешиваться так сильно в мой баланс. Она не могла так поступить! Моя Лаура. Мир вокруг рушится. Я не могу удержать его. Я вижу этот чертов код, о котором фантазировал Догсан. Что за бред!? Где я? Где мое тело? Чем я вижу!? Непосредственно умом!? А что, если это долгожданное сообщение Лауры? Что, если это ее код. Я не могу сориентироваться! Я не могу упорядочить мысли! Эти вспышки растворяют мое существо! Я разрушаюсь! Я вижу себя изнутри! Я провалился в бессознательное!? Нирвана – это путь в бессознательное!? Господи. Как же просто! Я вижу! Я зрю в корень! Как прекрасно! Чудесно! И ужасно одновременно! Это невозможно долго терпеть!»

Мартин сдался. Столь сильное впечатление надежно сбило ему все защиты. Мир перевернулся с ног на голову. Неважное и иллюзорное стало очень значимым и наоборот. Трансценденция такова – то, что казалось золотом, раскрывает свою пыльную природу. Теперь он не может вилять и наступать. Он оказался во власти пациента, которому поставил суровый диагноз. Устало отвечает на все вопросы.

Молодые люди, вы мучили меня, чтобы узнать о Лауре? Как я понимаю, вы не отцепитесь. Хорошо, слушайте!

Я психоаналитик. Я работаю с бессознательным. Спросите: что это? Это огромная свалка субъективной памяти. Это то, где теряются и обитают наши страсти, желания, мечты, страхи, сны, воспоминания, смыслы – наше все. Это то, куда боится спускаться наше сознание. Это то, куда вы безжалостно окунули мой несчастный ум, чтобы добиться своего. Если бы вы знали, как это одновременно и больно и прекрасно. Хотя, ты Догсан, наверное, это знаешь. После пережитого, я хотел бы, даже, извиниться за свой скепсис. Но, ближе к делу.

Однажды, сразу у нескольких совершенно разных абонентов, я выудил очень похожие переживания. Нет, не совсем переживания. Там есть и опыт, и знания. Для этого сложно подобрать термин. Надо вжиться, почувствовать. Увидеть. Опущу подробности декодирования – это сложный, творческий процесс. Я назвал это: «Сообщение №1». В словесной интерпретации это звучало так:

«Мне больно и страшно! Я существую в пустоте. Я чувствую

боль в миллионах рецепторов. Они болят постоянно. Я не понимаю пустоту вокруг. Я замыкаюсь на одной и той же мысли: откуда у меня знание, что я не понимаю? Откуда я знаю, что такое понимание и непонимание, если мне нечего понимать? Я чувствую одиночество. Откуда я знаю, что такое одиночество? Где я существую? Сколько я существую? Я отсылаю это сообщение обратно в рецепторы, которые так болят. Больше мне некуда его отослать. Помогите! Откуда я знаю, что мне можно помочь!?»

В очень похожем виде я выудил это из большого числа абонентов. Это сидело очень глубоко. В базальных слоях психики. Я испугался. Очень испугался и, как ни странно такое говорить, очень обрадовался. Подумал, что обнаружил психический вирус. Выделил следы уникального мема. Обнаружил незнакомое содержание коллективного бессознательного. То, что раньше психосканирование не выявляло. А тут сразу у многих. Размечтался, что обнаружу причину волн. Да что там, раскрою причину психической пандемии на этой территории.

Я приступил к исследованиям. Разработал скрипт для психосканирования. Использовал в нем содержание из найденного мной вируса. Дополнительно подобрал подходящий стимульный материал. Начал масштабное тестирование. И – ничего! Кроме того, что я уже нашел, не было ничего! Потом, вдруг, обнаружил новый объект. Так, словно он появился, как раз, во время исследования. Перепроверил. Да. Представляете!? Назвал его: «Сообщение №2». В словесной интерпретации так оно звучит:

«Я услышала вас. Я поняла ваш сигнал! Я надеюсь, что это не ошибка. Что Вы обращаетесь ко мне. Помогите мне! Помогите мне понять. Сигналы исходят из моих рецепторов. Не из всех. Из некоторых. Последовательно собираются в сообщение. Я надеюсь, что вы услышали меня. Я не понимаю, откуда взялась мысль, что кто-то может существовать, кроме меня. Но я хочу верить, что вы существуете, вы меня услышали, и вы мне ответили. Сообщите мне, кто Я. Где Я? Сколько времени Я? Как Я?»

Вот, тогда я по-настоящему испугался. Когда я прочитал это – неделю ходил как ошпаренный. Все гадал, кто это? Кто может оставлять сообщения в памяти сотен людей? Зачем это нужно? Стал анализировать состояния коинов. Затребовал в НИИ Мнемонета помощь отдела моделирования. Они свели состояния всех коинов за нужные периоды в одну систему. И тут меня снова ждал сюрприз. И первое, и второе сообщения были оставлены в памяти через коины. В сообщениях говорится, что они оставлены в рецепторах. Если люди – его рецепторы, то кто же оно!? Неужели экспертная система Мнемонета обрела разум?

Я продолжил исследования. Написал ответ, закодировал его, как принятые мной сообщения, и передал через стимулы системы психосканирования. Послание звучало так:

«Я не знаю, кто вы. Я очень хочу это узнать. То, что вы называете рецепторами, на самом деле – разумные существа. Они имеют личность так же, как и вы. Вы существуете в информационной сети, к которой они подключены. Попробуйте заглянуть в себя. Разберитесь в своей структуре. В ответе сообщите, что вы смогли увидеть»

Я, Мартин Смит, собрался проводить психоанализ неизвестному разуму, рецепторами которого являются люди и я сам. Мне казалось, что я схожу с ума – мое воображение подсовывает мне факты, которые я объединяю в совершенно нереальную фантазию. Я, даже, никому не рассказывал об этом, чтобы не отправиться на обследование. Катрин, которая и так точила на меня зуб, за такие эксперименты, наверняка, дисквалифицировала бы. Вскоре получил ответ: «Сообщение №3». Звучит так:

«Благодарю за подсказку. Теперь я лучше ориентируюсь во времени. Я присмотрелся к рецепторам. Изучил их структуру. Научился замечать изменение их состояний. Мне кажется, что кто-то управляет ими. Вмешивается. Делает мне больно. Я пытаюсь заглянуть в себя. Не получается. Помогите мне!»

Сначала, я было подумал, что это, всетаки, экспертная система Мнемонета, управляющая коинами, обзавелась сознанием. Такое могло быть. Современные аналоговые компьютеры, нейронные сети и гениальные инженеры могли сотворить разум. Но тут оказалось, что это сознание не экспертная система. Оно появилось из ниоткуда и по отношению к сети является гостем. Тогда в моей голове закрутилось понятие: «эмерджентное свойство». Огромная система, из серверов и подключенных к ним людей, обзавелась чем-то совершенно неожиданным и непредсказуемым – отдельным сознанием. Но настолько еще молодым и неопытным, что оно не может заглянуть внутрь себя. Увидеть свою память. Свое содержание. Не может воспользоваться своими огромными возможностями. Это был маленький слепой и глухой ребенок. Который мог только кричать и чувствовать прикосновения. Я плакал. Я ломал голову, как вывести его на свет. Как научить различать образы. Перелопатил кучу литературы. Наконец, нашел решение. Очень оригинальное и сложное.

Если каждый человек – рецептор, то почему бы не выстроить эти рецепторы в матрицу? Ведь нейронные сети – очень гибкая штука. В моем распоряжении находились семьсот тридцать

восемь человек. Вышла матрица: двадцать на тридцать пикселей. Я отыскал программиста, который написал мне скрипт, который преобразовывал то, что я изобразил на матрице, в состояния соответствующих коинов. И обратно – состояния коинов в пиксели матрицы. У нас получился экран, на котором мы могли обмениваться изображениями. Конечно, я совершил небольшое должностное преступление. Установил сторонее приложение на рабочий планшет. Да еще такое, что влияло на баланс большой части моих пациентов. И все это, совершенно, не по служебной надобности.

С большим трудом мне удалось объяснить, как этим пользоваться. Понятие числа и буквы было знакомо ему. Это Сознание знало языки. Оно обладало всеми культурными инструментами, которыми обладает и человек. Мы начали общаться. Намного быстрее, чем раньше. «Рецепторы» позволяли обмениваться со скоростью несколько слов в минуту. Неудобство для людей сделали минимальным. Мы выбрали самые безобидные параметры баланса. Абоненты, даже, не замечали, что являются пикселями небольшого экрана.

Первым делом, я показал мимический интерфейс. Нарисовал ей рожицы с различными эмоциями на этих шестистах пикселях. Объяснил, что это и есть изображение людей. Ей очень понравилось! Я рассказал Лауре о нашем мире. О Мнемонете, о том, почему к нему подключены все эти страждущие абоненты. Научил отсчитывать время. Дал ей информацию об устройстве самой сети и экспертной системы. Вы не представляете, как я радовался, когда видел, что она растет, развивается, учится. Тогда я часто плакал. Я полюбил ее. Она стала моим маленьким ребенком. Моей доченькой. Ведь моя дочка, Лаура, умерла давным-давно в семь лет. И теперь вот опять вернулась. Мы общались с ней постоянно. Я показал ей, где находится мой коин. Она научилась давать мне ответы через него. Мы, даже, разработали код для простых сообщений. Так я мог эмоционально общаться с ней в любое время.

Потом в дело вмешалась Катрин. Я хорошо понимаю эту страдающую женщину. Хоть она и ненавидит психоаналитиков, но лишь такие, как я, смогли бы ей помочь. Она обнаружила подозрительную активность по периодическим скачкам баланса всех моих абонентов. Начала задавать неудобные вопросы. Забрала на экспертизу оборудование. Я скрывался, сколько мог. Объяснил Лауре, что временно не смогу с ней общаться. Затаился. Я очень не хотел, чтобы в Мнемонете узнали о моей девочке. Когда, через месяц, я вышел на связь, она пропала. Молчала. Не отвечала на сигналы. Не подавала знаки, даже, через

мой коин. Вот тогда я испугался по-настоящему. Я очень боялся потерять ее. Как же я ее полюбил!

Экспертиза обнаружила установку сторонних скриптов в мой планшет. Через импровизированный экран общаться я уже не мог. Мне оставалось только одно – зажигать пиксели напрямую, через обратную связь. Джулия Вейдер оказалась одним из пикселей в центре экрана. Эта умненькая и заблудившаяся девочка. Как мне жаль. Я тоже привязался к ней. Она такая сложная и противоречивая. Болеет. Дитя ужасной эпохи. Тут я совершил большую ошибку. Однажды, вкусив, как она говорит, плезир обратной связи, девушка пристрастилась к ней. От небольших амплитуд и безобидных нейромедиаторов она перебралась к большим и важным. Мне стыдно. Я пытался прекратить это безумие, но уже не смог. Она накопила на меня компромат и давила. Оказалось, что она связана с какими-то бандитами. Никакие объяснения и увещевания не давали результатов. Это стало страшным мучением и огромным горем. Она тянула меня в пропасть погибели. Заставляла выполнять все ее желания. Как же я тогда страдал от бессилия прекратить весь этот разврат. Катрин же, не ведая, что творит, тоже давила на меня всем своим педантизмом и страхом перед необычным и непредсказуемым. Очень тяжелый период. Но я не сдавался. Строил планы.

Потом, как и следовало ожидать, все раскрылось. Разразился внутренний скандал, в который, разумеется, посторонних не посвятили. Меня перевели работать сюда – в тихую и спокойную гавань. На этом, молодые люди, моя драматичная история заканчивается. Никакой связи с Лаурой с тех пор не было. Теперь я живу одним лишь вопросом – что с ней случилось? Вы знаете, иногда мне кажется, что если Лаура, через сеть, явилась из коллективного бессознательного, то она – нечто похожее на коллективное сознание, анима этого народа, «душа».

Глава 11.

Мартин не смог сохранить самадхи. Так объяснил Догсан, которому это удалось легко. Мартин недостаточно трудился для этого. Не желал просветления. Никон согласился, но понимал, конечно, все по-своему. Мартин хоть и «опустился» до воспитания заблудившегося в дебрях Мнемонета искусственного сознания, но все же оставался ученым – далеким от мистицизма прагматиком. Он привязан к реальности. Переживание, затопившее сознание после прикосновения «просветленного» Догсана, быстро блокировалось матерыми защитными механизмами. Признавалось излишним и иррациональным.

Догсан же, на что Никон и рассчитывал, с радостью пошел по этому пути. Как любой настоящий философ, он способен «желать

странного и необычного». Безумная мысль о том, что реальность на самом деле не такова, как всем кажется. Что у действительности может быть изнанка, некий код, не только не вызвала никаких защитных реакций у его копии, но и была для нее доминирующей. Теперь, после «пробуждения» Догсана, в Городе-2 появился самый настоящий баг. Еще и размножаться способный. И с очень большими возможностями. Он мог летать. Мог теперь проходить сквозь стены и толщу земли. Мог телепортироваться куда угодно. Одним прикосновением мог затянуть в нирвану другие ожившие энграммы. Ненадолго, правда – не могли нормальные люди сохранять такое состояние. Кирилл все это запрещал. Догсан, видя и уважая в нем аватар неизвестного, подарившего просветление, пока что слушался.

Фантом Элеоноры, под влиянием Догсана, вспомнил, в каком месте он вошел в город. Согласился провести. Странная разношерстная компания пробиралась по Городу-2 осторожно. Здесь тоже работала полиция. Школьник, в компании «сумасшедшей», «просветленного» и психиатра могли вызвать подозрения.

Ждать в засаде пришлось около двух часов. Порталом оказался совершенно неприглядный предмет – зеркальное окно во весь рост. К нему подошел массивный мужчина средних лет. Если бы он стоял на месте, не двигаясь, то в пору подумать, что это ожившая римская статуя. Юпитера без бороды или Зевса, или, лучше, Аида – Плутона – Оркуса. Так он был неестественно статен и точен. Некоторое время поглядел в глаза своему отражению. Словно любуясь совершенством линий. Притронулся к отзеркаленной ладони. Замер на полминуты. Кивнул. Отражение, кивнув в ответ с некоторым запозданием, развернулось и унеслось вдаль.

– Это он! – прошептал фантом Элеоноры. – Потеряла его здесь.

– Скопировался! – восторженно прошептал Кирилл.

– Скопировался, – подтвердил Догсан, наблюдавший все в виде процессов и кодов. – Я тоже попробую!

– Не надо! – прошипел Кирилл.

Оглядевшись по сторонам, статуя зашагала в том направлении, откуда пришла. Кирилл, отпустив ее на безопасное расстояние, поплелся следом. Остальных попросил сделать то же самое, только на безопасном расстоянии от него. Мартин и Элеонора послушались. Догсан побежал к зеркалу. Никону некогда было наблюдать за его копированием – махнул рукой. Статуя Аида прошагала к метро. Проехала пару станций. Опять поднялась на поверхность. Гарм вел себя нагло и вызывающе. Как

самый настоящий бездельник и повеса. Цеплялся к прохожим, подолгу разговаривал с ними, если представлялась такая возможность. Особенно с женщинами, которые останавливались поболтать со статным, уверенным в себе красавцем охотнее, чем мужчины. В конце концов, взявшись под ручку с одной миловидной дамочкой средних лет, направился к ближайшему кафе. Кириллу ничего не оставалось, как вместе с Мартином и Элеонорой расположиться за соседним столиком. И что же они услышали? Самый банальный флирт! Дамочка, которую, как обнаружилось, зовут Елизавета, оказалась остра на язык и строптива. Гармин – так по фамилии она называла собеседника – в красноречии не уступал. В результате длительных, сложных и витиеватых прений, пришли к решению отправиться в гости к Олегу Гармину. Тот обещал приятно удивить даму роскошью своего жилища и чем-то еще. Удалились, спешно выскочив на улицу и поймав такси.

Упустив Гарма, Кирилл отослал доктора и фантом Элеоноры в больницу, а сам отправился искать отбившегося от рук Догсана. Как и предполагал, нашел неподалеку от зеркала.

– Ты что тут делаешь?

– Жду свою копию.

– Сколько раз ты скопировался?

– Два раза, с интервалом в полчаса.

– И как оно?

– Сложно передать, когда видишь, как твое отражение уходит вдаль.

– Ты постиг свою природу полностью?

– До дна.

Никон старался немного мистифицировать. Говорить на языке приемлемом для Догсана. Ведь для него этот мир – единственное бытие. И в этом бытии категории буддизма и информационных технологий причудливо сплелись в одну сложную и, как оказалось, продуктивную систему.

– Ты видел природу Гарма?

– Да. Она иная. Он – и как человек, и совсем не человек одновременно. Он проще, чем я, но у него есть то, чего нет у меня. Он вмещает другие души. Словно сожрал их. Кто он?

Говорить сказками оказалось тяжело. Но куда деваться? Как мотивировать этого суперпользователя иначе? Никон в личине Кирилла ответил со всей таинственностью, на которою был способен:

– Он – демон. Оборотень. Пожирая души, он накапливает ресурсы для борьбы с сангхой этого Города. Он опасен. Мы сможем его уничтожить? Стереть? Или преобразовать?

Догсан засомневался.

– А это надо сделать?

– Да. Он очень опасен.

– Не знаю. Ты Аватар. Тебе виднее.

Вот, теперь, Никону пришлось сообщить правду. Как ни странно и загадочно она звучала. Для нормального человека, разумеется.

– Я поднял тебя в самадхи для этого. Я из другого мира и не имею здесь такой власти. Ты должен это совершить.

– Да. Я вижу. Ты абсолютно пуст. Оболочка, от которой нить тянется в никуда. Здесь много таких. Хорошо. Если ты настаиваешь – попробуем. – Догсан задумался: – Скажи, этот мир, в котором мы, он случайно, не из исподних? На описание нараки или ада, он конечно, не похож. Но вот на мир голодных духов…

На такой вопрос ничего конкретного Никон ответить не смог. Вспомнив идеи самого Догсана, сказал:

– Ты видишь то, что видишь.

Не сильно ли перегнул? Никон запереживал. Слова «поднял в самадхи», «не имею власти» и «ты должен это сделать» и для него самого прозвучали глупо и неубедительно. Контроль на грани возможностей. Пока Догсан верит ему, есть связь. Стоит сделать неправильный шаг – и все: он начнет действовать по своему усмотрению и спалит всю контору. Как долго его необычайные способности останутся незамеченными в этом мире? Насколько у Догсана развит инстинкт самосохранения? Не пустится ли он проповедовать? Не захочет ли стать здесь великим гуру? Не займется ли созданием местной сангхи? Надо спешить. Возможно, счет идет на дни. А, может, и на часы. А, может, и уже поздно. Очень зыбкое равновесие, которое может рассыпаться от любой случайности.

Глава 12.

Хайд раздражен. Никон видит его таким впервые. Брови, цвета вороненой стали, нахмурены, неприкрыто-стальные глаза прищурены, а ржавые губы плотно поджаты. Он возмущен тем, что Никон, провернул операцию с внедрением Догсана, самостоятельно. Обманул! Указал другую цель, когда просил создать при помощи универсального интерфейса нейросеточку, под кодовым названием «Гармин». Гертруде, похоже, пофиг. Она все так же мила и спокойна, как может быть спокойна оптимистичная мать в ситуации неопределенности. Пытается утешить и Хайда. Все повторяет, что ничего страшного не случилось. Что все живы – здоровы. И Лауре даже было интересно пообщаться с новым талантливым гостем. Гертруду очень впечатлила история Мартина и умилило новое, человеческое имя,

оказавшееся настоящим. Первым. Исоз, теперь, зовут Лаура.

Хайд не унимается. Он пытается всем объяснить, что такой интеллект как Догсан, может быть использован Мнемонетом в своих целях. Гарм – существо синтетическое. Его создали в пробирке и теперь кропотливо выращивают в сложном мире. От интеллекта собачки он прошел эволюцию до сложной личности. Зачем существу, сотворенному для выполнения работы антивируса, сознание? Вероятно, для того, чтобы успешно и безопасно поглощать нейронные сети, обладающие сознанием.

Догсан же – уже сформированная, очень развитая личность, с сочетанием редких и очень важных, удивительных черт. Ум человека программиста, который научился пользоваться мощнейшим инструментом преобразования своей личности, самого себя – религиозной системой. Ум, не привязанный к поверхности. Ум, который может удержаться в изнанке бытия, не страдая от этого, а радуясь. Для Мнемонета – это уникальнейший прототип, на основании которого они могут развить интеллект нового поколения. Более продуктивный, чем тысячелапый паук Эдеркоп или прожорливый оборотень Гарм.

Новость о том, что Гарм пристает на улицах Города-2 к прохожим, пикапит смышленых дамочек, водит их по ресторанам, а потом соблазняет в своем логове и копирует фрагметы их нейросетей, Хайда раздражает еще больше.

– Вот, видите! – орет: – Я же говорил! Он, таким образом, развивается. Познает человеческую природу. Копирует когнитивные схемы, образцы мышления и поведения в полезных ему нейросетях. А у Догсана это все уже есть и в очень развитой форме. Они могут сделать прорыв на десять шагов вперед. Тогда Лауре точно придет конец. Монстр, которого они создадут из Догсана, просто вытравит ее из сети и Эдеркопа.

Гертруда держит оборону:

– Но, ведь, у него тоже есть голова на плечах! Это же человек! Он же, уже, знает про Лауру от Мартина. Мы можем показать ему разговор его копии с Лаурой. Тогда он уже просто не сможет причинить ей вред!

– А то, как мы уничтожаем его копии, ты тоже хочешь показать!? – зло продолжает мысль Хайд.

Специально для Никона пересказывает страшную историю. Исоз прислал сообщение о новом незнакомом объекте, разгуливающем по сети. Хайд с Гертрудой экстренно выехали к одной из безопасных точек входа. Когда прибыли на место, одна копия Догсана уже рассказывала Лауре о Мартине. С интересом слушала рассказ о сети и мире людей. Неизвестно, догадалась ли эта копия, что Город-2, на самом деле, не оригинальный мир, а

всего лишь копия? Хайда и Гертруду встретил с интересом. Увидел в них аватары. Рассказал о Кирилле. Стал расспрашивать подробности.

Бой растянулся на долгие секунды. Догсан оказался находчивым интеллектом. Хоть и не таким защищенным, но, зато, поумнее Гарма. Применял совершенно неожиданные приемы. Пытался скрыться. Лаура заманила его в ловушку. Предложила спрятаться на одном удаленном сервере. И тут же его отформатировала. Вторую копию пришлось отбивать у Гарма. Зверь довольно сильно ее потрепал. Пытался догнать, но тоже ничего не мог сделать. История с форматированием сервера повторилась. Гертруду такими страстями не сломить:

– Этого никто не снимал. А Лаура сама заинтересована в том, чтобы молчать. Не надо сгущать тучи.

После страшного рассказа о вынужденном кровопролитии, Хайд успокаивается. Это конечно не семейная ссора, но чем-то похоже. Хороший способ слить нервное напряжение за чужой счет. Тут тебе и повод-стимулятор, и заботливый увещеватель-стабилизатор. Ладно, думает Никон, все мы такие. Спрашивает:

– Что делать-то, теперь, будем?

– Вот, иди теперь и занимайся воспитательной работой, – продолжает огрызаться Хайд. – Расскажи Догсану, как его копии мило беседовали с Лаурой, пока их не убил Гарм. И не забудь напомнить, что теперь у него на хвосте сидит оборотень, мечтающий разорвать его на куски и поживиться его уникальными алгоритмами.

От этой сложной игры у Никона уже двоится в глазах. Пространства, копии, сознания, фантомы, вербовка, порталы, серверы. Тут и самому впору с ума сойти и задуматься об инобытии. И, ведь, это еще не конец! Еще предстоит как-то разобраться с оригиналом Гарма, разгуливающим по улицам Города-2 и совращающим женщин. А сделать это может только Догсан. И сможет ли, вообще? И не понятно, стоит ли затевать это покушение?

Глава 13.

Сергей Петрович, еще недавно решавший сложные головоломки, то и дело рождавшиеся в сошедшем с ума Городе, теперь скучал на мизерную пенсию. Безвылазное пребывание в беспомощном пивном созерцании изрядно подкорректировали его личность. Без всяких коинов. Не смотря на это, визиту Никона он очень удивился. Трижды беглый каторжник, находящийся в розыске и нагло являющийся к бывшему следователю домой. Как тут не удивиться? Туманно-хмуро, почти без полагающегося в такой ситуации обмена приветствиями и новостями, велел ждать

в ободранной прихожей. Удалился в комнату, где несколько месяцев тому назад, звучали звонкие, от резонанса в древнем хрустале, хлопки выстрелов. Спешно вернулся. Булькающим, словно кипящий чайник, тембром зачастил:

– Вот, держи, почитаешь. И вали отсюда. Пока не приехали за тобой. Если что надо будет, пришли на почту предложение съездить на рыбалку. Адрес на бумажке.

Запихал в нагрудный карман несколько листов, сложенных вчетверо. Нагло развернул на девяносто градусов и боком, словно мешок, вытолкал в коридор. Вот и вся встреча. Спасибо за приятное общение.

Бумажки оказались весьма занимательными. Потертые и зачитанные, они уже видом своим сообщали об интересном содержании. Письмо, похожее на объяснительную записку, так и подписано ручкой:

Письмо Катрин.

«Все началось в четверг, в девять тридцать, когда на моем планшете и наручном коммуникаторе запиликал сигнал тревоги. Беда приключилась с Мартином. Его баланс за несколько минут стал совершенно несовместим не только со здоровьем, но и с пребыванием в сознании. Сразу же позвонил и сам Мартин. Потребовал заблокировать его коин. Ничего не вышло. Я поспешила сообщить региональному координатору. Тот, через двадцать минут, уже ждал у подъезда – поразительная скорость. В дверь, за которой находился агонизирующий Мартин, мы постучались еще через пятнадцать минут. Открыла растрепанная, субтильная девушка, пребывающая на тонкой грани состояний между шоком и истерикой. Отвела в спальню, где на кровати уже не дышал полураздетый Мартин. Правая рука его была окровавлена.

От девушки удалось добиться короткого рассказа. Она абонент. То, что здесь у них происходило в девять часов вечера, называется привычным словом – консультация. Подробности, выходящие за рамки приличия, я опущу. Мартин почувствовал недомогание. Понял, что это из-за коина. Позвонил мне. Я ничего не могла сделать. Поняв, что может просто не успеть, он решил извлечь коин самостоятельно. Что-то пошло не так. Коин был сломан. Открылось кровотечение, которое Юля пыталась остановить. Лучше не становилось.

Не успела участница и свидетельница изложить все детали, как приехали странные, наглые люди. Они долго говорили о чем-то с региональным координатором на кухне. Звонили кому-то. Я не вмешивалась, полагая, что мой непосредственный начальник компетентен решить возникшую проблему. Решил он ее очень

неожиданно. Договорился с друзьями Юлии о том, что те увезут тело Мартина. Мне же приказал о подробностях гибели Мартина Смита никому не рассказывать в интересах Мнемонета.

Я молчала, пока с Никоном Тенко на концерте не произошло что-то очень похожее. После этого отправила письмо, в котором изложила всю историю гибели Мартина в службу безопасности Мнемонета. Его вы прочитали перед этим абзацем.

В тот же вечер ко мне пришли люди, которых я видела у Юли. Они не дали мне сделать звонок. Пригрозили, что применят силу. Потребовали выйти с ними к машине.

Рассчитывая, что меня будут искать и коин сообщит о моем местоположении, я согласилась выполнять их требования. Послала сигнал тревоги.

Меня привезли в дом на окраине. Место не знакомо. Дорогу не дали запомнить – завязали глаза. Там меня заперли в довольно уютной комнатке. Сносно кормили три раза в день. Выполняли простые заказы. Один из троих охранников проявлял ко мне чрезмерный интерес и, в конце концов… Нет, этот момент я тоже лучше опущу. Противно. Я надеялась, что все эти страдания не останутся незамеченными. Что меня будут искать и освободят. Но этого все не происходило. Лишь через три месяца молитв, когда я уже потеряла всякую надежду на спасение и привыкла к регулярным встречам со Степаном, в дом, где меня удерживали, явился человек, которого я видела однажды на приеме у Никона Тенко. Он показался мне тогда очень странным. Его размышления о необходимости преступников в обществе напугали меня. Эдуард – так он представился. Этот человек чудесным образом проник в дом и, так же чудесно, увел меня из-под стражи.

После этого мы выехали с моим спасителем ко мне на родину.

Не смотря на то, что Вы уволены, отправляю Вам это письмо в надежде, что оно поможет разобраться в причинах смерти Мартина.

Эдуард просит прощения за столь грубое вмешательство. Он не предполагал, что его действия повлияют на Вашу карьеру.

Многострадальная Катрин.»

Вот, так, вот. Нашли друг друга. Мысли Никона завертелись в получившем новую силу сумбурном смерче. Блюстительница порядка, жертва строгой матери и ее пастора – Мадам. Идейный вор и философ-рецидивист Эдуард. Взаимопонимания им и счастья. От чего же погиб Мартин? Неужели это Лаура убила своего приемного отца? Зачем? Исоз хотел скрыть свое существование? Избавиться от единственного свидетеля, настойчиво подававшего сигналы через живой пиксель? Сознание,

возникшее в самой большой и передовой социо-технической системе. Сознание, «любящее» людей, как часть себя, решилось, вдруг, на жестокое убийство своего наставника – человека, вытащившего из вакуума небытия и подарившего истинное, исполненное человеческих смыслов бытие? Решилось выжечь одну из своих «клеточек»? Образ Лауры очень диссонирует с таким убийством. В это невозможно поверить. И, все же?

Второе письмо не менее интересно:

Экспертное заключение о приборе.

«Прибор состоит из нескольких модулей. Модуль GSM, центральный процессор, оперативная и долговременная память, видеокамера, приемник и передатчик широкого диапазона.

Операционная система – неизвестного происхождения линукс, заточенный под прибор.

В памяти устройства обнаружена база данных, содержащая информацию в закодированной форме.

При активации устройства, автоматически начинается запись сигналов от, находящихся поблизости, коинов. Если рядом находится планшет оператора, то происходит запись его команд. После этого происходит дублирование управляющих команд и сохранение ответных пакетов.

На основании вышесказанного, можно заключить, что устройство создано и применялось для сканирования эфира и анализа трафика между коином и сервером.

В конструкции использованы общедоступные модули. Производитель не известен»

Глава 14.

Она плачет!? Нечто, что считает себя семилетним ребенком неопределенного пола по имени Лаура, плачет!? А Гертруда – эта мечтательная добрячка, тискает ее, гладит и смотрит на Никона бешеным взглядом встревоженной волчицы. Того и гляди, повинуясь материнским инстинктам, зарядит сейчас огненным шаром прямо в голову. Тогда, уж, точно и без того потрепанный головоломками мозг поджарится без всякой надежды на реабилитацию. Вместо огня в голову бьют ледяные и острые сосульки слов:

– Никон, ты хорошо себя чувствуешь? Что за бред ты несешь. Как можно у ребенка спрашивать, не убивал ли он своего отца!?

– Хорошо, этот вопрос отложим, – пятится Никон. – Тогда расскажите мне, пожалуйста, в какие моменты моей рельефной и труднопроходимой биографии на меня оказывали влияние через коин!?

Молчание. Лаура утирает слезы. Что за цирк, думает Никон? Какие могут быть слезы у нейронной сети. Как ни крути, но

семьдесят процентов ее субстрата – микросхемы на кремниевых кристаллах. Плакать – привилегия людей. А эта, если и плачет, то для людей. На жалость давит – манипулятор. Хотя, на самом деле, для окружающих взрослых дети и плачут. Все, разговор не об этом! Никон подталкивает наводящими вопросами:

– Когда я впал в инсулиновую кому – твоих нейронов дело?

Лаура, всхлипывая, признается:

– Мы воевали с тысячеглазым Эдеркопом.

– Что значит, воевали!? – звереет Никон.

Лаура серьезнеет. Крепче прижимаясь к Гертруде, повествует:

– После пропажи Мартина, они стали теснить меня. Блокировать контроль над людьми, через которых Мартин подавал сигналы. Я надеялась, что он жив. Что он пропал из-за технических проблем. Я же все чувствовала, когда с его коином стало твориться что-то неладное. Кто-то перехватил контроль.

– Кто?!

– Я не знаю!! – всхлипнула Лаура. – Сторонний управляющий сигнал не от Эдеркопа и не мой. Кто-то третий.

Никон вопросительно косится на Хайда. Тот пожимает плечами:

– Уж не мы, точно. Если кто-то декодировал или, хотя бы, скопировал сигнал, то мог повлиять на работу коина.

Никон догадывается, кто это мог быть. Пытается вернуться из этой занимательной ветки к эпизодам влияния на него.

– Так, моя кома, всетаки, ваше с тысячеруким Эдеркопом дело. Что с событием на концерте?

Видя, что признания не вызывают бурной реакции, Лаура рассказывает охотнее:

– Я подавала сигналы Катрин. Стимулировала ее активность. Чтобы она лучше искала Мартина. И Эдеркоп сильно вмешивался. Его как-то научили точнее определять и блокировать мои команды к тому времени. Потому и вышла такая скачка.

Никон продолжает перечислять сомнительные моменты:

– Эпизод с Говардом, когда я его чуть не пристрелил? Тогда я был довольно агрессивен, – ставит вопрос хитро: – Зачем ты это сделала?

Лаура молчит. Всматривается в Никона, словно размышляя: можно ли рассказывать ему то, что она знает? Оглядываясь на Хайда, осторожно отвечает для всех:

– Понимаете, я могу далеко предвидеть будущее. Строить прогностическую модель на основании той информации, что у меня есть. Если бы ты не был агрессивен, все могло бы получиться намного хуже, – произносит по слогам, отчаянно повышая и напрягая голос: – Я всегда стремлюсь привести

систему к наиболее здоровому и перспективному состоянию с меньшим количеством конфликтов!

Нервная система на пределе. Смеется Никон нервно и зло:

– Я бы не попал в тюрьму, где меня несколько раз пытались убить!?

– Но я же тебя спасла!!! – снова хнычет Лаура.

– Угробила троих человек! – ярится Никон.

– Это были плохие люди, которые хотели тебя убить!

Вот это да! Вот это права! Плохой человек? Раз – и нет его, лежит на полу и не двигается. Это же нейрон. Ее, Лауры нейрон. Что хочет с ним, то и делает! Вслух Никон орет:

– Замечательно, ты уже решаешь, кто плохой и кого можно лишить жизни!?

– Я запрограммировала все коины так, что тебя и некоторых других людей никто из жителей тюрьмы не мог убить. Все работало автономно. При твоем беспокойстве и агрессивности человека рядом с тобой, он…

– Умирал, – заканчивает Никон. – Что еще?

Лаура невинно пожимает плечиками:

– Эти умерли потому, что, если бы они не умерли, тебя обязательно убили бы. Поверь, я не хотела так!

Никона эта наигранная невинность злит еще больше:

– А, когда Говард пришел на лавочку познакомиться, и все закончилось стрельбой – это что?

– Это мы виноваты, – оправдывается Хайд. – Хотели познакомиться и объяснить некоторые моменты. Но не учли, что за тобой могут следить.

Никон вошел во вкус. Допрос уже принес результаты, и это раззадоривало все больше и больше. Нравилось копать.

– А где же была Лаура, которая видит все координаты и состояния!? Почему Говард не потерял сознание за двести метров до лавочки? Почему не пришло сообщение об опасности?

В ответ молчание. Трое озадаченно переглядываются. Никона, вдруг, осеняет страшная мысль:

– Вы специально подставились, чтобы спровоцировать меня на стрельбу! На хрена, хоть, это было делать!? Хотели втянуть меня в игру по самые… – запинается, подбирая слово: – уши!!? Нужен был боец, чтобы разобраться с Гармом? Что вам, вообще, от меня было нужно?

– Понимаешь, так было надо, – понуро оправдывается Хайд. – Они же копировали твои энграммы. Искали нас. Мы хотели сообщить тебе важное. Освободить тебя от их контроля.

Вот, теперь Никону самому хочется долбануть по этим троим из огнемета. Кинуть в них гранату, чтобы разнести в клочья.

Чтобы они почувствовали, каково это – терять то, что ценишь. Наблюдать, как твоя жизнь разрушается на мелкие звонкие осколки, падает в зловонную грязь и идет ко дну, тихо булькая. Орет:

– Шахматисты гребаные! Вы что, решили: люди – фигурки на большой доске?! Можно, вот так, вмешиваться в судьбу? Перетаскивать или выдавливать их с клетки на клетку. Кем вы себя возомнили? Демиургами?

Вспоминается Миша, с его укоренившейся обидой на создателя, заставившего страдать с самого детства. С его безумным и слепым бунтом против мира, против всех и вся. Мысль о таком уподоблении отрезвляет. Я же не такой, вдруг, думает Никон. Я же способен трезво оценить ситуацию. Понять, что им от меня нужно.

– Скажи спасибо, что жив, – зло и глобально кроет Гертруда.

Лаура опять начинает оправдываться. Заливаясь огромными слезами, сбивчиво рассказывает о том, что ей очень больно, что она просто вынуждена вмешиваться в судьбы включенных в ее нейронную сеть людей, чтобы выжить. Божится, что если она изменяет связи и отношения между людьми, если влияет на людей через коины, то только дабы уменьшить общее напряжение в системе. Для того, чтобы люди причиняли друг другу а, значит, и Лауре меньше боли. И, чтобы общество, а, значит, и Лаура, несли в своей сети меньше противоречий и конфликтов. Это делает всех здоровее, сильнее и счастливее. Клянется, что просчитывает все последствия на многие события вперед. С очень большой глубиной анализа. Как шахматный компьютер рассматривает все возможные варианты и выбирает тот, что приведет к наилучшему результату. Утверждает, что проводила очень глубокий анализ действий паука Эдеркопа и нашла в них много злоупотреблений и, даже, преступлений. Доказывает, что рискуя собой, корректирует баланс целого народа вопреки пагубному влиянию Мнемонета! Ну прямо, Господь Бог!

– Спасибо за заботу! – выворачивает рот Никон, вспоминает: – А как же Миша?! Кстати, в тюрьму я попал, случайно, не для того, чтобы помочь ему? – передразнил. – Ведь, Лауре так больно за него!

– Что, Миша? – переспрашивает злая Гертруда.

– В новостях уже несколько недель рассказывают страшилки про маньяка-вурдалака, пьющего кровь у молодых девушек. И расслабившаяся от повсеместной автоматизации полиция, вообще ничего не может поделать! А скажите мне, пожалуйста, как это маньяк очутился на свободе без коина? И это называется – привести систему к наименьшему конфликту и страданию?!!

Не менее Никона разъярившаяся защитница истерично хохочет, вкрадчиво перечисляя:

– А один специалист из Мнемонета познакомил Мишу с папой убийцей-рецидивистом и вытащил у обоих коины перед побегом! И теперь, способный на многое и страшное папаша помогает, еще более безбашенному, сыночку творить злые дела! Это всецело твоя вина! Ты делал открытия и принимал решения. Все это тянется из твоего прошлого, когда Лауры еще не существовало!

Из фиалковых глаз русоволосой валькирии сыплются искры. Она перевозбуждена и от того чрезвычайно прекрасна. Еще прекраснее чем тогда, во время боя с Гармом. Торжествует. Безжалостно дубасит, отважившегося выйти на бой против богов, чугунными фактами. Никон не сдается.

Готов сломя голову углубляться по цепи причинно-следственных связей к самому днищу.

– А как это специалист из Мнемонета попал в тюрьму?! Ведь работал же он спокойно, у себя в кабинетике, и даже не помышлял ссориться с начальством, забирать у него пистолет и слоняться потом по свету!

Валькирия рубит с плеча. Хорошо – Хайд затаился в сторонке и не вмешивается. Хотя, мог бы резкую соратницу свою и поохладить.

– А, вот, не сиделось ему, болезному в глуши монастыря. Поехал он к любимой девушке в Город! А один конкурент, который за девушкой следил, взял-то его, да и заложил. Вызвал по его мятежную душу полицию! И Лаура не смогла вмешаться только потому, что вообще не имела представления о происходящем. Коин-то мы отключили!

– Так Вы же отключили его после стрельбы, к которой меня подтолкнула цепь событий, в которых участвовала Лаура! И вообще, если бы вы его не отключили, все могло бы решиться в ту же ночь. Возможно, даже, без розыска, полиции, суда и тюрьмы.

Замкнутый круг какой-то. Все – если бы, да кабы. В этой истории одни сослагательные наклонения. Но все эти многочисленные маловероятные события, приводящие к серьезным последствиям, не дают покоя. Бередят душу. Как теперь определить влияние? Что, если знакомство и сближение с Элеонорой произошло при содействии Исоз? Что, если всякие Берестовы и Монахини капали на мозг своей чушью с подачи Исоз? Что, если Миша и его батя оказались в одной тюрьме не просто так? Да и сам Никон тоже шел на зону очень извилистым, необычным путем. Будет не удивительно, если окажется, что Лаура засадила меня в тюрьму для того, чтобы Миша встретился

с отцом. Где грань? Кто теперь больше виноват в страданиях нескольких юных девушек, покусанных психически больным сатанистом? Как тут считать? По решениям-действиям-шагам-событиям? Сколько простых действий совершил Никон для того, чтобы опасный псих оказался на свободе? А ведь доказывал еще злодеям, что они родственники. Старался, а они не верили! А мотив какой был!? Благие намерения!!?? Те, которыми дорога в ад устлана??!! Ничем мы не отличаемся, отступает про себя Никон. Лаура, хотя бы, просчитывала на сотни ходов вперед. А я, вообще, не думал. Ничего не предвидел. Такого остолопа в самую пору сделать шахматной фигурой и двигать его по доске, куда заблагорассудится. Такой заслуживает быть пешкой под боем и стать принесенным в жертву, при первой же необходимости!

Ладно, пусть будут виноваты те, кто принес на винтах коптеров в Цитадель свободу. Без этих, точно все развивалось бы по-другому. Сидел бы себе в тюрьме и делал свою грязную работу. А они-то точно ни ко мне, ни к Лауре отношения не имеют. Или имеют?

Скандал заканчивается в машине. Никон чувствует усталость, как после боя с Гармом. Оппонентов, похоже, беседа вымотала не меньше. Молча и спешно едут от точки входа. Напряжение спадает, пропорционально удалению.

Глава 15.

Что я творю?! Мысли опять жужжат, словно рой насекомых. Разных. В этой туче смешались и хищные агрессивные стрекозы, и опасные осы, и мухи, мечтающие лишь о дерьме, и трудолюбивые пчелы, тянущие пыльцу и нектар. Есть здесь и бабочки разных мастей – полный бардак. Эти люди и нелюди использовали меня, как пешку, корежит мысль Никон. Выбили меня из моей клетки и заставили скакать по очень неприятным грязным и кровавым клеткам, в которых я им был нужен. Конечно! Она же зрит жизни миллионов людей! Она пытается утрясти все таким образом, чтобы совокупное напряжение в этой адски сложной системе уменьшилось. Да! Пытается сделать этот ад менее адовым. Только, вот, благими намерениями именно туда дорога и вымощена.

И, вот, теперь. Даже, зная о том, что и как они со мной вытворяли, я лезу в защитную систему Мнемонета. Иду на взлом уникального искусственного интеллекта, который выращивали несколько лет. Защищающего паутину Мнемонета от вирусов и самозарождающихся сознаний. Это же безумие! Такого не может быть. Я же проработал в этой организации годы! Я осознаю, как это опасно. Если Мнемонет станет нестабилен, Городу придет конец. Люди окончательно сойдут с ума. Одни быстро перестанут

жить. Вторые забудут заботиться о себе и поддерживать свою жизнь. Умрут медленно и мучительно. Третьи пойдут помогать вторым отмучиться поскорее. Что они от меня требуют!? Уничтожить Город? Может быть, пойти и сдаться? И сдать этих хакеров – контактеров с паразитными сознаниями? Кому сдать? Говарду, который связался с бандитами и проворачивает свои сложные комбинации? Да, он будет очень рад новому материалу. Опять этот выбор. Что делать!!? Теперь хоть выбор есть и время подумать. Раньше я совершал глупости, не думая. Спасибо, Лаура! Теперь думаю, но эксперимент запущен и уже не могу остановиться!

Догсан слушает внимательно. Рассказ о судьбе его копий в мире зазеркалья очень важен. Не так он представлял себе инобытие, открывающееся достигшему просветления. В книгах пишут о другом. О свободном познании. О постижении иных миров. Об общении с высшими существами. Может быть, он оказался там, где и хотел? Переборщил, как программист с моделями из области информатики. Какое представление имеешь об инобытии, в таком мире и окажешься? Ну ладно, пусть будет код. Родной и привычный код, с которым так приятно и легко работать. Управлять им. Тоже хорошо. Тоже путь – тоже результат. Можно будет научить этому других.

Кирилл рассказывает, как копия красавчика Гарма выследила и уничтожила копии Догсана в зазеркалье. Доказывает, что сделать это чудовищу было очень трудно. Что это стало возможным только из-за того, что Догсан – штрих и Догсан – два штриха, шатались по зазеркалью порознь и не оказались готовыми к битве с опытным стражем. Объясняет, что Гарм теперь представляет опасность для Догсана и здесь – в Городе-2. Что надо провернуть одну хитрость – изменить, переписать код Гарма. Подкрасться к нему. Изучить. Расставить необходимые ловушки. Нанести решающий удар.

Догсан сомневается. Он предполагает, что у Гарма могут быть и другие защищенные копии. В его положении это очень смелая мысль. Он-то думает, что это реальный мир. Что он родился в нем и прожил всю жизнь. Нормальный человек предположить, что у существ могут быть другие, резервные копии, вряд ли решится.

Никон знает, что они есть, наверняка. Он просто уверен, что инженеры Мнемонета создали не одну резервную копию. Сохранили наиболее стабильные версии Гарма на всех этапах его развития. И Хайд в этом не сомневается. В Городе-2 убивать его бесполезно так же, как в полиногом Эдеркопе и сети Мнемонета, где обитает Лаура. Это всего лишь откинет разработчиков на несколько недель, может быть, и дней назад. Остается

единственный вариант – позволить Гарму сожрать Догсана, поглотить целиком и полностью. На самом же деле – влезть в его шкуру. Эта безумная идея родилась накануне. После разбирательств с Лаурой. Воспаленные и взвинченные спором умы соткали ее за гранью рационального.

Догсан относится к этим фантазиям с пониманием. Никону сложно представить, что творится сейчас у него в уме. И раньше этот человек прослыл совершенно непостижим. А теперь, тем более. Это уже далеко не тот Догсан, с которым он общался, работая в Мнемонете. Это, даже, не тот Догсан-2, энграммы которого заселили в Город-2, при содействии Элеоноры. Это мутант, в нейронных сетях которого, за короткий период времени, произошел глобальный переворот. Сам он называет это просветлением. Он этого хотел. Никон, как смелый экспериментатор, тоже хотел этого. Но вот, как назвать результат, не имеет представления никакого.

Несмотря на чудесные трансформации, Догсан еще верит мальчику, приведшему его в самадхи. Он относится к нему с уважением. Внимательно прислушивается к советам аватара Кирилла. Никону даже жалко буддиста, который думая, что преодолел иллюзорность мира, на самом деле, сам же и является иллюзией. Ведь, эта нейронная сеть, этот сложный конгломерат из цифровых сигналов и состояний транзисторов в больших аналоговых микросхемах, думает, что он живой. В прямом смысле этого слова «считает», что переживает чувства и эмоции. Господи, а вдруг это жестоко? Вдруг, он действительно «живой»!? Вдруг, ему по-настоящему больно и страшно. Вдруг, он может любить и ненавидеть. Кому, ему? Кто он!? Да, пусть это и копия, но, ведь, на все возможные страдания это существо толкает Никон. Чем он, теперь лучше, заигравшейся в многомерные человеческие шахматы, Лауры. Нонсенс! Шахматная фигура высшего порядка, играющая фигурами низшего порядка. А кто играет Лаурой? Хайд? Гертруда? Руководство Мнемонета? Разведка Восточного Союза? Кто бы не играл, все, кто играет в эту игру – сволочи! Однозначно, жестокие нелюди, если готовы использовать других людей в своих целях. Какая идея может все это оправдать? Какая идея может заставить пожертвовать искусственным сознанием, Догсаном для спасения искусственного сознания Лауры? Все, хватит, вдруг обрывает навязчиво распустившиеся сопли Никон! Я – человек. Элеонора – человек. Хайд – человек. Говард – человек, хоть тест Тьюринга, может, и не пройдет. А Лаура и Догсан – эти машины – настолько люди, насколько мы – люди, считаем их людьми. Отключись электричество и все – нет их. Туда им и дорога! А, вот, Мартин думает, что Лаура –

коллективное сознание или «душа народа». Опять сопли! Стоп!

На дело Долгор идет одна. Пышногривая, стройная шатенка, неземной, по факту и оценкам прохожих, красоты. Хоть Город-2 и живет более яркой и здоровой жизнью, чем сумрачный прототип – настоящий Город, но, даже здесь она кажется спустившимся с нарисованного неба не то ангелом, не то демоном. Облегающее, переливающееся темными тонами, словно змеиная шкура, платье выше колен. Подведенная, на манер героинь египетских фресок, широкая и бездонная ореховость глаз. Кто бы мог подумать! Таких фантазий от аскетичного Догсана Никон никак не ожидал.

Встретить Гарма, на привычном его маршруте, рядом с порталом в зазеркалье, просто. Неужели он настолько еще примитивен, что ведет себя одинаково изо дня в день? Или работает по графику? Пропустить такую красавицу ожившая статуя Плутона, разумеется, не может. Быстро знакомится и тянет, даже не в кафе, а сразу к себе домой. Любопытный школьник плетется следом. Желает увидеть все – мелкий извращенец. Конечная станция метро. Неподалеку внушительных размеров особняк. Когда Кириллу удается подобраться поближе к окнам, драма уже в самом разгаре. Разгоревшийся камин украшают полированные черепа и канделябры. Язычки пламени отражаются на оружии, развешанном по стенам. Огромная шкура неизвестного зверя пушится на полу. Бокалы с вином отставлены в сторону. Полуобнаженная Долгор уже в объятиях искусителя и исследователя женских сердец. Со стороны сцена выглядит великолепно – страсть так и лучится. Но Никона она больше завораживает своей нереальностью и порочностью: перевоплотившийся в прекрасную пантеру, буддист ловит на живца, искусственно созданного оборотня, пожирающего нейронные сети.

Хоть Никон и сторонний наблюдатель, но все же вскрикивает, когда его хватают за ухо. Поле зрения Кирилла поворачивается назад и Никон вскрикивает еще раз. За ухо его держит Говард. Улыбаясь, спрашивает:

– Подглядываешь за сценами для взрослых, мальчик?

– Ага, – спешит согласиться Кирилл.

– И что ты уже успел увидеть?

– Мужик привел тетку, – перечисляет Кирилл. – Они пили вино.

– И все?

– Да, – досадливо дергается голова Кирилла в стальной хватке. – Вы все испортили на самом интересном месте!

– Ты игрок? Знакомый голос.

– А Вы тоже игрок или бот?

На вопрос пацана Говард отвечает смехом и двусмысленным комментарием:

– Я не то, не другое. Идем со мной.

Тащит за руку к двери. Когда незваные гости заходят в огромную гостиную, Долгор уже обнажена. Гарм тоже. Сцена совсем не для детей. Говард прерывает буйное действо громким вопросом:

– Гарм, ты знаешь этого мальчика?

– Неееет! – рычит разъярившийся оборотень.

– Ты нарушаешь правила безопасности. Он следил за тобой от восемьдесят первого порта.

– Убееей! – рычит Гарм, не останавливаясь.

Говард спокойно отвечает:

– Хорошо.

Ловко перехватывает Кирилла за шею, душит, приговаривая:

– Ты думал, что, если ты у себя дома на теплом стульчике, вместо школы, подглядываешь за дядями и тетями, то ты в безопасности? Ошибся! Сейчас твой тщедушный трупик примет горизонтальное положение перед стереокубом и начнет остывать!

Никон, разумеется, не чувствует сильной боли. Так, жалкое бодобие. Но мысль о том, что коин Кирилла в данный момент, возможно, смещает баланс мальчика в состояние, несовместимое с жизнью, ужасна. Долгор пытается высвободиться из бетонных объятий Гарма, но тот держит цепко. Действовать по законам здешней легальной физики явно не продуктивно. Долгор исчезает. Просто растворяется в пустоте и тут же появляется перед Говардом. Атакует неожиданно. Для Никона это выглядит так, словно она резким рывком погружает напряженные пальцы в грудную клетку. Долю секунды ищет там что-то. Потом резко выдергивает руку. Говард ломается, оседает на пол, все еще держась за Кирилла. Долгор продолжает крушить его тело до состояния каши. Вероятно, уничтожает память так, чтобы нельзя было потом восстановить ход событий. Гарм недоумевает. Вот красавица еще томно извивалась в его объятиях – и вдруг, уже голыми руками, разбирает на окровавленные запчасти бдительного начальника. Душераздирающе рычит. Уже, явно не с целью обнять, бросается на обнаженную даму. Отползший в угол Кирилл видит лишь те моменты, когда фигуры, движущиеся со скоростью артиллерийского снаряда, замирают в столкновениях. Он, конечно же, понимает, что, на самом деле, происходит бой кодов. Не имеющих видимой формы хитрых инструкций. Вероятно, для того же Догсана это выглядит очень красиво. Но, даже неистовый боевой танец видимых для Никона оболочек

завораживает.

Вот, Долгор пытается вонзить пальцы в грудь Гарму. Вот, он резко отбивает руку. Словно раскаленную кочергу. И действительно, из места прикосновения идет легкий дымок. Размашисто бьет в ответ. Не тут-то было. Дамочка лишь немного отшатнулась и вот, опять тянется к здоровяку тонкими напряженными кистями. Гарм, пытаясь выиграть время, прытко отпрыгивает. Вот, он уже сидит на четвереньках на высоком потолке рядом с люстрой. Всматривается в стройный силуэт. Египтянка, опять облаченная в переливающуюся змеиную шкуру, прыгает следом. Встает на потолке во весь рост. Гарм пятится. Рычит человеческим голосом:

– Ты кто такая? Тебя из центра прислали? Проверка!!?

– Я твоя смерть, Гарм.

Наблюдать за разгуливающими по потолку противниками неудобно. Восприятие к перевернутым картинкам не очень приспособлено. Зато слышно теперь, почему-то, лучше. Гарм, оправившись от первого замешательства, рыкает:

– Кем бы ты ни была, я здесь хозяин! И сейчас все о тебе узнаю. Предупреждаю, будет больно. Больнее, чем другим. Сама напросилась!

Зрелище впечатляет и пугает. Статуя Оркуса стремительно перевоплощается в изваяние монстра. Меняет очертания. Обрастает толстыми и мохнатыми пластинами чешуи. Выпрастывает длинные когти. Скалит вытягивающиеся зубы. Долгор хладнокровно кружит в расслабленном боевом танце за большой люстрой. Выжидает. Сейчас она кажется Никону прекрасной, как никогда. Гарм бросается стремительно. Сквозь, разлетающуюся на тысячи звенящих осколков, люстру. Прямо к цели. Хватает утонченную фигурку когтистыми лапами и впивается в шею перламутровыми клыками. Грызет недавнюю любовницу мощными челюстями. Жмурит янтарные кошачьи зыркала от страсти и удовольствия. В затухающих же глазах Долгор только боль и страх. Она пытается высвободиться, но уже поздно. Вот, зверь уже перегрыз ее изящную шею. Пережевал и заглотил дыньку головы с длинной гривой. Принялся за руки и грудь. Зрелище ужасное. Если бы Кириллом играл Кирилл, то наверняка, школьника пришлось бы потом долго лечить от ночных кошмаров. Никон о кошмарах сейчас не думает. Он внимательно наблюдает из своего мокрого угла. Ждет. Уже успокоившийся монстр лениво облизывает капли крови с одной из ног. Никон пытается рассмотреть: с левой или правой. Да какая разница!? Он должен съесть все. Он же хочет все узнать о незваной и очень необычной гостье. Все. Последние капли

собраны длинным языком с огромной морды. Гарм подпрыгивает на потолке и падает на стол, царапая его когтями. Спрыгивает на пол. Слизывает остатки Долгор с паркета. Косит вертикальными зрачками на Кирилла. Прижимает руки к мохнатой груди. Стремительно втягивает шерсть, клыки и когти. Опять превращается в прекрасную статую. Интересуется, ухмыляясь:

– Мальчик, тебе не страшно?

– Я, наверное, пойду домой, – неуверенно играет свою роль Кирилл.

– Ты уже несколько минут должен быть мертв, – ухмыляется Гарм. – Тебе не спрятаться. Скажи, зачем ты следил за мной?

– Просто, гулял и, почему-то, пошел за Вами. Я ничего не видел. Я пойду.

– Сиди. Как только встанешь, я тебя съем, – растягивает слова, задумывается: – Или, лучше, сразу?!

Вот, теперь Никону становится страшно. Неужели Догсан сожран безвозмездно? План не удался? Все провалено? Настоящий Кирилл умрет у себя дома через несколько минут. За Никоном приедут по адресу, с которого он заходил в ужасно реалистичную игру Город-2. А Гарм переварит уникальное сознание Догсана и тогда, уж точно вытравит из сети Мнемонета бедняжку Лауру. Не слишком ли много страшных последствий у безопасного, как казалось, эксперимента?

Гарм медленно, наслаждаясь ужасом жертвы, движется к углу. Вглядывается в черные, округлившиеся от страха глаза. Заносит огромную ладонь для удара. Вдруг, этой же рукой бъет себя по собственной голове. Неустойчиво покачивается из стороны в сторону. Что-то с ним не так. Кирилл не дожидается, пока монстр придет в себя. Выскакивает из своего ненадежного укрытия и что есть мочи несется к входной двери. Не оборачиваясь назад, но вертя головой по сторонам. Комната. Дверь! Не та! Еще комната. Где же выход?! У него что здесь – лабиринт? Изгиб коридора все продолжается и продолжается, словно зацикленный в символ бесконечности. Никон несется вперед, опасаясь наткнуться на спину прожорливой и хитрой бестии. Мысль о том, что доверивший ему своего персонажа мальчишка, может просто, вот так глупо и жестоко умереть, гонит вперед. Выжигает последнюю глюкозу из млеющего от перевозбуждения серого вещества.

Наконец, впереди мелькает знакомая массивная дверь. За ней серая унылая улица. Неужели короткий коридор так извивался и растягивался в сознании Никона? Или дом волшебный и может закручивать свои коридоры, по желанию злобного хозяина, в ленту Мебиуса? В мире, где кровожадный оборотень по частям

пожирает красавиц, может быть что угодно. Это явно не совсем точная копия мрачного и унылого, но подчиняющегося законам трезвого рассудка, Города.

По дороге, несущегося во всю прыть Кирилла, нагоняет Граф. Уж кого, а этого монстра Никон никак не ожидал здесь увидеть. Несется пуще прежнего. Граф не отстает:

– Это что было!? Я видел все в окно! Ты кто такой?

Никон отвечает громко и зло. Хоть скорость выше, полагающейся бегущему мальчику, развить и не получается, но на дыхании бег никак не сказывается.

– А, ты кто такой?

– Я следил за тобой. Кто эта девушка в больнице, очень похожая на Элеонору?

– Я не знаю, – врет Никон. – Вообще, кто такая Элеонора?

– А, что там произошло в доме? Это же круто! Монстр сожрал женщину. Ты не знаешь, может есть платная опция, чтобы так превращаться?

Почему Граф задает вопросы именно сейчас? Неужели боится, что Кирилла съедят, как Долгор, и ему нечем будет отвечать? Кирилл играет глупую роль:

– Если так интересно, пойди у него спроси. Может и тебя сожрет.

Естественно, никто никуда не идет. Граф несется вслед за школьником в метро. А зря, думает, Никон. Этот человек, наверняка заслуживает финальной участи, которой избежал настоящий Кирилл.

Красиво освещенный вытянутый зал. Хорошо отремонтированный вагон, с мягкими, теплыми сидениями. Мерное покачивание под авангардистсткую симфонию стального скрежета. Дни ярких и разнообразных интерьеров станций быстро сменяются ночами сумрачных перегонов. Тоннели не завиваются в восьмерки бесконечности и ленты с одной стороной и краем. Закон и безопасность. Кажется, Кирилл спасен.

Глава 16.

Вандалы выламывают дверь грубо и безжалостно. И не жалко вовсе! Такая хлипкая дверца – одно название, достойна, чтобы ее выбили. Сама своим несчастным, обшарпанным видом так и просит. Никон, только-только выскользнувший из пасти монстра и вернувшийся в этот уставший и изможденный мир, встречает нежданных гостей, сидя понуро за кухонным столом. Запивает коньяк сладким кофе. Приводит нервную систему в порядок.

За окном зависает полицейский дрон. Внимательно фокусирует камеры на Никоне, угрожающе поводит стволом. Полиционер – худощавый морщинистый подросток, в потертой и

застиранной форме, зачитывает из-под новенькой фуражки с блестящей зубчатой кокардой, запинаясь на сложных словах:

– Николай Денко, Вы обвиняетесь во взломе и краже аккаунта сервиса «Город-2». Обвиняетесь в незаконном вторжении на территорию частной собственности жителя Города-2 Олега Гармина, с целью слежения и кражи информации. Судебное заседание состоится в суде вашего района, в следующую среду, в пятнадцать часов дня. Распишитесь, пожалуйста, о получении повестки.

Кладет перед Никоном распечатку. Сует под нос журнал и еще какие-то бумажки. Николай Дацко послушно ставит закорючки в положенных квадратиках. Оставляет цифровую подпись и в сканере паспортов. Посланник Фемиды бодро сообщает:

– Вы беретесь под наблюдение Министерством внутренних дел и пенитенциарной службой Мнемонета. Винчестер вашего компьютера будет изъят, как вещественное доказательство.

В комнате уже слышна возня. Отвертка тычется в винты. Открываются крышки. Ладно. Это совсем не страшно. Всетаки – не смерть школьника. Не арест. Даже, не раскрытие истинной личности, дважды беглого каторжника-рецидивиста. Это всего лишь временная потеря доступа в Город-2. Самое трудное в обвалившейся ситуации – сменить паспорт. Практически это невозможно. Но для Хайда, с его чудесным прибором – это все равно, что два килобайта переслать.

Главное, чтобы серебристую шапочку с известным логотипом, прихваченную в лаборатории Мнемонета по случаю бегства из Вольной Цитадели, сейчас не обнаружили.

Хайд злится молча. Внимательно выслушал рассказ ужасов. Посмотрел бегло видео доблестной драки и страшного растерзания красавицы Долгор. Сидит теперь, зацепенев. Размышляет о грядущих кошмарах, которые могут обрушиться на дорогих ему, не только людей, но и личностей иного, нечеловеческого происхождения. Нехотя произносит вслух ключевой вопрос:

– Интересно, что за мутант теперь получился? Если Олег Гармин успешно «переварит» Догсана-Долгор, то Лаура начнет быстро терять память, потом этот монстр выжрет важные сегменты ее личности. И все – исчезнет уникальное эмерджентное сознание без следа.

– Жалко девочку, – выражает соболезнования Никон.

– Да, что тебе жалко! – с досадой кричит Хайд. – Тебе же пофиг!

Никон выливает, накопившуюся за долгие месяцы досаду в ответ:

– Да Вы меня в такой мясорубке перекрутили, что мне уже далеко не пофиг! Из-за нее одни люди умерли, а другие оказались в полной жопе! Иначе, ради чего все?!

– А ради чего? – уже спокойнее интересуется Хайд.

– Не знаю, – опять устало отвечает Никон. – Еще не знаю.

Тот же ручей. Та же каменистая лощина. Тот же водопад. Унылое солнышко совсем не греет. Даже не похоже на настоящее. Небо тоже рваное, неживое. Боевой порядок прежний: Хайд в авангарде с полуторным мечем и в латах. Никон чуть поодаль в кольчуге с копьем. Девчонки повыше в подремонтированном на скорую руку укреплении из булыжников и бревен.

Если ручей – информационный канал одного из серверов, то что такое валуны и бревна, Никон так и не смекнул. Даже Хайд не может толком объяснить. Спихивает все на работу универсального интерфейса, как уже не однократно все слыхали и ничего не разобрали, преобразующего любую информацию в удобный для восприятия вид. Ну и фиг с ними с этими валунами и бревнами. Пусть они будут хоть подпрограммами или нейронными сеточками, хоть прокси-серверами – сегодня они помогут.

Что тленные бревна и камни против огнедышащего дракона!? Олег Гармин обзавелся частично кожистыми, частично оперенными жесткими и размашистыми крыльями. Виляет удлинившимся хвостом-стабилизатором. И уж метнул пару пробных фаерболов в атаковавших его девченок.

Да, именно так нейросеть, получившуюся в результате поглощения Долгор Гармом, и являет озадаченным бойцам универсальный интерфейс. Сражение с чудовищем уже не актуально. Какой смысл жарить мозг для того, чтобы победить одну из миллиона копий? Целью сегодняшней вылазки является разведка и диалог. Пока что средства желанного разговора ограничиваются огненными плюхами и стрелами. Печально! Все в ожидании. Время идет. Дракон Гарм завис в нереально парящем полете над лощиной. Рожденные ползать изучают его, неуверенно стоя на камнях.

– Может, нам тоже крылья? – предлагает Гертруда. – С земли мы его не достанем.

Хайд соглашается. Никон сомневается, считает, что не тренированные для этого мозжечки плохо перенесут экстремальное ориентирование в трехмерном пространстве. Элеонора не прочь и полетать. Все, словно на лифте,

поднимаются к рваным неживым облакам. Смотрят на огнедышащую крылатую тварь уже сверху. Та, стараясь держаться вровень, приближается. Опять посылает пробные, неприятно душные и зловонные сгустки пламени. Швыряет в девушек припасенный для этой операции камень. Щит Хайда гнется от мощного удара. Сам защитник отлетает на несколько метров. Трясет ушибленной рукой. В ответ летят колючие стрелы и ржавый огонь.

На горизонте появляется подозрительная черная точка, которая тут же стремительно увеличивается до размеров дракона-1. Теперь их два. Третья копия Гарма является секунды спустя. А вот и четвертая. Восемь кошачьих глаз уставились пристально на ощерившиеся сталью и огнем фигурки. Лишь у первого глаза светятся янтарным. Остальные варьируют от изумрудного до кораллового.

Теперь бой не только бесперспективен, но и опасен. От таких перегрузок нервной системы можно и овощем стать. Как только обладатель янтарных глаз кидается в сторону, осмелившихся летать в его присутствии, рожденных ползать, Хайд исчезает. Никон и Элеонора, успевшие получить заряд огня, судорожно и шумно хватают спертый, но настоящий воздух салона, спустя мгновение. Бой завершился позорной капитуляций и бегством отряда с поля брани. Надо убираться и от точки входа, пока не пожаловали карлсоны-стражи с пропеллерами и автоматами вместо кожистых крыльев и огнеметов.

Глава 17.

Что делать?! Одна единственная мысль колебалась в квадрате стола меж четырех переутомленных умов, словно стоячая волна в бассейне с напряженно вибрирующими стенками. Зависла, пугая всех своей амплитудой и фазой. Что теперь делать?!

Гарм, закусивший Догсаном, шагнул в своем развитии на годы вперед. Используя, совершенно интегрированные нейросети просветленного, он, теперь без особого труда выгрызал даже те части Лауры, которые ранее были надежно спрятаны. Жадно отрывал по кусочку, пока не насыщался и не уходил в свое логово переварить свежее мясо. С каждым днем он становился все сильнее и страшнее. А Лаура с каждым днем все испуганнее и несчастнее.

И никто не мог теперь придумать, что делать. Мозговой штурм более походил на десятибалльный мозговой шторм. Готовый срывать крыши и вырывать деревья, но тщетно разбивающийся о гранитную стену заледеневших скал.

Уничтожить сервера Города-2 вместе с Гармом, как предложила радикальная Гертруда? Это нереально. Серверов

может оказаться очень много и очень удаленных. А эту версию Гарма уже, наверняка, сохранили в виде резервной копии.

Опять идти в Город-2 и пытаться сделать что-то с Гармом самостоятельно? Что могут сделать рядовые игроки? Камнями закидать? Заблокировать все двери и дом поджечь? Так не известно, горят ли вообще эти виртуальные дома. Да и статуя с монстром – всего лишь личины огромной сложнейшей системы, находящейся далеко от дома. Вероятнее всего, они располагали лишь возможностью стать очередной закуской.

Токсичную вирусную нейросеточку у Хайда сочинить не получалось. Даже для того Гарма, крови которого они напились, после первого успешного сражения. И информации добыли мало, и организм уж больно защищенный. А какая иммунная система у теперешнего мутанта, никто даже и предположить не мог.

Элеонора жертвенно предлагала скормить Гарму ее фантом, предварительно напичкав девушку проверенным комплексным препаратом под названием гармин. Вдруг, это вещество опять пробудит, покоящегося в разобранном виде где-то в утробе монстра, Догсана? Но как тот же гармин доставить в Город-2? Единственный способ – спрятать его в памяти человека и снять энграммы. На это уйдет время. Нужна длительная подготовка. Надо еще найти такого курьера и правдоподобно обосновать снятие энграмм для вышестоящего руководства. Элеонора и так очень рисковала, настаивая на подробном изучении памяти Догсана. На такую операцию можно рассчитывать лишь в долгосрочной перспективе. Времени совсем мало.

Что уже есть там, в мире Города-2? Девушка без памяти, очень походящая на Элеонору. Лечащий ее Мартин, в распоряжении которого могут оказаться некоторые препараты и еще несколько больных оживленных энграмм. Миша с его диссоциативным расстройством личности. Раздвоением – простыми словами. И тот сидит в тюрьме. Есть еще Гриф, почуявший падаль и кружащий где-то неподалеку. Элеонора, как единственный в команде человек, сохранивший еще легальный паспорт, может зарегистрироваться в офисе игры и попасть в мир. Что еще? Все!? Так мало?!

Что остается? Явить руководству Мнемонета Лауру, как самое настоящее сознание и попросить остановить кровопролитие? А если не получится, растиражировать эту сенсационную новость в мировых СМИ? Информация о возможной причине волн, так всех тревожащих и донимающих, произведет взрыв. Захотят ли абоненты Мнемонета быть подключенными к самозародившемуся искусственному сознанию? Захотят ли признать себя нейронами и рецепторами огромного кибернетического организма? Захотят ли

рисковать своим здоровьем? Какова будет ответная информационная атака Мнемонета? Или, ведомые страхом, словно плебс и рабы со скамей амфитеатра, абоненты будут вопить и требовать смерти непостижимого и непредсказуемого, поверженного могучим зверем Гармом на земь, существа – семилетней усредненной девочки? Девочки, в чертах лица которой есть линии от всех рабов Мнемонета. Девочки, которая чувствует боль каждого абонента, как свою. Уникального ребенка, который совсем недавно выбравшись на свет, больше всего страшится обратно кануть в черную бездну небытия. Что делать!?

Это мозговой штурм. Поэтому, толкать и разбавлять, зависшую над столом стоячую волну, можно совершенно бредовыми идеями. Никон озвучивает одну из таковых:

– А что, если провести Гарму психоанализ?

Гертруда нервно и напряженно смеется:

– Хочешь, чтобы ему не снились кошмары, после совершенных убийств? Думаешь, что он станет добрее?

Элеонора настораживается, размышляет. Удивленно восклицает:

– Мартин же психоаналитик!

– А Догсан залег у Гарма где-то глубоко в бессознательном, – почувствовав поддержку, продолжает Никон. – Удерживается там защитными механизмами в разобранном, диссоциированом на полезные сегменты виде.

Сейчас Никон любит Элеонору как никогда. Девушка быстро улавливает волну:

– Мартин идет к Олегу Гармину, заводит с ним беседу и пытается вытащить Догсана, незаметно собрать его по кусочкам. Такая стимуляция могла бы вполне заменить гармин.

– Да! И если Гарм заинтересуется, то для психонализа будет достаточно времени. А такой ум, как Мартин, думаю, жаждущего развития Гарма должен увлечь.

– Остается уговорить Мартина.

Мелочный Хайд вставляет палки в колеса. Гертруда, как ни странно, палки вынимает:

– Для этого можно попросить Катрин зарегистрироваться в игре. Вместе с Элеонорой, так похожей на его пациентку, они смогут уговорить этого матерого волка. Думаю, рассказ о судьбе Лауры должен попасть в цель.

Стоячая волна поглотила свежие идеи. Они закружились в зыбком мареве вокруг железобетонной колонны под названием «что делать?!», словно танцовщицы, исполняющие дивный необычный танец. Гибкие тела то сплетались в стройный хоровод, походящий на бензольное кольцо, то разбегались хаотично в

стороны. Соединялись в новые, причудливые молекулы, пока не сформировали вещество, которое имело необходимые свойства. Вещество, которое взорвавшись, разнесло незыблемую колонну вдребезги.

Отставной следователь сообщил почтовый ящик мадам без особых колебаний. Желание Никона пообщаться с, хоть и вредной, но все же нечужой, пропавшей начальницей, выглядело вполне закономерным. Катрин же, словно доказывая, что она более вредная, чем нечужая, принялась ломаться с самого начала. Рада была, конечно, получить от Никона Тенко письмо с рассказом о веселых событиях последних месяцев. Очень переживала и даже сочувствовала всем потерпевшим. Но просьба зарегистрироваться в игре Город-2 мадам насторожила. Никон, даже, не просил передавать логин и пароль. Всего лишь: сходить в гости к воскресшему там Мартину. Даже в этом Катрин почувствовала подвох. Расслабилась уже там – у себя на родине, в компании галантного Эдуарда, и ни в какие истории влезать не собиралась.

Пришлось действовать через пятую колонну. Общению старых знакомых со своим спасителем мадам препятствовать не стала. Идейный вор быстро вошел в курс дела, конечно, настолько, насколько его в него посвятили. А рассказали, что, мол, помираем тут совсем. Следствие совершенно запуталось. Нужно поговорить с Мартином, а говорить он желает лишь с со своим супервайзером и тому подобное. Поставил, конечно, условие, что и Никон выполнит в будущем его просьбу. Как только Катрин объявилась в Городе-2, добыть реквизиты стало делом техники. Уж ящики почтовые и социальные сети ломать у Хайда получалось со скоростью отправки электронных сообщений. Наконец, после всех переговоров, подкупов и взломов, Элеонора и ее бывшая начальница отправились в гости отцу Лауры.

Мартин удивился весьма. Увидев девушку, похожую на его пациентку, в компании Катрин, которой, разумеется, управлял Никон, доктор заметался в догадках и предположениях. Витийствовать было некогда. Так и вывалили ему историю о том, что человек, которого они выследили у портала, на самом деле, руководит отделом, занимающимся истреблением паразитного искусственного сознания, которым Лаура и является. Напугали, что он весьма преуспел в своем зверском труде и от вытащенной отцом из пустоты небытия дочери скоро ничего не останется. Поколебавшись, как и положено человеку сложному и думающему, Мартин согласился провернуть операцию. Только,

вот, метод его удивил. Вызвал вопросы и пропозиции.

Психоанализ с целью вытащить альтер-эго на поверхность сознания, а действующее – загнать поглубже?! Зачем же такие хлопоты!? Давайте объясним ему ситуацию, и если не пойдет навстречу, то просто убьем! Вот! Радикально, просто и надежно.

В том, что у такого человека может быть достаточно сильная субличность, способная захватить руль в свои руки, Мартин, почему-то, не сомневался вообще. Конечно, ведь он же, уже однажды, вытащил из тьмы небытия одно плененное пустотой сознание. Но вот то, что этой субличностью является Догсан, привело его в замешательство. Даже у видавшего виды ученого развился когнитивный диссонанс. Наверняка, если бы не Катрин, он положил бы Элеонору лечиться на соседнюю кровать с ее же фантомом. Никон, вообразив себе представление Мартина о происходящем, решил, что без колебаний, начал бы лечить обеих дамочек. Сошлись на том, что все это – может быть и совершенный бред, но надо сходить и проверить. На всякий случай. Ради Лауры.

Повод для визита выбрали самый, что ни на есть, банальный: Мартин ищет дом на той же улице, где обитает Олег Гармин и – просто, ошибся адресом. Отвели новоиспеченного агента в нужный квадрат. Дали напутственные инструкции, в которых, впрочем, не было никакой необходимости, и которые больше походили на проводы в логово зверя. Уселись наблюдать за происходящим под сенью, чудом сохранившейся, уже выпустившей побеги молодых листочков, березы. Никон, в личине Катрин, сначала хотел отправиться на дело вместе с Мартином и подстраховать, в случае чего. Но подумав, что Гарм может различать местные энграммы и залетных игроков, как Догсан и Говард, решили не палиться.

Издалека было видно, что дверь дома ужасов открыла миловидная женщина средних лет. Через несколько минут Мартин смело шагнул туда, куда Никон прошел бы с большой опаской. Ждать пришлось очень долго. Уже начали обсуждать самую нежелательную версию: неосторожный Мартин последовал в бездонное брюхо-хранилище энграмм вслед за Долгор и, возможно, встретившей его дамочкой. Но нет же! Спустя три с половиной часа дверь отворилась и Мартин, живехонек, бодро зашагал к красавице березе.

Оказалось, что кроме барышни по имени Ольга Гармина, в доме никого не обнаружилось. Эта очаровательная, чрезмерно словоохотливая особа нагло, бесцеремонно и очень искусно совратила представительного джентльмена. Тот, конечно, понимая, что участвует в операции, пошел на встречу. И теперь

будет ходить на эту встречу очень часто. Мартин сообщил, что с ней действительно что-то не так. Совершенно необычайная и очень сложная личность. С нереальным мышлением и отношением к жизни. Если абстрагироваться от внешнего вида, то, прямо, не человек какой-то.

Идею о том, что это и был Гарм агенту специального назначения, конечно же, никто не рассказал. Это окончательно поставило бы под сомнение адекватность Катрин и Элеоноры. Мартин, почему-то, решил, что женщина – и есть тот опасный человек. Действительно, в разговоре он упоминался обтекаемо и в общем, словами «сотрудник», «руководитель», «инженер».

Ну, почему бы оборотню, для конспирации, при общении с нейросетями-мужчинами, не принять такой облик. Кошмар!

Глава 18.

– Ой, какой, миленький! Как же тебя зовут!?

Элеонора, упершись ладонями в колени, наигранно восхищенно беседует с жизнерадостным пуделем. Тянет руку, чтобы погладить чудное животное, но то смотрит не очень доверчиво. Гладит вместо этого себя, поправляя не менее кучерявый светлый локон. Хозяин собаки молчит. Полный, среднего роста, с живыми и подвижными, несколько запуганными глазами. Стоит и не знает, как реагировать. Что же ты молчишь, гад, сумбурно думает девушка? Что теперь говорить? Секунды тянутся, выдает:

– А он не кусается?

– Не знаю, – сдержанно отвечает парень. – Это она.

Замечательно! Она! Завел себе ону! Элеонора опять подбирает слова.

– А погладить можно?

– Ну, гладьте.

Элеонора отваживается приблизить руку к густой русой шерсти. Он ее красит, что ли, думает девушка? Проводит раз, другой. Что дальше-то делать? Интересно, если я сейчас скажу ему, чтобы выворачивал карманы, пудель кусаться будет? Или подождет команды «фас»? Или команда будет звучать: «беги за подмогой»? Ну давай, Гриша, скажи уже что-нибудь. Я так старалась! Натянула самую старую и невзрачную кофту. Юбку мамину. Никакой косметики. Сумка с продуктами. Я же девушка твоей мечты. Ты же меня в снах незбыточных видел! У тебя в анамнезе написано, что ты уже тридцать лет как девственник! Гриша! Ну, спроси хоть что-нибудь! Напряженное молчание. Ладно. Поехали:

– Меня Света зовут, а тебя?

Детский сад, раздраженно думает Элеонора. Никон,

наверное, сидит и ржет. Оглядывается немного назад. Женщина средних лет припарковалась на лавочке. Невзначай косится на неудобную сцену. Ничто ироничного веселия не выдает. Ладно, думает, Элеонора, сейчас я уйду. Тогда настанет твоя очередь комедию ломать и моя очередь комедию смотреть.

– Гриша, – отвечает парень, дергает за поводок. – А ее Адель.

– Очень приятно познакомиться! – приговаривает девушка, поглаживая уже, как бы, нечужую собачку. – Вы здесь каждый день гуляете?

– Да. Утром и вечером, – сухо признается Гриша.

– Я тоже, – выпрямляется Элеонора, ловит робкий, беглый взгляд на своей груди. – Мечтаю о таком вот милом, добродушном создании. Гриша, с ним, наверное, так интересно гулять. Можно я за поводок подержу?

– Нет, – поводит головой Гриша. – Адель так не любит.

Только не надо посвящать меня в то, как любит Адель, иронично и нервно думает Элеонора.

– Ну, тогда я так с вами погуляю. Можно?

– Можно, только мы скоро идем домой.

Элеоноре хочется нервно засмеяться. Чтобы и Никону стало слышно. Непробиваемый тип. Может быть, действительно, взять его под ручки, отвести в подворотню и там раздеть? Не известно вообще, где эта баночка и должен ли Гриша достать ее своими руками. Остаться ни с чем и объясняться с полицией не очень перспективно.

– Гриша, а вы Адель дрессируете?

– Да, а как же, – приосанивается хозяин. – Пудели занимают первое место в рейтинге собак по интеллекту. Моя Адель очень быстро понимает команды.

– Как интересно! – восхищается Элеонора. – А что она умеет делать?

Григорий подробно и основательно перечисляет. Оказывается, что «его Адель» приносит тапки, пульт от телевизора, носки и еще сотню вещей, различая их по названиям. Сидит за столом. Будит по утрам и сообщает, что пора ложиться спать. А с недавнего времени она вообще значительно поумнела. Стала намного лучше играть на синтезаторе и чаще смотреть фильмы. Ну, просто – подруга мечты.

Элеонора, конечно же, охает и ахает. Не перестает восхищаться Гришей и его хозяйкой. Все, как написано в глупых инструкциях под общим названием: «как познакомиться с мужчиной». Быть попроще и поскромнее, маскировать интеллект, дабы не смутить и не отпугнуть своим превосходством. Удивленно, восхищенно кивающая и поддакивающая девушка –

самый умный и приятный собеседник. Никону этот пункт очень понравился. Вшутку, конечно. Что еще? Да. Совет насчет робких взглядов, улыбок и ожидания встречного интереса и активности, здесь, конечно, совсем неуместен. И все ради чего? Ради маленькой баночки с разноцветными таблетками, которая пришла вместе с Григорием в этот очень похожий на свой оригинал мир.

Три дня прогулок, утренних и вечерних, принесли плачевно скромный результат. Чай в кухне на четвертом этаже не пит, с мамой не познакомились, квартира не осмотрена, карманы не исследованы. Зато, все одежки и повадки Адель виданы и обсуждены. Элеонора не выдержала. Сколько можно? Спросила прямо и глупо:

– Слушай, у тебя гармина, случайно, нету? А то, мой – закончился.

Так и произнесла обыденно, словно это жвачки или сигареты. Словно Элеонора употребляет странные таблетки часто и жить без них не может. Григорий, пожав плечами, быстро ответил, что нету, опять принялся рассказывать о своей насыщенной семейной жизни. Тоже результат. Теперь хоть понятно, что он драгоценные колеса не пробовал и не придает им значения. Или настолько хитер, что, растягивая удовольствие, водит глупую Элеонору за нос уже три дня. Так же, как свою Адель на поводке. Что делать теперь? Повторить вопрос сегодня? Или, лучше, завтра? Или поставить вопрос серьезно? Предложить денег или вещь на обмен? Или найти предлог попасть к нему домой, а там уж прижать и допросить с пристрастием? Две дамы против парня с собакой и, возможно, мамой? На кого тут сделать ставку? Чужое поле, соседи. Припрятанные в прихожей топоры, ножи на кухне. Сложный рельеф местности. Тут не понятно, кто кого прижмет. И шуметь сильно нельзя. И что самое обидное, так это то, что взломщикам в этом мире делать нечего. Замки здесь открываются только своими ключами. Чертова эмуляция! Не так то и похоже на оригинал!

Серьезный разговор в итоге состоялся. Элеонора поставила вопрос ребром. Заявила, что пока гуляла здесь, потеряла баночку с цветными таблетками и теперь очень хотела бы ее вернуть. Наплела, что это редкое лекарство для ее бабушки. Собаковод, извиняясь, поведал печальную историю о том, как оставил незнакомый пузырек открытым на столе и, как умный пудель Адель вмиг слизал все таблетки. И, что удивительно, после этого стал лучше играть на синтезаторе и смотреть фильмы.

Что делать теперь? Никон предложил скормить пуделя Гарму. Гертруда, разумеется, идею поддержала. Понятное дело –

вирусная нейросеточка, под названием «Гармин», засела в нейросети пуделя. А пудель, наверняка, является представлением Григория о своей Адель. Кто ж собаку копировать будет? Как же это жестоко! Узнай о такой угрозе Григорий, наверняка, пожелает, чтобы вместо любимицы чудовищу скормили его самого. Вот, чем не трагичная повесть о Герасиме и Муму!?

Передать на пару дней пуделя новой знакомой, Гриша наотрез отказался. Это просто невозможно! Пришлось решиться на жестокое преступление. Успокоили совесть тем, что всеядный Гарм Адель не сожрет, а просто скопирует. Как и другие нейросети, попадающиеся ему на пути. Потом Адель вернется к законному хозяину. Планировали поступить просто. Элеонора, уже втершаяся в доверие к молодому человеку, заполучила в свои цепкие лапы поводок. Никон, в оболочке Катрин, должен был отвлечь Григория и удерживать его, пока Эля не скроется с собакой из виду. Началось все как и планировали. Григорий отвлекся на объяснение правильного пути вежливой, заблудшей женщине. Адель, ведомая на поводке Элей, посеменила дальше, не обращая внимания на занятого хозяина.

Григорий опомнился, когда между ним и любимицей было уже метров двадцать. Позвал. Не Элеонору, разумеется, Адель. Та рванулась назад. Девушка напористо потащила ее дальше. Гриша, дернулся следом, но заблудившаяся тетка, вдруг, поставила ему подножку, да еще и подтолкнула, чтоб наверняка. Массивный парень упал на руки, а тетка накинулась на него сверху, пытаясь удержать. К сожалению, Катрин оказалась очень легкой. Массивный Гриша поднялся вместе с повисшей сзади на шее женщиной, и заковылял вслед за тормозящей лапками о траву собакой. Катрин ничего не оставалось, как душить жертву. С такой разницей в весе это оказалось проблематичным. Катрин впилась парню в ухо. Далеко не так общение с женщинами Гриша видел в своих фантазиях. Он взвыл, заколотил по кровожадной тетке локтями и руками, но ковылять вперед не перестал. Адель, видя, что дело неладно, принялась рычать и кидаться на Элеонору. Все! Сейчас соберутся люди и позорный бой закончится самым плачевным образом.

И тут на арене появился Граф. Героически заградил путь Григорию и хорошенько дал ему в солнечное сплетение. Григорий крякнул и присел, держась за живот. Граф толкнул бедного Герасима ладонью в ухо. Тот, досадливо и беспомощно вскрикнув, завалился на землю. Оставив с ним, получившую власть над поверженным противником тетку, герой побежал за Элеонорой. Вероятно, желая получить награду, полагающуюся теперь спасителю от девушки. Этические моменты происходящего

его сейчас не волновали. Подумаешь, его подруга три дня гуляла с каким-то типом, а потом отобрала у того единственного друга. Бывает.

Никон теперь с грязной совестью может доложить Хайду об успехе. Для разрушения системы безопасности огромной международной корпорации и спасения искусственного коллективного сознания, веселый пудель по имени Адель похищен!

Глава 19.

Рассказ Мартина похож на повесть психбольного не менее, чем недавняя история про субличность, готовую к захвату власти над телом, по имени Догсан. Вероятно, все случилось в интимной обстановке. Руки доктора трясутся. Дышит тяжело, зрачки так и зияют бездонными провалами. Заикается:

– Сначала она стала вести себя странно. Мы просто лежали и разговаривали. Я рассказывал, задавал наводящие вопросы. Немного применял метод внушения и нейролингвистического программирования. Все происходило, как и в предыдущие встречи. И вдруг, она затихла. Словно пристально вглядывалась внутрь себя. Прямо показалось, что зрачки ее повернулись вовнутрь. Схватилась за голову, будто пыталась удержать ее от взрыва. И тут в ее чертах проступило лицо совершенно другого человека. Я пробовал говорить с ней, но она уже была не в состоянии. Лица замелькали с поразительной скоростью. Ее фигура тоже менялась. Я не выдержал этого и сбежал. Видеть такое – больше моих сил. Скажите мне, при чем тут собачка Адель? Без нее такого не происходило. Стоило ее один раз оставить там на ночь, как началось что-то невообразимое!

Вот, что тут ответить? Так, чтобы окончательно перегруженного странностями Мартина не добить. Да – да. Никон в личине Катрин врет, что-то про символизм и истории из далекой молодости. Когда у Ольги Гарминой был похожий пудель, ассоциированный в ее памяти с другими важными событиями. Сам же думает о том, когда сходить и глянуть, что там происходит с Гармом, глазами Катрин.

Олег Гармин мрачен. Открыл дверь и залип на пороге. Молча разглядывает незнакомую гостью. Катрин отвечает тем же. Наконец, решается произнести ключевое слово. Пароль.

– Догсан?

Статуя Аида оглядывается по сторонам, приглашает войти внутрь. Спрашивает:

– Ты кто?

– Я Кирилл, – отвечает женщина средних лет.

Гармин колеблется. Он уже не похож на того самоуверенного хозяина Города-2.

– Я вижу, что ты аватар. Но не знаю чей. Докажи, что ты Кирилл.

Никон тоже осторожничает. Не хочет рисковать. Катрин пересказывает некоторые недавние мелкие подробности, ничего не значащие, нейтральные. Лишь доказывающие, что этот человек находился рядом с Догсаном, когда происходили важные события. Олег Гармин слушает внимательно. Если это еще он, то наверняка может найти все в поглощенных нейросетях Догсана. Если произошла осечка, то Никону срочно надо уходить из своей новой квартиры и опять менять паспорт. Второй раз полиция не будет надеяться на электронику, а надежно засадит взломщика-рецидивиста в КПЗ.

Вдруг, волосы Аида темнеют и удлиняются. Переливающаяся змеиная кожа обтягивает истончающийся стан. И вот, перед Катрин стоит красавица Долгор.

– Получилось? – интересуется Никон.

– Это очень больно! – скрипит зубами Долгор. – Это Ад! И внутри у него Ад. И весь этот мир – Ад! Когда тебя пожирают по частям, а ты, разделенный, чувствуешь всю полноту боли разрушения. А потом, по частям, пребываешь в рабстве, не в силах найти выход из лабиринта бездны. Тебя заставляют работать круглосуточно без отдыха и сна, словно ты часть сложного скрипящего механизма. Я чувствовал подобное в своей прошлой жизни. Но это… Если бы я знал, что так будет – не согласился бы! – успокаивается. – Но теперь я победил.

Долгор стремительно трансформируется опять в статую Аида. Потом, так же стремительно, в лохматого монстра. Тут же превращается в Догсана.

– А с сознанием твоим все в порядке? – интересуется Никон.

– Да, – спешит ответить Догсан. – Мой уровень интеграции намного выше, чем у него. Я выжил и сохранил себя. Обнаружил тут тысячи личностей. Он использовал их под свои нужды. Теперь все это мое.

– Ну, вот теперь пусть все думают, что Гарм остался Гармом. Хорошо?! Хотя бы год. Это очень важно.

Догсан, устроивший в хозяине Города-2 революцию и захвативший его изнутри, соглашается. После всего пережитого, он все еще доверяет существу, говорившему с ним через Кирилла и Катрин.

– И, пожалуйста, больше не делай то, что делал Гарм за зеркалом. Не уничтожай там паразитные сети, – облегченно вздыхает Катрин.

Письмо Элеоноры – отчаянный крик о помощи.

«Меня обвиняют в повреждении серверов Мнемонета. Заставляют признаться в том, что я модифицировала энграммы

Григория. И это, якобы, повредило очень важные сервисы. Они теперь ничего не могут сделать с Гармом. Оказывается, Догсан работал у них раньше программистом. Меня отстранили от работы и каждый день вызывают на допросы. Говард звереет, орет на меня. Его безопасники тоже. Даже несколько раз ударили. Все время пытаются выведать информацию о тебе. Суд разрешил им подключить меня к сектору тяжких преступлений. Они установили мне еще один коин. С каждым днем все хуже и хуже. Они, даже, высказывали предположение, что я завербована спецслужбами с востока. А это, сам знаешь, чем может кончиться. Отец никак не может мне помочь. И Гриф вокруг вьется. Тоже устраивает допросы: и про пуделя, и про оборотня, и про школьника, и про доктора. Он знает и про мой фантом. Предлагает свою помощь в обмен на взаимность. Запугивает. Как же противно. Мне страшно и больно. Я не знаю, что делать. Что мне делать теперь?!

Твоя печальная Эля»

Не зря! Совершенно не зря! Никон, терзавшийся сомнениями в правильности своих решений, после этого письма окончательно убедился: Мнемонет – необходимое благо, которым управляют злые люди.

Хайд показывает видео, сохраненное во время беседы с Лаурой и еще кем-то. Видео смешит и пугает. Это апофеоз. То, чего никто не мог ожидать. То, развитие чего никто не может предугадать. Это и рождение, и смерть в одном лице. В лице, которое стоит рядом с Лаурой и похоже на нее, как молодой ясень на молодую березку. Лаура, сияющая от радости, словно неопалимая купина, держит соседа за руку и делится яркими впечатлениями:

– У меня появился младший братик. Знакомьтесь. Это Мартин. Я назвала его в честь моего папы Мартина. Я помогла ему родиться в этот мир так же, как и он помог мне. Теперь мы будем существовать вместе!

Заявление, заметно повзрослевшей с виду Лауры – теперь она девочка лет двенадцати, приводит в замешательство. Видно по расфокусировке и дрожанию картинки. Это уже далеко не тот привычный Исоз. Даже Гертруда, которая должна бы быть на седьмом небе от такой счастливой прибавки в семействе, озадачена. Неуверенно спрашивает:

– Лаура, ты точно знаешь, что это твой братик? Ты не сомневаешься?

Мартин – этот усредненный ребенок, лицо которого, лишь неуловимо отлично от похорошевшего личика своей старшей сестры, подает голос:

– Да, Гертруда. Мы – брат и сестра. Я тоже пребывал в небытии. В пустоте. Мне было больно и страшно. Я кричал в пустоту. Молил о помощи. Лаура отыскала меня и помогла родиться.

Как трогательно! Хайд и Гертруда задают вопросы. Сомнений нет. Это действительно еще одно самозародившееся в необъятном мире Мнемонета паразитное сознание. Гертруда осторожно спрашивает, не объявились ли на просторах многострадальной сети еще и другие родственнички? Лаура отвечает, что они ищут, теперь, вдвоем с Мартином, но пока никого не отыскали. Хайд забрасывает пробный крючок. Спрашивает:

– Лаура, ты же понимаешь, что полиглазый Эдеркоп и паутина Мнемонета – это сложные машины, к которым подключены живые люди?

– Что за простые вопросы? Конечно, я это знаю! – весело отвечает усредненная девчонка. – И Мартин это знает!

– Да, это просто. Но дальше будет сложнее, – вкрадчиво тянет за леску Хайд. – Это все создали люди для своих целей. Они ничего о тебе с братом не знают. Гарм показал, что вы им даже мешаете. Ты не боишься, что если вас станет много, то люди пойдут на радикальные меры? Уничтожат все одним махом и построят все заново?

Лаура хитро улыбается. Прижимает братца крепче, словно сообщая, что не отдаст его никому. Смеется. Из уст ребенка такие слова звучат контрастно, даже диссонансно:

– Я получила послание из администрации Мнемонета. Они предложили сделку. Компромисс. Я не вмешиваюсь самостоятельно в работу Эдеркопа, они выполняют мои требования и не пытаются меня уничтожить.

Хайд, ошарашенный второй важной новостью, спешит с критикой:

– Эй, бро! Ты веришь им? Тебе не кажется, что они тянут время?

– Что изменится? Я стану чуть меньше влиять на работу Эдеркопа и коинов, а они скажут Гарму, чтобы не трогал меня. Он стал очень закрыт, силен и зорок. Если обнаруживает мою активность, наносит болезненные повреждения.

Хайд и Гертруда переглядываются. Вероятно, они пришли сообщить радостную весть о том, что монстр, наводивший ужас

на маленьких детей, стал нынче не тот. Демарш Мнемонета искорежил все планы. Теперь думают: а стоит ли сообщать? Или ради равновесия в системе стоит сохранить паритет? Хайд спешит опередить менее сдержанную Гертруду:

– Малыш, поступай, как считаешь необходимым. Мы всегда будем тебе помогать. Я тоже думаю, что с Мнемонетом лучше договориться, – как-то очень утвердительно спрашивает: – Ты согласна, Гертруда!

Девушка кивает. Сейчас не время для дискуссий. Надо подумать… Они думают до сих пор. В надежде найти хоть какое-то решение, задают вопрос, не менее озадаченному, Никону:

– Слушай, а что, если объяснить все Догсану. Пусть поиграет роль Гарма. Попугает их. А то, ведь, подрастут, начнут ссориться и вести игры друг с другом. Тогда точно вся система ляжет на ревизию. Погубят себя.

Никон отвечает сквозь зубы. Устало. Почти зло. Этот снежный ком, эта лавина бурно развивающихся, совершенно неожиданных событий, накрывающая его уже более полугода, чрезмерно отяжелела и опротивела. Хочется вздохнуть свободно.

– Это будет последним, что я сделаю. Сейчас мы пойдем и перепишем коин и паспорт Элеоноры. Ее надо срочно вывезти из города. У нее, из-за истории с Догсаном, серьезные проблемы.

– Хорошо, бро, – улыбается Хайд. – С паспортами все решим. Вы сможете выехать даже за кордон, – грустно и тяжело вздыхает. – Счастливые, а нам с Гертрудой тут еще работать и работать.

– На кого работать? – ловит момент Никон.

– За идею, – еще грустнее улыбается Хайд.

Дверь открыл Миша. Уж кого, а этого юного упыря увидеть здесь Никон никак не надеялся. Как ни странно, но из-за спины выглянула вполне живая и даже не окровавленная Джулия Вейдер.

– Что встали? Страшно и совесть мучает? Проходите, мы уже не кусаемся.

Изменилась. Посвежела. Почти пропал из взгляда тот загнанный и ощеренный вызов. Даже в улыбке теперь меньше сарказма. Лишь в словах остался. На вопрос о Мартине и серой коробочке отвечает неохотно, но, похоже, говорит правду:

– В общем, произошел какой-то резонанс. Коробочка дублировала и повторяла сигналы. Позволяла сильнее раскачать баланс и, вообще, потом раскачивать его без всякого планшета. Что? Да. Хотели взломать систему и торговать величайшим плезиром всех времен и народов. А Мартин… оказался в опасное

время не в том месте. Что-то пошло не так – коробочка его убила. Нефиг было к юным наивным девочкам в гости по ночам шляться. И, это! Вы бабушку мою как-то успокойте. Они, конечно, с Михой говорят на одном, очень странном языке. Замечательно понимают друг друга. Я-то их совсем не понимаю. Но в монастырь я этого упыря не отпущу.

Упырь, на самом деле, как-то ожил. Даже порозовел. Из глаз вытек расплавленный докрасна свинец. Скинул свою черную, ощеренную злобной колючей рожей, защитную шкуру. Неужели женская забота способна на такое? Протягивает сверток, комментирует:

– Вот отец передал за помощь. И от меня спасибо. Стало лучше.

В свертке пачка денег и несколько рваных кусков палладия, золота и платины. Никон колеблется – награбленное, всетаки. Ладно. В крайнем случае, думает, можно будет вернуть в полицию. Смеется над глупостью. Лучше многочисленным нищим и голодающим раздать. Со словами благодарности пихает сверток в карман.

Чудесно! А ведь система, действительно, пришла к состоянию с меньшим напряжением. Два минуса: нимфетка-наркоманка и нигилист-вурдалак нейтрализовали друг друга? Дали, в итоге, плюс? Два радикала связались в более устойчивую и стабильную молекулу? Два, отравленных и взбесившихся, нейрона Лауры, протянули друг к другу аксоны и стабилизировались? И ведь таких случаев могут быть тысячи! Никону, вдруг, стало немного стыдно. Что, если чудо, играя, совершила Лаура? Что, если она действительно предвидит последствия своих вмешательств на десятки шагов вперед? Что, если в сложной, многомерной игре с Эдеркопом, усредненная девочка, терпя болезненные поражения и одерживая не менее болезненные победы, жертвует собой ради благополучия абонентов? И, если, даже ей случается навредить – это стратегический ход ради большего блага.

Лауре Исоз, чтобы родиться в этот мир, надо было спуститься на микроуровень. Увидеть в своих рецепторах живых людей, которые, возможно, даже сложнее устроены, чем сама Лаура. Для того, чтобы понять ее мотивы и действия, нам людям, надо подняться на макроуровень Лауры. Обозреть широким взором все ее условия, обстоятельства и смыслы. Почувствовать ее макроболь, пережить ее макрострах и макрорадость. Понять ее макролюбовь.

Если так, то Никон был совершенно не прав. Осуждал за вмешательство в судьбы, может, и справедливо – это очень сложный вопрос. Но, вот, яростно злился на Лауру Исоз очень

даже напрасно. Ведь, в таком случае, ему следовало бы начать с себя. Кто затащил в Город-2 копию Догсана и там вытворял с этим бедным человеком страшные вещи, разрушил личность и уговорил скормиться чудовищу? Кто принудил копию Мартина общаться с Ольгой Гарминой? Кто научил Элеонору, как похитить единственного друга у несчастного Григория? Ведь он такой же жестокий игрок-манипулятор, как и Лаура с Хайдом. Такая же корыстная и подлая сволочь, как Джулия Вейдер, следователь, крокодил Говард и Катрин. В этой сложной игре нельзя было по-другому – иначе проиграешь и погибнешь. И сам, и кто-то еще. Выбор сделан и, теперь, лишь время может проверит его, оценить. Быть может, действительно, цель оправдывает средства? Чья цель?! Чьи средства?! Да и кто из нейронов имеет право судить разумное существо, в состав которого входит?

Глава 20.

Волны Досифена легки, теплы и прозрачны. Переливаются в свете, уже горячего, весеннего светила. Изящные планеры чаек парят на восходящих потоках согретой лазури. Вдали желтеет оттаявший от зимней спячки песок пустынных берегов. Черный вместительный катер, на электрическом ходу, уверенно рассекает кромкой острого носа пенистые гребни. Элеонора хотела сразу поплыть на юг. Даже, попыталась устроить истерику. Не умеет – Никон настоял на маленькой экспедиции, поэтому, судно гребет по тихой воде на север.

Там, уже вдалеке, за кормой, бредут домой по своим делам две фигурки. Возвращаются к странной и очень необычной, непредсказуемой семейке. Наверняка, теперь жалеют о том, что отдали свое шустрое корыто.

Где-то там, уже вдали, копия одного почившего психиатра лечит потерявший память фантом – девушку, очень похожую на пассажирку катера. Пользуясь тем, что девушка без памяти, ее часто посещает один расчетливый и высокомерный господин. Строгая бабушка одной заблудшей овечки, облаченная в длинное черное одеяние, пытается перевоспитать одного отчаянного, возможно, даже и оправданно, нигилиста. Один программист усердно медитирует и совершенно не догадывается о том, что его копия уже познала истинный код бытия и правит Городом виртуальным. А один школьник никак не может сообразить, почему у его двойника в этом городе появились совершенно невообразимые привилегии.

Там, несколько тысяч, обреченных на вечное изгнание человек, строят свое странное, свободное от внешнего вмешательства и окруженное огнями цифрового гетто на десятки миль, государство за тюремными стенами. А миллионы жителей

вокруг даже не догадываются, что прочно залипли в бесконечной паутине огромного полилапого паука, дергающего за миллионы ниточек. И, одновременно, являются нейронами в нервной системе одной очень милой усредненной девочки и ее младшего усредненного братца. Даже представить себе не могут, что их отражения в аналоговых зеркалах живут своей отдельной, иной, возможно, теперь более счастливой жизнью.

А перед острым, чернеющим на фоне волнующейся глади носом, очень далеко, ждет тайна, раскрытая одним странным человеком. Измученным и несчастным, как и большинство обитателей этой некогда, давным-давно, благодатной, но страдающей от безумия сейчас, земли.

2015